

История войн и сражений

Хельмут фон Мольтке

История германо-французской войны
1870–1871

Калитва
2014

Хельмут фон Мольтке

**История германо-французской
войны 1870–1871**

Калитва
2014

Серия
«История войны сражений»

Хельмут фон Мольтке

История германо-французской войны 1870–1871 – Калитва, 2014 – 357 стр, с ил.

Работа Мольтке является сжатым, но достаточно полным описанием военных действий с точки зрения главного командования. Разумеется, наиболее подробно Мольтке описывает действия германских войск. Автор все события войны излагает в связи с целым, т. е. общими целями и ходом войны, которые ему как бывшему фактическому главнокомандующему были известны лучше всех.

Оглавление

Предисловие	6
Часть первая	8
Подготовка к войне	8
Бой при Вейсенбурге 4 августа	16
Сражение при Вёрте 6 августа	19
Сражение при Шпихерне 6 августа	24
Захождение германских армий направо	30
Сражение при Коломбей-Нуйльи 14 августа	33
Сражение при Вионвиль — Марс-ля-Тур 16 августа	38
Сражение при Гравелот — Сен-Прива 18 августа	52
Новое разделение вооруженных сил	64
Шалонская армия	66
Сражение при Бомоне 30 августа	74
Сражение под Седаном 1 сентября	83
Часть вторая	96
Вылазка из Меца 26 августа	96
Сражение при Нуасвиле 31 августа	100
Смена правительства в Париже	107
Отступление генерала Винуа	110
Марш 3-й и маасской армий к Парижу	112
Обложение Парижа 19 сентября	117
Первые мирные переговоры	120
Взятие Туля 23 сентября	121
Взятие Страсбурга 23 сентября	122
События под Парижем до 15 октября	129
Бой при Артеней 10 октября	134
Бой под Орлеаном 11 октября	135
Взятие Суасона 15 октября	138

Взятие штурмом Шатодена 18 октября	140
Вылазка против Мальмезона 21 октября	142
Взятие штурмом Ле-Бурже 30 октября	145
Вылазка из Меца против Бельвю 7 октября	150
Капитуляция Меца 27 октября	153
Новое разделение армий	154
Операции 14-го корпуса на юго-востоке. Октябрь	155
Взятие Шлетштата 24 октября	160
Взятие Брейзаха 10 ноября	162
Взятие Вердена 9 ноября	163
Наступление 1-й и 2-й армий до середины ноября	165
Бой у Кульмье 9 ноября	168
Операции герцога Мекленбургского	174
Положение во 2-й армии во второй половине ноября	176
Сражение при Бон-ля-Роланд 28 ноября	179
Наступление луарской армии для выручки Парижа	184
Сражение при Луаньи-Пупри 2 декабря	186
Париж в ноябре	190
Попытки прорыва парижской армии 30 ноября и 2 декабря	193
Наступление 1-й армии в ноябре	200
Сражение при Амьене 27 ноября	202
Взятие крепости Ля-Фер 27 ноября	205
Взятие Диденгофена 24 ноября	206
Обложение Бельфора в ноябре	207
Сражение под Орлеаном 3 и 4 декабря	208
Преследование в южном, восточном и западном направлениях	215
Бои герцога Мекленбургского 7, 8, 9 и 10 декабря	218
Перерыв крупных наступательных операций в декабре	225
14-й корпус в декабре	230
1-я армия в декабре	232

Взятие Мезьера 1 января	236
Париж в декабре	237
Восточная армия генерала Бурбаки	242
Поход 2-й армии к Ле-Ману	245
Сражение под Ле-Маном 10, 11 и 12 января	257
События к северу от Парижа в январе	273
Сражение при Сен-Кантене 19 января	282
События на юго-восточном театре войны до 17 января	289
Бой при Вилерсекседе 9 января	294
Сражение на р. Лизен 15, 16 и 17 января	299
Артиллерийская атака Парижа в январе 1871 г.	308
Сражение у Мон-Вадерьен 19 января	313
Продолжение артиллерийской атаки Парижа до перемирия	318
Операции Южной армии генерала Мантейфеля	322
Поход генерала Ган-Вейгерна к Дижону	341
Занятие департаментов Дуб, Юра и Кот-д'Ор	343
Продолжение осады Бельфора	344
Перемирие	350
Возвращение германских армий	355

Предисловие

Свою «Историю войны 1870–1871 гг.» Мольтке написал в 1887 г., когда он пришел к убеждению, что описание этой войны, составленное германским генеральным штабом под его редакцией, слишком подробно и специально. Работа Мольтке является сжатым, но достаточно полным описанием военных действий с точки зрения главного командования. Разумеется, наиболее подробно Мольтке описывает действия германских войск. Автор все события войны излагает в связи с целым, т. е. общими целями и ходом войны, которые ему как бывшему фактическому главнокомандующему были известны лучше всех.

В своей «Истории» Мольтке почти не касается политической стороны войны, этим он как бы подчеркивает высказанную им в другой своей работе мысль, что политика не должна вмешиваться в военные операции; его «История» описывает только одни военные операции. Эти взгляды Мольтке вызвали в войну 1870–1871 гг. ряд столкновений его с руководителями прусской политики. Например, Бисмарк хотел окончить войну после Седана, а Мольтке настоял на движении к Парижу. Об этом разногласии Мольтке в своей «Истории» даже не упоминает, а о других ограничивается лишь намеками. Только вскользь и намеками упоминает Мольтке о Парижской коммуне, в удушении которой он оказал не малую помощь Тьеру.

Мольтке избегает критики, особенно деятельности немецких начальников, лишь местами дает краткие оценки действий немецких и французских войск или откликается на критические замечания, которые появились в литературе после войны. Весьма иронически Мольтке отзывается о Гамбетте и Фрейсине, штатских руководителях действиями республиканских армий во вторую половину войны, но почти умалчивает о тех больших затруднениях, которые причинили ему как главнокомандующему эти действия.

Мольтке очень скуп на слова, когда он приводит соображения и мотивы распоряжений главного командования, ограничиваясь почти всюду окончательно принятым решением и умалчивая о том сложном пути, по которому проходит принятие решения начальником на войне. Этот недостаток был восполнен военной литературой уже после смерти Мольтке, последовавшей вскоре после напечатания его «Истории» — в 1891 г.

В общем, работа Мольке дает читателю представление о войне 1870–1871 гг., оказавшей большое влияние на развитие военного искусства в период, предшествующий мировой войне.

Часть первая

Подготовка к войне

Борьба, ведущаяся Францией по ту сторону океана, главным образом из-за финансовых интересов, поглотила огромные суммы и расшатала организацию вооруженных сил. Французы были совершенно не «archiprêts» для большой войны¹, и все-таки предлогом для нее должен был послужить вопрос об испанском наследстве. 15 июля были призваны французские резервы, и уже через 4 дня в Берлин было передано объявление войны, точно боялись упустить удобный случай.

Из французской армии одна дивизия была назначена для наблюдения за испанской границей; в Алжире задержано лишь самое необходимое; в Чивитавеккии² оставлен слабый отряд; Париж и Лион получили соответствующие гарнизоны. Все остальные войска — 332 батальона и 220 эскадронов при 924 орудиях, силой около 300 тыс. чел., — образовали рейнскую армию в составе восьми корпусов. Эта армия должна была управляться, по крайней мере, временно, из центра без всяких промежуточных инстанций. Такую трудную задачу мог взять на себя только сам император, а до его прибытия командование собиравшимися силами поручалось маршалу Базену.

Вероятно, французы рассчитывали на старые раздоры между германскими племенами. Если на южных немцев и нельзя было смотреть прямо как на союзников, то все-таки надеялись первой же победой парализовать их или даже привлечь на свою сторону. Правда, Пруссия была и в одиночестве сильным противником; ее армия численно превосходила французскую; но этот недостаток, казалось, можно было уравновесить быстротой собственных действий.

Действительно, французский план войны основывался на внезапном наступлении. Сильный боевой и транспортный флот должен был произвести значительный десант для удержания части прусских войск на севере. Относительно главных сил прусской армии предполагалось, что они выждут первого наступления за сильной оборонительной линией Рейна, Эту реку следовало (с обходом больших крепостей) немедленно форсировать около Страсбурга и ниже его, чем

¹ «Архиготовы» — утверждение французского военного министра маршала Лебефа перед войной 1870/71 гг.

² Гавань при устье р. Тибра в Италии.

южно-германские войска, которые должны были защищать Шварцвальд, были бы отделены от северогерманских. Для выполнения такого плана французам нужно было сосредоточить свои главные силы в Эльзасе. Однако, существовавшая железнодорожная сеть позволяла сначала подвезти к Страсбургу только 100 тыс. чел., тогда как 150 тыс. пришлось бы сначала высадить в Меце и оттуда притянуть на юг. 50 тыс. чел. в Шалонском лагере должны были служить резервом; кроме того, могли выступить в поле еще 115 батальонов по замене их внутри страны национальной гвардией.

Отдельным корпусам были указаны следующие сборные пункты:

- Императорская гвардия, генерал Бурбаки — Нанси,
- 1-й корпус, маршал Мак-Магон — Страсбург,
- 2-й корпус генерал Фроссар — Сент-Авольд,
- 3-й корпус маршал Базен — Мец,
- 4-й корпус генерал Ламиро — Диденгофен,
- 5-й корпус генерал Фальи — Бич,
- 6-й корпус маршал Канробер — Шалон,
- 7-й корпус генерал Феликс Дуэ — Бельфор.

Итак, только два корпуса в Эльзасе, а пять корпусов на Мозеле, причем из последних 2-й корпус уже в день объявления войны был выдвинут в качестве авангарда к Сент-Авольду и Форбаху, к самой прусской границе. Однако, в то же время он получил указание не предпринимать ничего серьезного.

Войска выступили из своих квартир, не ожидая прибытия запасных и снаряжения. Между тем, призванные запасные скопились в депо, все вокзалы были переполнены, железные дороги отчасти уже закупорены.

Дальнейшая отправка приостановилась, так как в депо не знали настоящей стоянки полков, в которые нужно было отправлять людей. Когда же последние, наконец, прибывали в свои полки, то там не хватало для них самых необходимых предметов снаряжения.

В корпусах и дивизиях не доставало обозов, госпиталей и почти всего административного персонала. Магазины не были заблаговременно пополнены, и войскам указано пользоваться запасами крепостей. Между тем, последние сами находились в запущенном состоянии, так как при уверенности скорого вторжения в неприятельскую

страну на них мало обращалось внимания. Точно так же штабам были розданы карты только Германии, а не собственной территории. Бесчисленные требования и жалобы поступали в военное министерство в Париже, которое, в конце концов, было вынуждено предоставить войскам устраиваться как могут. «Они сами распутаются» («On se débrouillera») — надеялась центральная власть.

Через 8 дней после объявления войны, когда император прибыл в Мец, войска еще не имели штатного состава, и даже места их стоянок не всегда были точно известны. Император приказал армии наступать, но его маршалы объявили, что при существующем положении это пока невозможно. Вообще постепенно создавалось убеждение, что взамен предположенного вторжения в неприятельскую страну придется обороняться на собственной территории. Сильная неприятельская армия будто бы собралась между Майнцем и Кобленцем. Вместо того чтобы из Меца послать подкрепления в Страсбург, напротив, понадобилось вытребовать их с Рейна к р. Саар. План вторжения в южную Германию был уже оставлен, флот вышел в море, но без десантного корпуса.

Открытие военных действий удивило Германию, но не застигло ее врасплох. Возможность войны была предусмотрена.

После выхода Австрии из Германского союза Пруссия одна приняла на себя руководство в Германии и положила начало более тесной связи с южногерманскими государствами. Идея национального единения снова ожила и была поддержана патриотическим чувством народа.

Мобилизация северогерманской армии ежегодно разрабатывалась соответственно создавшейся обстановке и согласовывалась между военным министерством и генеральным штабом. Каждому учреждению сообщалось то, что ему в этом отношении нужно было знать. При происходивших в Берлине доверительных переговорах с начальниками генеральных штабов южногерманских государств было также установлено единство мнений по важным вопросам. Было признано, что обособленная оборона, например Шварцвальда, не может рассчитывать на помощь Пруссии, что, напротив, южная Германия лучше всего прикрывается наступлением в Эльзасе от среднего Рейна, которое в дальнейшем может быть поддержано собирающимися там главными силами. С полным доверием к прусскому командованию правительст-

ва Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессена, обнажая, по-видимому, собственную страну, добровольно присоединили свои контингенты к главным силам под начальством короля Вильгельма.

Как только состоялось это соглашение, можно было приступить к дальнейшей подготовке. Для всех войсковых частей были составлены планы перевозки и маршруты, для каждой части указаны место посадки, день и час отправления, продолжительность переезда, питательные пункты и место высадки.

В районе сосредоточения были разграничены участки корпусов и дивизий, обдуманы меры для закладки магазинов. Вследствие этого при объявлении войны понадобилась лишь подпись короля, чтобы все грандиозное движение начало свой безостановочный ход, Принятые меры не потребовали никаких изменений, нужно было только выполнять наперед обдуманное и подготовленное.

На основании мемуаров начальника прусского генерального штаба все мобилизованные вооруженные силы были разделены на три частные армии:

1-я армия под командой генерала Штейнмеца сначала только из 7-го и 8-го корпусов с одной кавалерийской дивизией, всего около 60 тыс. чел., должна была составить правое крыло, собравшись в окрестностях Витлиха.

2-я армия принца Фридриха-Карла, 3-й, 4-й, 10-й и гвардейский корпуса с двумя кавалерийскими дивизиями, общей численностью 134 тыс. чел., образовала центр в районе Гомбурга и Нейнкирхена.

3-я армия под начальством кронпринца Прусского в составе: 5-й и 11-й прусские, 1-й и 2-й баварские корпуса, вюртембергская и баденская полевые дивизии и одна кавалерийская дивизия, всего около 130 тыс. чел., должна была образовать левое крыло у Ландау и Раштага.

9-й корпус, сформированный из 18-й и гессенской дивизий, и королевско-саксонский 12-й корпус образовали впереди Майнца резерв в 60 тыс. чел. для усиления 2-й армии до 194 тыс. чел.

Во всех трех армиях числилось 384 тыс. чел. В распоряжении верховного командования оставались еще 1-й, 2-й и 4-й корпуса, 100 тыс. чел., но они пока не были приняты в расчет, так как железные дороги для их перевозки освобождались только на 21-й день мобилизации.

Для обороны побережья были назначены 17-я дивизия и ландверные формирования.

Таким образом, по численности германская армия значительно превосходила французскую. Считая все гарнизонные и запасные войска, на довольствии состояло около миллиона людей и более 200 тыс. лошадей.

В ночь на 16 июля был отдан приказ о мобилизации, а через 14 дней, когда король отправился в Майнц, на Рейне и впереди его уже находилось 300 тыс. чел.

План, представленный начальником генерального штаба и одобренный королем, с самого начала предусматривал завоевание неприятельской столицы, которая во Франции имеет большее значение, чем в других государствах.

На пути к ней следовало, по возможности, отрезать вооруженные силы противника от богатого средствами юга, отбросив их в сравнительно тесный тыловой район севера. Но руководящей идеей было, прежде всего, решение: немедленно атаковать противника там, где он будет встречен, и держать свои силы настолько сосредоточенно, чтобы эту атаку можно было произвести с превосходными в числе силами.

Что касается особых мер для достижения поставленной цели, то выбор их предполагалось сделать впоследствии на месте; только первоначальное наступление до государственной границы было разработано заранее до мелочей.

Заблуждаются те, которые думают, будто план похода можно установить надолго вперед. Первое же столкновение с главными неприятельскими силами, в зависимости от его результатов, создает новую обстановку. Многие прежние намерения становятся невыполнимыми, — напротив, иное, на что раньше не рассчитывали, становится возможным. Правильно оценить изменившиеся условия, отдать соответственно этому целесообразные приказания и энергично их осуществить — вот все, что может сделать высшее командование.

Выступление французских войск в не отобилизованном составе (мера, сама по себе очень опасная), казалось, имело целью с наличными боевыми средствами и, может быть, с мгновенным численным превосходством застать врасплох только что начавшееся развертывание германских армий.

Несмотря на это, немцы не отказались от своего намерения произвести развертывание сейчас же впереди Рейна. Перевозка по железным дорогам корпусов 2-й и 3-й армий должна была закончиться у Рейна; после высадки войскам предписывалось двигаться походным порядком в указанные им квартирные районы на левом берегу реки. По прибытии туда головные эшелоны должны были продвигаться сначала до линии Бинген — Дюркгейм — Ландау, чтобы очистить место следующим за ними эшелонам. Только после сбора целых дивизий и корпусов и снабжения их необходимым обозом следовало продолжать наступление к границе, в постоянной готовности к встрече с неприятелем.

Менее угрожаемым представлялось сосредоточение 1-й армии, прикрытое нейтральной территорией и гарнизонами Трира, Саарлуи и Саарбрюкена, оставленными в качестве авангардов.

В первых числах августа 1-я армия силой в 50 тыс. чел. стояла сосредоточенно у Вадерна. 2-я армия, постепенно выросшая до 194 тыс. чел., протянула свой квартирный район вперед до позиции Альзенц-Грюнштат у выходов из гор Хаарт. На этой позиции, рекогносцированной генеральным штабом, она могла с надеждой на успех встретить возможную атаку противника. 5-я и 6-я кавалерийские дивизии разведывали перед фронтом. 3-я армия собиралась еще на обоих берегах Рейна.

У Саарбрюкена французы пока еще не предпринимали ничего серьезного. Подполковник Пестель с одним батальоном и тремя эскадронами везде с успехом отражал их мелкие попытки. При этом обнаружилось, что неприятельские массы передвигаются далее вправо к Форбаху и Бичу. Таким образом, не исключалась возможность, что оба французских корпуса, предполагаемые у Бельфора и Страсбурга, перейдут Рейн и будут наступать через Шварцвальд. Ввиду этого было вдвойне желательно двинуть возможно скорее 3-ю армию: во-первых, чтобы прикрыть правый берег верхнего Рейна наступлением на его левом берегу и, во-вторых, для того чтобы обеспечить наступление 2-й армии с этой стороны.

Соответствующее требование было отправлено по телеграфу уже вечером 30 июля, но штаб 3-й армии желал отсрочки до прибытия 6-го корпуса и обозов. Теперь, невзирая на эту задержку, 2-я армия была двинута к р. Саар, где французы начали шевелиться.

Те дни, когда французское командование могло извлечь выгоду из своего торопливого сосредоточения, уже прошли; состояние войск парализовало всякую деятельность. Франция давно уже ожидала победных известий, нетерпение публики приходилось учитывать, и вот, для того чтобы вообще что-нибудь сделать, решились (как в таких случаях обыкновенно бывает) на усиленную разведку, но с обычным успехом подобного предприятия.

Целых три корпуса 2 августа были двинуты на Саарбрюкен против трех батальонов, четырех эскадронов и одной батареи.

Сам император со своим принцем присутствовали при этом предприятии. 3-й корпус наступал против Фельклингена, 5-й — через Сааргемюнд, 2-й — на Саарбрюкен.

После упорной обороны и повторных атак Саарбрюкен был немцами очищен, но французы не проникли за р. Саар, — вероятно, они убедились в том, что с большими силами произвели лишь удар по воздуху, нисколько не выяснив положения противника.

После этого наступления французское командование долго колебалось между противоположными решениями.

На основании простых слухов принимались меры, которые вскоре опять отменялись. Левое крыло было усилено, потому что 40 тыс. пруссаков будто бы прошли через Трир, гвардия получила противоречивые приказы; одно только появление слабого отряда в Леррахе в Шварцвальде вызвало приказание 7-му корпусу остаться в Эльзасе.

Таким образом, французские силы стояли по широкой дуге от р. Нид до верхнего Рейна, тогда как германские армии сомкнутыми массами придвигались к Саару.

Наконец, разброска войск на большом пространстве побудила французов образовать две отдельные армии. Маршалу Мак-Магону было поручено (но только пока) командовать 1-м, 7-м и 5-м корпусами; последний из них он должен был, поэтому притянуть из Бича. Остальные корпуса остались в подчинении маршалу Базену, за исключением гвардейского корпуса, который император оставил в своем распоряжении.

Для дальнейшего марша 2-й германской армии стало настоятельно необходимым обеспечить ее левый фланг от французских сил

в Эльзасе, а потому было приказано, чтобы 3-я армия, не выжидая обозов, 4 августа перешла границу.

На правом крыле 1-я армия стояла у Вадерна и Лосгейма, уже на 3-4 перехода ближе к Саару, чем 2-я армия, находившаяся в центре. 1-я армия получила приказание сосредоточиться у Толей и сделать там остановку. Во-первых, эту слабейшую армию нельзя было подставлять под удары главных неприятельских сил, и, кроме того, она должна была служить наступательным флангом на случай, если 2-я армия при выходе из лесной области Пфальца натолкнется на противника.

Во исполнение этого приказа 1-я армия распространила свой квартирный район на юг до пути движения 2-й армии, и ей было приказано очистить квартиры вокруг Отвейлера.

Последнее вызывало затруднения, так как все селения далее к северу были уже заняты, и, кроме того, нужно было найти место для подходившего через Биркенфельд 1-го корпуса.

Ввиду этого генерал Штейнмец решил со всеми своими силами выступить по направлению на Саарлуи и Саарбрюкен. 2-я армия 4 августа была сосредоточена для операции и получила приказ развернуться по ту сторону лесной области у Кайзерслаутерна.

Бой при Вейсенбурге 4 августа

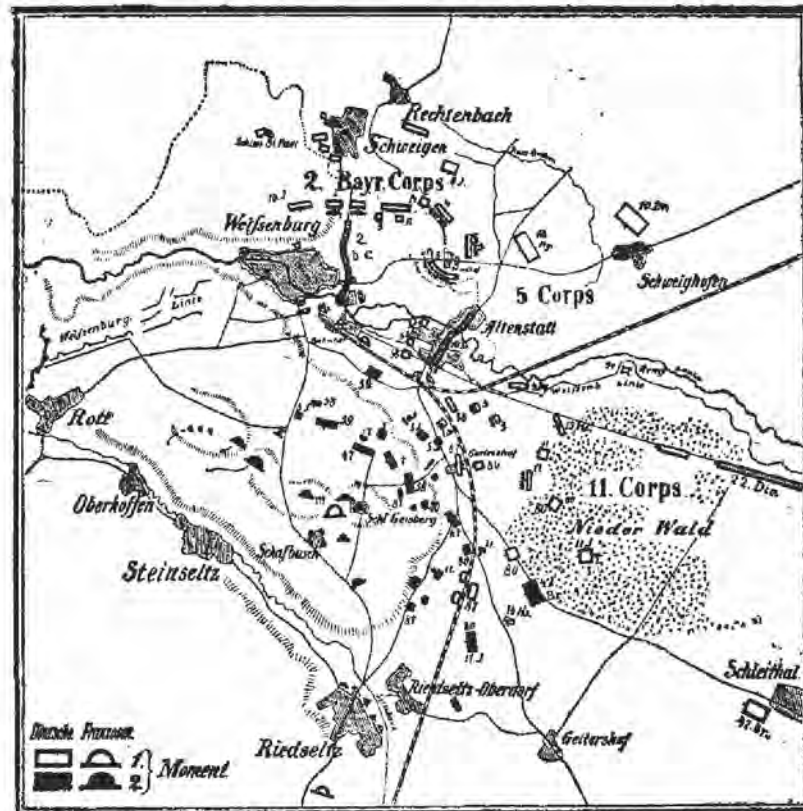

Схема боя при Вейсенбурге

В тот же день перешли французскую границу бивакировавшие за ручьем Клингбах корпуса 3-й армии в числе 128 батальонов, 102 эскадронов и 80 батарей. Они должны были достигнуть ручья Лаутер на широком фронте от Вейсенбурга до Лаутербурга.

Этот ручей образует чрезвычайно сильную оборонительную позицию, но 4 августа на ней стояли только одна слабая дивизия и одна кавалерийская бригада, принадлежавшие к 1-му французскому корпусу, главные силы которого еще двигались в Пфальц.

Уже рано утром на правом крыле баварцы натолкнулись на энергичное сопротивление перед стенами Вейсенбурга. Однако вскоре прусские корпуса перешли Лаутер ниже. Генерал Бозе повел 11-й корпус на Гейсберг в охват правого неприятельского крыла, тогда как генерал Кирхбах с 5-м корпусом наступал на фронт противника. Тем временем 30 орудий выехали против вокзала в Вейсенбурге. В кровопролитном бою был взят этот вокзал, а затем и город.

Угрожаемый охватывающим движением на Гейсберг генерал Дуэ уже в 10 ч утра приказал начать отступление. Для прикрытия его чрезвычайно крепкий замок Вейсенбург оказывал самое упорное сопротивление. Тщетно королевские гренадеры 7-го полка с величай-

шими жертвами штурмовали этот замок; гарнизон сдался лишь тогда, когда с крайними усилиями удалось ввезти артиллерию на высоту.

Французская дивизия притянула на себя три германских корпуса и после упорного сопротивления, хотя с большими потерями и в расстройстве, произвела отступление. Немцы понесли сравнительно большие потери — 91 офицер и 1 460 солдат. Генерал Кирхбах был ранен.

4-я кавалерийская дивизия при своем подходе неоднократно задерживалась вследствие скрещивания с пехотными колоннами. Она не подоспела к бою, и соприкосновение с противником, отступившим на запад, было утеряно.

Не зная, с какой стороны подойдут новые французские силы, 3-я германская армия двигалась 5 августа по расходящимся путям на Гагенау и Рейхсгофен, но лишь на такое расстояние, чтобы было возможно опять сосредоточить корпуса посредством небольшого перехода. Кронпринц предполагал на следующий день дать войскам отдых, с тем чтобы по выяснении обстановки снова перейти в наступление.

Однако, уже вечером на правом крыле баварцы и на фронте 5-й корпус вступили в тесное соприкосновение с противником, показавшимся в значительных силах за речкой Зауер. Можно было предполагать, что маршал Мак-Магон притянул 7-й корпус от Страсбурга, но оставалось сомнительным, намеревается ли он соединиться с маршалом Базеном через Бич или же, при обеспеченном отступлении туда, желает принять сражение под Вёртом. Не исключалась также возможность, что Мак-Магон сам перейдет в наступление, и потому, чтобы располагать при всех случаях достаточными силами, кронпринц хотел к 6 августа сначала сосредоточить армию у Зульца. В частности 2-й баварский корпус получил еще указание: одной дивизией наблюдать за Бичем, а другую дивизию, в случае канонады у Вёрта, направить по западному берегу Зауера во фланг наступающему противнику.

Маршал Мак-Магон действительно имел намерение немедленно атаковать вторгнувшегося противника, для чего хотел, по возможности, сосредоточить свои три корпуса.

От 7-го корпуса одна дивизия только что была перевезена в Мюльгаузен для защиты Эльзаса; едва прибыв туда, она была отвезена обратно в Гагенау и утром 6 августа расположилась на правом фланге сильной позиции, занятой 1-м корпусом впереди Фрошвейлера, Эль-

застаузена, Эбербаха, за речкой Зауер. Наряду с этим на левом фланге еще только ожидалась из Бича дивизия Лепара 5-го корпуса, остальные части которого опять передвигались из Сааргемюнда через Горбах. Пока дивизия Дюкро образовала тут фланговый уступ.

Таким образом, как германское, так и французское командования имели в виду наступать лишь на следующий день, но при подобном сближении враждебных сторон бой легко загорается и вопреки воле старших начальников.

Атака прусских улан при Вейсенбурге

Сражение при Вёрте 6 августа

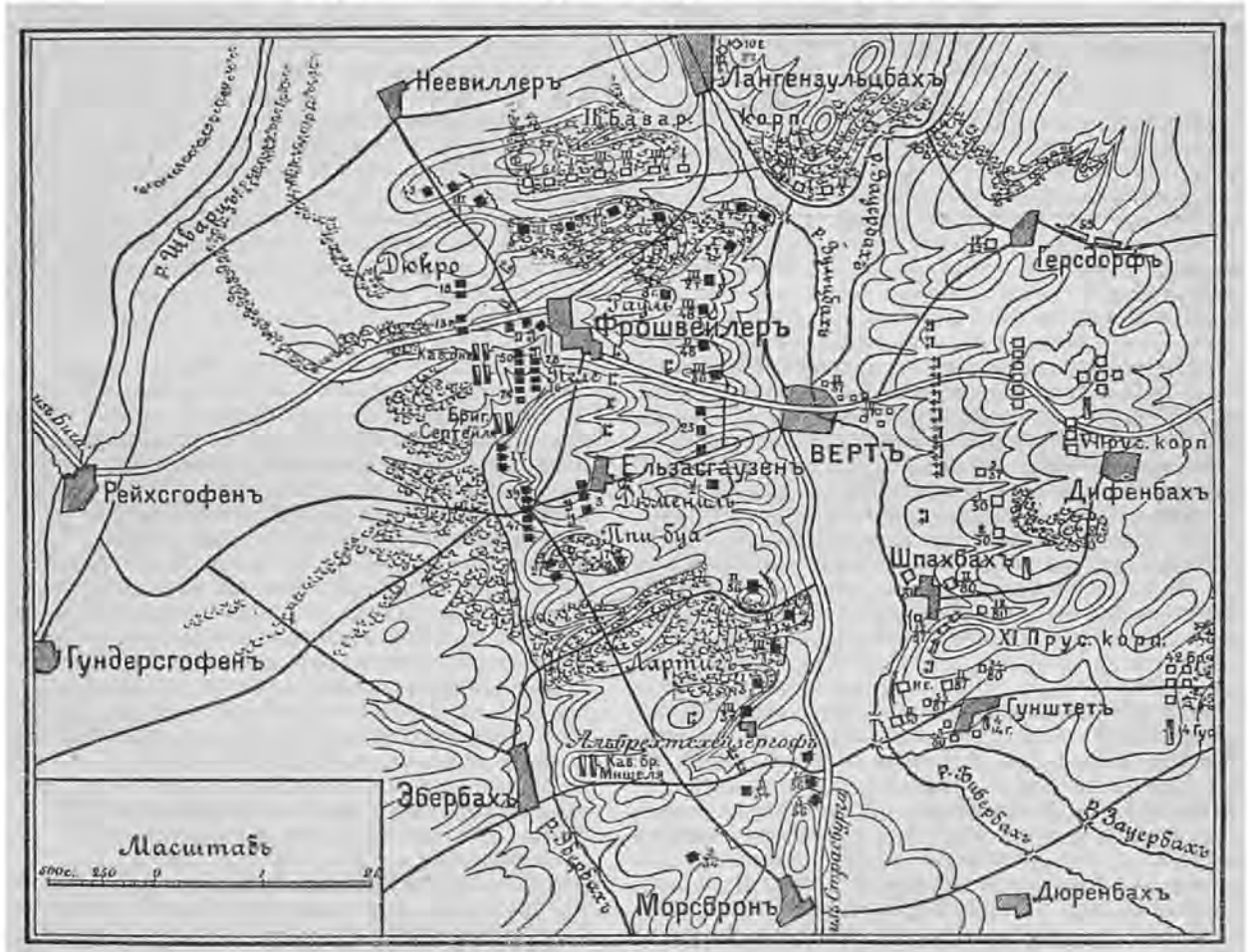

Схема сражения при Верте

После того как уже в ночь на 6 августа в сторожевом охранении обеих сторон неоднократно происходили столкновения, командир 20-й германской бригады решил овладеть находившейся перед самым фронтом переправой через Зауер, представлявшей серьезное препятствие. Мост, ведущий в Вёрт, был разрушен, но стрелки перешли речку вброд и около 7 ч утра проникли в не занятый французами город.

Обширные луга по Зауеру повсюду находились под действительным обстрелом с правого возвышенного края долины, и дальнобойные ружья Шаспо могли быть широко использованы. Местность по ту сторону речки была покрыта виноградниками и хмельниками, дававшими большое преимущество обороне.

Бой, начавшийся у Вёрта, прекратился уже через полчаса, но так как в нем приняла участие артиллерия обеих сторон, то этим был подан сигнал для баварской дивизии Гартмана. Наступая от Лангензульцбаха, эта дивизия вскоре вступила в горячий бой с левым крылом французов. Последние в свою очередь атаковали на своем правом

фланге Гунштедт, где они столкнулись с подходившим 11-м корпусом.

Стоявший против Вёрта 5-й германский корпус слышал шум боя, как на севере, так и на юге. При подобных условиях казалось целесообразным серьезно занять французов в центре, чтобы помешать им всеми силами броситься на одно из крыльев.

Артиллерия была выдвинута, и около 10 ч утра 108 орудий, заняв позиции у восточного края долины Зауера, открыли огонь.

Пехотные части перешли речку вброд по грудь в воде, но это наступление, предпринятое с недостаточными силами, не имело успеха, и только с величайшими усилиями удалось удержаться на противоположном берегу.

Кронпринц дал директиву не предпринимать ничего, что могло бы вызвать сражение в этот день. Однако 5-й корпус уже находился в таком серьезном бою, что его нельзя было прервать без очевидного вреда. Ввиду этого генерал Кирхбах решил на собственный страх продолжать бой.

Фронтальная атака была сопряжена с величайшими затруднениями и едва ли могла иметь успех без поддержки с флангов. Между тем, именно теперь действовавшие справа баварцы вследствие полученной ими также директивы прекратили бой и стали отходить к Лангензульцбаху. Однако слева 11-й корпус был готов решительно вступить в дело. Он овладел Альбрехтскайзергофом и вторгся в лес Нидервальд.

Впереди Вёрта бой вылился в ряд повторных коротких наступлений с обеих сторон, причем по свойствам местности атакующий каждый раз находился в невыгодном положении.

Однако немцам удалось постепенно перевести все батальоны и, наконец, также артиллерию 5-го корпуса на западный берег Зауера, в то время как 11-й корпус уже приобрел там прочные опорные пункты для дальнейшего наступления.

Германская пехота, совершавшая у Морсброна захождение направо, была чрезвычайно решительно атакована двумя кирасирскими и одним уланским полками бригады Мишеля, несмотря на самую неудобную для кавалерии местность. 32-й полк, пренебрегая местными закрытиями, встретил эту бурно налетевшую массу в 1 тыс. коней огнем из рассыпного строя, нанеся особенно большие потери кираси-

рам. Некоторые всадники прорвались через стрелковую цепь и ускакали в поле, многие были захвачены в плен в деревне, остальные умчались к Вальбургу, где натолкнулись на 13-й прусский гусарский полк, понесли новые потери и исчезли с поля сражения.

Французские кирасиры попали в ловушку у Морсброн

Правда, пехоте французского правого крыла удалось отбросить передовые части немцев у Альбрехтскайзергофа, но дальнейшее движение потерпело крушение в огне артиллерии, до того времени закрытой своими войсками.

Наконец, после переправы через Зауер последних батальонов 11-й германский корпус шаг за шагом с упорным боем стал продвигаться через Нидервальд. В 2³⁰ дня была достигнута северная опушка леса, где войска 11-го корпуса сомкнулись с левым крылом 5-го корпуса. Был взят штурмом горящий Эльзасгаузен, а также и энергично защищаемый небольшой лесок южнее Фрошвейлера.

Положение французов, сжатых на тесном пространстве, сделалось в высшей степени опасным. Хотя их левое крыло еще удерживалось против снова перешедших в наступление баварцев, но на фронте и правом фланге неприятель сильно теснил и даже серьезно угрожал пути отступления.

Ввиду этого маршал Мак-Магон пытался облегчить положение сильным контрударом на юг. Стоявшие к востоку от Эльзасгаузена немецкие войска, пришедшие в беспорядок от горячего боя, вынуж-

дены были податься назад; часть их была оттеснена в Нидервальд, но вскоре опять собрана и двинута вперед. Французская кавалерия и тут также попробовала изменить судьбу дня.

Несмотря на очень неблагоприятные местные условия, дивизия Боннемана бросилась на открыто стоявшего противника, понесла ужасные потери и рассыпалась раньше, чем дело дошло до рубки.

Теперь с юга появились еще вюртембергцы, а с севера баварцы.

Генерал Бозе, дважды раненый, повел все, что мог собрать из своих войск, на штурм горевшего Фрошвейлера, последнего опорного пункта противника. Артиллерия подъехала на картечный выстрел и прокладывала путь вторгавшейся со всех сторон пехоте. Наконец, после чрезвычайно храброго сопротивления французы в 5 ч в беспорядке начали отходить на Рейхсгофен и Нидерброн. Ручей Фалькенштейн и подошедшая туда тем временем дивизия Лепара составили первое прикрытие, но эта свежая часть оказала лишь короткое противодействие и была увлечена в общее отступление.

Победа 3-й армии была куплена дорогой ценой — потерей 489 офицеров и 10 тыс. солдат. Убыль французов в точности неизвестна, но одними пленными они потеряли 200 офицеров и 9 тыс. солдат. Немцам досталось 33 орудия и 2 тыс. лошадей.

Внутреннее разложение французских войск, вероятно, было велико, потому что среди них исчезло управление.

Только одна бригада дивизии Лепара направилась по пути через Бич к Сент-Авольду на соединение с главными силами французов; все остальные войска под влиянием полученного толчка неудержимо покатились в юго-западном направлении назад на Цаберн.

Так как штаб 3-й армии не предполагал давать сражение 6 августа, то 4-я кавалерийская дивизия не была притянута из своих тыловых квартир и потому не находилась на месте для преследования. Она прибыла в Гунштедт только после 9 ч вечера. Но, чтобы, по крайней мере, вступить в дело рано утром на следующий день, дивизия продолжала марш еще ночью до Эбербаха. Сделав там трехчасовой привал, она двинулась дальше и после перехода в 9 миль действительно подошла вечером к сторожевому охранению неприятельского арьергарда у входа в горы близ Штейнбурга. Однако без пехоты дивизия не могла продвинуться дальше, но ее появление снова вспугнуло противника. Французский 1-й корпус опять выступил еще ночью и достиг

Саарбурга, где соединился с 5-м корпусом. Таким образом, французы опередили немцев на 5 миль и, не тревожимые преследованием, продолжали отступление на Люневиль.

Сражение при Шпихерне 6 августа

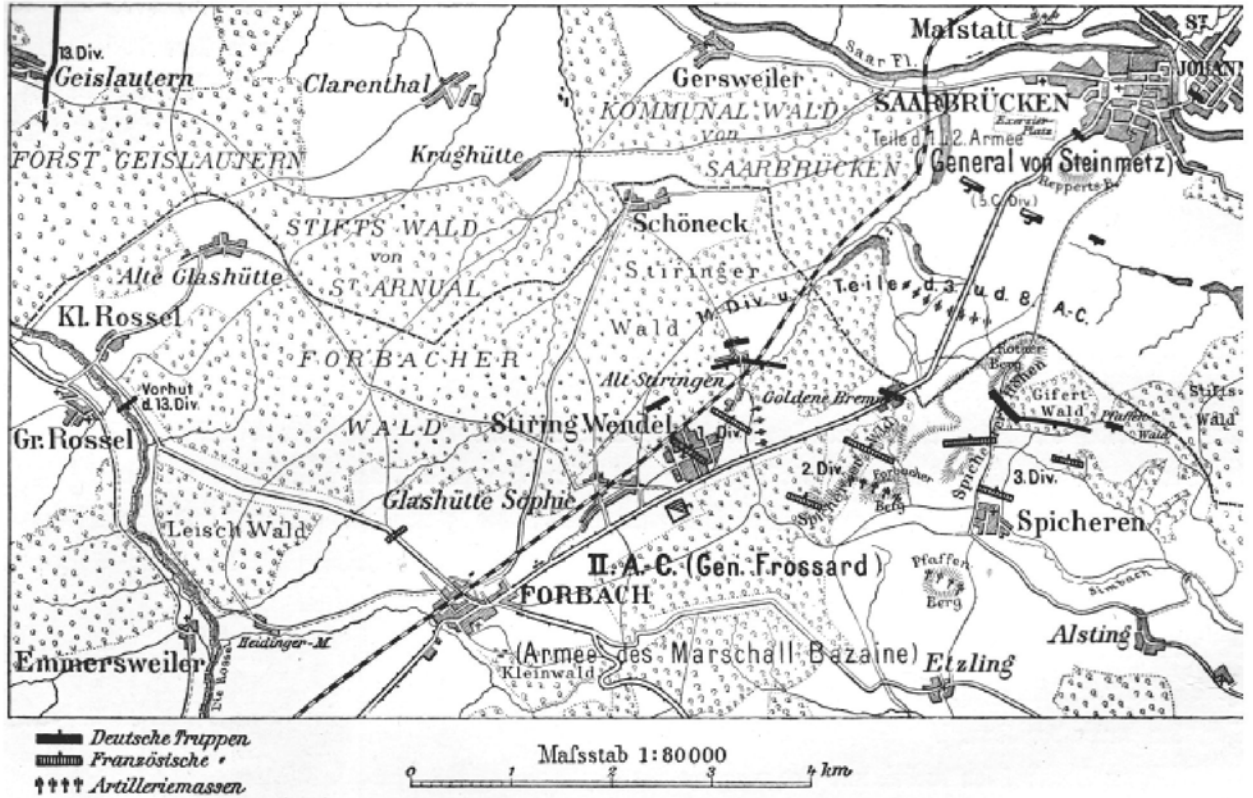

Схема сражения при Шпихерне

Обратимся теперь к событиям, происшедшим в тот же день 6 августа на другом театре.

2-я германская армия, прикрытая с юга 3-й армией, наступала в западном направлении, тогда как недостававшие еще ей корпуса подвозились по железным дорогам. Пройдя беспрепятственно длинные теснины в лесах Кайзерслаутерна, 2-я армия 5 августа своим передовым корпусом достигла линии Нейнкирхен — Цвейбрюкен. Кавалерия производила поиски на французской территории и доносила об отступательных движениях противника. Все указывало на то, что французы хотят встретить атаку немцев на сильной оборонительной позиции.

Такая позиция имелась, прежде всего, за Мозелем, где Мец и Диденгофен обеспечивали оба крыла. Если бы противник действительно расположился там, тогда 1-я германская армия должна была сковать его с фронта, а 2-я армия обойти южнее Меца, что вынудило бы его отступить или принять сражение в невыгодных условиях. В случае неудачи 2-я армия могла отойти на наступавшую через Вогезы 3-ю армию.

Вследствие нежелательного для главной квартиры распространения 1-й армии в юго-западном направлении к Саару ее левое крыло

коснулось пути, указанного для движения 2-й армии, отчего 6 августа должно было произойти скрещивание отрядов обеих армий в Саарбрюкене. Значит там не могло быть недостатка в силах, но так как сражение в этот день не предполагалось и представлялось маловероятным, то одновременное прибытие их не было урегулировано, и, двигаясь по различным маршрутам, отряды могли подходить лишь один за другим в разное время.

Сначала, около полудня 6 августа, к Саарбрюкену подошла 14-я дивизия генерала Камеке из состава 7-го германского корпуса.

Считая свое положение в Саарбрюкене слишком опасным, командир 2-го французского корпуса генерал Фроссар еще накануне вечером, не дождавшись разрешения на отход, занял позицию позади у Шпихерна и укрепился там. В расстоянии от 2 до 4 миль,³ за ней находились 3-й, 4-й и 5-й корпуса, а далее в 5 милях гвардейский корпус. Таким образом, император мог собрать для сражения, примерно, в районе Кохерен пять корпусов или же поддержать, по меньшей мере, четырьмя дивизиями Фроссара, в случае если бы последний, надеясь на свою сильную позицию, решил на ней обороняться.

Высоты, подымающиеся непосредственно перед Саарбрюкеном, могли очень затруднить переход через р. Саар. Было уже известно, что они оставлены французами, но генерал Камеке счел нужным безотлагательно их занять, чтобы облегчить выход последующим колоннам.

Утром, когда два эскадрона 5-й кавалерийской дивизии показались по ту сторону Саара на учебном плацу, они были встречены сильным огнем со Шпихернских высот. На основании предшествовавших действий французов можно было, однако, предполагать, что там находится лишь арьергард отступающего уже противника. Ввиду этого генерал Камеке решил немедленно атаковать, тем более что ему была обещана поддержка.

Генерал Цастров, командир 7-го корпуса, узнав, что 14-я дивизия вступает в серьезный бой, тотчас же приказал 13-й дивизии двигаться вслед за ней. Генерал Альвенслебен, командир 3-го корпуса, также распорядился подвести к Саарбрюкену возможно больше войск из состава 3-го корпуса, а генерал Гебен, командир 8-го корпуса, направил туда всю 16-ю дивизию. Впрочем, от обоих последних корпусов генералы Деринг из Дудвейлера и Барнеков из Фишбаха еще до получе-

³ Немецкая миля — около 7 км.

ния этих указаний по собственной инициативе двинулись по направлению, откуда доносился шум боя.

Однако французы занимали чрезвычайно выгодную позицию. В центре резко выдавалась почти неприступная скалистая гора, «Рыжая гора», а по обеим сторонам ее крутые горные скаты были покрыты лесом. Слева большие постройки Штиринг-Венделя представляли еще особый опорный пункт.

Если бы силы противника были разведаны, то несомненно, что 14-я германская дивизия, раньше, чем наступать, закончила бы свое полное развертывание. В действительности же в 12 ч, при завязке боя, на месте находилась лишь одна бригада Франсуа, которая, учитывая свойства неприятельского фронта, старалась облегчить атаку тем, что прежде обратилась против флангов.

Вначале немцам удалось достигнуть некоторых успехов. Слева 39-й полк вытеснил французских стрелков из леса Жифер, хотя затем попал под сильный огонь неприятельских батальонов, развернувшихся за глубоким ущельем. На правом крыле 3-й батальон этого полка вместе с 74-м полком овладел участком леса у Штиринга. Но вскоре в сильных контрударах обнаружилось численное превосходство французов, так что, когда к месту боя подошла бригада Война, она должна была оказывать помощь в обоих направлениях.

По этой причине уже рано произошло перемешивание батальонов и рот различных частей, которое с каждым последующим подкреплением все возрастало, чрезвычайно затрудняя управление. К тому же на место боя прибыли один за другим три корпусных командира, и высшее командование переходило от одного к другому.

Одновременно с действиями на флангах на фронте около 1 ч пополудни наступал фузилерный батальон 74-го полка; он двигался под сильнейшим огнем по открытой равнине против «Рыжей горы» и, ища укрытия, залег у подошвы скалистой стены. Затем к 3 ч дня, когда прусская артиллерия заставила противника отодвинуть его орудия на высоте, фузилеры, имея во главе генерала Франсуа, начали взбираться по скалистому скату. Французские егеря, видимо, пораженные неожиданностью, были выгнаны из передовых окопов прикладами и штыками. Прежде всего, за ними последовала 9-я рота 39-го полка и с ней храбрый генерал, который пал, пронзенный пятью пулями. Но

небольшая кучка фузилеров упорно удерживалась на узком скалистом выступе.

Тем не менее, наступил кризис. 14-я дивизия растянулась на фронте в 3/4 мили, ее левое крыло в лесу Жифер было оттеснено значительно превосходными силами, правое крыло у Штиринга находилось в очень трудном положении. Но именно теперь, около 4 ч пополудни, почти одновременно прибыли головы 5-й и 6-й дивизий, после того как опередившие их батареи еще раньше вступили в дело.

Значительно усиленное левое крыло опять перешло в наступление. Генерал Барнеков поддержал на «Рыжей горе» фузилеров, почти израсходовавших свои патроны, и вытеснил французов из всех окопов. В горячем бою удалось, наконец, отнять у противника и западную часть леса Жифер. Правое крыло также продвинулось с сильными боями до Старого Штиринга, приблизившись к пути отступления противника, к Форбахскому шоссе.

Однако, генерал Фроссар понял угрожавшую ему тут опасность и усилил свое левое крыло до полутора дивизий. В 3 ч пополудни они перешли в наступление.

На немецкой стороне не было ни одной сомкнутой части, и потому все одержанные здесь до сих пор успехи остались неиспользованными.

13-я германская дивизия могла бы теперь решительно вступить в дело и положить конец сражению.

Пройдя 4 мили, она уже в 1 ч пополудни прибыла в Путлинген, всего в 1 миле от Штиринга. Услышав шум боя у Саарбрюкена, ее авангард в 4 ч действительно выступил на Россель. Но так как в лежащей на пути лесистой местности орудийные выстрелы не были слышны, то дивизия, считая бой уже оконченным, стала биваком у Фольклингена. Этот пункт был назначен ей целью марша приказом по корпусу, отданным, правда, еще тогда, когда нельзя было предвидеть создавшуюся к этому времени обстановку.

Между тем, семь германских батарей, стоявших на высоте Фольстер, все-таки остановили наступление французов, после чего и германской пехоте под управлением генерала Цастрова снова удалось достигнуть некоторых успехов.

Свойства местности совершенно исключали использование 29 германских эскадронов, постепенно собравшихся с разных сторон по-

зади боевой линии. Гусары тщетно пытались развернуться на «Рыжей горе», зато майору Линкеру, несмотря на огромные затруднения, удалось поднять на эту гору восемь орудий, которые были встречены радостными возгласами сильно теснимой пехоты. Постепенно, по мере прибытия, они вступали в бой с тремя неприятельскими батареями, причем половина их прислуги выбыла из строя от огня французских стрелков, лежавших укрыто в 800 шагах. Хотя теперь и удалось несколько продвинуться вперед, но тесное пространство все-таки не давало возможности развернуться против широкого фронта противника. Однако, действительная помощь приближалась теперь справа. Генерал Гебен направил все еще не вступившие в бой батальоны 16-й дивизии в решительном направлении на Штиринг. Тогда как часть их образовала фронт против деревни, другая часть поднялась от шоссе по ущельям Шпихернского леса, прогнала в рукопашном бою французов с седловины, ведущей к «Рыжей горе», и все более оттесняла их к Форбахской горе.

Еще в 7 ч вечера на правом крыле французов дивизия Лавокупе, поддержанная частью дивизии Батайля, перешла в наступление и снова вторглась в столь оспариваемый лес Жифер, но опасность, угрожавшая теперь левому крылу со стороны Шпихернского леса, парализовала этот маневр. С наступлением темноты французы отошли на всем плато.

Около 9 ч вечера, в то время как на высоте раздавались французские сигналы для отступления, генерал Шверин приказал для прикрытия ночного расположения занять еще Штиринг, где в некоторых местах сопротивление пришлось одолевать в рукопашном бою.

Авангард 13-й дивизии теперь также продвинулся к Форбаху, но не вступил туда, так как был введен в заблуждение спешенными драгунами. Генерал Фроссар и без того уже отказался от отступления по столь серьезно угрожаемой дороге Форбах — Сант-Авольд и отходил со всеми тремя дивизиями на Этинген. Ночь и невозможность использования на этой местности значительных кавалерийских масс избавили его от дальнейшего преследования.

Генерал Штейнмец еще вечером приказал восстановить порядок в перемещавшихся войсковых частях. Некоторые из них прошли по 6 миль; две батареи, прибывшие по железной дороге из Кенигсберга (в

Пруссии), тотчас же после высадки продолжали марш до поля сражения.

Все-таки атака, предпринятая с недостаточными силами, в течение всего дня ни разу не располагала такой численностью, как оборона. На тесном пространстве могли действовать только тринадцать батарей, а деятельность кавалерии была совершенно исключена.

Разумеется, атакующий потерял больше, чем обороняющийся. Убыль пруссаков составляла 4 871 чел., а французов — 4 078 чел.; но при этом характерно значительное число не раненых пленных, которое уже тут было нами взято у противника.

Товарищеская помощь прусских начальников друг другу и стремление всех войск в бой составляли полную противоположность со странными передвижениями дивизий, стоявших позади генерала Фроссара; хотя три из них и были двинуты ему на помощь, но подошли только две — и то после того, как бой был окончен.

Впоследствии кое-кто утверждал, будто сражение при Шпихерне дано немцами в ненадлежащем месте и что оно расстроило высшие планы. Конечно, это сражение не было преднамеренным. Но, в общем, найдется мало случаев, когда тактическая победа не годилась бы для стратегического плана. Боевой успех всегда будет с благодарностью принят и использован. Сражение при Шпихерне помешало беспрепятственному отступлению 2-го французского корпуса, немцы установили соприкосновение с главными силами противника, и германское верховное командование получило основу для дальнейшего решения.

Захождение германских армий направо

При своем отступлении маршал Мак-Магон взял такое направление, которое совершенно нарушило его связь с маршалом Базеном.

Так как немцы его не преследовали, то он мог воспользоваться для соединения с французскими главными силами железной дорогой Люневиль — Мец, которая фактически была еще свободна 9 августа. Но разнесся слух, будто пруссаки уже появились в Понт-а-Мусоне, а внутреннее состояние войск не позволяло привести их снова в соприкосновение с противником. Вследствие этого 1-й корпус свернул к югу на Невшато, откуда он мог быть перевезен по железной дороге дальше в Шалон. 5-й корпус по самым противоречивым приказам императорской главной квартиры передвигался взад и вперед. Сначала он должен был идти в Нанси, потом повернуть в противоположном направлении на Лангр. По прибытии в Шарм он был вытребован в Туль, но из Шомона окончательно направлен также в Шалон. Там генерал Трошю расположил вновь сформированный 12-й корпус, а позади этого сборного пункта были подвезены в Реймс войска 7-го корпуса из Эльзаса по железной дороге через Бар-сюр-Об и Париж.

Таким образом, к 22 августа образовалась резервная армия из четырех корпусов и двух кавалерийских дивизий под начальством маршала Мак-Магона, но сначала, находясь на расстоянии 25 миль, она не могла оказать помощи маршалу Базену, стоявшему непосредственно перед напиравшим на него неприятелем.

Под первым впечатлением двойного поражения 6 августа во французской главной квартире полагали, что армии Базена также следует немедленно отходить к Шалону, и 6-й корпус, части которого уже перевозились оттуда к Мецу, получил приказание опять повернуть назад. Но затем от этого решения все-таки отказались.

Императору приходилось опасаться не только внешнего врага, но и общественного мнения собственной страны. Отдача целых провинций с самого начала войны, на которую возлагались столь блестящие надежды, возбудила бы величайшее негодование народа. Еще можно было собрать впереди Мозеля 200 тыс. чел., опиравшихся на большую крепость, и если противник все-таки сохранил бы численное превосходство, то его корпуса оказались бы растянутыми на линии в 12 миль. Немцам приходилось еще переходить Мозель, и при неиз-

бежном для этого разделении они могли оказаться слабыми именно в решительном пункте.

Разложение разбитого противника и даже направление его отступления не были обнаружены в 3-й германской армии. Ожидали найти противника, устроившегося по ту сторону Вогезов для нового сопротивления, и так как горы можно было перейти только отдельными колоннами, то наступление производилось с большой осторожностью, короткими переходами. Хотя прямое расстояние от Рейхсгофена до Саара составляет всего 6 миль, но этой реки достигли только через 5 дней. Неприятель нигде не был обнаружен, кроме как лишь в небольших крепостях, обеспеченных от штурма, которые запирали главные горные пути. Бич пришлось обойти с большим трудом, Лихтенберг был взят нечаянным нападением, Люцельштейн оставлен гарнизоном, Пфальцбург был обложен двигавшимся вслед 6-м корпусом и Марсаль капитулировал после некоторого сопротивления.

Левое крыло германских сил не имело более перед собой неприятеля и могло быть опять притянуто ближе к центру. Для того чтобы выровнять все три армии, потребовалось захождение направо, но так как 3-я армия прибывала к Саару только 12 августа, то пришлось замедлить наступление 1-й и 2-й армий. Все движение было урегулировано таким образом, что 3-й армии предоставлены дороги Саарюнион — Дизз и южнее, 2-й — Сент-Авольд — Номени и южнее, 1-й — Саарлуи — Лез-Этэн; следовательно, последняя армия направлялась на Мец.

Кавалерийские дивизии, разведывавшие далеко перед фронтом, доносили об общем отступлении противника. Они производили поиски до самого Меца и по обеим сторонам его за Мозель, вынудив части корпуса Канробера, снова вызванного из Шалона, повернуть назад. Но все донесения кавалерии подтверждали, что впереди Меца стоят на биваках очень большие силы.

Из этого можно было сделать вывод как о дальнейшем отступлении противника, так и о намерении его перейти соединенными силами в наступление против правого германского крыла, пользуясь тем, что при предстоявшем переходе через Мозель оно должно было неизбежно отделиться от левого крыла.

Хотя главное командование обыкновенно ограничивалось отдачей лишь общих директив, выполнение которых предоставлялось

штабам армий, но при создавшейся обстановке было признано нужным для большей цельности действий направлять движения отдельных корпусов точными приказами. Ввиду этого главная квартира короля 11 августа была переведена в передовую линию, в Сент-Авольд, между 1-й и 2-й армиями, чтобы иметь возможность непосредственно распоряжаться в обе стороны.

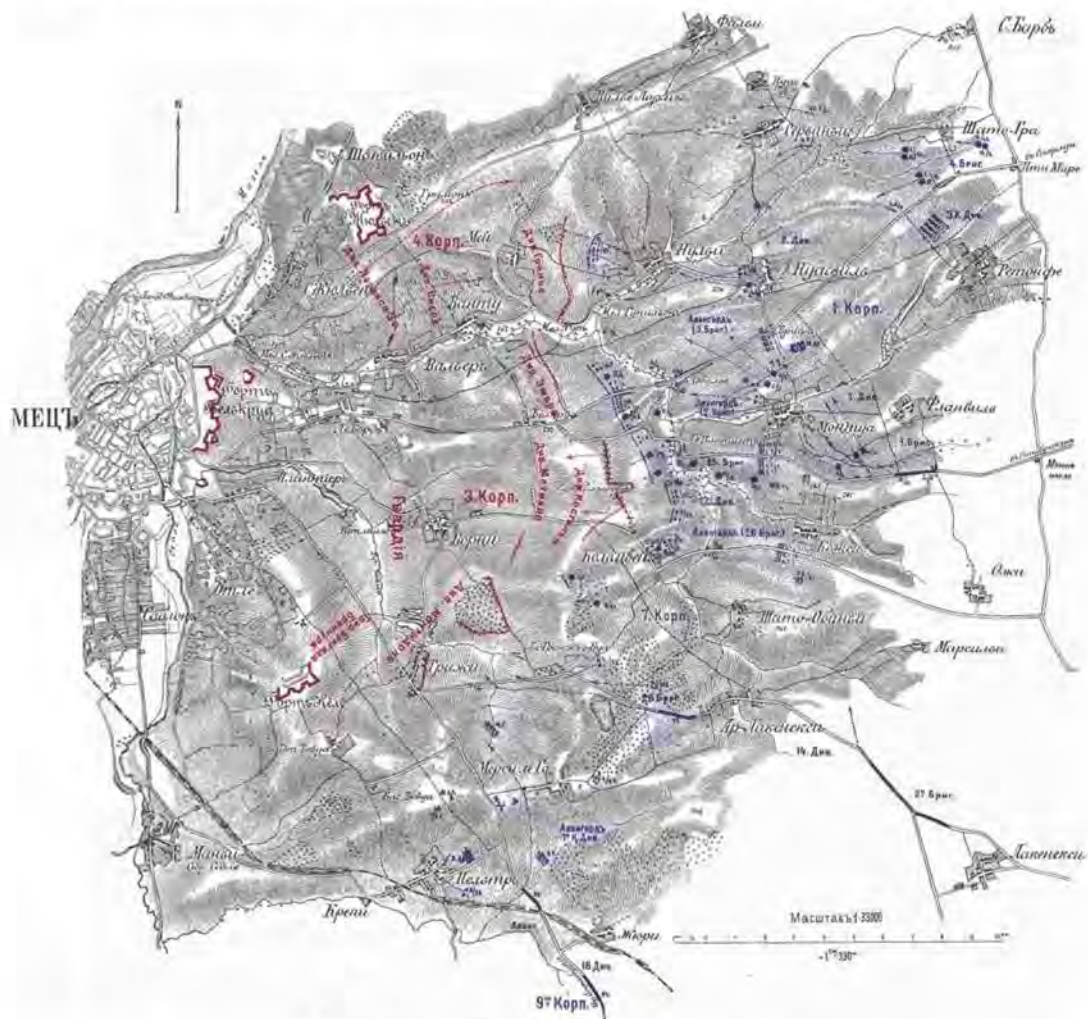
Три корпуса 1-й армии двинулись 12 августа к р. Немецкий Нид, оставленной противником. Левее их 2-я армия, также тремя корпусами, вышла на ту же линию у Фолькемона и Моранжа. Затем на следующий день, не сталкиваясь с неприятелем, 2-я армия достигла р. Сейль и заняла своей пехотой Понт-а-Мусон.

Поразительная бездеятельность французов и донесения кавалерии, доходившей за Мозелем до Туля и дороги в Верден, давали право к предположению, что противник не будет удерживаться и впереди Меца. Однако все-таки существовала возможность, что он с 200 батальонами бросится на непосредственно стоявшую перед ним 1-ю армию. Вследствие этого было обоим правофланговым корпусам 2-й армии приказано пока остановиться близ Меца, южнее его, чтобы в случае указанного наступления неприятеля действовать ему во фланг. Наоборот, если бы французы обратились против этих двух корпусов, то 1-я армия должна была произвести подобное же наступление.

Остальные корпуса 2-й армии, бывшие далее к югу, продолжали марш для перехода через Мозель; если бы на той стороне реки неприятель бросился на них с превосходными силами, то они могли, в крайности, отойти на 3-ю армию.

Столь осторожному способу действий сочувствовали далеко не все; некоторые говорили, что французы находятся в полном отступлении и потому нужно немедленно насесть на них, чтобы не дать им уйти без потерь. Действительно, французское командование уже решило продолжать дальнейшее отступление; но когда после полудня в 7-м германском корпусе было замечено отступательное движение противника, то на восточной стороне Мозеля завязался бой, который в течение вечера, вследствие добровольной поддержки стоявших вблизи отрядов, развился в сражение.

Сражение при Коломбей-Нуильи 14 августа

Сражение при Коломбей-Нуильи

Комендант Меца объявил, что, предоставленный собственным силам, он не продержится в крепости и 2 недель. Между тем, выбранная и укрепленная для прикрытия Меца позиция на р. Нид по местным условиям оказалась невыгодной, и французское командование надеялось остановиться у Вердена при лучших условиях.

Военная необходимость перевесила политические соображения относительно общественного мнения, и хотя император теперь передал главное начальство маршалу Базену, он все-таки остался при армии, так как при подобных условиях не мог вернуться в Париж.

Уже с раннего утра 14 августа многочисленные обозы проходили через город, а около полудня начали движение 2-й, 4-й и 6-й корпуса, тогда как для прикрытия их отхода 3-й корпус остался на позиции за глубокой долиной ручья Коломбей.

Около 4 ч пополудни, когда это выступление обнаружилось, генерал Гольц с авангардом 7-го корпуса энергично атаковал противника и отбил на его правом фланге Коломбей и замок Обиньи.

Однако при первых же пушечных выстрелах французские колонны повернули назад, вполне готовые к бою, горя желанием после всех испытанных неудач вырвать победу. Имея большое превосходство в силах, дивизия Кастаньи набросилась на слабый отряд Гольца, занимавший отдельную позицию у Коломбей, и только с величайшим трудом ему удалось удержаться на ней. По обеим дорогам из Саарбрюкена и Саарлуи уже приближался авангард 1-го корпуса, причем, выдвинутые вперед батареи вскоре вступили в бой. Наступая через Ловалье, пехота поднялась по восточному склону плато Белькруа, а далее вправо вытеснила неприятеля из рощи восточнее Мей. Но против масс 3-го французского корпуса бой и тут также приостановился. Тем временем 13-я, 1-я и 2-я германские дивизии последовали за своими авангардами. Генерал Мантейфель держал две последние дивизии в полной готовности, как только на передовых постах было замечено движение противника. Генерал Цастров также прибыл на поле сражения и вступил в командование на левом крыле. Вскоре против неприятеля действовали уже 60 орудий. Генерал Остен-Сакен с 25-й бригадой переходит лощину Куанси и поднимается на край плато. Сосновая роща на дороге в Белькруа, охваченная с трех сторон, берется штурмом, опять теряется после кровавых потерь и еще раз берется. Вскоре удаётся продвинуть две батареи через Планшет, и французы отходят тут до Борни, но по сторонам горячий бой все-таки продолжается.

Однако теперь немцам угрожает опасный охват справа. Генерал Ламиро, узнав о том, что подчиненная ему дивизия Гренье вытеснена из Мей, тотчас же вернулся с двумя остальными дивизиями, опять взял селение и выдвинулся дальше по дороге на Бузонвиль.

Между тем, генерал Мантейфель принял нужные меры, чтобы при всяких обстоятельствах удержать рубеж ручья Вальер, прикрывавший фланг. 1-я бригада была поставлена в качестве общего резерва позади Нуасвиля, 4-я бригада с частью артиллерии 1-го корпуса выступила непосредственно против генерала Ламиро по дороге из Бузонвиля — к Пуа, тогда как остальные батареи фланкировали его наступление с южного края долины, восточнее Нуильи.

Слева дивизия Глюмера все время удерживалась у Коломбей; в 7ч вечера на помощь ей прибыла бригада Война, взявшая роццу к западу от Коломбей.

Тут оказалось весьма желанным и подкрепление от 2-й армии, приостановленной на р. Сейль.

Сделав большой переход, 18-я пехотная дивизия после полудня стала биваком у Буши; но когда генералу Врангелю донесли, что слышен бой в 1-й армии, он тотчас же двинул свою дивизию в этом направлении. Она очистила от неприятеля Пелтр и вместе с бригадой Война заняла также Грижи, почти в тылу неприятельской позиции у Борни.

На правом крыле боевой линии 2-я дивизия опять продвинулась через Нуильи и прилегающие виноградники к Мей, отняв у противника это селение и соседнюю роццу, французы не прошли за Вилье-Лорм и теперь по всей линии оттуда до Грижи начали отступление. Только форты, особенно Сен-Жюльен, бросали в ночной темноте свои тяжелые снаряды в наступающих пруссаков.

Бой вечером 14 августа обошелся наступающему в 5 тыс. чел., в том числе более 200 офицеров, в то время как французы, преимущественно 3-й корпус, потеряли 3 600 чел. Использование победы непосредственным преследованием, разумеется, совершенно исключалось верками большой крепости. Уже по такой причине сражение 1-й армии в этот день не входило в планы командования, но возможность его, понятно, предусматривалась. Хотя при позднем начале боя только одна дивизия 2-й армии могла поспеть на помощь 1-й армии, все-таки выступление ее на левом, фланге противника не преминуло оказать свое действие.

Способ возникновения сражения делал невозможным объединенное управление. Бой вели главным образом авангарды четырех дивизий, причем слабые отряды, которым нельзя было тотчас же оказать поддержку, смело атаковали далеко превосходного в числе противника; вследствие этого неоднократно возникали кризисы, которые могли сделаться опасными, если бы противник энергичнее наступал своими сосредоточенными силами. Между тем, его 3-й корпус не был поддержан стоявшим непосредственно позади гвардейским корпусом.

Наоборот, с прусской стороны как в этом, так и в предшествующих сражениях блестяще проявилась основанная на частной инициа-

тиве взаимная поддержка начальников, находившихся поблизости района боевых действий.

Существенное участие в удачном исходе должно быть приписано артиллерии. Опережая свою пехоту, она самым действительным образом поддерживала авангарды, которые еще до подхода главных сил своих дивизий совершенно оттеснили французов с их позиции перед Мецем под защиту крепостных фортов.

При наличии такого убежища для противника победа при Коломбей-Нуильи, понятно, не могла дать никаких трофеев, но главное командование могло быть все-таки довольно достигнутым результатом. Отступление неприятеля было прервано и выигран целый день для перехода 2-й и 3-й армий через Мозель.

Рано утром 15 августа кавалерия продвинулась на рысях до верхов Меца и не нашла более неприятеля по эту сторону крепости. Несколько гранат вспугнуло главную французскую квартиру в Лонжевиле за Мозелем.

По ту сторону крепости были видны большие облака пыли; не оставалось сомнений — французы начали отступление, и 2-й армии было теперь разрешено всеми корпусами следовать через Мозель.

Для прикрытия железной дороги 1-я армия должна была оставить 1-й корпус к югу от Меца у Курсель, два остальных корпуса были подтянуты влево к р. Сейль; вскоре и они должны были перейти реку выше крепости во избежание разделения сил.

Французы продолжали прерванное накануне отступление, но за день 15 августа прошли от Меца не более 1 мили. Только кавалерия была продвинута несколько дальше по двум дорогам на Верден.

Из германской 2-й армии 3-й корпус перешел Мозель по неразрушенному мосту у Новеана и по мосткам, устроенным понтонерами, но должен был направить свою артиллерию круглым путем через Понт-а-Мусон.

Часть войск могла занять свои биваки у самого левого берега реки только поздно ночью. 10-й корпус оставил одну дивизию в Понт-а-Мусоне и прошел с остальными до Тиокура. Далее, к дороге из Меца в Верден, разведывала кавалерия, столкнувшаяся в районе Марс-ля-Тур с неприятельской. Произошли стычки, но когда после полудня тут собрались 24 прусских эскадрона, то французская кавалерия отошла к

Вионвиллю. Выше по Мозелю гвардейский и 4-й корпуса перешли на левый берег у Дьелуара и Марбаха.

3-я армия вышла на линию Нанси-Байон. Сделанная в этот день попытка овладеть крепостью Диденгофена посредством внезапного нападения не удалась.

Сражение при Вионвиль — Марс-ля-Тур 16 августа

Во 2-й армии также держались того мнения, что на Мозеле не произойдет серьезного боя с французами, и потому на 16 августа только 3-му и 10-му корпусам предписывалось наступать через Горз и Тиокур на север к верденской дороге, а остальные два корпуса должны были двигаться форсированными маршами на запад к Маасу.

Между тем французы и в этот день еще не справились с выступлением из Меца. Обозы закупорили все дороги, и перед полуднем три дивизии стояли еще в долине Мозеля. Только император под охраной двух кавалерийских бригад выехал рано утром по более безопасной дороге через Этен. Так как правое крыло не могло еще следовать, то выступление было отложено на послеобеденное время, и выстроившиеся уже войска левого крыла вернулись на свои биваки. Но тут около 9 ч утра они были потревожены прусскими гранатами.

Под прикрытием кавалерии майор Кербер с четырьмя батареями подошел к самому Вионвиллю, и французская кавалерия, застигнутая врасплох его огнем, враспыленную помчалась назад через биваки пехоты. Однако последняя немедленно стала в ружье в полном порядке, и артиллерия открыла сильный огонь. Сначала прусские орудия, не поддержанные пехотой, отошли, но вскоре дело приняло более серьезный оборот.

Опасаясь упустить неприятеля, генерал Альвенслебен с 3-м корпусом (выступил после короткого ночного отдыха. Слева шла 6-я дивизия через Онвиль, правее — 5-я дивизия по длинной лесной долине в Горз. Это запирающее дорогу селение не было занято противником, который вообще принял мало предохранительных мер. Но на открытом плато южнее Флавины немецкий авангард уже вступил в бой с французской дивизией Верже. Генерал Штюльпнагель вскоре обнаружил, что находившийся перед ним неприятель потребует ввода всех его наличных сил, поэтому он приказал 10-й бригаде развернуться и 24 орудиям открыть огонь.

С обеих сторон войска перешли в наступление. Справа пруссаки, постепенно продвигаясь вперед, в упорном лесном бою, часто врукопашную, около 11 ч утра достигли выступа леса Сент-Арну против Флавины. Зато их левое крыло было отеснено, даже артиллерии угрожала серьезная опасность; но прибывший вскоре 52-й полк восстановил бой, хотя и с чрезвычайно большими потерями. 1-й батальон

потерял всех офицеров, знамя переходило из рук в руки, — по мере того как падали знаменщики, командир бригады генерал Деринг также был смертельно ранен. Генерал Штюльпнагель поехал верхом в передовую стрелковую линию, ободряя солдат. Генерал Шверин собрал вокруг себя остатки своих войск, лишившихся начальников, и с помощью отряда 10-го корпуса из Новеана удержал высоту у Флавины, с которой французы теперь отступили.

Все еще в предположении, будто французы уже начали отступление, было приказано 6-й дивизии наступать через Марс-ля-Тур к Этену, чтобы заградить противнику также и северную дорогу на Верден. Прибыв на высоту у Тронвиля, откуда можно было обзреть действительное положение, бригады совершили захождение направо против Вионвиля и Флавины. Выехавшая вперед артиллерия образовала сильный оружейный фронт, подготовивший своим огнем дальнейшее наступление, и, несмотря на большие потери, 11-я бригада около 11³⁰ овладела Вионвилем.

От этого селения, а также с юга в связи с 10-й бригадой наступление было направлено против Флавины загоревшегося от артиллерийского огня. При этом различные части сильно перемешались, однако младшие начальники, благодаря искусному использованию каждой складки местности, непрерывно продвигали свои части вперед, несмотря на сильнейший ружейный и артиллерийский огонь противника. Флавины было взято штурмом, одно орудие и некоторое число пленных попали в руки бранденбуржцев.

Вионвиль, Флавины и северный выступ леса Сент-Арну составили теперь опорный пункт прусского фронта, повернутого на восток. Этот фронт имел почти милю длины. Вся пехота и артиллерия, расположившиеся здесь в одной линии, были втянуты в горячий бой. Во 2-м эшелоне находились только 5-я и 6-я кавалерийские дивизии и половина 37-й бригады у Тронвиля.

Французы занимали чрезвычайно выгодное положение. Их позиция была прикрыта с левого фланга Мецем, с правого — сильными батареями на старой римской дороге и многочисленной кавалерией. Они могли с уверенностью выждать фронтальную атаку смелого противника.

Правда, о продолжении марша на Верден, хотя бы под прикрытием сильного арьергарда, сегодня не могло быть речи. Вообще, если

маршал желал двигаться туда, то он должен был действовать наступательно и раньше всего освободиться от противника, стоявшего непосредственно перед ним.

По чисто военным причинам трудно объяснить, почему этого не произошло. Было очевидно, что только часть германских войск, — и вероятно, небольшая, — могла находиться в это время на левом берегу Мозеля; с подходом в течение дня остававшихся еще у Меца дивизий французы имели огромное превосходство сил. Однако, главной заботой маршала, кажется, было — не быть оттесненным от Меца, и потому он обращал внимание преимущественно на свое левое крыло. Посылая туда все новые подкрепления, он нагромоздил весь гвардейский корпус и часть 6-го корпуса против леса Оньон, откуда атаки вообще не последовало. Надо полагать, что лишь политические причины побуждали уже в этот день маршала Базена к решению остаться у Меца.

Тем временем пруссаки, медленно, но неудержимо наступавшие от Флавињи и Вионвиля, при самой действительной поддержке своей артиллерии принудили правое крыло 2-го французского корпуса к отступлению на Резонвиль, которое превратилось в бегство, когда были убиты генералы Батайль и Валазе.

Для восстановления боя на этом участке французский гвардейский кирасирский полк решительно бросается в атаку. Но его натиск разбивается частым огнем двух развернутых рот 52-го полка с расстояния в 250 шагов. Промчавшись правее и левее этих рот, конная масса попадает под огонь следующих пехотных частей; 243 лошади остаются на поле. Только жалкие остатки полка прискакали обратно, преследуемые двумя гусарскими полками, подошедшими от Флавињи.

Одна французская батарея впереди Резонвиля едва успела сделать несколько выстрелов, как уже была окружена. Хотя отсутствие запряжек помешало немцам отвезти захваченные орудия, но французский главнокомандующий, который сам вывел эту батарею на позицию, в течение нескольких минут подвергался опасности быть захваченным в плен.

Прусской 6-й кавалерийской дивизии был также послан приказ о наступлении. Пройдя линию артиллерии и развернувшись, насколько позволяло тесное пространство, она перешла в рысь, но встретила лишь свежие, вполне устроенные войска. Маршал Базен уже принял

меры к тому, чтобы заменить отброшенные части 2-го корпуса гвардейской гренадерской дивизией, которую он теперь решился притянуть со своего не атакованного левого крыла, но не без того, чтобы заменить ее там дивизией 3-го корпуса. Вследствие этого прусская кавалерийская дивизия, встреченная подавляющим ружейным и артиллерийским огнем, должна была остановиться и затем спокойно отошла под прикрытием двух уланских эскадронов, которые несколько раз поворачивались фронтом к неприятелю. Итак, дело не дошло до атаки, но было выиграно время и дана возможность для дальнейшего продвижения артиллерии на линию от лесного выступа до Флавиньи.

Настало 2 часа пополудни. Генерал Альвенслебен; непрерывно наступая, ввел противника в заблуждение относительно несоразмерности своих сил. Но теперь движение приостановилось, батальоны, видимо, растаяли, их силы были истощены четырехчасовым боем, патроны почти израсходованы. Позади всей находившейся в огне боевой линии не оставалось в резерве ни одного батальона, ни одной батареи. Теперь нужно было в оборонительном бою удержать купленные кровью успехи.

При этом особенная опасность угрожала левому крылу, против которого у римской дороги развернулась сильная артиллерия. Большое численное превосходство позволило французам все более распространяться вправо, угрожая пруссакам полным охватом.

В их центре маршал Канробер нашел момент подходящим, чтобы со всеми силами перейти в наступление на Вионвиль. В распоряжении немцев в этот критический момент была лишь небольшая часть 5-й кавалерийской дивизии. Две бригады ее должны были принять на себя охрану левого фланга, а из оставшейся позади Вионвиля 12-й бригады два эскадрона были посланы к Тронвильским кустам. Следовательно, в обоих полках, кирасирском и уланском, было только по три эскадрона в каждом, всего 800 коней, когда они получили приказ двинуться навстречу наступавшему противнику.

Генерал Бредов сначала прошел в колонне по лощине, спускавшейся от Вионвиля, затем сделал захождение направо и поднялся по восточному склону ее, имея оба полка на одной линии. Встреченный тотчас же сильнейшим артиллерийским огнем, он бросается на неприятеля. Первая линия пехоты и линия орудий прорваны, артиллерийская прислуга и запряжки порублены. Вторая линия французской

пехоты также не может задержать этот натиск, и даже самые дальние батареи неприятеля берут на передки для отъезда.

Прусские кирасиры атакуют французские орудия

Но воодушевление победой и лихость увлекают небольшую конную массу дальше, и после атаки на протяжении 3 тыс. шагов она видит себя окруженной подоспевшей со всех сторон французской кавалерией. Второй линии для прикрытия отхода не имеется, и после одиночных боев с французскими всадниками бригада вынуждена еще раз прокладывать себе путь через неприятельскую пехоту, которая провожает ее выстрелами. Только половина людей вернулась к Флавиьи, где из них было сформировано два эскадрона. Это самоотвержение двух храбрых полков имело последствием то, что французы совершенно прекратили наступление на Вионвиль.

Зато теперь, около 3 ч пополудни, четыре французские дивизии переходят в наступление против Тронвильских кустов. Германская кавалерийская бригада Барби, наблюдающая у западной опушки, и пехота, занимающая кусты, должны отойти перед таким превосходством сил.

Батареи, действующие с позиций между Вионвилем и кустами, подверглись обстрелу с запада, через лесную прогалину, с тыла и вынуждены к отъезду.

Однако французам понадобился целый час, чтобы преодолеть упорное сопротивление четырех прусских батальонов.

Затем, когда последние собрались у Тронвиля, то оказалось, что 24-й полк потерял 1 тыс. солдат и 52 офицеров, 2-й батальон 20-го полка — всех своих офицеров. 37-я бригада, которая с полудня по собственной инициативе оказывала им самую действительную поддержку, заняла селение, приспособив его к продолжительной обороне.

Только в это время, после 3 ч пополудни, к 3-му корпусу, сражавшемуся в течение 7 часов почти в одиночестве, подошла действительная помощь.

Французские солдаты в битве при Марс-ля-Тур

При наступлении через Тиокур 10-й корпус услышал гром орудий в районе Вионвиля. Командир корпуса генерал Фохтс-Рец лично отправился на поле сражения и отдал двигавшимся вслед колоннам нужные приказания.

И здесь, прежде всего, энергично вступила в бой выехавшая вперед артиллерия. Ее огонь вместе с огнем снова выдвинувшихся вперед батарей 3-го корпуса положил предел наступлению французов по

обеим сторонам Тронвильских кустов. Около 3³⁰ подошедшие головные части пехотной бригады Война отгеснили противника из кустов и, поддержанные бригадой Дирингсгофена, овладели, наконец, северной опушкой.

Правое крыло 3-го корпуса было тоже подкреплено.

Получив от 5-й дивизии просьбу о поддержке, 32-я бригада 8-го корпуса, несмотря на утомление от долгого марша, выступила от Мозеля, через Арс. К ней присоединился 11-й полк, и, после того как три батареи были уже высланы вперед и вступили в дело, этот отряд появился в 5 ч у выхода из леса Сент-Арну. Он немедленно атаковал высоту с белым домом, но троекратная попытка овладеть ею не удалась, потому что маршал Базен также значительно усилил позицию впереди Резонвиля. Тут французы в свою очередь перешли в наступление, но не смогли утвердиться на названной высоте под метким огнем прусской артиллерии и опять отступили. После этого неоднократно происходили небольшие наступления с обеих сторон, но они каждый раз отражались огнем противника, и, в общем, бой на правом крыле свелся к взаимной перестрелке.

Если на левом крыле немцев две французские дивизии отошли перед немногими недавно прибывшими прусскими батальонами, очистив Тронвильские кусты, то это, конечно, объясняется лишь донесениями, полученными маршалом Базеном о появлении неприятельских войск на его правом фланге у Ганновиля (на дороге в Верден западнее Марс-ля-Тура).

Это была бригада Веделя, которая, согласно первоначальному назначению, наступала по направлению на Этен и в полдень у Сент-Илера получила приказание повернуть на поле сражения.

Генерал Шварцкоппен пошел по большой дороге на Марс-ля-Тур, чтобы выйти во фланг или тыл неприятелю. Между тем, французы протянули свое значительно усиленное правое крыло до долины западнее Брювиля и собрали тут три кавалерийские дивизии.

Вследствие этого, когда генерал Ведель двинулся в атаку по обеим сторонам горевшего от неприятельской бомбардировки Тронвиля, его бригада в составе всего пяти батальонов натолкнулась на широко развернутый фронт 4-го французского корпуса.

Наступая под сильным огнем артиллерии и митральез, оба вестфальских полка вдруг очутились перед незамеченным раньше

глубоким оврагом. перейдя его и поднявшись на противоположный скат, они попали под уничтожающий ружейный огонь, направленный против них с самого близкого расстояния и с разных сторон. Потеряв почти всех начальников и офицеров, остатки батальонов скатываются обратно в овраг. После марша в 6 миль 300 чел. не в силах уже подняться по крутому южному скату оврага и попадают в плен. Остальные собираются у Тронвиля вокруг прострелянного знамени, которое держит в руке единственный оставшийся верхом полковник Крапах. Из 95 офицеров и 4 546 солдат недостает 72 офицеров и 2 542 солдат, т. е. более половины. Французы преследуют, но их задерживают: справа — 1-й гвардейский драгунский полк, смело бросающийся им навстречу, несмотря на потерю 250 коней и почти всех начальников; слева — 4-й эскадрон 2-го гвардейского драгунского полка, действующий против тройного численного превосходства африканских конных егерей.

Однако теперь непосредственно угрожает наступление большой конной массы, показывающейся из-за незанятого кряжа высот Вильсюр-Ирон. Это дивизия Леграна и гвардейская бригада Франса — в четырех линиях уступами справа.

С германской стороны к бригаде Барби подтягиваются все наличные кавалерийские части, всего только 16 эскадронов, которые разворачиваются в двух линиях слева от Марс-ля-Тур. Еще далее впереди находится выдвинувшийся для выручки гвардейского эскадрона 13-й драгунский полк. Он идет галопом навстречу атакующей в первой линии французской гусарской бригаде, которая прорывается в интервалы полка. Но скоро появляется генерал Барби с остальными полками на высоте Вильсюр-Ирон, где в 6 ч 45 мин происходит столкновение конных масс. Облако пыли окутывает передвигающуюся взад и вперед рукопашную схватку 5 тыс. всадников, которая постепенно разрешается в пользу пруссаков. Тяжело раненый генерал Монтэрю попадает в плен, а генерал Легран, спешивший с драгунами на помощь своим гусарам, убит.

Бригада Франса дает немцам подойти, затем с дистанции 150 шагов уланский полк неистово бросается на ганноверских уланов. Но последние охватывают французов и получают неожиданную помощь от возвращающегося с разведки 5-го эскадрона 2-го гвардейского драгунского полка, который через рвы и изгороди атакует противника во

фланг, тогда как вестфальские кирасиры врываются в него с фронта. Тщетно африканские конные егеря пытаются помешать охвату ганноверских драгунов, столб пыли все более подвигается на север, и вся французская кавалерия теснится к переходам через долину ручья у Брювиля. Позади ее держатся еще пять полков кавалерийской дивизии Клерамбо. Генерал приказывает одной бригаде перейти долину, но скачущие назад гусары и недоразумение с сигналами приводят и эту бригаду в беспорядок. Она увлекается общим потоком, и только рассыпанная в прикрывающей долине пехота останавливает преследование.

Германские полки спокойно приводятся в порядок и шагом возвращаются к Марс-ля-Тур, сопровождаемые в значительном отдалении отрядом дивизии Клерамбо.

Следствием этого кавалерийского боя, самого крупного за время войны, было то, что правое крыло французов отказалось от дальнейших наступательных попыток. Особенно приходилось жалеть о потере начальников, которые повсюду впереди своих частей подавали славный пример.

Фридрих-Карл поспешил на поле сражения. День приходил к концу, наступали сумерки, сражение было выиграно. Пруссаки стояли вечером на том месте, которое французы занимали утром. Если генерал Альвенслебен полагал, что натолкнется лишь на арьергард французской армии, то, узнав, что перед ним главные силы, он все-таки ни минуты не колебался их атаковать. С одним только своим корпусом он вел бой до вечера и оттеснил противника от Флавины к Резонвилю, более чем на полмили назад. Это один из самых блестящих подвигов всей войны.

Затем, благодаря ценной помощи 10-го корпуса, сражение было вечером доведено до конца в оборонительном духе, но только с помощью сильнейших контрударов кавалерии и неутомимой выдержки артиллерии.

Однако далее уже не следовало новыми атаками вызывать на бой сильно превосходящего в числе противника и, не имея надежды на поддержку, подвергать сомнению с трудом одержанный успех.

Силы войск были истощены, боевые припасы по большей части израсходованы, лошади находились 15 часов без корма и под седлом. Часть батарей могла двигаться лишь шагом, а ближайший на левом

берегу Мозеля корпус (12-й) находился еще в целом переходе от поля боя.

Несмотря на это, отданный еще в 7 ч вечера приказ командующего армией предписал новое общее наступление против неприятельской позиции. 10-й корпус был совершенно не в состоянии выполнить это требование. Только на правом крыле часть артиллерии, сопровождаемая небольшим числом пехоты, могла двинуться вперед. Батареи действительно достигли сильно оспариваемой высоты южнее Резонвиля, но попали там под частый ружейный и артиллерийский огонь с двух сторон. От одного лишь французского гвардейского корпуса действовали с фланга 54 орудия, выехавшие на позицию по ту сторону долины. В то время как прусским батареям пришлось вернуться на прежние места, двинулись вперед две бригады 6-й кавалерийской дивизии. При наступавшей уже темноте они едва могли различить цель атаки, попали под частый ружейный огонь и отошли назад со значительными потерями.

Бой прекратился окончательно только около 11 ч вечера. С каждой стороны выбыло из строя по 16 тыс. чел., о преследовании не могло быть и речи. Для немцев плоды победы созрели лишь впоследствии. Войска, измученные 12-часовым боем, расположились биваками на отвоеванной, напоенной кровью земле непосредственно против французской позиции.

* * *

Корпуса 2-й армии, не участвовавшие в сражении в этот день, продолжали свое наступление к Маасу. На левом крыле авангард 4-го корпуса был выдвинут к Тулю. Эта крепость запирала важную для дальнейших операций железную дорогу; говорили, что она имеет недостаточный гарнизон, и потому хотели взять ее внезапным нападением. Однако обстрел одной полевой артиллерией оказался недействительным. Бастионы с каменными одеждами и широкие водяные рвы делали крепость совершенно безопасной от штурма. Разбить ворота для входа внутрь крепости не удалось. От этого предприятия отказались, и притом не без потерь.

Утром 16 августа в Понт-а-Мусоне главная квартира узнала, что 3-й корпус ведет серьезный бой и что 10-й и 11-й корпуса подошли к нему на подкрепление. Из этих донесений были тотчас же сделаны важные выводы. Путь отступления французам был прегражден, но следовало ожидать, что они примут серьезные меры для его открытия.

Вследствие этого 12-му корпусу было непосредственно приказано в 3 часа утра на следующий день вступить в Марс-ля-Тур; 7-й и 8-й корпуса должны были стать наготове у Корни и Арс на Мозеле.

Наводку мостов в этих пунктах предписывалось производить ночью всеми средствами. Кроме того, штаб 2-й армии еще из Горза послал гвардейскому корпусу приказание немедленно выступить к Марс-ля-Тур, где стать левее 12-го корпуса.

Выполнение этих приказов было облегчено инициативой начальников, получивших в течение дня известие о происходящем бое.

Командир 12-го корпуса тотчас же выступил со своей дивизией на Тиокур, а командир гвардейского корпуса собрал пехоту в северной части своего квартирного района, чтобы быть готовым к раннему выступлению.

На рассвете 17 августа сторожевые посты французов стояли на всем протяжении от Брювиля до Резонвиля. Позади их раздавались сигналы и происходили движения, которые можно было объяснить, как желанием наступать, так и отступлением.

Уже в 6 ч утра король приехал из Понт-а-Мусон в Флавины. Донесения от кавалерии, полученные там до полудня, были отчасти противоречивы; из них нельзя было понять — сосредоточиваются ли французы у Меца или отходят по обеим еще свободным дорогам через Этен и Бриэ. Однако наступательных движений нигде замечено не было.

Около часа пополудни передовые части 7-го корпуса после небольшой перестрелки продвинулись на северную опушку леса Оньон, перед которым французы позднее очистили также Гравелот; 8-й корпус стоял наготове у Горза; 9-й, 3-й и 10-й корпуса оставались на своих позициях; 12-й и гвардейский корпуса приближались. Итак, для следующего дня можно было располагать силами семи корпусов с тремя кавалерийскими дивизиями; на 17 августа всякая атака была воспрещена.

При распоряжениях для предположенного на 18 августа сражения следовало иметь в виду два возможных случая.

В обоих левое крыло должно было наступать в северном направлении к ближайшему еще открытому для французов пути отступления через Донкур.

В случае обнаружения отхода противника, его следовало немедленно атаковать и задержать до тех пор, пока подойдет для поддержки правое крыло.

Напротив, если бы выяснилось пребывание французов у Меца, то левое крыло должно было совершить захождение на восток и охватить их позицию с севера, пока правое крыло в ожидании этого будет вести задерживающий бой. В этом случае при кружных движениях одной части армии сражение, вероятно, решилось бы лишь вечером. Затем, это был бы редкий случай, когда оба противника сражались с повернутым фронтом, отказавшись сперва от своих сообщений. Вследствие этого результаты победы или поражения должны были возрасти в высокой мере, причем французы все-таки имели то преимущество, что базировались на большую крепость и ее вспомогательные средства.

Решение было принято, и приказ о наступлении уступами слева в 2 ч пополудни был уже отдан во Флавины. Руководство отдельными корпусами во время сражения должно было зависеть от поступавших донесений. После этого король возвратился в Понт-а-Мусон.

Уже в 9 ч утра 17 августа саксонская кавалерийская дивизия вышла к западу от Конфлана на дорогу в Этен и донесла, что, кроме одиночных людей, оторвавшихся от своих частей, там неприятеля не видно; но из этого можно было лишь сделать вывод, что 17 августа французы еще не начали отступления.

За своей кавалерией в течение дня прибыл в Марс-ля-Тур и Пюксье 12-й корпус; левее его, как было приказано, подошел вечером к Ганнонвиллю гвардейский корпус. 2-й корпус, догонявший после высадки с железной дороги 2-ю армию, прибыл в Понт-а-Мусон и получил приказ — в 4 ч утра наступать через Бюксьер.

Сражение при Гравелот — Сен-Прива 18 августа

Маршал Базен нашел нецелесообразным отступить на Верден, так как немцы стояли уже очень близко на фланге такого движения. Он предпочел сосредоточить свои силы на позиции близ Меца, которую справедливо считал почти неприступной. Эту позицию представлял кряж высот, сопровождающий с запада долину Шатель. Обращенный к неприятелю широкий склон спускается полого и гласисообразно, тогда как короткий и крутой обратный скат дает укрытие резервам. Гребень этих высот от Ронкура до Розериеля на протяжении более 1,5 миль заняли 6-й, 4-й, 3-й и 2-й корпуса, причем на 1 шаг по фронту приходилось от 8 до 10 чел. Одна бригада 5-го корпуса стояла у Сен-Рюфин в долине Мозеля, кавалерия — за обоими крыльями.

Перед 2-м и 3-м корпусами были быстро вырыты стрелковые окопы, устроены батареи и ходы сообщений, а лежащие впереди отдельные дворы превращены в небольшие форты. При подходе к этому крылу с запада нужно было сначала перейти глубокую долину ручья Манс. Напротив, у 6-го корпуса совершенно отсутствовал инженерный парк. Между прочим, характерно для снаряжения армии, что в целях эвакуации раненых приходилось, несмотря на многочисленные обозы, разгружать провиантские повозки, сжигая их содержимое. Вследствие отсутствия шанцевого инструмента 6-й корпус не мог устроить фортификационного заслона против леса Жомон, который усилил бы правое крыло. Бесспорно, тут следовало поставить гвардейский корпус, но, опасаясь атаки с юга, маршал удержал эти резервы у Плапевиля.

В 6 ч утра 18 августа король опять прибыл к Флавињи. Войсковым начальникам было указано присылать донесения непосредственно туда. Кроме того, из главной квартиры были разсланы в разных направлениях офицеры генерального штаба, чтобы сообщать о ходе боев.

7-й корпус, долженствовавший составить ось для возможного захождения направо, занимал леса Во и Оньон. 8-й корпус, оставленный в распоряжении короля, остановился у Резонвиля, готовый, смотря по обстоятельствам, наступать на север или на восток. Левее его 9-й корпус наступал на Сен-Марсель, тогда как 3-й и 10-й корпуса следовали во второй линии. Гвардейский и 12-й корпуса двинулись в северном направлении.

Вследствие приказа командования 2-й армии о том, чтобы 12-й корпус, хотя и стоявший правее гвардейского, составил крайнее левое крыло, произошла значительная задержка от скрещивания обоих маршрутов. Лишь около 9 ч окончился проход саксонцев через Марс-ля-Тур, и только тогда мог тронуться гвардейский корпус. Тем временем авангард 12-го корпуса уже прибыл к Жарни и продолжал свой марш до Бриэ, не столкнувшись с неприятелем.

Еще не получив об этом донесения, главная квартира пришла к выводу, что, по крайней мере, главные силы противника остались у Меца, но она заблуждалась относительно длины неприятельского фронта, считая, что он простирается, примерно, только до Монтиньи. Штабу 2-й армии было сообщено, что не следует забирать далее на север, а надо 9-м корпусом атаковать правое крыло противника, гвардейский же и 12-й корпуса направить на Батильи. 1-я армия атакует с фронта лишь тогда, когда 2-я армия будет готова к содействию.

Соответственно этому Фридрих-Карл приказал: 9-му корпусу наступать по направлению на Верневиль, и если правое крыло французов стоит там, начать бой, развернув сильную артиллерию; гвардейскому корпусу продолжать марш через Донкур, чтобы потом поддерживать 9-й корпус; 12-му корпусу пока оставаться у Жарни.

Однако немного позже были получены новые донесения, из которых можно было заключить, что 9-й корпус натолкнется не на крыло противника, а на самый фронт его. Вследствие этого Фридрих-Карл приказал корпусу отложить атаку, пока гвардейский корпус не вступит в дело со стороны Аманвилера. 12-й корпус должен был теперь также двигаться к Сен-Мари-о-Шен.

Но раньше, чем этот приказ был изготовлен, около 12 ч послышались уже первые орудийные выстрелы со стороны Верневиля.

Впрочем, оба корпуса левого крыла уже по собственной инициативе взяли направление на восток, а 3-й корпус двинулся от фермы Кольр за 9-м корпусом.

Командир последнего генерал Манштейн уже от Верневиля заметил французский бивак у Аманвилера, который, по-видимому, находился в самом беспечном покое. С места своей стоянки Манштейн не мог видеть, что влево у Сен-Прива стоят массы французов. Вследствие этого, полагая, что перед ним неприятельское правое крыло, он решил действовать согласно полученному приказанию, а именно, не

теряя времени, атаковать противника. Восемь из его батарей начали бой.

Между тем, французские войска быстро заняли свои подготовленные позиции. Разумеется, отдельное наступление только одного корпуса должно было привлечь на себя огонь не только противостоящего, но и соседних корпусов противника.

Желая найти хоть некоторое укрытие на местности, прусские батареи стали на склоне долины, тянущейся вверх к Аманвилеру; но при этом они заняли фронт, обращенный на юго-восток, на котором они обстреливались с севера во фланг и даже с тылу артиллерией противника и, кроме того, массовым огнем его пехоты.

Для противодействия этому пришлось выдвинуть ближайшие наличные батальоны. Они заняли слева восточный выступ леса Кюс, овладели справа отдельными дворами Анви и Шантрэн и вторглись в лес Жениво. Таким образом, боевой фронт 18-й дивизии достиг протяжения в 4 тыс. шагов.

Немцы несли очень большие потери по той причине, что французы, имевшие дальнобойные ружья Шаспо, могли держаться вне действительного огня игольчатых ружей; особенно страдала немецкая артиллерия. Одна из батарей потеряла уже 45 чел. прислуги, когда на нее бросились неприятельские стрелки. Пехотного прикрытия не было под рукой, и два орудия были потеряны.

Около 2 ч пополудни остальные батареи были также едва способны к бою и облегчение наступило лишь с прибытием к Габонвиллю гессенской дивизии. Она выдвинула влево на позицию по обеим сторонам железной дороги⁴ пять батарей, которые несколько отвлекли на себя концентрический огонь французов. Теперь можно было отвести пошелонно назад батареи 18-й дивизии, которые наиболее пострадали, причем им все-таки пришлось отбиваться от преследующих французов картечью.

Артиллерия 3-го и гвардейского корпусов также пришла на помощь 9-му корпусу, и те подбитые орудия последнего, которым удалось восстановить свою боеспособность, тотчас же снова выдвинулись в боевую линию. Таким образом, впереди Верневиля и до Сент-Эль образовался фронт из 130 орудий, который с видимым успехом боролся с неприятельской артиллерией. Теперь, после приближения к

⁴ Это строившаяся еще железная дорога.

Верневиллю 3-го корпуса и прибытия в Габонвиль 3-й гвардейской бригады, можно уже было не опасаться прорыва противника через эту линию.

Главные силы гвардейского корпуса уже около 2 ч пополудни подошли к Сент-Эль. Генерал Паппе скоро заметил, что, совершая захождение на восток, он также ни в каком случае не выйдет на подлежащее охвату правое крыло неприятеля, а наоборот, сам подставит свой левый фланг под удар французов, занимавших Сен-Мари-о-Шен. Это селение с очень прочными постройками городского типа, обстреливаемое сильным фланговым огнем с главной неприятельской позиции, следовало взять, прежде всего, при всяком наступлении, но, согласно приказу, для этого следовало выждать содействия саксонского корпуса.

Последний хотя и достиг своими передовыми частями окрестностей Батильи, но находился все еще в полумиле от Сен-Мари и только около 3 ч пополудни смог выдвинуть свои батареи на позицию западнее этого селения. Все-таки это была существенная помощь, после того как гвардия употребила большую часть своей артиллерии для поддержки 9-го корпуса.

Десять батарей направили свой огонь против Сен-Мари, и когда обнаружилось их действие, а, кроме того, от 12-го корпуса подошла 47-я бригада, то около 3³⁰ прусские и саксонские батальоны с громкими криками «ура» бросились на деревню с юга, запада и севера, не отвечая на огонь противника. Французы были выбиты с потерей нескольких сот пленных.

Саксонцы пробовали преследовать, и к северу от Сен-Мари завязался горячий пехотный бой, закрывший саксонскую артиллерию, но как только бригада была отозвана, батареи открыли огонь и повторные усилия французов отнять потерянную ими позицию были отражены.

Вскоре 9-му корпусу удалось овладеть фермой Шампенуа и там укрепиться, но все попытки продвинуться отдельными батальонами и ротами дальше против сомкнутого фронта французов не могли иметь успеха. Таким образом, к 5 ч вечера ружейный огонь совершенно прекратился, артиллерия лишь время от времени делала одиночные выстрелы. Истощение с обеих сторон имело последствием почти полное прекращение боя на этом участке поля сражения.

В главной квартире держались мнения, что 1-я армия должна приступить к серьезной атаке только после подхода к неприятелю 2-й армии. Но когда половина дня уже прошла и около полудня раздалась канонада у Вионвиля, то нужно было полагать, что этот момент уже настал; все-таки сначала было только разрешено подготовить предстоящий бой артиллерией.

Шестнадцать батарей 7-го и 8-го корпусов выехали на позицию вправо и влево от Гравелота у проходящего через селение шоссе.

При очень большом расстоянии от противника их действие было ничтожно; кроме того, они несли потери от огня французских стрелков, гнездившихся в противоположащей лесной полосе. Прогнать их было необходимо, а потому и здесь также завязался преждевременно пехотный бой. Французы были отеснены с восточного склона долины Манса; артиллерийская линия, возросшая до двадцати батарей, могла теперь продвинуться ближе к западному краю и сильно действовать против главной позиции противника.

Однако батальоны 29-й бригады продолжали наступление дальше. Слева они продвигались в южной части леса Жениво, но все-таки не могли установить связь с 9-м корпусом, находившимся в северной части леса, так как французы удерживались в центре его. Напротив, справа отдельные части вторглись в каменоломни и ямы для добычи гравия близ Сент-Юбера.

Тем временем германская артиллерия приобрела перевес над неприятельской. Многие французские батареи были принуждены к молчанию, другие не могли выехать на позицию. Неприятельский огонь был отчасти направлен против частей 30-й бригады, близко подошедших к хутору Сент-Юбер. Около 3 ч этот очень прочный отдельный двор, лежавший непосредственно перед главной позицией противника, был взят штурмом, несмотря на сильнейший огонь.

Хотя теперь перешла долину также и 31-я бригада, но дальнейшее наступление против Моску и Лейпцига по открытому полю, охваченному противником по дуге, не удалось, а привело только к большим потерям. На крайнем правом крыле немцев 26-я бригада взяла Жюси и обеспечила сообщения армии со стороны Меца, но не могла перейти глубокую долину Розерьель.

Повсюду передовые части французов были отеснены, отдельные дворы перед их фронтом горели, французская артиллерия каза-

лась подавленной, и у Гравелота получалось впечатление, что остается только преследовать. Ввиду этого около 4 ч пополудни генерал Штейнмец приказал произвести новое наступление свежими силами.

В то время как 7-й корпус занял лесную опушку, четыре батареи и позади их 1-я кавалерийская дивизия двинулись на рысях по дефиле длиной в 1 500 шагов восточнее Гравелота. Но неприятель, заметив головы глубоких колонн, удвоил приостановленный до тех пор ружейный и орудийный огонь. Одна из батарей в кратчайший срок потеряла прислугу четырех орудий, и только с величайшим трудом удалось ее отвести к опушке леса, другая вообще не успела развернуться. Напротив, батарея Хассе, несмотря на потерю 75 лошадей, и батарея Гньюгге у Сент-Юбера стойко удерживались, несмотря на тыловой огонь из каменоломен.

Шедший во главе кавалерийский полк из ложбины свернул галопом вправо и развернулся против Пуан-дю-Жур, но неприятель, стоявший совершенно укрыто, не представлял цели для атаки. Пришлось прийти к заключению, что тут нет места для использования кавалерии, и полки под разрывавшимися со всех сторон артиллерийскими снарядами вернулись через долину Манса.

Вследствие этой неудавшейся попытки немцев стрелковые цепи французов перешли в наступление из Пуан-дю-Жур и оттеснили прусские части, лежавшие в открытом поле, до лесной опушки. Пули ружей Шаспо долетали даже до места стоянки командующего армией, где под одним из свиты была убита лошадь.

Все-таки подошедшие свежие войска оттеснили неприятеля на его главную позицию. Столь же упорно немцы обороняли захваченный Сент-Юбер, хотя у стоявшей там батареи прислуги хватало только на одно орудие. Но все частные попытки наступления по плато, лишенному укрытий, терпели крушение и в 5-м часу вечера тут также настал перерыв боя, во время которого с обеих сторон измученные войска устраивались и отдыхали.

Около этого времени король Вильгельм со штабом выехал вперед на высоту южнее Мальмезона. Но и оттуда на расстоянии более мили нельзя было судить о том, как складывалась обстановка на левом крыле армии. Огонь французской артиллерии на всем фронте от Ля-Фоли до Пуан-дю-Жур почти совершенно прекратился, тогда как с

севера доносилась усиленная канонада. Настало 6 ч вечера, день приходил к концу, и надо было добиться решения.

Поэтому король приказал 1-й армии произвести новое наступление и передал в распоряжение генерала Штейнмеца только что подошедший после долгого марша 2-й корпус.

Вследствие этого наличные батальоны 7-го корпуса, кроме пяти оставленных в резерве, еще раз были переведены через долину Манса. К ним присоединились батальоны, выставленные в лесу Во по направлению на Пуан-дю-Жур и каменоломни.

К атакованному таким образом 2-му французскому корпусу подошла на подкрепление дивизия гвардейских вольтижеров. Все резервы выдвинулись в передовую линию. Артиллерия удвоила свою деятельность, и уничтожающий ружейный огонь встретил наступающего. Потом французы сами перешли в наступление густыми стрелковыми цепями и оттеснили небольшие части немцев, лежавшие в открытом поле и лишившиеся начальников, обратно к опушке леса.

Но этот контрудар был остановлен. К этому времени немцы располагали еще одним свежим корпусом.

Перевезенный позже всех по железной дороге на театр войны 2-й корпус следовал за армией форсированными маршами, не имея пока возможности принять участие в боях. Выступив в 2 часа утра из Понт-а-Мусон и двигаясь через Бюксьер и Резонвиль, корпус вечером прибыл в Гравелоту (южнее его). Среди померанских войск живо выражалось желание сегодня же сойтись с неприятелем.

Было бы правильнее, если бы находившийся тут начальник генерального штаба⁵ воспрепятствовал этому наступлению в столь поздний вечерний час. Совершенно нетронутая отборная часть могла быть весьма желанной на следующий день, а в этот же вечер она едва ли могла произвести решительный переворот.

Спеша через Гравелот, передовые батальоны корпуса продвинулись до каменоломен и на несколько сот шагов от Пуан-дю-Жур. Следующие батальоны были втянуты в сутолоку частей, стоявших в огне южнее Сент-Юбера, и дальнейшее наступление против Моску приостановилось. При наступившей темноте нельзя было более различать друзей и врагов, и огонь пришлось прервать. Он прекратился совершенно только около 10 часов.

⁵ То есть сам Мольтке.

Правда, было выгодно, что более свежий 2-й корпус занял в ночь передовую боевую линию, позади которой могли снова собраться сильно перемешанные части 7-го и 8-го корпусов.

Ход боя фактически показал, что левое крыло французов, почти неприступное по природе и укреплениям, не может быть отеснено даже при самой самоотверженной храбрости и величайших жертвах. Противники стояли друг против друга в угрожающей близости, готовые на следующее утро продолжать бой. Успех дня зависел от событий на другом крыле.

В 5¹⁵ вечера в Сент-Эль командир гвардейского корпуса нашел, что настал момент приступить к атаке французского правого крыла; но последнее простиралось значительно далее на север, чем фронт гвардейского корпуса, даже далее, чем это было известно самому французскому главнокомандующему. Правда, саксонцы приняли уже участие во взятии Сен-Мари-о-Шен, но, чтобы выйти во фланг противнику, кронпринц сначала собрал свой корпус у леса Обуэ. Для этого нужно было еще притянуть одну бригаду от Жарни и одну от Сен-Мари-о-Шен. Вследствие замедления при самом выходе корпуса из Марс-ля-Тур непосредственного вступления его в дело можно было ожидать лишь через несколько часов.

Согласно полученному приказанию 4-я гвардейская бригада выступила в назначенном ей направлении на Жерюзалем, непосредственно к югу от Сен-Прива. Как только это было замечено в 9-м корпусе, генерал Манштейн приказал переданной в его распоряжение 3-й гвардейской бригаде, стоявшей у Габонвиля, также наступать, и притом на Аманвилер. Гессенские батальоны двигались между обеими бригадами. Только полчаса спустя, левее 2-й гвардейской дивизии перешла в наступление 1-я гвардейская дивизия от Сен-Мари на Сен-Прива. Все это наступательное движение натолкнулось на широкий фронт 4-го и 6-го французских корпусов. Опорные пункты этого фронта, Сен-Прива и Аманвилер, почти еще не были обстреляны германскими батареями, которые пока были всецело заняты борьбой с неприятельской артиллерией вне селений.

Впереди главной французской позиции, расположенной по гребню высот, лежали на террасообразном скате, за изгородями и низкими каменными стенами, многочисленные стрелковые цепи. За ними поднималось селение Сен-Прива, похожее на замок, с массив-

ными домами, занятыми стрелками до самых крыш. Поэтому открытая равнина перед фронтом осыпалась подавляющим градом пуль.

При таких условиях потери атаковавшего этот фронт гвардейского корпуса были чрезвычайно велики. В продолжение получаса пять батальонов потеряли всех, остальные батальоны — большинство своих офицеров, особенно старших начальников. Тысячи убитых и раненых обозначали след батальонов, наступавших, несмотря на кровавые потери. Ряды их все смыкаются, и даже под командой младших лейтенантов и прапорщиков не пропадает спайка частей. По мере сближения с противником приобретает полную действительность и игольчатое ружье. Французы вытесняются из всех передовых, позиций, причем в большинстве случаев не выжидают последнего столкновения.

В 6¹⁵ батальоны подошли к Аманвилеру и Сен-Прива на расстояние 600–800 м. Местами у обрывистых скатов, доставляющих хоть небольшое укрытие, и в очищенных французами стрелковых окопах измученные войска останавливаются, чтобы перевести дух. В резерве у Сен-Мари стоят только четыре батальона за боевой линией, протяжением в 4 тыс. шагов. С помощью подоспевших двенадцати гвардейских батарей немцы стойко отбивают все удары неприятельской кавалерии и дивизии Сисэ; но растаявшие от неслыханных потерь войска, имея непосредственно перед собой два французских корпуса, должны выдержать еще более получаса, пока к ним подойдет поддержка.

Только к 7 ч вечера влево от гвардии прибыли на место боя две саксонские пехотные бригады; обе другие собирались еще у леса Обуз; напротив, артиллерия уже давно обстреливала Ронкур.

Получив известие о том, что немцы стремятся все глубже охватить его правое крыло, маршал Базен уже в 3 часа пополудни приказал сосредоточенной у Плапевиля гвардейской гренадерской дивизии Пикара направиться туда. Хотя расстояние составляло всего 1 милю, но это серьезное подкрепление, свернув с прямой дороги вправо в лесную долину, еще не прибыло, когда маршал Канробер, с величайшим трудом удерживавший пруссаков, решил теснее сосредоточить свои силы вокруг опорного пункта Сен-Прива. Отступление от Ронкура должен был прикрывать слабый арьергард, опушку леса Жомон приказано было удерживать.

Вследствие этого саксонцы не встретили в Ронкуре ожидаемого сильного сопротивления; после легкого боя они вторглись в селение вместе с ротами крайнего левого крыла гвардии. Часть саксонских батальонов еще раньше свернула с направления на Ронкур вправо и двинулась на помощь гвардии прямо на Сен-Прива.

Огонь 24 батарей обоих германских корпусов производил там страшные опустошения. Многие дома были охвачены пламенем или рушились от попадавших в них гранат. Но французы решили оборонять до последней крайности этот важнейший для исхода всего сражения пункт. Батареи их правого крыла стояли на позиции между Сен-Прива и лесом Жомон, из которого фланкировалось дальнейшее наступление саксонцев. Другие батареи, расположенные южнее, действовали против пруссаков, а при своем дальнейшем одновременном наступлении германские войска были встречены частым огнем укрыто расположенных французских стрелковых цепей.

Все эти препятствия, хотя и с новыми потерями, постепенно преодолеваются движением в штыки, частью с коротким перерывом для беглого огня, частью же без выстрела. При заходе солнца атакующие войска приблизились к Сен-Прива на 300 шагов. К ним присоединяются отряды прибывшего в Сент-Эль 10-го корпуса и теперь со всех сторон производится последний натиск. Французы обороняют с величайшим упорством горящие дворы и церковь, пока, все более и более обходимые, вынуждены, наконец, в 8 ч положить оружие. При этом попадает в плен более 2 тыс. не раненых французов, раненых приходится спасать из огня.

Под прикрытием бригады в лесу Жомон и кавалерии разбитые части 6-го французского корпуса спешили вниз, в долину Мозеля. Только теперь появилась французская гвардейская гренадерская дивизия, и развернулся к востоку от Аманвилера артиллерийский резерв армии.

Германские батареи немедленно вступили в бой, который продолжался до ночной темноты, причем Аманвилер загорелся.

Тут уже началось отступление 4-го французского корпуса, замаскированное только повторными сильными контрударами на короткое расстояние. Дело дошло еще раз до рукопашной схватки с атакующими батальонами правого крыла гвардии и левого крыла 9-го корпуса.

Все-таки ночью Аманвилер оставался еще в руках французов. Только в 3 ч утра 3-й французский корпус также очистил позиции у Моску; 2-й корпус удерживался до 5 ч, вступая в оживленные стычки с передовыми постами 2-го германского корпуса, занявшими плато у Моску и Пуан-дю-Жур.

Только бои 14 и 16 августа сделали возможным успех 18 августа. Французы определяют свои потери в 13 тыс. чел.

В октябре в Меце стояло еще 173 тыс. чел. Следовательно, в сражении 18 августа противник во всяком случае имел более 180 тыс. чел. Точная численность семи германских корпусов в этот день составляла 178 818 чел.

Итак, с приблизительно равными силами немцы вытеснили французов из позиции, выгоднее которой едва ли можно было найти.

Понятно, что при этом потеря атакующего была гораздо больше, чем у противника; она равнялась 20 159 чел., в том числе 899 офицеров.

Если по штатам военного времени на 40 солдат приходится в среднем 1 офицер, то в этом сражении 1 выбывший из строя офицер приходился уже на 23 солдата.

Атака прусской кавалерии в битве при Гравелоте.

Похвальное свидетельство того примера, который начальники показывали своим храбрым солдатам, но вместе с тем эти потери за время похода уже нельзя было пополнить. Вообще уже в первые 14

дней августа германская армия потеряла в шести сражениях 50 тыс. чел.

Разумеется, на родине пополнение не могло быть подготовлено так быстро. К этому времени, однако, были уже предусмотрены новые формирования из отслуживших солдат.

Прежде всего, еще вечером были подтянуты с правого берега Мозеля первые эшелоны обозов и госпитали, также были повсюду пополнены боевые припасы. Только с трудом удалось в переполненном ранеными Резонвиле найти комнатку на чердаке для короля и убежище для его штаба.

Последнему предстояло еще в течение ночи составить все распоряжения, которых немедленно требовала новая созданная победой обстановка. Уже утром 19 августа все относящиеся сюда приказы могли быть представлены королю для принятия решения.

Новое разделение вооруженных сил

Блокада Меца не входила в первоначальный план похода; предполагалось наступать на Париж мимо крепости, ограничившись одним наблюдением за ней; назначенная для этого резервная дивизия в составе 18 батальонов, 16 эскадронов и 36 орудий уже приближалась.

Между тем, при создавшейся обстановке потребовалось полное обложение Меца, что вызвало радикальные изменения в организации вооруженных сил.

Для обложения Меца была сформирована, под командой Фридриха-Карла, особая армия, состоявшая из 1-го, 7-го и 8-го корпусов прежней 1-й армии и из 2-го, 3-го, 9-го и 10-го корпусов 2-й армии, затем из резервной дивизии и 3 кавалерийских дивизий, всего 150 тыс. чел.

Гвардейский, 4-й и 12-й корпуса, а также 5-я и 6-я кавалерийские дивизии образовали с этого момента под начальством кронпринца Саксонского особую «маасскую армию» силой в 138 тыс. чел. Эта последняя и 3-я армия, насчитывавшая 223 тыс. чел., были назначены для наступления против формировавшейся в Шалоне новой французской армии.

Правда, блокадная армия была при этом слабее блокированного противника. Следовало ожидать, что последний употребит новые усилия пробиться на запад, и потому главные силы блокадной армии должны были оставаться на левом берегу Мозеля.

Все эти приказы после одобрения их королем были уже в 11 ч утра разосланы войсковым начальникам.

По распоряжению Фридриха-Карла, 10-й корпус занял лесистую местность от нижнего Мозеля до Сен-Прива, 2-й корпус — гребень высот оттуда до Моску. Затем справа примыкали 7-й и 8-й корпуса; последний — на обоих берегах верхнего Мозеля. На линии Нуильи, вправо и влево от Сейля, стоял 1-й корпус, имея особую задачу — прикрывать устраиваемые в Ремилъи и Понт-а-Мусоне большие магазины. В район Ретонфэ к северо-востоку от Меца придвинулась 3-я резервная дивизия. 9-й и 3-й корпуса в качестве резерва были расположены лагерем у Сен-Мари и Верневиля. Немедленно было приступлено к окопным работам и к постройке мостов через Мозель выше и ниже крепости.

Из корпусов, принадлежавших теперь маасской армии, 12-й корпус собрался у Конфлана, гвардейский — у Марс-ля-Тур, тогда как еще не участвовавший под Мецем 4-й корпус достиг уже Комерси.

Пройдя через горы и блокировав крепость Туль одной баварской бригадой, 3-я армия направилась дальше тремя колоннами. Только передовые ее корпуса достигли Мааса и там должны были остановиться на два дня, чтобы наступать приблизительно на одной линии с маасской армией. Тем временем их кавалерия производила поиски на 3 перехода вперед до Шалона и Витри-ле-Франсуа, где она впервые после Вёрта вошла в соприкосновение с противником. Но это были лишь охраняющие отряды на Марнской железной дороге, которые отошли по окончании войсковых перевозок.

Шалонская армия

Между тем, у Шалона была сформирована французская армия из 166 батальонов, 100 эскадронов и 380 орудий; в состав ее вошли 1-й, 5-й, 7-й и 12-й корпуса.

Ядром для последнего послужила оставленная на испанской границе дивизия, к которой присоединились четыре полка морской пехоты, отличные войска. Кроме того, были добавлены две кавалерийские дивизии. Генерал Трошю, назначенный губернатором Парижа, взял туда обратно восемнадцать батальонов мобилей; они уже проявили такую распущенность, что нельзя было решиться двинуть их против неприятеля.

Император прибыл в Шалон и возложил на маршала Мак-Магона командование вновь сформированной армией. Во французской главной квартире должны были предполагать, что маршал Базен отступает от Меца. Наступление шалонской армии, примерно, до Вердена могло через несколько дней привести к соединению обеих армий, вследствие чего образовалась бы сила, способная оказать сопротивление победоносному пока неприятелю. С другой стороны, Мак-Магон должен был также позаботиться о прикрытии Парижа. Появление армии кронпринца Прусского на Маасе угрожало как столице, так и правому флангу шалонской армии.

Для того чтобы выбрать наступление или отступление, нужно было прежде всего знать то направление, которое хотел избрать маршал Базен.

18 августа от него было получено донесение, что в сражении при Резонвиле он удержал свою позицию, но что, раньше, чем выступить дальше, войска должны быть снабжены боевыми и продовольственными припасами. По этим данным представлялось более чем вероятным, что сообщения Рейнской армии уже находятся под угрозой. Маршал Мак-Магон решил идти в Реймс, откуда он мог или достигнуть Парижа (сделав небольшой крюк), или же двинуться навстречу Базену.

Однако, получив сведения, что армия кронпринца прусского вообще не была притянута к Мецу и что прусская кавалерия уже появилась перед Витри, маршал сознал опасность последнего предприятия. Правильно оценивая обстановку, он отказался выполнить приказ императрицы и совета министров о выступлении в этот поход и объявил,

что пойдет к Парижу. Там он мог отважиться на сражение при выгодных условиях, так как даже в случае неудачи форты крепости обеспечивали отступление и исключали возможность всякого преследования.

Новые сообщения из Меца не давали ясного представления о та-мошнем положении. 18 августа «армия также удержала свою позицию», только правое крыло произвело перемену фронта. «Войска нуждаются в 2–3 днях отдыха», но маршал Базен «все еще рассчитывает двинуться в северном направлении» и пробиться через Монмеди и Сен-Менеульд в Шалон, если эта дорога не сильно занята. В последнем случае он пойдет на Седан и даже через Мезьер, чтобы достигнуть Шалона.

Намеченное движение в это время могло уже находиться в стадии исполнения, и в таком случае маршал Мак-Магон ни за что не хотел оставить своего соратника без помощи. Итак, 23 августа он все-таки выступил вместо Парижа по направлению на Стенэ.

Это внезапно принятое решение совершенно не было подготовлено. После первого перехода под проливным дождем войска поздно вечером достигли р. Сюип. Ощущался недостаток в самом необходимом — два корпуса остались совершенно без продовольствия. Ввиду этого маршал оказался вынужденным подтянуть армию на север к Ретелю, где находились большие склады съестных припасов и куда железная дорога облегчала подвоз. Третий переход также мало подвинул шалонскую армию в восточном направлении. Левое крыло осталось у Ретеля, правое достигло р. Эн у Вузье. 26 августа главные силы еще находились между Атиньи и Ле-Шен на Арденском канале; 7-й корпус с одним гусарским полком должен был прикрывать правый фланг впереди Вузье.

В то время как французская армия двигалась по широкой дуге на восток, германские армии, выступившие одновременно, шли по прямому направлению на запад.

По решениям, принятым в германской главной квартире в Понт-а-Мусон, наступление против неприятеля, предполагаемого в Шалоне, должно было происходить в таком порядке, чтобы левофланговая 3-я армия двигалась на 1 переход впереди правофланговой маасской армии с тем, чтобы везде, где бы французы ни остановились, атаковать их одновременно с фронта и правого фланга, отбрасывая к севе-

ру от Парижа. Смыкаясь при наступлении, обе армии должны были к 26 августа достигнуть линии Сен-Менеульд — Витри.

Первый переход привел к Маасу пока еще на фронте в 12 миль, второй переход 24 августа — на линию Сен-Дизье, Бар-ле-Дюк, Верден. Попытки взять мимоходом последнюю крепость и крепость Туль остались безуспешными.

Уже в этот день были получены важные донесения от далеко выдвинутой вперед 4-й кавалерийской дивизии. Рейнские драгуны очистили от неприятеля Шалон и лагерь у Мурмелона, найдя в последнем, несмотря на произведенное разрушение, значительную добычу. Перехваченное письмо одного офицера обнадеживало, что Мец будет освобожден, другое письмо сообщало, что маршал Мак-Магон с 150 тыс. чел. стоит у Реймса и там укрепляется, что подтверждали также и парижские газеты.

Маасская армия 25 августа стояла от Сомейля до Домбаля, тогда как 3-я армия своими головными частями уже производила назначенное только на следующий день развертывание на дороге Сен-Менеульд — Витри. Последняя маленькая крепость сдалась 4-й кавалерийской дивизии, после того как утром батальон мобилей оставил город.

На марше для посадки на железную дорогу, ведущую в Париж, этот батальон в числе 1 тыс. чел. был взят в плен 6 кавалерийской дивизией, выдвинувшейся к Дампьеру.

5-я кавалерийская дивизия достигла Сен-Менеульд, 12-я последовала по той же дороге до Клермона и разведывала до Варена, удаленного всего на 2 мили от сторожевого охранения французов у Гран-Пре, не узнав, однако, ничего о присутствии французской армии.

Разведке на широком фронте вправо от армии препятствовал Аргонский лес, трудно проходимый для одной кавалерии без помощи пехоты. Местные жители стали проявлять большую враждебность. Правительство роздало им ружья и организовало восстание. До сих пор немцы вели войну только с императором, теперь же им пришлось обратить оружие и против населения. Партизанские действия стесняли мелкие предприятия, не влияя, разумеется, на ход крупных операций. Но понятно, что солдат, не чувствовавший себя в безопасности ни днем, ни ночью, ожесточался, и это обостряло характер войны и увеличивало страдания страны.

В главной квартире в Бар-ле-Дюк в этот день была получена телеграмма из Парижа через Лондон. В ней говорилось, что Мак-Магон стоит в Реймсе, стремясь соединиться с Базеном. Замена раз принятого, хорошо обдуманного плана без крайней необходимости новым, неподготовленным планом всегда вызывает опасения.

Нецелесообразно совершенно менять направление марша на основании слухов и известий, которые впоследствии могут не подтвердиться. Из этого должны были возникнуть некоторые затруднения, распоряжения относительно подвоза продовольствия и пополнений расстраивались, и бесцельные марши могли влиять на доверие войск к командованию.

Ввиду этого приказы на следующий день, отданные около 11 ч утра, давали обеим армиям мало измененное направление вместо Шалона на Реймс. Но от кавалерии правого крыла настойчиво требовалось выдвижение до Бюзанси и Вузье, что должно было вполне выяснить обстановку.

На войне часто приходится иметь дело только с вероятностями, а самым вероятным в большинстве случаев является то, что противник принимает наиболее выгодную меру. Подобной мерой нельзя было считать открытие дороги на Париж и движение вдоль бельгийской границы к Мецу. Такой поход являлся странным и даже рискованным, но все-таки он был возможен. Вследствие этого начальник генерального штаба в полдень набросал на всякий случай таблицу маршрутов, согласно которой три корпуса маасской армии и оба ближе всего стоявших баварских корпуса в 3 умеренных перехода могли сосредоточиться в окрестностях Дамвиллера, на правом берегу Мааса.

Притянув еще стоявшие в резерве у Меца два корпуса, можно было близ Дамвиллера принять сражение с 150 тыс. чел. или же наступлением на Лонгюон навязать сражение неприятелю. Без последних двух корпусов можно было вполне надеяться задержать его движение уже по эту сторону Мааса и притянуть еще другие корпуса 3-й армии.

К выполнению этой таблицы маршрутов пришлось приступить очень скоро. Еще в течение послеобеденного времени были получены новые известия. Газеты в Париже выбалтывали тайну, они приводили резкие речи в Национальном собрании: «Французский генерал, оставшийся без помощи своего товарища, подвергнется проклятию

отечества». Объявляли позорным для французского народа, если храбрый Базен останется без поддержки. При могуществе фразы во Франции следовало ожидать, что военные соображения подчинятся политическим. Действительно, телеграмма из Лондона сообщала известие парижской газеты «Темп» что Мак-Магон вдруг принял решение идти на помощь Базену, хотя оставление дороги на Париж угрожало безопасности Франции.

Еще вечером король одобрил поворот направо, и ночью приказы об этом были непосредственно посланы соответствующим корпусам.

26 августа король перенес свою главную квартиру в Клермон. Командующий 4-й армией с 12-м корпусом рано утром выступил в Варен, приказав гвардейскому корпусу идти в Домбаль, 4-му корпусу — в Флери.

Кавалерия, разведывавшая по различным направлениям, нашла местность на р. Сюип очищенной французами, берега же р. Мааса еще не были ими достигнуты; напротив, Бюзанси и Гран-Пре оказались занятыми, именно — на высотах у Вузье были замечены большие биваки войск 7-го корпуса. Появление нескольких слабых кавалерийских застав, высланных немцами для наблюдения, вызвало там с трудом объяснимую суматоху.

Генерал Дуэ получил в Вузье самые преувеличенные донесения, дававшие право к заключению о непосредственно предстоявшем общем наступлении противника: 7-й корпус всю ночь простоял в ружье под проливным дождем, и маршал Мак-Магон на следующее утро решил двигаться со всеми силами на Вузье и Бюзанси. Таким образом, уже 27-го марш на восток был бы приостановлен, но ложность полученных сведений обнаружилась еще раньше.

Если германское верховное командование было живо заинтересовано в выяснении движений противника, то для французской стороны эта потребность существовала, наверное, не в меньшей мере. При целесообразном использовании французской кавалерии на правом фланге внезапность, подобно упомянутой выше, была бы невозможна, но 1-я кавалерийская дивизия находилась перед совершенно безопасным левым крылом, а 2-я дивизия — позади армии. Кажется, не столько заботились об отражении удара, сколько о том, чтобы, уклоняясь от него, незаметно достигнуть Монмеди, пункта соединения с другой армией.

После того как едва ли можно было еще сомневаться в наступлении противника с юга, лучшим способом действия бесспорно было бы встречное наступление в этом направлении с целью его разбить или, по крайней мере, удалить от линии марша. Если бы это не удалось, то, по крайней мере, тогда выяснилось бы, что поход невыполним и, что продолжение его должно привести к катастрофе.

Правда, германская кавалерия образовала завесу, за которую трудно было проникнуть. Маршал не мог знать, что его противник, эшелонированный еще на 8 миль от Витри до Варен, отнюдь не был в состоянии уже теперь произвести серьезное нападение.

По выяснении недоразумений маршал 27 августа продолжал свой марш, по крайней мере, частью сил. 7-й и 5-й корпуса прикрывали движение в Вузье и Бюзанси, 12-й корпус двигался вперед к Ле-Шен, 1-я кавалерийская дивизия шла к Бомону, разумеется, для того, чтобы узнать о прибытии маршала Базена. Но 1-й корпус и 2-я кавалерийская дивизия остались позади на р. Эн.

Самый передовой из германских корпусов — 12-й саксонский — получил непосредственное приказание идти 27 августа на Дэн и занять на правом берегу Мааса переправы до Стенэ. Последний пункт был достигнут уже в 3 часа пополудни, и сторожевое охранение выдвинуто на левый берег.

Кавалерия оставалась перед неприятелем и с небольшими боями следила за его движениями. Уход 5-го французского корпуса из Бюзанси по направлению на Ле-Шен, а также марш к Бомону были обнаружены, и саксонская кавалерийская дивизия еще вечером была выдвинута до Нуара. Баварские корпуса достигли дороги Клермон — Верден, 5-й корпус прибыл в Сен-Менеульд, остальные корпуса 3-й армии двигались вслед усиленными маршами в северном направлении.

Теперь имелась обоснованная надежда настичь неприятеля еще на левом берегу Мааса. Блокадная армия под Мецем была уведомлена, что подтягивание двух корпусов из ее состава более не требуется; между тем, они уже выступили.

Новые распоряжения, отданные маршалом Мак-Магоном, представляют последнюю попытку продвинуться дальше в прежнем направлении. Он эшелонировался на самой северной из дорог, ведущих в Мец, но оставил сильный резерв на р. Эн для обеспечения отхода.

Теперь, узнав, что в Монмеди никого не видно из Рейнской армии, что последняя, напротив, еще пребывает у Меца, Мак-Магон решил отступить, отдал приказы для выполнения этого на следующее утро и донес о своем намерении в Париж.

Однако, оттуда еще ночью были получены самые настойчивые возражения. Военный министр телеграфировал: «Если вы оставите Базена без помощи, то разразится революция».

Совет министров ставил определенное требование — освободить Мец. При этом указывалось, что маршал имеет перед собой только часть блокадной армии, что кронпринца он опередил на несколько дней, а для прикрытия Парижа двинулся в Реймс генерал Винуа с вновь сформированным 13-м корпусом.

Маршал, вопреки своему пониманию военной обстановки, подчинился и отдал новые приказы. Но войска уже выступили рано, и потому при перемене направления марша произошли многочисленные скрещивания колонн; только поздно вечером и даже ночью, двигаясь по плохим дорогам, промокшие и измученные части в подавленном настроении достигли своих квартир.

В восточном направлении 28 августа было пройдено едва ли более 2 миль. 12-й корпус достиг Ля-Безас; 1-й корпус двигался вслед за ним на Ле-Шен; 7-й корпус, получив ложное известие, будто два прусских корпуса заняли Бюзанси, остановился в Буль-о-Буа. На основании того же известия 5-й корпус развернулся против Бюзанси у Бара, но после полудня двинулся к Буа-де-Дам.

Впрочем, эти движения происходили без помехи. Германской кавалерии было категорически приказано отнюдь не мешать противнику и не теснить его, ограничиваясь наблюдением с самого близкого расстояния. Саксонская кавалерийская дивизия при подходе противника очистила Нуар. С германской стороны следовало выждать прибытия двигавшейся позади 3-й армии, из которой самый дальний 6-й корпус еще только достиг Сен-Менеульд.

Вследствие этого и на 29 августа было приказано не делать прямого вызова противнику, так как вызвать решительное столкновение предполагалось только 30 августа.

В своей главной квартире в Стоне маршал узнал, что Дэн занят немцами и мост через Маас уничтожен. Без понтонного парка реку можно было перейти только ниже у Музона и Вилера, 12-й корпус и 1-

я кавалерийская дивизия перешли там беспрепятственно на правый берег, 1-й корпус и 2-я кавалерийская дивизия двинулись в Рокур. 7-й корпус, задержанный небольшими столкновениями на своем правом фланге, не достиг назначенной ему цели марша — Ла-Безас, а стал биваком у Ош. 5-й корпус должен был идти в Бомон, но офицер генерального штаба, посланный для передачи приказа, вместе со своим прикрытием был взят в плен прусской кавалерией. Вследствие этого генерал Фальи, выполняя прежнее приказание, двинулся на Стенэ.

Если до сих пор, кроме кавалерии, только саксонский корпус дошел до неприятеля, то теперь гвардейский корпус выдвинулся на ту же линию до Бюзанси, саксонский же корпус опять перешел у Дэн на левый берег Мааса. Его авангард занял лесную высоту, выдающуюся к северо-востоку от Нуара, прогнал оттуда французскую кавалерию и продвинулся до Шампи, где противник развернул значительные массы — дивизию Лепара. Цель разведки была достигнута, и авангард отозван. Одновременно и французы также отошли на север, вследствие вновь отданных приказов маршала.

С германской стороны теперь подошли четыре корпуса 3-й армии, находясь в 2 милях позади маасской армии. 5-я кавалерийская дивизия стояла у Атиньи на коммуникационной линии противника, 6-я кавалерийская дивизия прицепилась к хвостам его походных колонн и, между прочим, взяла спешенной частью Вонк. Германская главная квартира переехала вперед в Гран-Пре, и на основании полученных там донесений было решено на следующий день, раньше, чем французы перейдут Маас, их атаковать. Маасской армии указывалось наступать на Бомон, 3-й армии — между этим пунктом и Ле-Шен. С целью вывести обе армии на одну линию движение правого крыла должно было начаться только около 10 ч утра, тогда как левому крылу предписывалось выступить уже в 6 ч. Из обозов должны были следовать за войсками лишь повозки, нужные для боя.

Сражение при Бомоне 30 августа

В 10 часов утра 30 августа король через Бюзанси проехал в Соммот.

На подходе туда находились оба баварских корпуса; в центре двигались 5-й корпус на Ош и 11-й корпус с вюртембергской дивизией на Ле-Шен; 6-й корпус шел на Вузье. Правее наступали 4-й корпус через Бельваль и 12-й корпус вдоль Мааса, тогда как гвардейский корпус следовал в резерве.

Маршал Мак-Магон поставил целью на этот день перевести все корпуса на правый берег Мааса. Обозы и больные должны были остаться позади.

Уже в 7 часов утра 1-й корпус и 2-я кавалерийская дивизия выступили из Рокура; они перешли реку у Ремильи, пехота — по устроенным мосткам.

7-й корпус снялся с биваков у Ош еще в 4 часа утра, но на походе он вел с собой все свои повозки, даже пустые. Они составили колонну в 2 мили длиной; для ее прикрытия семь батальонов должны были идти рядом с дорогой, а замыкающая бригада могла выступить только около 10 часов. Вскоре эта колонна вошла в соприкосновение с прусской кавалерией, была обстреляна артиллерией и вынуждена развернуться. Только около 1 часа пополудни можно было продолжать марш на Ла-Безас, и так как со стороны Бомона слышалась сильная канонада, то генерал Дуэ счел нужным свернуть с пути на Музон и также направиться на Ремильи.

На долю 5-го корпуса, вероятно, должна была выпасть задача прикрывать отход других. Войска достигли окрестностей Бомона только в 4 часа утра и были крайне утомлены боями и маршами по ночам.

Вследствие этого генерал Фальи решил утром дать людям пообедать и только после этого выступить. Хотя близость неприятеля была известна, но, кажется, никаких мер охранения принято не было и около 1³⁰ пополудни, когда офицеры и солдаты еще обедали, посреди этой беззаботной толпы стали ложиться прусские гранаты.

Оба корпуса германского правого крыла должны были по размокшим от дождя дорогам пройти лесную полосу в четырех совершенно разобщенных колоннах. Поэтому кронпринц Саксонский при-

реям. Тем временем главные силы 8-й германской дивизии подошли на помощь авангарду, а вскоре появилась справа и 7-я дивизия. Французы произвели против нее тоже энергичную атаку, которая могла быть отражена только штыками. Однако вслед за тем передовые батальоны обеих германских дивизий ворвались в лагерь перед Бомоном, в самый город, и, наконец, в находящийся севернее его второй лагерь. Семь орудий, передки которых не подоспели, но которые продолжали огонь до последнего момента, и некоторое число солдат, повозок и лошадей попали в руки атакующих.

В то время как около 2 часов дня наступил перерыв в бою пехоты, четырнадцать батарей 4-го корпуса с кряжа высот севернее Бомона продолжали бой против французской артиллерии. Вскоре они были усилены: справа саксонской, слева баварской артиллерией. Перед этой сильной линией орудий, которая продвигалась уступами все дальше, исчезли сначала митральезы, а затем и остальные французские орудия.

Левее 4-го прусского корпуса наступал на Тибодин 2-й баварский корпус; он был совершенно неожиданно атакован с запада сильным неприятельским отрядом.

Это была дивизия Консейль-Дюмениля 7-го французского корпуса, которая, исполняя прежнее приказание, ошибочно продолжала марш на Музон. Сама очень удивленная, атакованная с фронта и фланга, она потеряла надежду туда пробиться и в 4 часа поспешно отступила в северном направлении, оставив два орудия.

Тем временем баварцы взяли ферму Тибодин, а пруссаки — Ганкотери. Высоты, покрытые лесом, препятствовали обзору впереди лежащей местности; неприятель совершенно исчез.

Под прикрытием арьергарда, выставленного у Ля-Сартеля, генерал Фальи старался собрать свои рассыпавшиеся войска у Музона. Для поддержки его генерал Лебрен приказал одной пехотной и одной кавалерийской бригадам 12-го корпуса с тремя батареями опять перейти на левый берег Мааса.

Против этой новой оборонительной позиции в 5 часов через частый лес Живодо с трудом наступала 8-я прусская дивизия, имея перед собой 13-ю бригаду. При выходе из леса перемешавшиеся батальоны были встречены близким и частым огнем. Повторные попытки стрел-

ков наступать не удалось, образовать же позади сомкнутые массы мешала густая поросль.

После того как саксонский корпус с величайшим трудом выбрался из лесной и болотистой местности р. Вам и достиг Летан, оказалось невыгодно продолжать движение по долине Мааса, так как многочисленные французские батареи с неприступной позиции на другом берегу реки обстреливали всю низменность. Ввиду этого саксонцы поднялись на высоту и прошли также лес Живодо, увеличив число войск, собравшихся на его северной опушке. Развертывание их на более широком фронте было невозможно. Таким образом, тут около 6 часов бой пехоты пока приостановился.

Левее 13-й бригады на одной с нею линии наступала 14-я бригада, за которой следовала 8-я дивизия в двух колоннах. 93-й полк овладел высотой к северо-востоку от Ионка и, преследуя неприятеля, дошел до подошвы Мон-де-Брюн. При этом им были захвачены четыре митральезы и восемь орудий, частью с полной запряжкой.

Подтянув артиллерию и выждав подхода 27-го полка, генерал Цихлинский в 5³⁰ приступил к охватывающей атаке.

Французы крепко занимали совершенно изолированную вершину горы; их батареи стояли восточнее, обращенные на лес Живодо, откуда угрожала атака, но они быстро переменили фронт на юг и направили сильный огонь против 93-го полка и батальона 27-го полка, которые тут наступали, тогда как фузилерный батальон надвигался с запада.

Не обращая внимания на потери, эти части, имея во главе бригадного и полкового командиров, атакуют вверх по скату. Шесть стреляющих французских орудий, несмотря на храброе сопротивление прислуги и прикрытия, захватываются немцами, которые преследуют неприятеля до Римской дороги. При этом в руки победителя попадают еще четыре заряженных, но оставленных прислугой орудия.

Не выжидая поддержки от двигающейся позади 14-й бригады, три батальона продолжают наступление на Музон, но вдруг попадают под угрозу кавалерийской атаки.

Маршал Мак-Магон понял, что теперь дело сводится лишь к возможно упорядоченному очищению левого берега Мааса и потому отозвал обратно за реку высланные с правого берега подкрепления. Оставался только 5-й кирасирский полк. Настигнутый к северу от

предместья Музона снарядами наступавших пруссаков, он с полным презрением к смерти бросается на неприятеля.

Атаке подверглась 10-я рота 27-го полка. Не смыкаясь, она ожидает команды своего командира, капитана Гельмута, и затем с самого короткого расстояния дает залп, от которого всего в 15 шагах перед фронтом падают храбрый командир кавалерийской части, 11 офицеров и более 100 кирасиров. Остальные мчатся обратно к Маасу и, так как все мосты заняты, стремятся вплавь достигнуть другого берега.

Перед Музоном еще стояли значительные массы французов, и против них направился огонь постепенно подходивших батарей 4-го корпуса. Две баварские батареи обстреливали мост, лежавший ниже по реке у Виллера, мешая его использованию. Затем после сильного боя за отдельные дома было взято предместье и здесь занят мост через Маас. Лишенный всякой возможности отступления противник встретил наступавшую из долины Ионк 8-ю дивизию частым огнем, но был все более оттесняем к реке.

В столь же безнадежном положении очутились французские отряды, стоявшие еще перед лесом Живодо: они были атакованы 7-й дивизией и 12-м корпусом и после упорного боя рассеяны. При наступлении сумерек сопротивление на левом берегу Мааса прекратилось. Многие из оставшихся там французов попали в плен, другие прятались в отдельных дворах и рощах или пытались спастись вплавь.

В этом сражении атакующий также понес значительно большие потери, чем обороняющийся. Маасская армия потеряла 3 500 бойцов, главным образом из состава 4-го корпуса. Французы определяют свои потери в 1 800 чел.; но в течение дня и на следующее утро они оставили победителю: 3 тыс. преимущественно не раненых пленных, 51 орудие, 33 зарядных ящика, много других повозок и полевое казначейство с 150 тыс. франков. В то время как бой этого дня вел главным образом 4-й корпус, саксонская кавалерия наступала на правом берегу Мааса и наблюдала к стороне Музона и Кариньяна. Гвардия достигла Бомона, генерал Танн с 1-м баварским корпусом продвинулся при небольших боях через Ля-Безас в Рокур, 2-й баварский корпус собрался у Соммота, 5-й корпус дошел до Стона, 11-й корпус — до Ля-Безас, так что теперь семь корпусов были тесно сосредоточены между Маасом и р. Бар.

По окончании сражения король верхом вернулся в Бюзанси, потому что ближайшие селения были переполнены ранеными. Как уже в Клермоне, так и тут появились затруднения, которые происходили от массы высокопоставленных гостей и их свиты во всех тех случаях, когда главная квартира располагалась не в больших городах, а по требованию военной обстановки в незначительных селениях. Только с величайшим трудом удалось поздно ночью найти убежище для тех, которые должны были подготовить необходимые приказы на следующий день.

Согласно этим приказам два корпуса маасской армии 31 августа должны были перейти на правый берег реки, чтобы помешать возможному дальнейшему наступлению французов через Монмеди на Мец. Кроме этих корпусов еще два корпуса блокадной армии стояли уже на этом направлении наготове у Этена и Бриэ. 3-я армия должна была 31 августа продолжать движение в северном направлении.

При существовавшей обстановке уже предусматривалась возможность перехода шалонской армии на нейтральную территорию, и потому бельгийскому правительству было отправлено дипломатическим путем требование принять в этом случае меры для разоружения, немецким же войскам указывалось немедленно перейти границу, если только противник не сложит там оружия.

В то время как 5-й французский корпус сражался у Бомона, а остальные корпуса переходили Маас, маршал Мак-Магон уже отдал приказ о сосредоточении армии к Седану. В его намерения не входило давать там сражение, но короткий отдых войск и снабжение их продовольственными припасами, бесспорно, были необходимы. Затем должно было последовать отступление через Мезьер, куда как раз теперь подходил генерал Винуа с вновь сформированным 13-м корпусом. Прибывший уже после полудня в Кариньян 1-й корпус выставил вечером две дивизии у Дузи, чтобы воспрепятствовать преследованию противника.

Хотя всякому преследованию непосредственно после сражения, безусловно, мешала река, но все-таки отступление французов приняло вскоре опасный характер разложения. Войска были до крайности утомлены напряженными действиями днем и ночью, под постоянным дождем и при недостаточном продовольствии. Бесцельные, по видимому, передвижения взад и вперед подорвали доверие к коман-

дованию, а ряд неудачных боев поколебал веру в свои силы. Тысячи беглецов, требовавших хлеба, протискивались по запруженным дорогам вперед, чтобы достичь маленькой крепости, которая неожиданно сделалась центром большого сосредоточения войск.

Туда поздно вечером приехал также император Наполеон из Кариньяна. В течение ночи на 31 августа 7-й корпус прибыл к Флуань и только утром 12-й корпус — к Базейлю. В подавленном настроении собрался 5-й корпус у восточного предместья крепости. После полудня подошел также 1-й корпус, имевший арьергардные бои с германской кавалерией; он занял позицию за долиной р. Живон.

Итак, о продолжении марша к Мезьеру в этот день нельзя было и думать. Между тем, уже вечером 12-му корпусу пришлось занять фронт у Базейля, где гром орудий возвещал прибытие немцев.

Разрушение мостов у Базейля и Доншери было предписано, но при всеобщем утомлении этот приказ остался невыполненным.

31 августа из состава маасской армии гвардейская и 12-я кавалерийская дивизии, перейдя Маас у Пуильи и по понтонному мосту у Лэтана, продвинулись от этой реки к р. Шиер. Наседая на отступавшего противника и следуя за ним до его новой позиции, они взяли в плен многочисленных отсталых. Гвардейский корпус перешел затем у Кариньяна через р. Шиер и остановился у Саша; 12-й корпус придвинулся к Маасу у Дузи, выдвинув свой авангард по ту сторону до Франшваля. 4-й корпус остался у Музона.

Из 3-й армии 4-я кавалерийская дивизия производила поиски по направлению на Седан, отбросила французские заставы из Ваделенкур и Френуа и обстреляла из последнего селения своей артиллерией железную дорогу. На левом крыле 6-я кавалерийская дивизия выдвинулась в направлении на Мезьер до Пуа.

Уже утром, когда 1-й баварский корпус достиг Ремильи, он был обстрелян с противоположного берега Мааса, почему его артиллерия выехала на позицию по склону долины левого берега. Началась оживленная канонада, в которой под конец приняло участие 60 баварских орудий. Только теперь французы попытались взорвать железнодорожный мост к югу от Базейля. Но сильный огонь 4-го егерского батальона прогнал противника и его рабочих; егеря сбросили бочки с порохом в воду и вскоре после полудня перешли мост. Несмотря на

град пуль, батальон ворвался в Базейль и занял северную окраину этого обширного селения.

При таких условиях французский 12-й корпус считал нужным развернуться между Балан и Ля-Монсель и, усилившись батареями 1-го корпуса, со значительным расходом сил выступить против небольшого отважного отряда.

Между тем, генерал Тан считал нецелесообразным с одним своим корпусом уже сегодня перейти на ту сторону Мааса и вступить в серьезный бой с сосредоточенным противником. Вследствие этого слабый отряд в Базейле, не имея возможности рассчитывать на подкрепление, отошел в 3³⁰ назад, никем не преследуемый.

Тем временем у Элликура беспрепятственно были наведены два понтонных моста. На ночь все три переправы были сделаны непроходимыми, но при этом 84 орудия готовы были обеспечить прохождение по ним впоследствии. 1-й баварский корпус стал биваком у Анжекура, 2-й корпус — у Рокура.

Левее баварцев двигался 11-й корпус, за которым следовал 5-й, по направлению на Доншери. Авангард нашел селение незанятым и распространился по ту сторону реки. Два других моста немного ниже были окончены до 3 часов, железнодорожный мост выше, найденный также без охраны, был разрушен.

На крайнем левом крыле вюртембергская и 6-я кавалерийская дивизии вошли в соприкосновение с только что прибывшим к Мезьеру 13-м французским корпусом.

Король перенес свою главную квартиру в Вандрес.

Несмотря на ряд отчасти форсированных маршей, при неблагоприятной погоде и довольствии преимущественно реквизиционным способом, маасская армия на востоке и 3-я армия на юге продвинулись теперь непосредственно к району сосредоточения французов. Маршал Мак-Магон едва ли сомневался в том, что единственная возможность спасения его армии или хотя бы части ее заключалась в безотлагательном продолжении отступления еще 1 сентября. Правда, кронпринц прусский, владея всеми переправами через Маас, немедленно двинулся бы во фланг французам, отступавшим в полосе шириной до границы немного более мили. Все-таки, если маршал не отважился сделать попытку такого отступления, то это объясняется лишь внутренним состоянием затравленных войск. Армия в этот день

не была способна совершить упорядоченное походное движение вблизи противника, она могла лишь драться там, где стояла.

С германской стороны ожидали движения французов к Мезьеру. Маасской армии было указано атаковать неприятеля на занимаемой им позиции, чтобы его задержать; 3-я армия должна была, оставив только один корпус на левом берегу Мааса, остальными силами наступать на правом берегу.

Расположение французов у Седана с тылу было прикрыто крепостью. Маас и долины ручьев Живон и Флуань представляли серьезные препятствия. Однако эту внешнюю линию обороны нужно было упорно удерживать. Важным пунктом являлась при этом гора Кальвер близ Илли, усиленная лежавшим позади лесом Гарен, откуда тянется, понижаясь до Базейля, кряж высот со многими лощинами, представлявшими укрытие. Через Илли проходила дорога, по которой можно было, в крайности, отступить на нейтральную территорию. Напротив, Базейль, очень сильный по местным условиям опорный пункт фронта Живон, образовал выступ, который после потери мостов на Маасе мог быть атакован с двух сторон.

Сражение под Седаном 1 сентября

Имея целью совместными действиями с маасской армией удержать противника на его позиции, генерал Танн уже в 4 часа утра в густом тумане послал свою первую бригаду через понтонные мосты против Базейля. Она вторглась в селение, но нашла улицы забаррикадированными и подверглась обстрелу из всех домов. Передовая рота, хотя и с большими потерями, проникла до северного выхода, тогда как остальные роты в горячем уличном бою были вытеснены из западной части Базейля подошедшей второй бригадой 12-го французского корпуса. Баварцы удержались, однако, в построениях у южного выхода из селения и предпринимали оттуда новые атаки. Так как с обеих сторон все время вводились в бой свежие войска, с французской стороны даже одна бригада 1-го и одна бригада 5-го корпусов, то кровопролитный бой с переменным успехом продолжался часами, особенно за расположенную перед выходом виллу Бермана, откуда обстреливалась продольно главная дорога. Жители принимали деятельное участие в бою, так что пришлось обратить оружие и против них.

Баварские войска атакуют Базейль

Сильная артиллерия с левого края долины Мааса, понятно, не могла действовать против переполненного, частью уже горевшего Базейля. Но около 8 часов, когда в Ремильи прибыла 8-я прусская дивизи-

снялась с передков у восточного склона долины, но оказать смелому наступлению дальнейшую помощь пехотой сначала было нельзя.

Маршал Мак-Магон уже в 6 часов утра у Монселя был ранен осколком гранаты. Он передал командование армией с обходом двух старших корпусных командиров генералу Дюкро. Получив известие об этом в 7 часов, Дюкро отдал приказы о том, чтобы армия теперь же сосредоточилась у Илли и затем немедленно начала отступление на Мезьер. От своего корпуса он уже послал дивизию Лартига для обеспечения перехода у Деньи, а дивизиям Лакретеля и Вассуаня приказал наступать против саксонцев и баварцев, чтобы выиграть время для отступления других войск.

Между тем, военный министр назначил командиром 5-го корпуса, вместо генерала Фальи, недавно прибывшего из Алжира генерала Вимпфена, дав ему одновременно полномочие вступить в командование армией в случае убыли маршала.

Генерал Вимпфен знал, что войска кронпринца прусского протянулись до Доншери. Он считал отступление к Мезьеру совершенно невыполнимым и хотел, наоборот, прорваться к Кариньяну, не сомневаясь в том, что ему удастся опрокинуть баварцев и саксонцев и, таким образом, соединиться с маршалом Базеном. Ввиду этого, узнав о распоряжениях Дюкро и о том, что атака на Ля-Монсель, повидимому, принимает благоприятный оборот, Вимпфен на свое несчастье предъявил полученное им полномочие.

Генерал Дюкро подчинился без возражения. Может быть, ему даже было приятно освободиться от тяжелой ответственности. Тотчас же отходившие дивизии второй линии получили приказание вернуться. Их возвращение происходило тогда, когда под напором перешедших в наступление дивизий первой линии, далеко выдвинутые вперед, слабые баварские и саксонские отряды пришли в расстройство.

Уже в 7 часов утра, когда один полк саксонского авангарда вторгся в Ля-Монсель, другой полк должен был обратиться против наступавшей от Деньи дивизии Лартига. Вскоре разгорелся сильный стрелковый бой. При своем выступлении полк оставил ранцы и не догадался вынуть оттуда патроны. Патроны, находившиеся в сумках, скоро были израсходованы, и повторные ожесточенные атаки зуавов,

особенно против неприкрытого правого крыла, пришлось отражать штыками.

В это время слева постепенно образовалась сильная артиллерийская линия, которая около 8³⁰ возросла до двенадцати батарей. Но теперь к долине Живон придвинулась также дивизия Лакретеля, и густые стрелковые цепи французов вынудили около 9 часов германские батареи к отъезду. Все-таки на несколько большем расстоянии они опять заняли позицию, отогнали своим огнем противника обратно в долину и затем снова заняли свою прежнюю позицию.

Тем временем к Ля-Монсель прибыла 4-я баварская бригада, подходила также 46-я саксонская бригада, так что незначительному успеху дивизии Вассуаня мог быть положен предел.

К сильно теснимому правому крылу саксонцев также подошло необходимое подкрепление от 24-й дивизии, после чего немцы перешли тут в наступление. Французы были отброшены на Деньи с потерей пяти орудий. При содействии баварцев, наступавших по долине на север, после ожесточенного боя были взяты эта деревня, мост и отдельные дворы Ля-Рапайль.

Около этого времени, в 10 часов утра, к верхнему течению р. Живон прибыл гвардейский корпус.

Выступив еще ночью, он шел в двух колоннах, по возможности ускоряя движение, при грохоте канонады, доносившейся от Базейля. Следуя для оказания помощи по кратчайшему пути, левая колонна должна была перейти через два глубоких оврага и бездорожный лес Шевалье, поэтому она предпочла сделать крюк на селение Виллер-Сернэ. Через это селение только что прошла голова правой колонны, которая подоспела как раз вовремя, чтобы принять участие в бою саксонцев против дивизии Лартига и отбить у нее два орудия.

Дивизии, вытребованные обратно генералом Дюкро, уже заняли опять свою прежнюю позицию на западном склоне долины, и против них открыли огонь четырнадцать гвардейских батарей, стоявших на восточном склоне.

В это же время, в 10 часов, подошел к Базейлю бывший позади 4-й германский корпус: 7-я дивизия — к Ламекуру и 8-я дивизия — к Ремильи, причем последняя выдвинула свою головную часть до железнодорожной станции.

Первая попытка французов пробиться на восток к Кариньяну окончилась неудачей, но и отступление на запад к Мезьеру было уже преграждено, а именно — от 3-й армии 5-й и 11-й корпуса с вюртембергской дивизией получили задание наступать на север к ведущей в Мезьер дороге. Войска выступили еще ночью и около 6 часов перешли Маас у Доншери по трем понтонным мостам ниже этого селения⁶. Высланные вперед разъезды нашли дорогу на Мезьер совершенно свободной, а сильная канонада, раздававшаяся со стороны Базейля, делала вероятным, что французы приняли сражение на своей позиции у Седана. Вследствие этого кронпринц приказал, чтобы оба корпуса, уже вышедшие на линию Вринь, совершили захождение направо и наступали на Сен-Манж, тогда как вюртембержцы остановились бы для наблюдения со стороны Мезьера. Генерал Кирхбах уже теперь дал своему авангарду дальнейшее направление на Фленье, чтобы помешать уходу неприятеля в Бельгию и войти в связь с правым крылом маасской армии.

Теснина длиной в 2 тыс. шагов между горами и рекой, по которой проходит дорога в Сент-Альбер, не была занята и даже не охранялась французами. Только при вступлении в Сен-Манж авангард натолкнулся на неприятельскую часть, которая вскоре отступила. Затем авангард развернулся против Илли. Справа две роты вторглись в Флуань, где они в течение 2 часов без поддержки оборонялись против неоднократных атак.

Прибывшие первыми прусские батареи с трудом держались против гораздо более многочисленных французских батарей, занявших позицию на высоте у Илли. Прикрытые сначала только кавалерией и немногими ротами, по мере того как последние выбирались из теснины Сент-Альбер, эти батареи представляли заманчивую цель атаки для кавалерийской дивизии генерала Маргерита, находившейся на названной высоте. Было 9 часов, когда генерал Галифе с тремя полками африканских егерей и двумя эскадронами улан, построеными в три линии, двинулся в атаку. Атака сначала была направлена против двух рот 87-го полка, которые встретили ее частым огнем с расстояния в 60 шагов. Первая линия проскакала несколько дальше, сделала затем заезд из середины в обе стороны и попала под огонь засевших в кустах поддержек. Прусские батареи бросали свои гранаты в

⁶ Два моста на козлах.

сутолоку французских всадников, которые с большими потерями повернули назад, стараясь укрыться в лесу Гарен.

В 10 часов, — следовательно, около того времени, когда атаки французов у Базейля и Деньи были отбиты, четырнадцать батарей 11-го германского корпуса выехали уже на позицию на кряж высот к юго-востоку от Сен-Манж; потом к ним присоединились еще батареи 5-го корпуса. Большие колонны германской пехоты наступали на Фленьи, и, значит, в этот час кольцо вокруг Седана было почти сомкнуто. На левом берегу Мааса было достаточно одного баварского корпуса вместе с артиллерийским резервом, чтобы помешать всякому прорыву противника в эту сторону; на правом же берегу Мааса стояли пять корпусов в готовности к концентрическому наступлению.

Баварцы и саксонцы, поддержанные головной частью 4-го корпуса, двинулись вперед из горящего Базейля и от Ля-Монселя. Стоявшие к востоку от Балана отряды 12-го французского корпуса, несмотря на упорное сопротивление, были отеснены назад к Фон-де-Живон.

После овладения южной оконечностью понижающегося от Илли кряжа высот и в ожидании новых атак было признано действительно необходимым сначала собрать и привести в порядок перемешавшиеся войска различных корпусов. По выполнении этого 5-я баварская бригада перешла в наступление против Балана. В самом селении она встретила лишь ничтожное сопротивление, но парк замка, расположенного у выхода из селения, удалось взять лишь после ожесточенного боя. Оттуда вскоре после полудня передовой батальон распространился до самых валов крепости, завязав перестрелку с гарнизоном. Теперь началась ружейная перестрелка с неприятелем, снова утвердившимся у Живон. Видимо, получив подкрепление, французы вскоре после 1 часа дня произвели сильную атаку, подготовленную огнем орудий и митральез. 5-я баварская бригада была отеснена на некоторое расстояние, но затем, поддержанная 6-й бригадой, после часового боя вернула всю потерянную позицию.

Тем временем саксонский корпус уже распространился в долине к северу по направлению к Живон. Туда и в Гоб уже вторглись передовые отряды гвардейского корпуса. Прусская артиллерия вынудила неприятельские батареи к неоднократной перемене позиций, а некоторые даже к уходу. Для облегчения своего положения французы не-

сколько раз переходили в наступление густыми стрелковыми цепями, при этом десять орудий, въехавших в занятую уже деревню Живон, были взяты немцами, раньше чем успели сняться с передков. Прусские гранаты, — правда, с дальних дистанций, — достигали уже леса Гарен и наносили поражение войскам, передвижения которых были замечены в этом лесу.

Прогнав парижских франктиреров из Шапель, гвардейская кавалерия двигалась через Живон вверх по долине, и в полдень гусары установили непосредственную связь с левым крылом 3-й армии.

Из последней 41-я бригада спустилась от Фленье в долину верхней Живон; от Илли французы уже начали отступление в южном направлении. 30 запряженных повозок, сотни кавалерийских лошадей, оставшихся без всадников, достались 87-му полку, взявшему 8 стрелявших орудий. Кавалерия авангарда 5-го корпуса захватила генерала Браго с его штабом, многочисленных разбредшихся пехотинцев, 150 лошадей, 40 патронных и вещевых повозок.

Французы пытались также прорваться по направлению на Флуань. Но там слабое вначале пехотное охранение было постепенно усилено, и вторгшийся уже в селение неприятель был опять прогнан. Теперь скрестился огонь 26 батарей маасской армии с огнем гвардейских батарей, снявшихся с передков на восточном склоне долины Живон. Действие огня было подавляющее. Французские орудия были подбиты, и много зарядных ящиков взлетело на воздух.

Генерал Вимпфен сначала считал движение немцев с севера лишь за демонстрацию, но в полдень на месте убедился в серьезности наступления. Вследствие этого он приказал обеим дивизиям, находившимся во второй линии за фронтом 1-го корпуса по р. Живон, опять двинуться к высоте у Илли на подкрепление генерала Дуэ. Вернувшись затем к 12-му корпусу, он застал его в полном отступлении к Седану и настоятельно потребовал от генерала Дуэ послать подкрепления по направлению на Базейль. Действительно, туда двинулись бригада Моссион и даже дивизия Дюмон, причем последняя в самой передовой линии была сменена дивизией Консейль-Дюмениля. Все эти перекрещивающиеся марши происходили в пространстве к югу от леса Гарен, обстреливаемого германской артиллерией с двух сторон. Отходившая кавалерия увеличивала беспорядок, и многие батальоны вернулись под ненадежную защиту леса. Хотя генерал Дуэ, поддер-

жанный частями 5-го корпуса, снова занял гору Кальвер, но в 2 часа должен был ее очистить, и теперь находившийся позади лес был взят под обстрел 60 орудий гвардейского корпуса.

До сих пор только дивизия Льебера удерживала свою очень сильную позицию на высотах к северу от Казаль. С германской стороны лишь постепенно удалось собрать у Флуань достаточные силы из состава 5-го и 11-го корпусов. После 1 часа пополудни они частью поднялись по находившемуся непосредственно впереди скату, частью же повернули к югу против Гольэ и Казаля, тогда как другие отряды надвигались от Фленье. Сильное перемешивание войск исключало всякое общее управление, и довольно долго кровопролитный бой шел с переменным успехом. Теснимая с двух сторон, осыпаемая гранатами, французская дивизия была, наконец, сломлена, и так как резервы 7-го корпуса уже были отправлены на другие участки поля сражения, то и тут опять самоотверженно бросилась в бой французская кавалерия.

От леса Гарен спешит на помощь генерал Маргерит с пятью легкими и двумя уланскими полками. Когда в самом начале он падает тяжелораненый, командование принимает генерал Галифе. Наступление происходит преимущественно по неудобной местности, а перед самой атакой под сильным фланговым огнем прусских батарей скоро пропадает сомкнутость. С разреженными рядами, но с полной решительностью эскадроны порознь атакуют отчасти лежащую укрыто, отчасти стоящую на склонах в звеньях и кучках 43-ю пехотную бригаду и подходящие от Фленье подкрепления. Передовая линия бригады во многих местах прорвана, из Казаля смелые всадники проникают между 8 орудиями, стреляющими картечью, но стоящие позади роты останавливают дальнейшую атаку. Французские кирасиры внезапно появляются из Гольэ, производят атаки в тылу противника, но в долине Мааса наталкиваются на прусских гусар и скачут далее на север. Другие части прорываются через пехоту до ущелья Сент-Альбер, встречаемые выходящими оттуда германскими батальонами, или вторгаются во Флуань и становятся жертвами 5-го егерского батальона, образующего фронт на две стороны. Атака французов, повторяется в различных направлениях, в течение получаса продолжается ожесточенная свалка, но с все меньшим успехом. Уверенный огонь пехоты с коротких расстояний покрывает все поле ранеными и убитыми

всадниками. Многие падают в каменоломни или срываются с обрывистых скатов, немногим удалось переплыть Маас, и едва ли половина храбрецов возвращается под защиту леса.

Французские кирасиры в битве при Седане

Однако и эти великие жертвы славного боя французской кавалерии не смогли изменить судьбу дня. Прусская пехота понесла в одиночном бою от рубящего и колющего оружия лишь ничтожные потери и теперь продолжала наступление против дивизии Лъэбера. Ее продвижение происходило с большими потерями; например, всеми тремя батальонами 6-го полка командовали лейтенанты. Но после взятия Казаля французы, оказавшие упорное сопротивление и тут, около 3 часов пополудни отступили к своему последнему убежищу, лесу Гарен.

Между 1 и 2 часом дня, когда бой в Базейле первоначально принял благоприятный для французов оборот, генерал Вимпфен вернулся к своему первоначальному плану: опрокинуть истомленных боем баварцев и с 1-м, 5-м и 12-м корпусами проложить себе путь на Кариньян, тогда как 7-й корпус прикроет это движение с тыла. Но нужные приказы отчасти не дошли до корпусов, частью же были получены слишком поздно, при условиях, когда они стали невыполнимыми.

Между тем, на основании упомянутых уже выше распоряжений можно было располагать, кроме дивизии Вассуаня, еще дивизиями Го-зе и Граншана. Теперь, в 3-м часу пополудни, обе последние дивизии перешли в наступление от Живон через высоту к востоку от нее; 23-я саксонская дивизия, находившаяся на марше вверх по долине по левому берегу р. Живон, совершенно неожиданно была атакована сомкнутыми батальонами и батареями. Все-таки при поддержке левого крыла гвардейского корпуса и под защитой артиллерийского огня с восточного склона долины саксонцам вскоре удалось отразить неприятельские массы и даже на время вторгнуться в Живон. Энергия французов, казалось, была исчерпана, они сдавались в плен сотнями. Как только немцы утвердились на высотах к западу от р. Живон, туда переехала также артиллерия, и около 3 часов 21 батарея образовали линию орудий, простиравшуюся от Базейля до Гоба.

Осталось еще взять лес Гарен, в котором бродили отряды всех корпусов и всех родов оружия. После орудийного залпа 1-я гвардейская дивизия от р. Живон поднялась на высоту; к ней примкнули саксонские батальоны, тогда как от Илли подходило левое крыло 3-й армии. Наступил хаотический беспорядок, причем отдельные отряды французов энергично защищались, другие же сдавались в плен тысячами, но только к 5 часам немцы вполне овладели лесом.

Тем временем уже были видны длинные колонны, которые с окружающих высот стремились вниз к Седану. Внутри крепости и непосредственно вокруг нее собирались все более густые беспорядочные толпы войск, и в этот хаос били гранаты германских батарей с обоих берегов Мааса.

Вскоре из города поднялись столбы огня, и баварские стрелки, прошедшие через Торси, готовились уже перелезть через палисад у ворот, когда около 1³⁰ на башнях появились белые флаги.

Император Наполеон отказался последовать за генералом Вимпфеном при его попытке прорыва; напротив, он потребовал вступить в переговоры с противником. После повторного приказа огонь французов прекратился.

На высоте южнее Френуа, откуда король с раннего утра наблюдал за ходом сражения, появился генерал Рейль с собственноручным письмом императора, присутствие которого в Седане до сих пор было неизвестно. Наполеон передавал свою шпагу королю, но так как он

сдавался в плен лишь лично, то в ответе было высказано требование прислать уполномоченного офицера для переговоров с генералом Мольтке о капитуляции французской армии.

Капитуляция Наполеона III при Седане

Это прискорбное поручение выпало на долю генерала Вимпфена, несколько не повинного в том отчаянном положении, в которое была поставлена французская армия.

Переговоры происходили в ночь на 2 сентября в Доншери. С германской стороны, имея дело с таким могущественным противником, как Франция, очевидно, нельзя было выпускать из рук приобретенных выгод. Если французы сочли оскорблением для себя даже победу германского оружия над не французами, то, разумеется, никакое неуместное великодушие не могло заставить их позабыть собственное поражение. Оставалось лишь настаивать на обезоруживании и пленении всей армии, но все-таки допускалось освобождение офицеров на честное слово.

Генерал Вимпфен ответил, что он отказывается принять столь суровые условия; переговоры были прерваны, и французские офицеры около 1 часа ночи вернулись в Седан. Однако, при этом им было

объявлено, что если до 9 часов утра соглашение не будет заключено то артиллерия возобновит огонь.

Поражение французских войск в битве при Седане

При таких условиях, ввиду очевидной невозможности дальнейшего сопротивления, генерал Вимпфен подписал капитуляцию утром 2 сентября.

Для маршала Мак-Магона было особым счастьем, что его ранили еще в начале сражения, иначе ему непременно пришлось бы поставить свою подпись под документом о сдаче, а тогда, хотя в предпринятой операции он и являлся лишь исполнителем навязанных из Парижа приказов, он едва ли бы заседал впоследствии в суде над своим боевым товарищем (Базеном), освободить которого ему не удалось.

Победа 1 сентября стоила германской армии убитыми и ранеными 460 офицеров и 8 500 солдат. Потери французов были гораздо больше — около 17 тыс. чел., что объясняется полным использованием германской артиллерии. Уже во время боя было взято в плен 21 тыс. чел. и по капитуляции — 83 тыс. чел., всего 104 тыс.

Сначала они были собраны на полуострове Иж, омываемом Маасом. Так как продовольствия для них совершенно не имелось, то комендант Мезьера разрешил подвоз по железной дороге до Доншери. Два корпуса должны были принять на себя охрану пленных на месте и конвоирование их во время перевода в тыл. Последний происходил

отрядами в 2 тыс. чел. по двум дорогам в Этен и через Клермон в Понт-а-Мусон, где пленные были, приняты мецской блокадной армией и отправлены дальше в различные места Германии.

На бельгийской территории были обезоружены 3 тыс. чел.

Военную добычу составляли: 3 знамени, 419 полевых и 139 крепостных орудий, 66 тыс. винтовок, более 1 тыс. повозок и 6 тыс. годных еще лошадей.

С полным уничтожением этой армии рухнула империя во Франции.

Часть вторая

Вылазка из Меца 26 августа

Во время победоносного наступления одной половины германских армий другая половина их осталась прикованной к Мецу.

Линия передовых постов обложения имела в длину более 6 миль, вследствие чего, в случае попыток сосредоточенного противника к прорыву, он в первый момент мог быть встречен везде лишь слабыми силами. Тем нужнее были фортификационные укрепления для отдельных охраняющих частей. Эти работы, очистка ближних полей сражения, постоянная бдительность к каждому движению противника, проведение телеграфной линии, связывающей все штабы, наконец, устройство жилых помещений — поглощали все силы войск и их начальников. Кроме ухода за ранеными, нужно было позаботиться о больных, число которых значительно увеличилось от необычайно суровой погоды и от недостатка крова. Зато остановка облегчала довольствие войск, которые и без того получали обильные пожертвования из Германии.

В первые дни блокады французы не предпринимали никаких внешних действий. Они были также заняты восстановлением порядка, пополнением боевых припасов и устройством своих помещений.

Маршал Базен 20 августа писал в Шалон: «Я сообщу о своем марше, если вообще смогу таковой предпринять». 23 августа он доносил императору о своем намерении: «Если известие о значительном ослаблении блокадной армии подтвердится, выступлю, и притом через северные крепости, чтобы ничем не рисковать».

Действительно, уже 26 августа, когда шалонская армия стояла еще в 15 милях от Арденского канала и о приближении ее к Мецу вообще ничего не было известно, маршал сосредоточил свои главные силы на правом берегу Мозеля.

Это движение не скрылось от германских наблюдательных постов, которые тотчас же донесли о нем по телеграфу.

Для поддержки 3-й резервной дивизии, стоявшей у Мальруа, десять батальонов 10-го корпуса перешли с левого берега Мозеля на правый в Аржанси. 25-я дивизия держалась наготове у моста близ Оконкура, и 1-й корпус теснее сосредоточился к Сервиньи. Даже если

бы прорыв на север удался, 3-й, 4-й и часть 9-го корпуса могли еще преградить противнику дальнейший марш у Диденгофена.

Переход по военным мостам, наведенным от острова Шамбьер, значительно задержал наступление французов; все-таки в полдень их 2-й, 3-й, 4-й и 6-й корпуса стояли тесно сосредоточенные между Мец и Гримон. К юго-востоку от Меца выдвинутые вперед отряды уже оттеснили в нескольких пунктах германское охранение, но, вместо того чтобы перейти в общее наступление, маршал собрал всех корпусных командиров на совещание в Гримон.

Комендант Меца заявил, что наличных артиллерийских снарядов хватит лишь на одно сражение, после чего армия очутится безоружной среди неприятельских войск; кроме того, крепость еще не совсем приведена в оборонительное состояние и не может выдержать осады, если будет оставлена армией. Разумеется, такой вывод можно было сделать еще в Меце или, вернее, это следовало знать раньше, чем оттуда выступить. Особенно же подчеркивалось, что «сохранение армии является лучшей услугой, которая может быть сказана стране, тем более, если нужно начать мирные переговоры». Все генералы высказались против продолжения начатого движения, и командующий армией, воздержавшись от выражения собственного мнения, в 4 часа отдал приказ об отходе.

Все предприятие 26 августа может рассматриваться лишь как парадный маневр. Маршал донес военному министру, что по недостатку артиллерийских снарядов «невозможно» прорвать линии противника, если только наступательные движения извне «не принудят его к отступлению». Настойчиво испрашивались известия из Парижа «о настроении в народе».

Бесспорно, маршал Базен руководствовался не только военными, но и политическими соображениями; однако, спрашивается, мог ли он действовать иначе при наступившем во Франции общем беспорядке? Из только что упомянутой корреспонденции, а также из поведения Базена в сражениях под Мецем видно его решительное нежелание отделяться от этой крепости. Под ее стенами он мог до известного момента сохранить в неприкосновенности значительную вооруженную силу. Во главе единственной, еще не разгромленной французской армии он мог приобрести такую власть, как никто другой во Франции.

Правда, эту армию надо было сначала освободить из оков, в которых она теперь находилась.

Прорыв силой даже в случае удачи значительно ослабил бы ее, а между тем, не совсем исключалась возможность, что маршал, как сильнейшая власть в стране, сможет впоследствии предложить такую цену, которая побудит противника разрешить ему уход. Ведь, в конце концов, при заключении мира с германской стороны должны были спросить: «Где же во Франции та сила, с которой после крушения империи можно вести переговоры и которая поручится за выполнение принятых обязательств?» Не доказано, и даже нет оснований предполагать, что маршал после осуществления своих планов стал бы действовать иначе, чем это требовали интересы Франции.

Между тем, в Париже вскоре собралось некоторое число людей, которые, не спрашивая нации, от собственного имени, объявили себя правительством страны и взяли в свои руки управление государственными делами. В отношении этих лиц маршал, опираясь на свою армию, действительно мог выступить соперником и даже противником; он мог восстановить власть императора, которому присягал, а это и было его преступлением в глазах парижского правительства. Пусть остается открытым вопрос: не избавило ли бы это Францию от долгих страданий и больших жертв? Но когда потом Базена обвиняли в измене, то это, разумеется, происходило лишь оттого, что национальное тщеславие французов нуждалось непременно в «изменнике», чтобы объяснить, почему именно они могли быть побеждены.

Вскоре после демонстративного выступления блокированной армии произошло действительное ослабление блокирующих войск, так как по требованию верховного командования 2-й и 3-й корпуса были отправлены в Бриэ и Конфлан. Правда, оттуда, смотря по обстоятельствам, они могли действовать против того или другого из французских маршалов; кроме того, к Мецу приближался 13-й корпус, вновь сформированный из 17-й дивизии, задержанной пока для обороны побережья, и из ландверных частей.

Между тем, маршал Базен, вероятно, понял свою ошибку относительно освобождения из Меца посредством переговоров и потому теперь решил все-таки проложить себе путь оружием. Войска были снабжены трехдневной дачей продовольствия, интендантство получило неприкосновенный запас из магазинов крепости. Понятно, что

попытка к прорыву опять была произведена на правом берегу Мозеля. На левом берегу стояла гораздо большая часть неприятельских сил за укреплениями. Гористая страна, прорезанная глубокими оврагами, была бы трудно проходима, и, в конце концов, марш на Париж всегда привел бы к столкновению с армией наследного принца прусского. Напротив, к востоку от Меца можно было найти простор для полного развертывания корпусов.

Повернув после этого на юг, по открытой местности, не представлявшей для обороны ни одного крепкого рубежа, рейнская армия вышла бы против наиболее слабо занятой части блокадной линии. Более серьезная опасность и большие трудности были сопряжены с маршем на север вдоль бельгийской границы, но именно на этот путь маршал настойчиво указывал как на избранный им. Туда было направлено наступление шалонской армии, о подходе которой стало уже известно, и 31 августа, когда эта армия, хотя и при опасных условиях, достигла Стенэ, выступила из Меца также и рейнская армия.

Сражение при Нуасвиле 31 августа

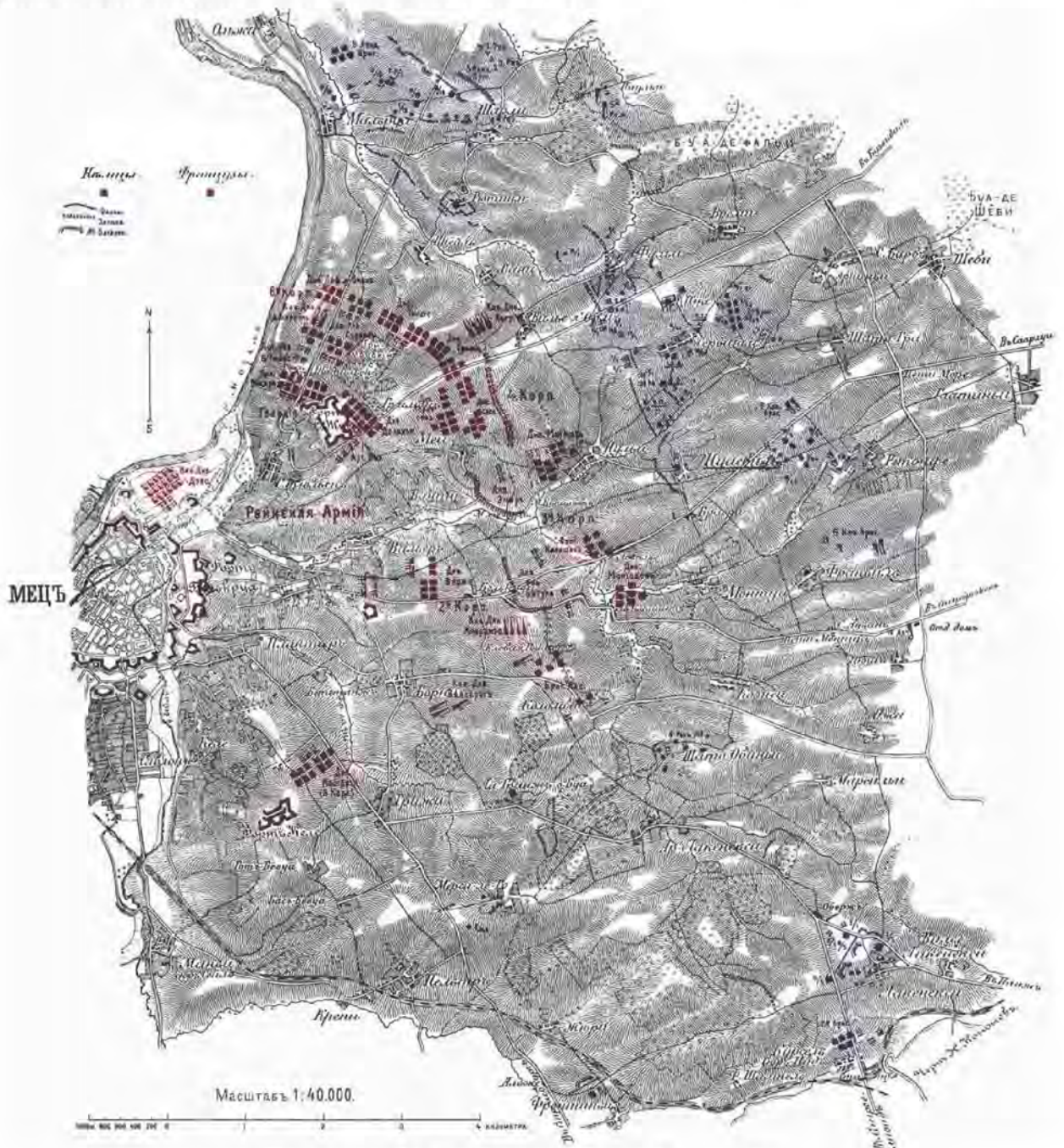
Из корпусов, находившихся на правом берегу Мозеля, 3-й корпус должен был прикрывать с правого фланга наступление прочих, а именно: одной дивизией уже рано утром потревожить неприятеля в юго-восточном направлении, тремя же другими дивизиями занять позицию против Нуасвиля. Для наступления остальной армии были наведены три моста на судах и подготовлены также входы на высоту Сен-Жюльен. Переход 4-го и 6-го корпусов должен был начаться в 6 час, после чего, примыкая справа к 3-му корпусу, они должны были занять позицию от Мей через Гримон до Мозеля, позади которой собралась бы во второй линии 2-й и гвардейский корпус. Вместе с артиллерийским резервом и кавалерией предполагалось окончить переход через Мозель до 10 часов; обозы держались на острове Шамбьер. Таким образом, около полудня пять корпусов были бы готовы для атаки на участок блокадной линии длиной в 1,5 мили, занятый только двумя германскими дивизиями.

Уже в 7 часов дивизия Монтодон перешла в наступление от форта Келё в восточном направлении, оттеснив германские передовые посты на Обиньи. Но немцы не дали себя ввести в заблуждение этой демонстрацией. Движение в неприятельском лагере было рано обнаружено, и большие войсковые массы, показавшиеся после рассеяния утреннего тумана впереди форта Сен-Жюльен, заставляли с достаточной достоверностью ожидать попытки прорыва в северном направлении. Для встречи его были тотчас же отданы необходимые распоряжения.

Из 7-го корпуса 28-я бригада двинулась для поддержки в Курсель, так что потом 3-я бригада 1-го корпуса могла быть подтянута ближе к Сервиньи. Войска 10-го корпуса, излишние для обороны собственного фронта на левом берегу Мозеля, были вторично двинуты на правый берег, 9-й корпус был собран для возможного следования за ними. 3-й корпус с 1-й кавалерийской дивизией был от Бриэ опять подтянут ближе и направлен на плато Сен-Прива, 2-й корпус должен был приготовиться к выступлению.

Развертывание французов в этот день удалось еще меньше, чем 26 августа; 4-й и 6-й корпуса скрестились у мостов и, достигнув указанных им, удаленных всего на полмили позиций только в 1 час дня, отказались от немедленной атаки и занялись приготовлением пищи.

Небольшие стычки к востоку от Обиньи и к северу против Рюпиньи также замолкли. Лишь в 3 часа прибыл гвардейский корпус; артиллерия и кавалерия оставались еще позади.

Положение 31-го августа в 5 часов пополудни

Так как наступило полное спокойствие, то с германской стороны можно было думать, что подготовленное наступление предположено лишь на следующий день. Для сбережения сил войск часть вытребованных подкреплений была уже отправлена назад, когда в 4 часа французы вдруг открыли сильный артиллерийский огонь.

Маршал опять пригласил всех начальников в Гримон, на этот раз для того, чтобы сообщить им свою диспозицию для атаки.

Очевидно, что при движении французов на север им нужно было сначала наступлением на восток выиграть пространство и обеспечить свой правый фланг. Действительно, даже в случае удавшегося прорыва линии Мальруа — Шарли марш на север не мог продолжаться, пока противник стоял у Сервиньи и обстреливал местность до Мозеля шириной всего в 5 тыс. шагов. При таких условиях маршал ни в каком случае не мог рассчитывать провести артиллерийский резерв, прибывший на поле сражения только в 6 часов, или даже обозы, оставшиеся на острове Шамбьер. Кавалерийский корпус также еще переходил реку и мог прибыть только в 9 часов вечера.

Распоряжения командующего французской армии вполне отвечали этому воззрению.

Два корпуса, 2-й и 3-й, под начальством маршала Лебефа получили задачу — наступая по обеим сторонам долины Сен-Барб, охватить 1-ю прусскую дивизию у Сервиньи с юга; 4-й корпус — атаковать ее с фронта. 6-й корпус должен был перейти в наступление против резервной дивизии у Шарли-Мальруа. Оба последних корпуса были подчинены маршалу Канроберу, гвардия же оставлена в резерве.

Вследствие этого генералу Мантейфелю пришлось сначала со слабыми силами принять бой против большого численного превосходства. Это можно было сделать или у Сен-Барб, на позиции, которую не так легко было охватить, или же на более открытой позиции Сервиньи, Пуа, Фальи, но зато дававшей гораздо лучший обстрел. По совету начальника артиллерии генерала Бергмана была выбрана вторая позиция и туда вызвана ландверная бригада из Антильи, смененная 25-й дивизией.

Десять батарей стали на позиции в тысяче шагов впереди занятых пехотой деревень. Сила их огня была так велика, что неприятельские батареи вскоре замолчали. Наступление 4-го французского корпуса, фланкированное также от Рюпиньи тремя батареями, на продолжительное время приостановилось. Серьезное наступление 6-го корпуса на резервную дивизию у Мальруа — Шарли пока тоже не было предпринято, потому что еще не удалось отбросить пруссаков на Сен-Барб. Напротив, маршалу Канроберу было приказано сначала выделить войска только против деревни Фальи, северного опорного пункта позиции у Сервиньи.

Во исполнение этого в 7³⁰ вечера дивизия Тиксье двинулась вперед из Вилер-Лорм, но встретила в Фальи самое упорное сопротивление. Атакованные с двух сторон, осыпаемые снарядами, пруссаки удержали селение отчасти в рукопашном бою до прибытия к ним на помощь ландверной бригады из Времи.

Несравненно благоприятнее, чем в этом входящем углу между двумя германскими позициями, сложилась для французов уже раньше обстановка к югу от Сервиньи, где против 2-го и 3-го корпусов выступила из Ретонфэ только 3-я бригада 1-го прусского корпуса. В долине ручья Вальер дивизии Монтодона и Метмана перешли в наступление через Нуильи; бригада Клиншан взяла штурмом, несмотря на упорное сопротивление, пивоваренный завод и вынудила в 7 часов защитников Нуасвиля к отступлению. Монтуа и Фланвиль были заняты и далее к югу охранение 4-й бригады отброшено за Куанси и замок Обиньи. Батареи 1-й дивизии, уже давно обстреливаемые из оврага к югу сильными стрелковыми цепями, должны были в 7 часов также отойти на пехотную позицию Пуа-Сервиньи, двигаясь уступами и отчасти отбиваясь от наседавшего противника картечью.

Однако, на этой позиции пруссаки, хотя и совершенно обойденные с левого фланга, упорно удерживаются. Бригада Потье уже поднимается на северный склон долины Вальер, но все-таки не может дойти до Сервиньи. Тотчас же вслед за этим бригада Цисей атакует с запада и овладевает кладбищем вне деревни. Французский 4-й корпус двинулся против фронта позиции, но без успеха. Попытку прорыва между Пуа и Сервиньи встречают последние оставшиеся в резерве батальоны 2-й бригады контрударом, к которому примыкают все ближайшие роты. С барабанным боем бросаются они на неприятеля, вынуждают его очистить кладбище и оттесняют за скат.

Для поддержки происходившего там горячего боя 3-я прусская бригада еще в 8³⁰ вечера наступала против Нуасвиля, откуда вытеснила слабый в тот момент гарнизон, но потом, уступая превосходству сил, отошла назад в Пти-Марэ.

Бой затих на всех пунктах и, казалось, окончился. Пехота 1-й германской дивизии устраивалась в деревнях, артиллерия располагалась на биваках, когда в 9 часов вечера совершенно неожиданно большая масса, выступив из темноты, двинулась на Сервиньи. Это была дивизия Аймара, которая без единого выстрела вторглась в де-

ревню и после горячей рукопашной свалки вытеснила застигнутый врасплох гарнизон. В течение некоторого времени это происшествие не было замечено даже ближайшими отрядами; но вскоре последние взяли за оружие и, атакуя со всех сторон, отбросили противника за кладбище, которое теперь осталось за немцами.

Наступило 10 часов вечера. 1-я дивизия удержала свою позицию против превосходных сил, но в интервал между 3-й и 4-й бригадами проникли французы, все еще угрожая Сервиньи с фланга, от Нуасвиля.

1 сентября, сделав ночной марш, 18-я германская дивизия в 4 часа утра прибыла с левого на правый берег Мозеля, усилив побригадно оба крыла линии Мальруа — Шарли — лес Фальи. Теперь 25-я дивизия могла перейти от Антильи к Сен-Барб, где вместе с 6-й ландверной бригадой образовала резерв для позиции Пуа — Сервиньи. Густой утренний туман покрывал еще всю местность, когда 1 сентября все войска стали в ружье.

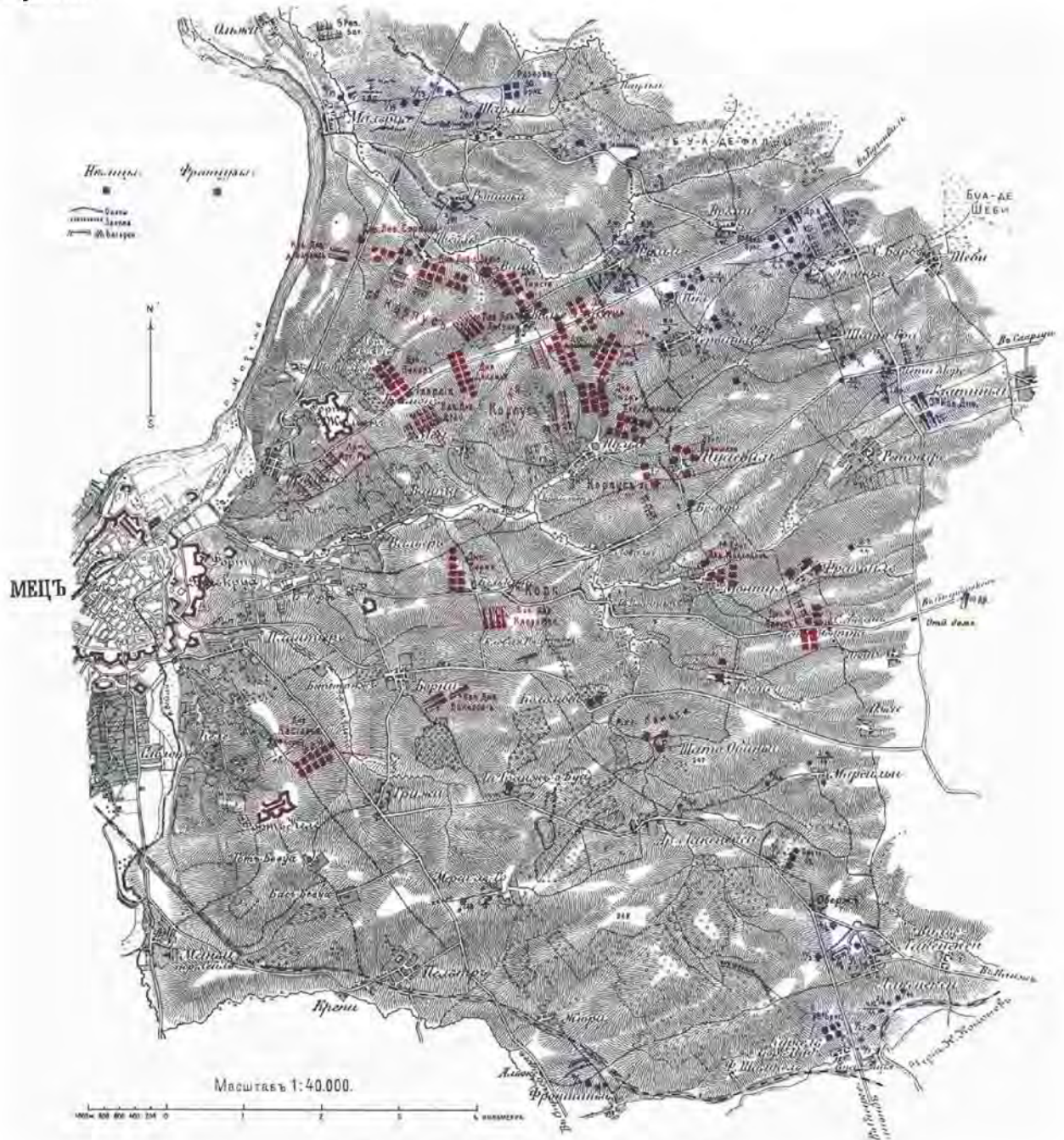
Маршал Базен и теперь назначил своим корпусным командирам первой целью взятие Сен-Барб, чтобы сделать возможным марш на север: «В противном случае мы будем удерживать собственную позицию». Очевидно, под последней можно было подразумевать только позицию под пушками Меца — указание, выражавшее мало уверенности в успехе.

3-я бригада, чтобы помешать дальнейшему продвижению французов на левом фланге 1-й дивизии, уже в 5 часов развернулась у дороги из Саарлуи. Она взяла местность против Монтуа под обстрел 20 орудий, и после того как Нуасвиль в течение некоторого времени обстреливался артиллерией 2-й бригады, 43-й полк около 7 часов ворвался в деревню. Начался горячий бой в домах, но в дело вступили две французские бригады, и после продолжительной борьбы полк был опять вытеснен. Эта атака уже потерпела крушение, когда подошли батальоны 3-й бригады, и более не повторялась.

По выяснении направления французского прорыва 28-я бригада в 6 часов утра выступила из Курселя на поддержку 1-го корпуса. Обе батареи ее заставили замолчать стоявшие близ Монтуа французские батареи, после чего направили свой огонь против Фланвиля. Вскоре неприятель начал очищать горящую деревню, в которую около 9 часов вторглись с юга рейнские войска, с севера — восточнопруссские.

Правда, маршал Лебёф опять послал дивизию Бастуля через Монтуа, но сильный огонь прусской артиллерии заставил ее повернуть назад.

Тем временем 3-я бригада заняла позицию на линии Ретонфэ, к ней теперь примкнула 28-я бригада. К 3-й кавалерийской дивизии присоединилась тут же гессенская конная бригада, и, после того как артиллерия была усилена до 114 орудий, образовался барьер, препятствовавший дальнейшему продвижению 2-го и 3-го французских корпусов.

Положение в ночь на 1-е сентября

На правом крыле французской армии бой затих, но 4-му корпусу было как раз указано выждать продвижение этого крыла, раньше

чем возобновлять атаку против артиллерийского фронта и позиции деревень Сервиньи — Пуа, трудность чего обнаружилась накануне. Между тем, около 11 часов, после того как Нуасвиль подвергся опустошительному огню, к югу от позиции 3-я прусская бригада, поддержанная ландвером, сама перешла в наступление против этого пункта, и французы очистили горящую деревню.

На северном фронте наступления маршал Канробер велел в 8³⁰ своим батареям выехать на позицию у ручья Шиэль; их огонь, поддержанный крепостной артиллерией, заставил немцев на время очистить Рюпиньи, но вскоре эта деревня была вновь занята. Последовавшие затем две атаки дивизии Тиксье против Фальи не имели успеха; наоборот, прибывшая туда 18-я германская дивизия перешла в наступление своей 36-й бригадой при содействии резервной дивизии и в 10 часов отгеснила французов обратно за ручей Шиэль. Возобновленная атака против Фальи также была отражена фланкирующим огнем.

Маршал Лебёф вследствие выступления 3-й прусской бригады на его правом фланге считал нужным начать отход, хотя и располагал против нее более чем двумя дивизиями. На его донесение об этом маршал Базен приказал около полудня прекратить бои на всех остальных пунктах.

Против выступивших из Меца 31 августа 137 тыс. человек Рейнской армии действовали только 36 тыс. пруссаков.

Впервые в этом сражении на долю французов выпало наступление, немцы же оборонялись.

Если при этом потери французов составили только 3 тыс. чел., — стало быть, было меньше чем 3 400 чел. у немцев, — то это объясняется превосходством пехотного ружья Шаспо. Но зато прусская артиллерия играла повсюду решающую роль, дав генералу Мантейфелю возможность оказать непоколебимое сопротивление.

Впредь 7-й корпус остался на правом берегу Мозеля, блокада тут была еще усилена вновь прибывшим 13-м корпусом. На левый берег могли быть опять оттянуты 2-й и 3-й корпуса.

В тот же день и час, когда свершилось уничтожение одной французской армии под Седаном, другая французская армия вернулась в Мец для довольно безнадежного содержания в блокаде. Бесспорно, уже теперь после одного месяца поход был решен, хотя отнюдь не окончен.

Смена правительства в Париже

В ночь на 4 сентября, когда в Париже стало известно о поражении под Седаном и пленении императора, законодательный корпус несколько раз подряд собирался на заседания, чтобы разрешить правительственный кризис. Врывавшиеся толпы сокращали эти совещания, провозглашая как тут, так и в ратуше республику, что вызывало восторг в народных массах. Хотя войска в казармах стояли в готовности, но прежние властители не оказали этому никакого сопротивления; императрица покинула Париж.

Генерал Трошю и несколько членов меньшинства палаты образовали правительство, объявившее себя «правительством национальной обороны». Лозунгом была объявлена «война до последнего предела», и вся нация была призвана к оружию. Ни одного дюйма земли, ни одного камня крепостей не будет уступлено неприятелю.

Новое правительство неизбежно нуждалось в успехах и не могло быть склонно к мирному окончанию борьбы.

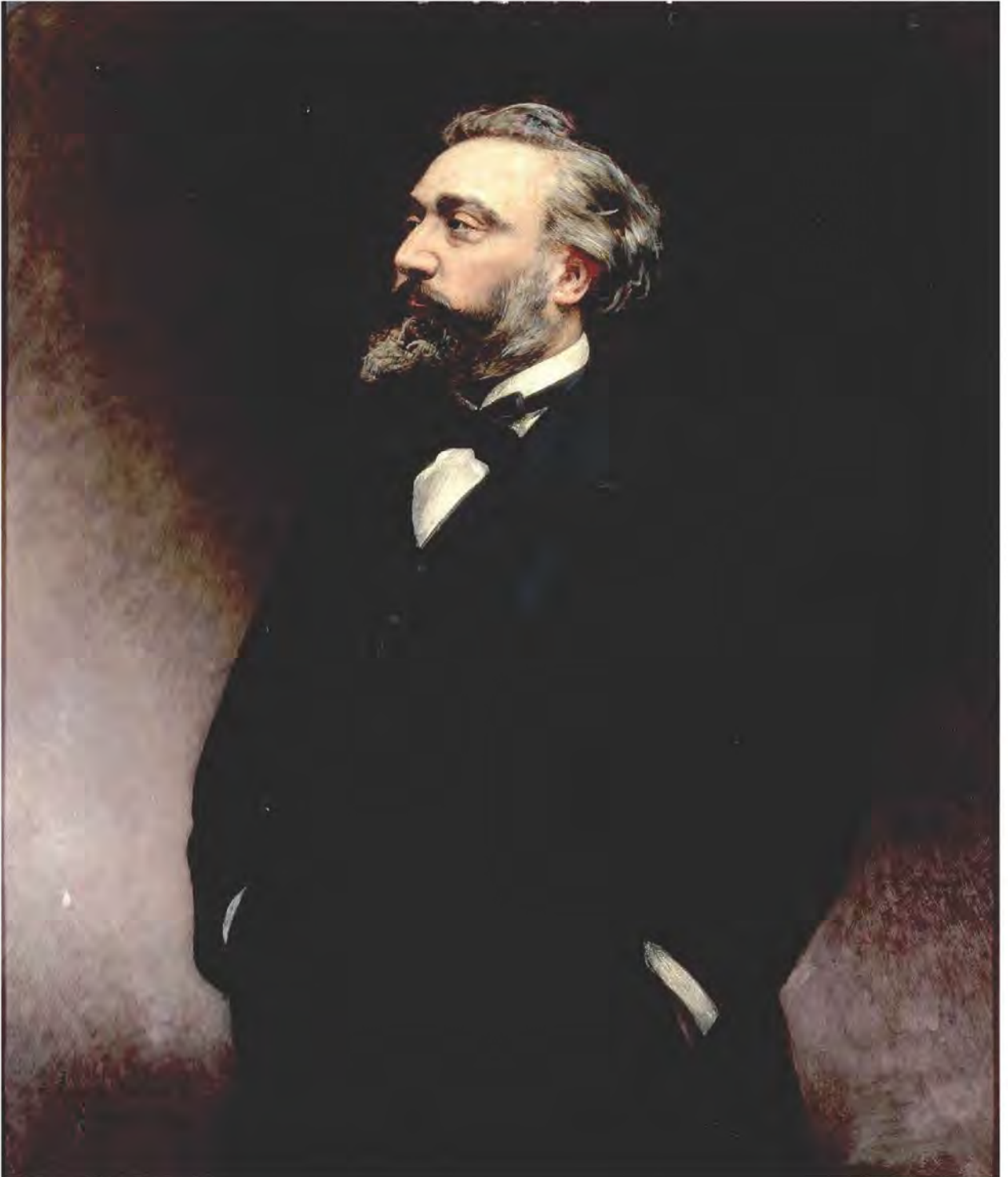
Несмотря на неудачный до сих пор ход войны, столь богатая средствами Франция не была совсем обезоружена. В поле еще находился генерал Винуа. К нему могли присоединиться отсталые всех корпусов, морские войска и жандармерия.

Благодаря осмотрительной, но слишком рано прерванной реорганизации маршала Ниеля, страна располагала территориальной милицией в 468 тыс. человек. Затем в распоряжении были вновь призванный контингент рекрутов в 100 тыс. человек и национальная гвардия. Даже не считая франктиреров и добровольческих отрядов, Франция могла выставить еще 1 млн. человек.

Запас из 2 тыс. орудий и 400 тыс. винтовок Шаспо обеспечивал вооружение, для пополнения которого охотно работали заводы нейтральной Англии.

Такие боевые средства при живом патриотизме нации, будучи приведены в действие сильной волей, могли оказать продолжительное сопротивление.

И эта воля нашлась в личности Гамбетты.

Леон Мишель Гамбетта

По системе, существовавшей во Франции, ему принадлежало также в качестве военного министра руководство операциями. Правда, он и не мог выпустить из рук верховное командование, потому что в республике победоносный генерал во главе армии скоро сделался бы вместо него диктатором. Под его начальством распоряжался, так сказать, в качестве начальника генерального штаба, второй штатский гражданский инженер Фрейсине, и их настойчивое, но дилетантское командование дорого обошлось Франции. Гамбетта с редкой энерги-

ей и непоколебимым упорством сумел вооружить все население страны, но не сумел управлять призванными к жизни войсками по общему плану. Не давая им времени для надлежащей военной подготовки, при недостаточном снаряжении, он с беспощадной строгостью посылал их в бессвязные предприятия против неприятеля, о сплоченность которого должны были разбиться их храбрость и самоотверженность. Он продлил борьбу со всеми жертвами для обеих сторон, не изменив судьбы в пользу Франции.

Во всяком случае, германскому командованию нужно было еще преодолеть крупные затруднения.

Предшествовавшие бои стоили больших потерь; особенно неминуема была убыль офицеров. Половина армии была прикована к Мецу и Страсбургу. Для перевозки и окарауливания более 200 тыс. пленных потребовалась большая часть новых формирований на родине.

Многочисленные крепости хотя и не помешали вторжению германских армий, но для обеспечения тыловых сообщений, подвоза и продовольствия войск их пришлось блокировать, или, по крайней мере, наблюдать, и всякое дальнейшее продвижение в неприятельской стране требовало усиленного развертывания сил.

После сражения при Седане для операций в поле оставалось в наличии всего 150 тыс. чел. Не подлежало сомнению, что их следует направить против Парижа, как резиденции нового правительства и центра могущества страны. В день капитуляции были уже отданы все распоряжения для нового наступления.

В целях сбережения войск это движение могло быть произведено самым широким фронтом, так как один 13-й французский корпус Винуа был не в состоянии их задержать. Кроме того, из последнего только дивизия Бланшара стояла еще у Мезьера, а обе другие, уже подходившие, получили приказание повернуть назад.

Отступление генерала Винуа

Генерал Винуа думал главным образом о том, чтобы с возможно меньшими потерями достигнуть Парижа. Осуществить это было нелегко, так как 6-й прусский корпус, не участвовавший в сражении под Седаном, стоял в Атиньи, откуда он мог, судя по расстояниям, перехватить на участке до Лаона (Лана) все пути отступления французов. Еще вечером 1 сентября генерал Тюмплинг велел 12-й дивизии занять Ретель, чем запер прямую дорогу на Париж.

Дивизия Бланшара, уже расстрелявшая свои патроны в мелких боях, могла спастись от гибели лишь при чрезвычайной быстроте марша и благоприятных обстоятельствах.

Генерал Винуа снабдил войска продовольствием на несколько дней, приказал соблюдать строгий порядок на марше и выступил уже в ночь на 2 сентября по дороге на Ретель. Там он надеялся найти дивизию Экзеа, но она, использовав не разрушенную еще часть железной дороги, успела отойти на Суасон.

Уже рано утром французская походная колонна пришла в соприкосновение с отрядами 5-й и 6-й прусских кавалерийских дивизий, не подвергаясь, однако, серьезному нападению. Только в 10 часов, в 1,5 милях от Ретеля, французский генерал узнал, что этот пункт занят противником, и решил поэтому свернуть к западу на Новьон-Порсьен. Против германской конной артиллерии он велел развернуться своему авангарду, но последний, видя, что перед ним одна кавалерия, вскоре мог продолжать марш.

В 4 часа пополудни дивизия Бланшара прибыла в Новьон и стала биваком.

Генерал Гофман занял позицию у Ретеля и ожидал противника, о подходе которого ему было донесено. Однако, выехав лично вперед, он убедился, что французы двинулись в обход, и потому в 4 часа пополудни выступил на Экли, куда прибыл поздно вечером. Кроме того, часть его войск произвела поиск к Шато-Порсьен.

Уведомленный о том, что и эта дорога ему преграждена, генерал Винуа уже в 1 час 30 мин. ночи опять оставил свой бивак (где продолжали гореть костры) и под проливным дождем, в полной темноте предпринял второй ночной поход.

Сначала он уклонился в северном направлении, чтобы потом кружным путем достигнуть хотя бы Лаона. По размокшим дорогам,

при многочисленных задержках, но не достигнутый неприятелем, Винуа в 7³⁰ утра прибыл в Шомон-Порсьен, где дал войскам двухчасовой привал. Направление и характер дорог вынудили опять держаться южного направления, и когда голова колонны достигла Серэнкура, пушечные выстрелы возвестили, что хвост уже атакован противником.

Прусская кавалерия обнаружила отход французов рано утром, но это важное донесение не застало генерала Гофмана в Экли. Последний уже выступил оттуда в расчете застать противника у Новьон-Порсьен, где его можно было предполагать, судя по первому ночному переходу, однако в 9³⁰ этот пункт оказался уже очищенным.

Таким образом, утром германская и французская дивизии на расстоянии 1 мили друг от друга прошли мимо в противоположных направлениях. Пасмурная погода помешала обоим увидеть противника.

Генерал Винуа еще в этот день достиг Монкорнэ, но можно себе представить — в каком состоянии. Хотя 12-я германская дивизия также направилась на восток, но настигла лишь тыловой отряд поспешно отступавшего противника и расположилась на квартирах в повышенной боевой готовности.

Этот марш не должен был бы произойти незаметно и беспрепятственно на виду двух кавалерийских дивизий, но они были отозваны в самый неподходящий момент.

Именно под впечатлением одного донесения, будто значительные силы противника сосредоточены в Реймсе, главная квартира 3-й армии приказала 6-му корпусу и обоим кавалерийским дивизиям немедленно двинуться туда. Последние тотчас же оторвались от противника, а генерал Тюмплинг отдал распоряжение о немедленном выступлении на Реймс обеих своих пехотных дивизий. Занявшая Ретель 11-я дивизия выполнила приказ, но генерал Гофман, напротив, взял на свою ответственность преследовать противника настолько, насколько представлялась возможность настигнуть его без кавалерии. Только на следующий день 12-я дивизия выступила к Сюип.

Генерал Винуа отошел 4 сентября еще дальше к северу через Марль, где получил известие о пленении императора и о революции в Париже. Появление его там было чрезвычайно важно, и 13 сентября он собрал во французской столице обе другие дивизии своего корпуса из Лаона и Суасона.

Марш 3-й и маасской армий к Парижу

В то время как происходили эти события, немцы 4 сентября начали наступление на Париж. Прежде всего, следовало распутать массы, собравшиеся у Седана на самом тесном пространстве. 3-я армия, из которой там еще оставались 11-й и 1-й баварский корпуса, должна была сделать два больших перехода вперед, чтобы позади ее маасская армия опять могла выйти вправо, на свою этапную линию.

Известие о большом сосредоточении войск у Реймса вскоре оказалось неосновательным. Уже 4 сентября прусские кавалерийские отряды проникли в этот неприязненно настроенный город, после полудня туда вступила 11-я пехотная дивизия, а на следующее утро главная квартира короля прибыла в этот старинный город, где короновались французские короли.

10 сентября 3-я армия достигла линии Дорман-Сезан, и 6-й корпус продвинулся до Шато-Тьерри. Маасская армия после неудавшегося, нечаянного нападения на Монмеди вышла между Реймсом и Лаоном. Далеко выдвинутая вперед кавалерия прикрывала производимый на столь широком фронте марш. Сельское население было повсюду настроено самым враждебным образом, франкतिреры выступали с большой смелостью, из многих пунктов их приходилось выгонять спешенными частями. Дороги во многих местах были прерваны разборкой мостовых и взрывом мостов.

При подходе 6-й кавалерийской дивизии крепость Лаон сдалась. Небольшие части полевых войск были отведены в плен; взято 25 орудий, 100 винтовок и боевые припасы; 2 тыс. мобилей отпущены на родину с обязательством не принимать дальнейшего участия в войне. В то время как много друзей и врагов было еще собрано на дворе цитадели, взлетел на воздух, — вероятно, вследствие умышленного поджога, — пороховой магазин, что произвело большие опустошения в цитадели и в городе. У пруссаков было убито и ранено 15 офицеров и 99 солдат, в том числе ранены начальник дивизии и офицер генерального штаба; французы потеряли 300 чел. Комендант крепости также был смертельно ранен.

Маасская армия стояла 16 сентября между Нантейлем и Лизи на р. Урк; 5-я кавалерийская дивизия была выдвинута к Дамартен, 6-я — через Бомон, причем последняя производила поиски до Сен-Дени. 3-я армия растянулась на пространстве от Мо до Конт-Робера. У Триль-

пора и Ланьи были выстроены через Марну прочные военные мосты вместо взорванных; 5-й корпус уже 17-го достиг верхней Сены.

Для прикрытия наводки моста у Вильнёв-Сен-Жорж 17-я германская бригада была выдвинута на правом берегу Сены к стороне Парижа; она встретила у Мон-Месли французскую дивизию Экзэа, которую генерал Винуа послал для вывоза или уничтожения значительных запасов. Развившийся тут бой окончился оттеснением французов до сферы огня форта Шарантон.

2-й баварский корпус в этот день также придвинулся к Сене, построив мост у Корбейля. 2-я кавалерийская дивизия наблюдала от Саклэ по направлению к Парижу. Главная квартира короля перешла через Шато-Тьерри в Мо. Теперь непосредственно предстояло обложение французской столицы.

Крепостные верки, выстроенные при короле Людовике-Филиппе, вполне обеспечивали от штурма. В крепости было более 2 627 орудий, из которых 200 морских, самого крупного калибра. На каждое орудие имелось 500 снарядов, кроме того, — 3 млн. кг пороха. Что касается вооруженных сил, то, кроме прибывшего от Мезьера 13-го корпуса, в самом Париже был сформирован еще новый, 14-й корпус. Эти 50 тыс. человек полевых войск, 14 тыс. особенно хороших, надежных морских солдат и матросов, затем около 8 тыс. жандармов, таможенных стражников и лесников составляли ядро гарнизона. К ним присоединялись 115 тыс. мобилей, которые еще раньше были притянуты извне. Из национальной гвардии было выставлено 130 батальонов, но, будучи плохо вооружены и мало дисциплинированы, они годились лишь для обороны внутренней крепостной ограды. Совершенно непригодным оказалось большинство многочисленных добровольческих отрядов.

В общем в Париже было свыше 300 тыс. защитников, вдвое больше, чем атакующих; из этого числа для действий в поле были пригодны 60 тыс. с 5 тыс. кавалерии и 124 полевые батареи. На Сене находились пять плавучих батарей и девять разборных канонерок, первоначально предназначенных для Рейна; кроме того, на железных дорогах было несколько орудий в бронированных вагонах.

Особые трудности представляло снабжение продовольствием 2 млн. человек на продолжительное время; все же удалось доставить в Париж 3 тыс. быков, 6 тыс. свиней, 170 тыс. баранов и столь значи-

тельное количество всяких других припасов, что можно было считать себя вполне обеспеченным, по крайней мере, на 6 недель.

Приказы, отданные в главной квартире в Мо, возлагали на маасскую армию обложение крепости на правом берегу Сены и Марны, а на 3-ю армию — на левом берегу. В общем, войска не должны были входить в сферу огня крепости, но держаться возможно ближе к ней, чтобы укоротить линию обложения. Связь между двумя армиями следовало обеспечить: выше Парижа — по нескольким мостам через реки, ниже — кавалерией через Пуасси.

3-я армия должна была разведывать по направлению на Орлеан. В случае если оттуда будут сделаны попытки выручки, армия должна была подпустить их на близкое расстояние и тогда, предоставив обложение более слабым частям, с главными силами броситься на противника.

При отсутствии выручки одно простое обложение должно было привести Париж к падению, но, вероятно, только через несколько недель или месяцев. Из дальнейших принудительных средств следующим была артиллерийская атака.

В эпоху укрепления Парижа не подозревали, что усовершенствование артиллерийских орудий удвоит и утроит дальность стрельбы. Наружные форты, особенно перед южным фронтом, были расположены так близко от главной ограды, что последняя могла непосредственно подвергаться огню тяжелых батарей.

Некоторые находили неправильным, что бомбардировка не была применена раньше, чем это произошло в действительности, но при этом не учитывали трудностей, вызываемых исполнением⁷.

Можно утверждать, что атака большой крепости внутри неприятельской страны прямо-таки невозможна до овладения ведущими к ней железнодорожными и водными путями для доставки необходимого несметного материала. Перевозка последнего по обыкновенным дорогам даже на короткие расстояния представляет гигантскую работу. Ведь германская армия сначала располагала на французской территории только одной железной дорогой, которая была всецело занята подвозом к полевой армии продовольствия, пополнения и снаряжения и эвакуацией раненых, больных и пленных. Но эксплуатация

⁷ Тут Мольтке намекает на Бисмарка, который с поддержкой Роона все время настаивал на бомбардировке Парижа с целью скорейшего окончания войны.

этой дороги оканчивалась у Туля, и попытка обойти эту крепость прокладкой рельсового пути встретила непреодолимые затруднения в условиях местности.

Далее, не меньшее препятствие составило разрушение железнодорожного тоннеля у Нантейля, восстановить который, по-видимому, можно было лишь через несколько недель.

Но и тогда для дальнейшей перевозки 300 тяжелых орудий с 500 снарядами от Нантейля до Парижа требовалось 4 500 четырехколесных (не принятых в данной местности) повозок и 10 тыс. лошадей. Вследствие этого о бомбардировке сначала нельзя было и думать. Вообще же она не могла иметь целью разрушение Парижа, а лишь производство последнего нажима на его население, что должно было оказаться более действительным не в самом начале, а тогда, когда продолжительная блокада уже поколебала бы стойкость блокированных.

18 сентября, согласно полученным директивам, штабы армий организовали наступление к неприятельской столице.

Маасская армия, заходя налево, достигла 18 сентября 12-м корпусом Клай, гвардейским корпусом — Митри, 14-м корпусом — Дамартен, в 1 переходе от Парижа.

Селения впереди Сен-Дени были заняты французами; казалось, что они окажут противодействие обложению северного фронта Парижа, и потому командующий 4-й армией принял меры, чтобы на следующий день можно было поддержать шедший во главе 4-й корпус следовавшими позади корпусами. Двигавшимся впереди на Понтуаэ 5-й и 6-й кавалерийскими дивизиям были приданы две роты егерей и один понтонно-мостовой парк; после устройства военного моста обе дивизии перешли Уазу. Из 3-й армии 5-й корпус перешел Сену у Вильнёв-Сен-Жорж и двинулся до Палэзо и к верхнему течению р. Бьэвр. Авангард натолкнулся на французскую кавалерийскую бригаду Берни. Тотчас же 47-й полк перешел в наступление и взял штурмом окруженные каменной стеной фермы Дам-Роз и Триво. Но у южной опушки леса Медон стоял, развернувшись, весь 14-й корпус, а влево от него еще одна дивизия 13-го корпуса. Полк отошел на Пти-Бисэтр, не будучи преследуем, и там устроился для обороны.

2-й баварский корпус вышел от Корбейля через Лонжюмо на одну линию с 5-м корпусом, а справа 6-й корпус занял оба берега Сены.

Эти корпуса также несколько раз входили в соприкосновение с противником.

Вюртембергская дивизия у Ланьи и Гурнэ должна была тотчас исправить переправы через Марну и, таким образом, установить связь между обеими армиями.

Обложение Парижа 19 сентября

19 сентября при марше на Сен-Брис 4-й корпус нигде не встретил сопротивления, оттеснил неприятельские отряды из ближайших селений до сферы огня тяжелых орудий Сен-Дени и продвинулся вперед до нижней Сены.

Гвардейский корпус следовал до Дюньи и стал за ручьем Морэ, который в устье был запружен и образовал хорошее прикрытие блокадной линии на значительном протяжении. Далее влево 12-й корпус занял позицию до Марны, на левом берегу которой вюртембергская дивизия продвинулась до Шампиньи.

Из 3-й армии в этот день 5-й корпус наступал двумя колоннами на Версаль. Обеспечение марша вдоль неприятельского фронта опять принял на себя 47-й полк. По-видимому, французы хотели удержать важные высоты перед укреплениями Парижа, и уже рано утром из соседнего леса Медон выступили две дивизии 14-го французского корпуса против Пти-Бисэтра и Виллакублэ. Поддержанные многочисленной артиллерией, зажегшей своими снарядами ферму Пти-Бисэтр, французы оттеснили германское охранение, но вскоре к Виллакублэ подошли подкрепления 5-го корпуса, а к Аббэ-о-Буа — 2-го баварского корпуса.

Левобланговая бригада последнего скрестилась в долине Бъэвра с колонной, шедшей в Версаль, но доносившийся шум боя побудил генерала Диля с его частями, по мере их подхода, наступать по обеим сторонам дороги из Бисэтра. Баварцам вместе с пруссаками, сражавшимися еще в лесу Гарен, общим натиском удалось отбросить французов у Павэ-Блан. Между тем, в 8³⁰ последние развернули фронт из 50 орудий, и три маршевых полка снова перешли в наступление на Пти-Бисэтр и лес Гарен. Они были встречены уничтожающим ружейным огнем, и даже личное вмешательство генерала Дюкро не смогло продвинуть вперед молодых солдат. Поставленные у фермы Тривозуавы от нескольких попавших гранат впали в такую панику, что в диком бегстве бросились обратно в Париж.

Генералу пришлось отказаться от своего предприятия. Под прикрытием своей артиллерии и стойко державшейся под огнем кавалерии его дивизии в явном беспорядке отходили на Кламар и Фонтенэ, преследуемые немцами по пятам. Под сильнейшим орудийным огнем баварцы взяли штурмом Павэ-Блан, пруссаки после небольшого боя

снова овладели Дам-Роз и вторглись через ферму Триво в лес Медон. Однако французы на столь важной для них высоте удерживали еще очень удобные для обороны Плеси-Пикэ и укрепление у Мулен-де-ля-Тур, близ которого выехали на позицию девять полевых батарей, которые своим огнем господствовали над всем западным районом наступления.

Тем временем на юге подошли главные силы баварского корпуса, наступавшие с 9 часов на Фонтенэ-о-Роз; они были встречены частым огнем с высоты, а также сбоку из укрепления у От-Брюйер. Получив известие о ходе боя на плато Бисэтр, генерал Гартман тотчас же послал туда артиллерийское подкрепление и приказал 5-й бригаде установить связь влево через Малабри. Как только эта бригада под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем развернулась между Павэ-Блан и Малабри, генерал Вальтер начал наступление на Плеси-Пикэ. Артиллерия подъехала на близкую дистанцию к каменной стене парка, затем из леса Варриэр выступила пехота и после короткого, но горячего боя овладела расположенной южнее мельницей.

После получасового огневого боя баварцы, наступая перебежками, вторглись в Гашет и в парк Плеси. Хотя французы от укрепления Мулен-де-ля-Тур направили сильный огонь по отнятым у них селениям, отчего баварские полевые батареи несли большие потери, но все-таки последние поддерживали самым действительным образом дальнейшее наступление пехоты, которая теперь засела перед этим укреплением. Впрочем, гарнизон последнего находился уже в отступлении, и когда в 3 часа одна баварская рота двинулась вперед, она нашла позицию очищенной, а орудия оставленными.

Дивизия Коссад ушла от Кламара в Париж; дивизия Мосьон, будто бы по ошибочному приказу, оставила высоту Банье; дивизия Гюг только с трудом была остановлена у форта Монруж. Теперь баварский корпус устроился на взятом плато у Бисэтра правее 5-го корпуса. В общем, первый потерял в бою 265, второй — 178, противник — 661 чел. и более 300 пленных.

Состояние, в котором 14-й французский корпус возвратился в Париж, вызвало там такое замешательство, что генерал Трошю счел нужным для обороны главной крепостной ограда притянуть из Венсен одну дивизию 13-го корпуса. Из сказанного сделали задним числом вывод, будто уже в этот день можно было овладеть одним из фор-

тов, ворвавшись в него вместе с неприятелем, чем вся линия обложения была бы значительно укорочена. Но фортам незачем было открывать свои ворота беглецам, так как для последних были открыты ворота Парижа.

Эскалада каменных одежд вышиной в 5,5 м никогда не могла удасться без особых приготовлений. Вообще подобные рискованные эксперименты нельзя предписывать свыше, они могут быть испробованы лишь людьми, непосредственно стоящими у дела, использующими благоприятный момент. Тут вероятная неудача опять подвергла бы сомнению важный успех.

Между тем, 5-й германский корпус продолжал свой марш на Версаль; собранные у входов в город небольшие части национальной гвардии были разогнаны или обезоружены гусарами, 9-я дивизия заняла восточные выходы города, 10-я дивизия стала биваком у Роканкура, сильное сторожевое охранение было выставлено на линии Буживаль — Севр. Оставленная в Виллакублэ для возможной поддержки баварцев 18-я бригада была притянута только вечером.

Из баварского корпуса 3-я дивизия осталась на высоте перед Плеси-Пикэ. Она выставила свое охранение против леса Медон, где замок еще был занят французами, и, не теряя времени, перестроила при помощи сапер укрепление Мулен-де-ля-Тур фронтом на север. 4-я дивизия бивакировала у Фонтенэ и позади до Шатенэ.

Главные силы 6-го корпуса заняли позицию у Орли, его передовые посты тянулись от Шуази-ле-Руа через Тиэ до Шевельи. Попытка дивизии Модюи отбросить охранение у последнего пункта не удалась. У Лимейля на правом берегу Сены одна бригада корпуса перестреливалась с противником у Кретеяля.

Далее вправо примыкающая вюртембергская дивизия заняла берег Марны от Ормеса до Нуази-ле-Гран; за последним селением понтонный мост у Гурнэ поддерживал связь с саксонцами.

Таким образом, 19 сентября блокада Парижа со всех сторон была окончательно установлена. Шесть корпусов, развернутых на протяжении 11 миль, стояли непосредственно перед неприятельской крепостью, отчасти даже в сфере обстрела ее орудий; с тылу они охранялись многочисленной кавалерией.

Первые мирные переговоры

В ожидании боя перед северным фронтом Парижа король поехал верхом в гвардейский корпус и вечером перенес свою главную квартиру в Ферьер.

Туда явился уже теперь Жюль-Фавр, чтобы на основе своей программы «ни пяди земли» вести переговоры о мире. После всех побед и жертв немцев он надеялся удовлетворить их денежной суммой. Разумеется, подобные предложения не могли приниматься в расчет, и поэтому обсуждалась серьезно только возможность перемирия.

Однако, в военном отношении всякий перерыв в операциях был невыгоден. Он предоставлял противнику время для продолжения его вооружений, а столице давал свободу, вследствие снятия только что установленной блокады, снабдить себя достаточным продовольствием.

По этой причине на перемирие можно было согласиться лишь при соответствующей компенсации.

Для обеспечения продовольствием германской армии требовалась сдача крепостей Страсбурга и Туля, запиравших железные дороги. Под Мецем военные действия должны были продолжаться, под Парижем же или следовало сохранить блокаду, или занять немецким гарнизоном один из командующих фортов.

Народное представительство могло вполне свободно обратиться в Туре.

Эти условия, особенно сдача крепостей, были категорически отвергнуты французами и переговоры прерваны.

Взятие Туля 23 сентября

После устранения опасности французского десанта на побережье Германии оставленная там 17-я дивизия была притянута к армии, действовавшей во Франции. Она прибыла к Тулю 12 сентября.

Эта крепость, вполне обеспеченная от штурма, но командуемая с ближних высот, пока блокировалась этапными войсками 3-й армии и обстреливалась без особого результата из орудий, взятых в Марсале, а также полевой артиллерией. Зато пехота за полотном железной дороги и в предместьях засела у самой подошвы гласиса, сделав почти невозможными вылазки гарнизона. Ввиду этого половина дивизии вскоре была переведена в Шалон, где при чрезвычайно враждебном отношении населения едва хватало шестнадцати батальонов и пятнадцати эскадронов для занятия этапных дорог и обеспечения связи с родиной. Значит, под Тулем осталось лишь семь батальонов, четыре эскадрона и четыре полевые батареи. 18 сентября прибыли из Нанси 10 пушек 15-см и 16 – 12-см.

Предполагалось атаковать продольно обстреливаемый с Мон-Сен-Мишель западный фронт, пробив брешь в его южном бастионе; но раньше пожелали все-таки попытаться взять крепость ускоренной артиллерийской атакой. В ночь на 23 сентября пехота выстроила батареи для осадной артиллерии: 3 – на Мон-Сен-Мишель, 7 – на высотах левого берега Мозеля и 1 – на правом берегу. Утром 62 орудия открыли огонь, и в 3³⁰ на соборе появился белый флаг.

Сдача крепости произошла 23 сентября на тех же условиях, которые были предоставлены под Седаном. 109 офицеров были отпущены на честное слово, 2 240 солдат отправлены в плен. Еще вечером шесть рот заняли город, который, в общем, мало пострадал. Добычу немцев составили 71 тяжелое орудие, более 3 тыс. винтовок и богатые запасы продовольствия и фуража.

Взятие Страсбурга 23 сентября

Уже после победы под Вёртом тотчас же возник вопрос об овладении Страсбургом. Эта сильная крепость представляла в качестве тет-де-пона на Рейне постоянную угрозу южной Германии.

По очищении маршалом Мак-Магоном Эльзаса в распоряжении коменданта Страсбурга осталось только три полевых батальона.

Однако, вследствие присоединения людей, отставших от своих полков под Вёртом, несколько четвертых батальонов (пехотных полков), запасных частей, подвижной и национальной гвардии сила гарнизона возросла до 23 тыс. человек. Сапер совсем не было, зато 130 морских солдат представляли отличную отборную часть; артиллерийское снаряжение крепости также было обильное.

Уже 11 августа под Страсбургом появилась для наблюдения баденская дивизия. Несмотря на свою малочисленность, она без помехи со стороны противника продвинулась по долине Рупрехта до канала Рейн-Иль, заняла деревню Шильтигхейм в расстоянии ружейного выстрела от крепостных верков, укрепила ее и вторглась в предместье Кенигсгофен.

В течение 8 дней к этой дивизии присоединились под начальством генерала Вердера гвардейская ландверная и 1-я резервная дивизии с кавалерийской бригадой, 46 батальонов, 24 эскадрона и 18 полевых батарей, далее осадный парк из 200 нарезных орудий и 88 мортир с 6 тыс. пеших артиллеристов и 10 крепостных саперных рот, — всего 40 тыс.

На станции Венденгейм 18 августа команда железнодорожного батальона начала выгрузку орудий, прибывавших из Магдебурга, Кобленца и Везеля.

Инженерный склад был устроен в Гаусберге, обозный парк поставлен у Лампертсгейма, были также приняты меры для устройства местных магазинов.

Наступило полное обложение, и полевой телеграф установил связь между всеми охраняющими частями.

Для достижения цели в кратчайший срок, вопреки совету инженера генерала Шульца, но с одобрения главной квартиры, была сделана попытка принудить крепость к сдаче бомбардированием. Ходатайство об удалении женщин и детей пришлось отвергнуть.

Постройка батарей для бомбардирования в дождливые темные ночи вызвала большие затруднения. Пока только полевая артиллерия направляла свой огонь против города; но в ночь на 25 августа открыли действие те батареи, вооружение которых тяжелыми орудиями было закончено; вскоре вспыхнул сильный пожар. С другой стороны, при артиллерийской борьбе на правом берегу Рейна сторел также Кель.

Страсбургский епископ явился на передовых постах в Шильтиггейме, чтобы просить пощады жителям. Однако, как ни жалко было наносить вред этому городу, но за отсутствием у прелата полномочия для переговоров пришлось продолжать бомбардировку и в ночь на 26 августа, причем в это время она достигла высшей силы.

Бомбардирование Страсбурга

Все-таки в главной квартире в Мундольсгейме пришлось признать, что избранный способ не приведет к цели и что нужно перейти к медленной методической атаке. При этом генерал Мертенс руководил инженерными работами, а генерал Деккер — использованием артиллерии.

В ночь на 30 августа была заложена первая параллель очень близко от гласиса и затем продолжена от канала Рейн — Марна через кладбище св. Елены до еврейского кладбища у Кенигсгофена.

Вскоре число батарей на левом берегу Рейна увеличилось на 21, на правом — на 4, так что 124 орудия самого крупного калибра стояли на закрытых позициях для борьбы с крепостной артиллерией.

Дальнейшие осадные работы были направлены против 11-го и 12-го бастионов на северо-западном выступе крепости. В ночь на 2 сентября была вырыта вторая параллель, не без сопротивления с неприятельской стороны. На рассвете на острове Вакен, а также перед Кроненбургом и Кенигсгофеном была отражена значительная вылазка четырнадцати рот крепостного гарнизона.

Затем крепость открыла сильный огонь и настолько осыпала снарядами поле работ, что его пришлось очистить, пока в 9 часов артиллерия атакующего не принудила крепостную артиллерию к молчанию.

3 сентября последовала вторичная атака, которую удалось отразить только во второй параллели.

По предложению коменданта наступило короткое перемирие для погребения убитых, лежавших перед укреплениями. В этот же день общая салютационная стрельба известила гарнизон о победе под Седаном.

Продолжительный дождь наполнил вторую параллель, имевшую длину в 2 400 шагов, водой на 0,3 м глубины, и только 9 сентября ее удалось совершенно исправить. 5 батарей из первой параллели были продвинуты вперед. Против 44-го люнета, фланкировавшего все работы, пришлось выстроить особые батареи, принудившие его замолчать. Люнет был оставлен гарнизоном.

Теперь действовали с близкого расстояния 96 нарезных пушек и 38 мортир. Каждое орудие должно было выпускать в день 20 гранат, в ночь 10 шрапнелей. Большие казармы сгорели, а каменные ворота, были настолько повреждены, что их пришлось обложить земляными мешками. Обороняющийся отвел свои пушки за бруствер и стрелял только из мортир. Все-таки для успеха работ понадобилось применить мантелеты. После обнаружения перед 53-м люнетом минных галерей капитан Ледебур спустился в ров на веревках и с помощью своих сапер удалил пороховые заряды. В ночь на 14 сентября был достигнут гребень гласиса в обоих люнетах — 52-м и 53-м; началось венчание гласиса посредством двойной сапы с траверсами, что было окончено в 4 дня.

Дальнейшая атака была направлена исключительно против 11-го бастиона.

Для спуска воды из крепостных рвов нужно было разрушить шлюз у Еврейских ворот. Его не было видно ни с одного пункта поля атаки, и на дистанции в четверть мили эта задача могла быть разрешена артиллерией лишь в ограниченной мере. Но 15 сентября части 34-го фузилерного полка под сильнейшим ружейным огнем осажденных прошли к шлюзу и устранили запруду. Около того же времени баденцы заняли остров Шпорен.

После того как мортирные батареи по большей части были переведены во вторую параллель и пушечные батареи подтянуты ближе, команда крепостных ружей своим метким огнем достигла того, что днем обороняющийся нигде не мог более показываться.

Каменные одежды 53-го люнета могли поражаться только непрямыми выстрелами; 1 тыс. выпущенных гранат пробила в них бреши, а две мины вечером 19 сентября обрушили контрэскарп до поверхности воды. Вскоре началась постройка фашинной плотины через ров. Переехавшие на лодках люди нашли укрепление оставленным. Под сильнейшим ружейным огнем с главной крепостной ограды была замкнута горжа и устроен бруствер против крепости.

Лежавший по соседству 52-й люнет был простым земляным укреплением, атака достигла уже края рва, но сначала нужно было покрыть земляные траверсы рельсами для защиты от многочисленных бомб с 12-го бастиона. Постройка фашинной и земляной плотины через ров шириной в 60 шагов, наполненный водой почти на глубину роста человека, потребовал бы очень много времени, вследствие чего было решено выстроить мост из найденных в Шильтигтейме пивных бочек. Эта работа, начатая 21 сентября с наступлением темноты, под защитой только досчатой стены, закрывавшей обзор, к 10 часам была уже окончена. Тут осажденный также не ожидал подъема атакующего на вал; занятый люнет был тотчас приспособлен для обороны против контратак. В обоих люнетах были помещены мортирные и пушечные батареи для полного подавления орудий, находившихся в рavelине и контргардах атакуемого фронта; кроме того, против последних направляли свой огонь пять демортирных батарей и контрбатарей.

В ночь на 23 сентября, после выхода из 52-го люнета частью летучей, частью перекидной сапой, произошло венчание, гласиса перед

51-м контргардом. Одновременно началось пробивание брешей в восточной стороне 11-го бастиона и западной стороне 12-го бастиона. Осколки камней заставили защитников оставить контргарды. Уже 24-го после 600 выстрелов обрушилась каменная стена 11-го бастиона, срытие оставшегося земляного клина (между амбразурами) было отложено до начала штурма.

Труднее было пробивание бреши в 12-м бастионе по трудности наблюдать выстрелы.

Только 26 сентября, выпустив 467 длинных гранат, удалось обрушить стену на протяжении 11 м. Однако для штурма нужно было еще перейти глубокий водяной ров перед бастионом.

Хотя в Страсбурге уже распространилась весть о падении империи, но генерал Урих все-таки отклонял все просьбы жителей об окончании их страданий. Республика была объявлена.

Осада продолжалась 30 дней, но крепость была еще обильно снабжена продовольствием и другими запасами; гарнизон, потерявший 2 500 чел., еще не был существенно ослаблен, только его пестрый состав мешал использованию значительных масс вне укреплений. С самого начала обороняющийся позволил слабому обложению приблизиться вплотную к крепости, и время, когда артиллерия обороны всегда имеет преимущество перед артиллерией атаки, было мало использовано.

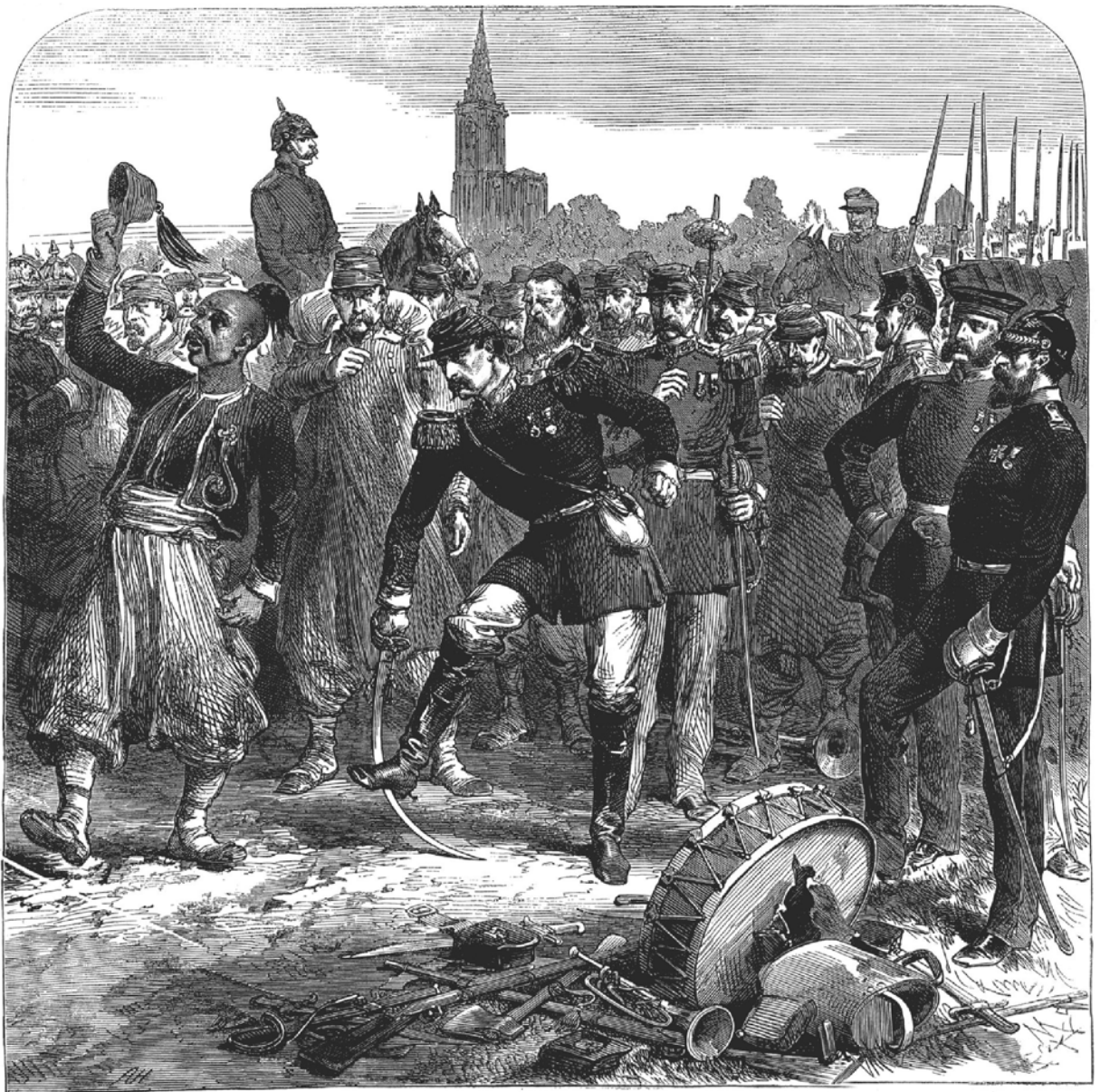
Германская артиллерия выказала решительное превосходство над неприятельской как по своей материальной части, так и в смысле правильного применения. При ее могучем содействии работы сапер и пехоты безостановочно шли к раз поставленной цели со смелостью и вместе с осмотрительностью. Каждую минуту надо было ожидать штурма главной крепостной ограды, и на освобождение извне ни в каком случае нельзя было рассчитывать.

В 5 часов пополудни 27 сентября на колокольне страсбургского собора появился белый флаг; стрельба умолкла, и саперные работы были приостановлены.

В 2 часа пополуночи в Кенигсгофене была подписана капитуляция на условиях Седана: 500 офицеров и 17 тыс. солдат сдавались в плен, но первые освобождались под честное слово.

Национальная гвардия и франктиреры после сдачи оружия и обещания не принимать участия в дальнейших военных действиях

были отпущены на родину. Денежная наличность государственного банка, 1 200 орудий, 200 тыс. ручного огнестрельного оружия и значительные запасы составили богатую военную добычу. В 8 часов утра 28 сентября прусские и баденские роты заняли Национальные, Рыбачьи и Аустерлицкие ворота. Затем из первых вышел французский гарнизон, имея во главе генерала Уриха. Вначале дефилирование происходило в порядке, но потом из рядов стали выходить многочисленные пьяные, которые отказывались повиноваться и ломали свое оружие. Пленные под конвоем двух батальонов и двух эскадронов были первоначально отправлены в Раштат.

Капитуляция Страсбурга

При осаде немцы потеряли 39 офицеров и 894 солдат. Конечно, город нельзя было уберечь от бедствий: 450 домов были совершенно

разрушены, 10 тыс. человек остались без крова, почти 2 тыс. человек убиты и ранены. Музей и картинная галерея, ратуша и театр, новая церковь, гимназия, комендантское управление и, к сожалению, также библиотека с 200 тыс. томов сделались жертвой пламени.

Великолепный собор во многих местах носил следы снарядов, и цитадель походила на груды развалин. Под мусором атакованных укреплений западного фронта были погребены разбитые снарядами орудия.

Падение Туля и Страсбурга существенно изменило военную обстановку. Значительные боевые силы освободились для другого назначения, и воинские поезда могли подходить ближе к армиям.

Правда, освободившуюся под Страсбургом материальную часть еще нельзя было использовать для артиллерийской атаки Парижа: она нуждалась в значительном пополнении и ремонте, и пока ее следовало употребить для взятия нескольких небольших крепостей.

Пользуясь открытием движения по железной дороге, гвардейская ландверная дивизия была притянута к блокадной армии под Парижем. Из баденской дивизии, прусской бригады, сформированной из 30-го и 34-го полков, и одной кавалерийской бригады был образован 14-й армейский корпус, который под командой генерала Вердера выступил к верхней Сене, а 1-я резервная дивизия осталась в Страсбурге в качестве его гарнизона.

События под Парижем до 15 октября

Из столицы, тесно блокированной неприятелем, правительство не могло осуществлять свою волю в остальной Франции. Ввиду этого оно решилось послать из своей среды двух делегатов в провинцию с резиденцией в г. Тур. Теперь они могли покинуть Париж только на воздушном шаре. Одним из этих делегатов был Гамбетта, неутомимая деятельность которого в самой значительной мере проявлялась в течение всего последующего похода.

Тем временем Тьер объезжал европейские дворы с целью побудить их к вмешательству в пользу Франции.

После неудачи 19 сентября в Париже сначала отказались от крупных наступательных предприятий, но все-таки полевые войска остались вне главной крепостной ограды под прикрытием передовых фортов. Дивизии 13-го корпуса заняли лагеря перед южным фронтом и на равнине Венсен; 14-й корпус стоял за излучиной Сены в Булонь, Нейльи и Клиши, имея перед собой форт Мон-Валерьен. Этот неприступный форт был занят двумя полевыми батальонами, после того как находившиеся в нем мобили 20 сентября в полном беспорядке ушли в Париж. Северный фронт города остался на попечении мобилей.

С германской стороны линия охранения маасской армии, которую надо было во всяком случае удерживать и укреплять, простиралась от Шату вдоль Сены, через высоты у Монморанси, вдоль Морэ, по опушке леса Бонди до Марны. К этой линии примыкало охранение вюртембергской дивизии от Нуази-ле-Гран мимо полуострова Жуанвиль до Ормесон. В район между Ормесон и Вильнёв-Сен-Жорж вклинился 23 сентября 11-й корпус, прибывший от Седана, а 1-й баварский корпус перешел к Лонжюмо для обеспечения со стороны Орлеана. 6-й корпус мог теперь совсем перейти на левый берег Сены, где оборонительная линия тянулась по лесистым высотам южнее Парижа до Буживаля.

Главная квартира короля и штаб 3-й армии были переведены в Версаль, штаб маасской армии — в Вер-Галан. Многочисленные мосты установили связь между всеми войсковыми частями, телеграфы и маяки обеспечили быстрый сбор, и с удобных наблюдательных пунктов не упускалось из вида ни одно движение противника.

В помещениях недостатка не было — во всех селениях дома стояли пустые; гораздо больше затруднений доставляло продовольст-

вие. Бежавшие жители угнали свой скот, уничтожили запасы; только винные погреба казались неисчерпаемыми. В первые дни все продукты приходилось брать из продовольственных транспортов, но вскоре кавалерия доставила значительное количество продовольствия. Высокие цены и хорошая дисциплина обеспечили рынок. Только передовые части располагались биваками или строили себе бараки, — правда, многие в сфере огня крепостных орудий, а некоторые даже в сфере огня неприятельского ручного оружия. Например, близ Сен-Клу каждый показавшийся привлекал на себя огонь Шаспо из-за ставень противоположащих домов. Сторожевые заставы сменялись тут лишь ночью и иногда стояли 2 и даже 3 дня. Затем очень открыто стояло охранение баварцев на Мулен-де-ля-Тур, где каждое посещение начальника вызывало оживленную канонаду. Особенно подвергалось неожиданностям Ле-Бурже, расположенное перед линией наводнения. Эта деревня 20 сентября была занята гвардейским батальоном, при подходе которого 400 мобилей бежали, бросив свое снаряжение. Вследствие частого гранатного огня с ближних фортов там была оставлена только одна рота. Небольшие вылазки из Сен-Дени не имели успеха.

Части 6-го корпуса тщетно пытались утвердиться в Вильжюиф и в укреплении От-Брюйер. Они вторгались туда неоднократно, но каждый раз должны были отходить под огнем соседних фортов Бисэтр и Иври и перед превосходством сил дивизии Модюи. Затем французы вооружили укрепление тяжелыми орудиями. Утром 30 сентября полуторачасовая канонада из южных фортов и батарей возвестила о вылазке в этом направлении. В 7-м часу две бригады 13-го французского корпуса развернулись против Тиэ и Шуази-ле-Руа. Густые стрелковые цепи оттеснили передовые посты 6-го корпуса и принудили орудия, стоявшие между обоими селениями, к отъезду, но огонь пехоты, занимавшей селения, заставил противника отказаться от дальнейших атак. Западнее 3-я бригада вторглась в Шевильи и в фабричное здание на дороге в Бель-Эпин, но все-таки, несмотря на решительность атаки, ей не удалось овладеть всей деревней. Находившаяся на квартирах в тылу 11-я германская дивизия была поднята по тревоге и двинулась на помощь 12-й. Занятая французами фабрика снова была взята, и вступившие теперь в дело прусские батареи причинили неприятелю, отступавшему на Сокэ, такие потери, что он, не принимая атаки пехоты, отступил в большом беспорядке на От-Брюйер и Вильжюиф. Бригада,

ворвавшаяся в Ле-Э, также была отбита, причем оставила 120 по большей части нераненых пленных. Только в отдельном дворе у северного входа в Шевильи французы еще удерживались с большим упорством. Совершенно окруженные они, наконец, после неудачной попытки прорыва сдались в количестве 100 человек.

В 9 часов все наступление было уже отбито, и у От-Брюйер генерал Винуа тщетно старался снова двинуть вперед разреженные батальоны. В коротком утреннем бою 6-й германский корпус потерял 28 офицеров и 413 солдат, французы — в несколько раз больше.

Две одновременные демонстрации — против Севра и на правом берегу Сены против Месли — остались без последствий. Вытесненные сначала передовые посты немцев уже около 9 часов заняли свои прежние места.

После того как осажденным не удалось посредством этой вылазки выиграть пространства на юге, они приступили к обеспечению занимаемого уже района укреплениями. Они укрепили Вильжюиф и распространили свои линии от От-Брюйер через Арсейль к мельнице Пишон, так что пришлось отвести баварские заставы назад, ближе к Бур-ля-Рен.

Впрочем, гарнизон Парижа в течение почти всей первой половины октября ограничивался ежедневными канонадами. Стреляли из самых тяжелых орудий по самым небольшим целям. Это было такое расточительное расходование снарядов, как будто желали поскорее уничтожить наличные запасы. Если один из гигантских длинных снарядов случайно попадал в заставу, то он производил там ужасное опустошение, но, в общем, этим ничего не достигалось.

Блокадная линия была существенно усилена 10 и 16 октября, когда 17-я дивизия из Туля сменила у Бонейля 21-ю дивизию, выдвинувшуюся между баварским и 5-м корпусами на участке Медон — Севр, и когда от Страсбурга прибыла гвардейская ландверная дивизия, занявшая Сен-Жермен.

Эти движения были замечены в Париже, и для выяснения обстановки в 9 часов 13 октября генерал Винуа с 26 тыс. человек при 80 орудиях перешел в наступление против позиции 2-го баварского корпуса.

Под прикрытием огня соседних фортов и полевых батарей четыре батальона мобилей атаковали Баньё и через разрушенные укре-

пления проникли до середины деревни, защитники которой, когда около 11 часов к французам подошел еще 10-й полевой полк, отступили на Фонтенэ. Поддержанные свежим батальоном и фланговым огнем из Шатильона, баварцы оказали теперь столь упорное сопротивление, что противник отказался от дальнейшего продвижения и занялся укреплением Баньё.

Тем временем собралась 4-я баварская дивизия, и в 1 час 30 мин. пополудни генерал Ботмер от Со и Фонтенэ произвел охватывающую атаку против Баньё.

Баррикады, только что устроенные противником, были захвачены, но все-таки он продолжал чрезвычайно упорно защищаться в северной части деревни.

Одна французская бригада вторглась также в Шатильон, но стоявший там баварский батальон удержался до подхода подкреплений, которые после горячего боя вытеснили противника из селения.

Третья бригада заняла Кламар, который тогда еще не был включен в германскую укрепленную линию, однако французам не удалось подняться по склону высоты к Мулен-де-ля-Тур, хотя на этом плато обороняющийся был осыпаям снарядами с фортов.

Убедившись в том, что все селения заняты достаточными неприятельскими силами, генерал Винуа в 3 часа решил прекратить бой. Постепенно французские отряды исчезали за фортами, с наступлением темноты ушли и последние. Баварцы снова заняли свою прежнюю линию охранения, но усилили гарнизон Баньё на два батальона.

Между тем, вся Франция усерднейшим образом вооружалась.

У Руана, Эвра, Безансона и особенно за Луарой собирались войсковые массы значительной численности, — правда, самого пестрого состава, — для обучения и формирования которых не хватало, прежде всего, профессиональных офицеров. Ввиду этого было решено в первое время избегать решительных столкновений, но беспрестанно занимать противника небольшими боями. Так уже в конце сентября генерал Деларю с разведчиками Сены проник от Эвра до окрестностей Сен-Жермен. Но 5-я кавалерийская дивизия, поддержанная двумя баварскими батальонами, отогнала эти отряды на Дре за р. Эр.

Леса перед фронтом 6-й кавалерийской дивизии были также наполнены неприятельскими отрядами, которые, однако, без особого труда были оттеснены через Рамбулье к Эпернон.

Серьезнее сложились обстоятельства к югу от Парижа перед 4-й кавалерийской дивизией, наблюдавшей к стороне Луары.

Вокруг Орлеана собрался вновь образованный 15-й французский корпус из трех дивизий силой в 60 тыс. человек и занял всю лесную полосу на правом берегу Луары.

Было уже сказано, что для парирования опасности, угрожавшей отсюда блокадной армии, были двинуты к Арпажону и Монлери освободившиеся под Седаном 1-й баварский корпус и 22-я дивизия 11-го корпуса, которые вместе со 2-й кавалерийской дивизией 6 октября были объединены под командой генерала Танна.

Бой при Артеней 10 октября

Получив приказ о наступлении к Орлеану, генерал Танн продвинулся 9 октября до окрестностей Сен-Перайи, а 10-го — по направлению на Артеней, не встретив на пути серьезного сопротивления. Его правый фланг прикрывала 4-я кавалерийская дивизия, 2-я кавалерийская дивизия осталась стоять против Питивье, где наблюдалось большое скопление неприятеля.

В этот же день генерал Ля-Мотруж с 15-м французским корпусом также выступил на Артеней, заняв лес в тылу мобилиями. Авангарды обеих сторон встретились немного севернее Артеней, являвшегося целью марша той и другой стороны.

Тогда как справа баварские шеволежеры⁸ гнали перед собой неприятельскую конницу, германская пехота развернулась у Дамброна поперек дороги. 22-я прусская дивизия подступила к Дамброну, имея при себе обе кавалерийские дивизии. Под огнем баварских батарей французы повернули к Артеней, где была подготовлена позиция. Около 2 часов пополудни атакованные с фронта, угрожаемые конными массами французы бросили свой палаточный лагерь и начали отступление, которое вскоре превратилось в бегство. При этом кавалерия взяла у них четыре полевых орудия и более 250 пленных. Другие 600 человек, достигшие Круа Брикэ, сдались там подходившей баварской пехоте.

Так как германские войска сделали большой переход, то генерал Танн остановил их в Артеней и в его окрестностях, выдвинув лишь авангард до Шевильи. Только на следующий день предполагалось продолжать поход к Орлеану.

⁸ Баварская легкая кавалерия.

Бой под Орлеаном 11 октября

11 октября 22-я прусская дивизия, в которой в это время было всего 6 тыс. человек, встретила правое крыло наступавших французов; она вытеснила их из нескольких деревень, частью приведенных в оборонительное состояние, но в 10 часов натолкнулась на серьезное сопротивление на укрепленной позиции близ д. Орм.

Дело в том, что после неудачи у Артеней командир 15-го французского корпуса решил отступить за Луару, а для прикрытия этого отступления приказал, примерно, 15 тыс. человек занять чрезвычайно удобную для обороны местность на правом берегу Луары.

Сначала генерал Виттих развернул против позиции у Орма свою 44-ю бригаду и приказал открыть огонь семи батареям. Части его левого крыла, поддержанные правым крылом баварцев, постепенно продвигались в полосе восточнее неприятельской позиции, причем отдельные дворы и постройки приходилось брать штурмом.

Между тем, угроза правому флангу поколебала стойкость обороны, и после сопротивления, продолжавшегося несколько часов, французы начали отступать. Как только это было замечено немцами, две батареи подъехали на 800 шагов, а 83-й полк в 2 часа пополудни взял позицию штурмом, хотя и со значительными потерями. Тем временем части 43-й бригады достигли уже дороги за Ормом и взяли у противника 800 пленных.

Однако, селения, сады и виноградники, расположенные на протяжении мили по обеим сторонам дороги в Орлеан, чрезвычайно затрудняли дальнейшее наступление; только в 3 часа дивизия дошла до Пти-Сен-Жан, где передние строения были взяты штурмом.

Баварский корпус, натолкнувшийся уже у Саран на энергичное сопротивление, продвигался со значительными потерями, особенно в артиллерии, на Бель-Эр. Тут местность не позволила использовать орудия, и дальнейшее наступление приостановилось; еще в 4³⁰ неприятель упорно удерживался в Лез-Эд, пока наступление 4-й баварской бригады к Мюрлен не создало угрозы его отступлению. Затем он снова оказал сопротивление за насыпью железной дороги в 1 тыс. шагов впереди Орлеана; вокзал и газовую фабрику пришлось также брать штурмом.

Было уже 5 часов, когда генерал Танн для последнего решительного удара притянул к Гранд-Орм свой резерв — 1-ю баварскую бри-

гаду. 32-й прусский полк перешел железнодорожную насыпь с левого фланга обороняющихся, которые теперь отошли в предместье Сен-Жан. Преследовавший их 1-й баварский полк был встречен у городских ворот частым огнем, но в 7 часов полк дошел до рыночной площади.

Французы спешили к мосту через Луару, 43-я прусская и 1-я баварская бригады заняли главные здания и переходы через реку, но при наступавшей уже темноте отказались от дальнейшего наступления и расположились биваками на городских площадях.

За день немцы потеряли 900 человек преимущественно из состава 3-й баварской бригады. Но эта победа, одержанная при очень трудных условиях, совершенно устранила на ближайшее время возможность тревожения блокадной армии. Полезную добычу составили: 5 тыс. винтовок, 10 локомотивов и 60 вагонов.

В отдельных боях и при отступлениях французский арьергард потерял одними пленными 1 800 человек, но зато в течение целого дня с похвальной стойкостью прикрывал отход главных сил южной армии от численно превосходного противника. В открытом поле, где требуется искусное управление массами, французы накануне были быстро побеждены; напротив, для боя в селениях нужно только упорное мужество защитников, а его было достаточно даже во вновь сформированных французских войсках.

На следующий день 1-я баварская дивизия заняла по ту сторону Луары предместье Сен-Марсо и продвинулась до ручья Луарэ. 2-я кавалерийская дивизия производила поиски через Солонь, 4-я кавалерийская дивизия — на правом берегу Луары на запад.

Французский 15-й корпус продолжал свое отступление до Сальбри и Пьерфит за р. Сольдр.

Несомненно, представлялось желательным продолжить преследование до Вьерзона и Тура с целью уничтожить в первом большие запасы оружия и выгнать из второго правительственную делегацию. Однако следовало принять во внимание, что французская армия хотя и потерпела частную неудачу при Артеней, но, пользуясь благоприятной местностью, избегла поражения, успев отступить. Генерал Танн имел в своем распоряжении сравнительно мало пехоты, а неприятельские силы показывались со всех сторон. В Блуа ниже Орлеана и в Жиен выше его появился новый 16-й французский корпус; у леса Мар-

шенуар и впереди Шатодена германская кавалерия натолкнулась на сопротивление; повсюду жители и отряды добровольцев выступали с такой уверенностью, что можно было подозревать близкую поддержку их.

При таких условиях следовало ограничиться преимущественно занятием Орлеана и линии Луары, а для этой цели, казалось, было вполне достаточно баварского корпуса со 2-й кавалерийской дивизией. 22-я пехотная и 4-я кавалерийская дивизии были отозваны к 3-й армии, но по пути туда им приходилось разгонять добровольческие отряды, появившиеся у Шатодена и Шартра.

Генерал Танн приказал подготовить к разрушению мосты через Луарэ и Луару; была устроена этапная линия к Лонжюмо; баварское полевое железнодорожное отделение работало над восстановлением железной дороги в Вильнёв.

Взятие Суасона 15 октября

После падения Туля движение по железной дороге было открыто до Реймса, но дальнейшей эксплуатации ее мешала крепость Суасон.

При своем движении к Парижу маасская армия безуспешно обстреливала Суасон из полевых орудий, а затем эта крепость только наблюдалась, пока 6 октября восемь ландверных батальонов, четыре эскадрона, две батареи, две саперные роты и четыре роты крепостной артиллерии не установили полную блокаду.

Каменные стены высотой в 8 м совершенно обеспечивали Суасон от штурма, с юга же он был неприступен вследствие запруды ручья Криз. Напротив, юго-западный фронт имел сухие рвы без каменного контрэскарпа; кроме того, там в расстоянии менее четверти мили находилась гора Марион с превышением в 90 м. На эту сторону крепости и была направлена ускоренная артиллерийская атака, когда 11 октября прибыли от Туля 26 прусских осадных орудий (с комплектом в 170 снарядов) и 10 французских мортир, причем главное начальство принял герцог Мекленбургский.

В светлую лунную ночь артиллеристы с помощью пехоты построили и вооружили батареи на высотах у Сен-Женевьев, у Бале и на горе Марион. В 6 часов утра 12 октября они одновременно открыли огонь.

Осажденный отвечал очень энергично, но с малым успехом, и вскоре меткой прусской артиллерии удалось подавить артиллерию противника на фронте атаки.

На следующий день там обнаружилась узкая брешь, огонь французов заметно ослабел, но комендант решительно отверг предложение о сдаче. Он увеличил 14 октября число своих орудий на южном фронте, так что батареям у Сен-Женевьев приходилось очень трудно. На фронте атаки французы также усердно работали над исправлением сильно поврежденных укреплений, доставили на валганг новые орудия и загородили брешь засекой.

Между тем, 15 октября эти работы были снова разрушены артиллерией атакующего и образована брешь шириной в 40 шагов с большой осыпью земли. Так как крепость все еще поддерживала оживленный огонь, то было решено придвинуть полевую артиллерию на дистанцию 900 шагов. Но когда в 8 часов вечера нужные для этого работы начались, комендант вступил в переговоры и сдал крепость на

условиях Седана. На следующее утро гарнизон выступил из крепости. Тысяча мобилей была отпущена на слово, 3 800 человек взято в плен.

Атакующий потерял 120 человек; военная добыча состояла из 128 орудий и 8 тыс. ружей; кроме того, взяты значительные запасы продовольствия.

Взятие штурмом Шатодена 18 октября

Вследствие полученного приказа генерал Виттих с 22-й дивизией подошел к Шатодену после полудня 18 октября.

Французские полевые войска получили уже приказ отходить на Блуа, но около 1 800 человек национальной гвардии и добровольцев стояли еще за стенами и баррикадами, готовые к встрече противника. Атака пехоты встретила также местные препятствия, и четыре батареи должны были действовать против них довольно долго.

Только с наступлением темноты был начат общий штурм. Внутри города противник оказал отчаянное сопротивление. Приходилось брать каждый дом, бой продолжался до глубокой ночи, и большая часть города сгорела. В конце концов, добровольцы ушли, оставив 150 пленных; жители же за свое участие в бою отделались денежным штрафом.

Затем в полдень 21 октября дивизия появилась перед Шартром, где предполагалось 10 тыс. французов. Тут морская пехота и мобили перешли в наступление, но были отражены огнем семи батарей. Генерал Виттих развернул обе бригады к югу от города, окружив его кавалерией, к которой еще присоединилась 6-я кавалерийская дивизия. Судьба Шатодена послужила предостережением городским властям, и в 3 часа состоялось соглашение, по которому войска отступили, национальная гвардия сложила оружие, и город открыл ворота.

Генерал Виттих получил приказ пока остаться в Шартре, 6-й кавалерийской дивизии указано занять Ментенон, обеспечив блокадную армию с запада.

Не менее деятельно французы вооружались на севере — в Пикардии и Нормандии. В начале октября саксонская кавалерийская дивизия, поддержанная частями маасской армии, отогнала франктиреров и мобилей от Уазы и р. Эпт до Амьена, взяв несколько сот пленных. Однако возвращались все новые отряды, которые пришлось атаковать у Бретеяля, Мондидье и Этрепаньи, так что для обеспечения блокады в этом направлении были постепенно введены в дело 11 батальонов, 24 эскадрона и 4 батареи. Но к концу месяца выступили французские отряды, планомерно управляемые и такой численности, что сначала пришлось ограничиться обороной линии р. Эпт.

На юго-востоке из лесной местности у Фонтенебло добровольческие отряды также предпринимали враждебные действия, особенно

против кавалерийских реквизиционных команд, а из Нанжи подвергалась угрозе перевозка осадных орудий. Небольшой отряд вюртембергцев занял Монтеро, хотя и забаррикадированное, но не защищаемое, жители которого выдали оружие. Затем он подступил к Ножану, где стояли значительные части мобилей. После пробития бреши в каменной стене кладбища вюртембергцы, несмотря на частый огонь, ворвались в город. Внутри него французы оказали энергичное сопротивление, но, в конце концов, отступили на Труа, оставив 600 раненых и убитых. Небольшой летучий отряд, сделав в 6 дней 27 миль, вернулся к своей дивизии.

Вылазка против Мальмезона 21 октября

Французская столица была уже блокирована более 4 недель, и казалось возможным, что при дальнейшей бездеятельности голод вызовет ее сдачу. Происходившие до сих пор вылазки стремились лишь к удалению противника из ближайших окрестностей, новое же предприятие поставило себе более крупную цель. Предполагалось перейти Сене ниже Парижа, у Безона и Карьера, после чего атаковать охранение 4-го прусского корпуса на высотах у Аржантейля с юга и одновременно с востока — из Сен-Дени. Затем марш должен был продолжаться через Понтуаз на Руан — в район, средства которого еще не были истощены; туда же предполагалось перевезти по железной дороге через Ле-Ман и луарскую армию, чтобы, таким образом, сосредоточить вооруженную силу в 250 тыс. человек.

Правда, наступлению через Сене угрожал непосредственно с фланга 5-й прусский корпус, передовые части которого уже неоднократно появлялись в Рюэль. Предварительное отгеснение этого противника принял на себя генерал Дюкро с 10 тыс. человек при 120 полевых орудиях. После этого укрепления от Валерьяна до Карьера должны были отгородить полуостров с юга.

Возможно, что не столько думали привести серьезно в исполнение такой широкий план, сколько лишь стремились вообще что-либо предпринять ввиду столь страшного «общественного мнения» и растущей борьбы партий в Париже. Значительные затруднения вызвала уже атака неприятельской линии, еще большие должны были возникнуть после этого. Нельзя было надеяться провезти с собой обозы протяжением в милю, необходимые для довольствия армии. Следовало ожидать серьезных затруднений, когда войска съедят свой трехдневный носимый запас. Для того чтобы жить средствами страны, армия должна была развернуться, но преследование неприятеля заставляло ее держаться сосредоточенно. Вообще непонятно, какой смысл было выводить из Парижа силы, собранные для защиты столицы. Ведь на успех можно было рассчитывать лишь в том случае, если внешняя армия настолько приблизится, что установит непосредственную связь с армией, выходящей из крепости.

Между тем, 21 октября, после того как форт Мон-Валерьян все утро производил довольно бесполезную стрельбу, генерал Дюкро в 1 час пополудни перешел в наступление против позиции 19-й прусской

дивизии, сторожевое охранение которой стояло на линии Буживаль — Жоншер — Фоленкопель. 14 французских полевых батарей развернулось по обеим сторонам Рюэля и у южной подошвы горы Валерьен, а за этим артиллерийским фронтом наступала пехота в пяти колоннах.

Со стороны немцев сначала вступили в неравный бой только две батареи, из которых одну, у виллы Меттерних, вскоре пришлось убрать в тыл.

Французские батальоны подошли справа на дистанцию в 1 400 шагов к Буживалю, и около 3 часов пополудни четыре роты зуавов устремились на этот пункт из Рюэля. Встреченные частым огнем, они бросились в сторону, в парк Мальмезон, и беспрепятственно заняли замок Бюзанваль и восточный скат глубокого оврага Кукуфа. Тут одна из их батарей выехала даже в стрелковую цепь, чтобы ее поддержать.

В то время как главные силы 9-й германской дивизии подвигались из Версаля в Вокресон, 10-я дивизия развернулась у оврага и виллы Меттерних. Огневой бой пехоты продолжался уже целый час и причинил французам большие потери. Около 4 часов, когда казалось, что они уже достаточно расстроены и, кроме того, к левому крылу немцев подошел на поддержку гвардейский ландвер из Сен-Жермена, это крыло перешло в наступление от Буживаля через высоты Жоншер, ворвалось, несмотря на энергичное сопротивление, в Мальмезон и преследовало отходивших зуавов до Рюэля. Одновременно правое германское крыло, обходя овраг Кукуфа в его верховье, двинулось против его восточного ската, выгнало оттуда неприятеля, взяло у батареи два орудия и заняло замок Бюзанваль.

Теперь французы везде отходили, к 6 часам огонь замолк, и 10-я дивизия, которая одна, без посторонней помощи, выдержала неприятельское наступление, заняла свои прежние передовые позиции. Бой обошелся ей в 400 человек потерь. Французы потеряли в неудавшемся предприятии 500 убитых и раненых и 120 пленных.

Вскоре после этого французы начали рыть земляные укрепления на дистанции 800 шагов от линии гвардейского корпуса; утром 28 октября, под покровом темноты, генерал Бельмар с отрядом из нескольких батальонов выступил против Ле-Бурже.

Стоявшая там германская рота, захваченная совершенно врасплох, должна была отойти перед превосходными силами на Понт-Иблон и Блан-Мениль. Французы тотчас же забаррикадировались в

селении и приспособили его к продолжительному сопротивлению. Тщетно один германский батальон пытался прогнать их еще вечером, он должен был отойти с большими потерями. Так же мало удалось этого достигнуть и на следующий день огнем 30 полевых орудий, выехавших на позицию у Понт-Иблона. Однако кронпринц Саксонский отдал гвардейскому корпусу категорический приказ — немедленно отбить Ле-Бурже.

Взятие штурмом Ле-Бурже 30 октября

Вследствие этого приказа 30 октября под командой генерала Будрицкого собрались девять батальонов 2-й гвардейской дивизии с пятью батареями у Дюньи, Понт-Иблона и Блан-Мениля для охватывающей атаки.

После того как в 8 часов утра артиллерия от ручья Морэ начала бой, пехота перешла в наступление. На совершенно открытой местности она была встречена не только огнем из Ле-Бурже, но и огнем тяжелых орудий из фортов. Несмотря на это, гренадерские батальоны королевы Елизаветы во главе средней колонны в 9 часов ворвались в деревню через баррикады северного входа и проломы в стенах, быстро сделанные саперами. Против западной стороны деревни наступали гренадеры полка императора Франца, которые овладели парком. При дальнейшем продвижении по деревне развился ожесточенный бой в домах, в котором были убиты оба полковых командира. Окруженные каменными стенами отдельные дворы влево от улицы были взяты один за другим, несмотря на упорное сопротивление; в церкви, куда немцы влезли через окна, расположенные высоко над землей, продолжался рукопашный бой. Из парка гвардейские стрелки проникли в стекольный завод.

В 9³⁰ французы пытались подвести к Ле-Бурже подкрепления из Обервильепа и Дранси; но тем временем левая колонна немцев взяла штурмом железнодорожную насыпь, заняла ее частями полка императора Александра и вторглась в южную часть селения. Две батареи стали на позиции у ручья Молет, их огонь отогнал противника, принудив его даже очистить Дранси.

В 10 часов французы еще держались в строениях к северу от Молета. Теперь последние были атакованы также с юга. 4-я рота полка императора Александра перешла ручей и проникла через пролом, сделанный саперами, в отдельный двор, где были собраны главные силы противника. Пришлось сражаться прикладами и штыками, причем был убит французский полковник.

Хотя около 11 часов все три атакующие колонны немцев соединились внутри Ле-Бурже, все-таки с еще большим ожесточением продолжался бой в отдельных домах и садах. Он затянулся до вечера, и в это время все форты северного фронта Парижа осыпали селение

своими гранатами. Только в 1³⁰ дня можно было отвести атаковавшие германские войска поротно на их квартиры.

Два батальона были пока оставлены в Ле-Бурже в качестве гарнизона.

Отчаянное противодействие французов показало, какое значение они придают этому пункту.

2-я гвардейская дивизия купила победу ценой 500 убитых и раненых. Потеря французов неизвестна, но у них было взято более 1 200 пленных.

Эта новая неудача увеличила недовольство парижского населения. Все более и более исчезало уважение к правительству. Его обвиняли в неспособности, в измене. Шумные толпы народа требовали оружия, и даже часть национальной гвардии присоединилась к ним. Ратуша была окружена с криками: «Да здравствует коммуна!».

Тьер, вернувшийся после своего безуспешного объезда европейских дворов, счел своевременным снова завязать переговоры с Версалем. Там и теперь еще были согласны на перемирие, но поставленное с французской стороны условие — снабдить столицу продовольствием, разумеется, не могло быть принято, и потому военные действия должны были продолжаться.

Около этого времени, к концу октября, события на Мозеле приняли такой оборот, который должен был повлиять на всю военную обстановку.

Вследствие обмена германских пленных на французских, взятых под Седаном, известие о понесенном там поражении распространилось в Меце. Однако, маршал Базен объявил, что Рейнская армия и дальше будет защищать отечество против неприятеля и общественный порядок против вредных страстей; правда, последние слова можно было толковать в весьма различном смысле.

Германской политике представлялось желательным, чтобы кроме требовательного, но слабого парижского правительства во Франции существовала еще другая власть, с которой можно было бы сговориться об окончании войны.

Вследствие этого был пропущен в Мец мнимый агент изгнанной императорской фамилии. Но так как он не смог представить маршалу требуемых полномочий, то генералу Бурбаки было разрешено проехать через германские позиции в Лондон, где, однако, императрица

Евгения отказалась от всякого вмешательства в и без того уже трудное положение Франции. Затем в Туре генерал предоставил себя в распоряжение правительства национальной обороны.

Тем временем блокированная в Меце армия со дня Нуасвиля оставалась в строго выжидательном положении.

Продовольствие, нужное для 70 тыс. жителей, включая укрывшееся в город сельское население, первоначально имелось в наличности на 3,5 месяца, а для штатного гарнизона — на 5 месяцев; Рейнская же армия была обеспечена продовольствием всего на 41 день и овсом на 25 дней.

Хотя запасы войск пополнялись покупками из обильных запасов граждан, но вскоре пришлось выдавать уменьшенные порции хлеба, а для снабжения мясом убивать лошадей, так что большинство кавалерийских полков могло выступить только в составе двух эскадронов.

У немцев довольствие 197 326 человек и 33 136 лошадей также вызывало большие затруднения. Разразившаяся в Германии чума рогатого скота ограничила подвоз его только животными, купленными в Голландии и Бельгии. Потребность в мясе должна была удовлетворяться консервами. Увеличенные дачи овса восполняли недостаток сена и соломы.

Понесенные до сих пор армиями потери были покрыты прибытием запасных, но одна перевозка пленных из Седана отняла у блокадной армии четырнадцать батальонов. Еще не удалось, наряду с дальнейшим усовершенствованием укреплений, построить также в достаточном числе жилые помещения. При рано наступившей холодной дождливой погоде четвертая часть людей осталась без крова, и число больных в госпиталях постепенно возросло до внушительной беспокорности цифры в 40 тыс. человек.

Хотя из Германии и прибыли 50 тяжелых орудий, но обстрел ими Меца оказался недействительным, так как вследствие более крупного калибра крепостной артиллерии они могли стрелять только по ночам с неоднократной переменой позиций.

Следовательно, приходилось возложить все надежды на время и вооружиться терпением.

Осажденные уже в продолжение 4 недель расходовали свои запасы. При сильном уменьшении последних Базен решил под вооруженным прикрытием вывезти все запасы из селений внутри германской

блокадной линии, имея также и другую цель — этой деятельностью оживить дух войск.

В полдень 22 сентября форт Сен-Жюльен открыл частый огонь по охранению 1-го германского корпуса. Затем сильные пехотные части двинулись против расположенных к востоку деревень, вытеснили оттуда полевые заставы немцев и возвратились в Мец с найденными запасами. Подобная же фуражировка, произведенная на следующий день после полудня в северных селениях, имела меньший успех. Под огнем быстро выставленных прусских батарей большая часть повозок должна была вернуться пустыми. Наконец, 27 сентября произошла вылазка с той же целью на юг, приведшая к нескольким стычкам и к взятию в плен германской роты, окруженной в Пельтре много превосходящими силами. Одновременная вылазка на левом берегу Мозеля окончилась неудачей под огнем подоспевшей артиллерии блокадных войск.

К северу от Меца крепость Диденгофен (Тионвиль) до сих пор только наблюдалась слабым отрядом, который не мешал гарнизону делать разведки местности до близкой здесь границы, брать пленных, захватить 50 нагруженных провиантом повозок и даже провезти в крепость по восстановленной железной дороге из Люксембурга целый поезд с продовольствием.

Действительно, в случае удавшегося прорыва Рейнской армии Диденгофен, находившийся в одном переходе, представлял для нее важный опорный пункт. Ввиду этого Фридрих-Карл принял меры к усилению северного участка блокадной линии на правом берегу Мозеля. 1 октября 10-й корпус занял позицию резервной дивизии Куммера, которая перешла на левый берег. 1-й, 7-й и 8-й корпуса теснее сомкнулись вправо, а 2-й корпус принял участок между реками Сейль и Мозель, Войска под Диденгофеном также были усилены.

Действительно, маршал еще раз решил пробиваться на север, и притом по обоим берегам Мозеля. Позади Сен-Жюльена и с острова Шамбьер были наведены новые мосты через реку и в многодневных небольших боях германские заставы были оттеснены к западу и северу от крепости. Поддержанные огнем с фортов, французы утвердились в Лесси и Ладоншане. Было точно указано, какие войска должны остаться в Меце, остальные проверены относительно готовности к по-

ходу. С Диденгофеном была установлена связь световыми сигналами и приняты все меры для выступления 7 октября.

Но вдруг французский полководец изменил свое намерение, и предположенное предприятие обратилось в простую фуражировку.

Правда, для нее были двинуты очень большие силы: дивизия гвардейских вольтижеров, 6-й корпус и в лесах у Вуапи 4-й корпус. Кроме того, 3-й корпус должен был поддержать движение также и на правом берегу реки.

Было приготовлено 400 повозок, чтобы вывезти запасы из больших ферм севернее Ладоншана.

Вылазка из Меца против Бельвю 7 октября

Хотя предположенное на 11 часов выступление французов от Вуапи замедлилось до 1 часа пополудни, но стоявшие в охране прусские ландверные роты под натиском превосходных сил должны были отступать и, задерживаясь в отдельных дворах до истощения патронов, потеряли значительное число пленных.

Однако артиллерия ландверной дивизии помешала вывозу запасов; 5-я германская дивизия двинулась от Норуа против левого фланга наступавших французов и оттеснила их обратно к Бельвю, где развился огневой бой на месте.

На правом берегу Мозеля французский 3-й корпус наступал против Мальруа и Нуасвиля. Тут германское охранение также отошло, но позади него стояли готовые к бою 1-й и 10-й корпуса. Вскоре оба корпусных командира увидели, что происходит только демонстрация. Будучи сам угрожаем, генерал Фохтс-Рец уже в 2³⁰ приказал своей 38-й бригаде перейти Мозель у Аржанси, чтобы помочь ландверной дивизии; вслед за этой бригадой он направил туда же еще 37-ю бригаду, когда узнал, что генерал Мантейфель прислал ему подкрепление к Шарли.

С прибытием первого подкрепления генерал Куммер в свою очередь перешел в наступление и после горячего боя с отходившим уже неприятелем опять овладел фермами; затем войска Куммера, поддержанные справа частями 5-й дивизии, к 6 часам вечера вторглись в Бельвю. Но Ладоншан оставался еще во власти французов. Против этого пункта поздно вечером двинулись 19-я и резервная дивизии. Двор замка, окруженный водяными рвами, был тщательно укреплен и сильно занят пехотой и орудиями. При наступившей темноте пришлось отказаться от действия собственной артиллерии, и атака не удалась. Впрочем, все занятые раньше пункты были заняты снова.

Этот день стоил пруссакам 1 700 убитых и раненых и, кроме того, 500 без вести пропавших. Французы определяют свою потерю только в 1 193 человек.

Предприятие французов могло считаться попыткой, введением к настоящему прорыву, и возможно, что таков и был замысел. Вследствие этого германские войска остались на позициях, занимаемых ими к концу боя, чтобы выждать возобновления его на следующее утро.

В самом деле, утром 8 октября форты открыли частый огонь по фермам, тогда как германские батареи посылали свои снаряды в Ладоншан. Затем сильные французские колонны двинулись вперед по правому берегу Мозеля, но нигде не предприняли серьезной атаки, вследствие чего прусские войска вскоре вернулись на свои квартиры.

В ближайшие дни артиллерийский бой еще продолжался, но с уменьшающейся силой. Продолжительная дождливая погода затрудняла все действия в поле и повышала лишения с обеих сторон. В Меце стал все сильнее ощущаться недостаток в съестных припасах. Уже 8 октября комендант донес, что запасов у него хватит только на 12 дней. Однако созванный 10 октября военный совет высказал мнение, что дальнейшее выжидание явится лучшей услугой, которую Рейнская армия может оказать отечеству, так как она задерживает неприятельскую армию под стенами Меца.

После этого маршал отправил в Версаль генерала Бойера в качестве парламентаря; он должен был потребовать для Рейнской армии свободного отступления, категорически отвергая капитуляцию, подобную седанской.

Между тем, положение в Меце было хорошо известно немцам. Ежедневно увеличивалось число солдат, которые при копке картофеля добровольно сдавались в плен. Немцы узнали, что в городе происходили беспорядки, что в скопищах участвовали также солдаты и что командующий армией был вынужден признать республику. После того как императрица тоже объявила, что она никогда не согласится на уменьшение французской территории, не могло быть больше речи о политических переговорах с командующим Рейнской армией.

С 20 октября прекратились выдачи из крепостных запасов, и войска зачастую питались только кониной. Первоначальное число в 20 тыс. лошадей каждый день уменьшалось на 1 тыс. Особенно чувствителен был недостаток хлеба и соли, а глинистая, глубоко размокшая почва делала пребывание в лагерях почти невыносимым.

После неудачи переговоров в Версале на военном совете, собранном 24 октября, было признано необходимым завязать сношения с командованием блокадной армии.

Первые переговоры не имели успеха, так как маршал все еще требовал свободного отступления, если надо будет, в Алжир или перемирия при условии снабжения продовольствием. С германской

стороны настаивали на сдаче крепости и на пленении армии, и, в конце концов, на этих условиях вечером 27 октября была подписана капитуляция.

Капитуляция Меца 27 октября

Утром 29 октября были водружены германские флаги на внешних фортах Меца. В 1 час пополудни французский гарнизон в безмолвной тишине и полном порядке выступил из крепости по шести дорогам. На каждой стоял один прусский корпус для приема пленных, которые тотчас же отводились на приготовленные и снабженные продовольствием биваки. Офицерам было оставлено оружие, и на время они могли вернуться в Мец, куда вскоре были также доставлены съестные припасы.

Маршал Базен выехал в Кассель.

Еще в течение дня в Мец вступила 26-я бригада. В городе не было заметно никаких разрушений, но состояние лагерей свидетельствовало о лишениях, перенесенных войсками за 72 дня блокады.

Немцы потеряли в этот период убитыми и ранеными 240 офицеров и 5 500 солдат.

В плен было взято: 6 тыс. офицеров и 167 тыс. солдат, кроме того, 20 тыс. пока еще не способных к перевозке больных, — всего около 200 тыс. человек. Немцам досталось: 56 императорских орлов, 622 полевых и 876 крепостных орудий, 72 митральезы и 260 тыс. ружей.

Пленные были отправлены через Трир и Саарбрюкен под конвоем ландверных батальонов, которые остались для их окарауливания в Германии, так что нельзя было рассчитывать на возвращение этих батальонов на театр войны.

Новое разделение армий

Капитуляция Меца, которой Фридрих-Карл добился при столь трудных условиях, существенно улучшила общую военную обстановку.

Еще до наступления этой катастрофы, а лишь в предвидении ее, в главной квартире были сделаны распоряжения относительно имеющих освободиться войск, о чем заранее сообщено командующим армиями.

Согласно этому 1-й, 7-й и 8-й корпуса с 3-й кавалерийской дивизией должны были образовать 1-ю армию под командой генерала Мантейфеля. Задачей ее было выдвижение в район Компьень для прикрытия блокады Парижа с севера. Кроме того, на нее возлагались еще другие поручения. Она должна была занять Мец, осадить Диденгофен и Монмеди.

2-й, 3-й, 9-й и 10-й корпуса с 1-й кавалерийской дивизией, в качестве 2-й армии, снова поступили под начальство Фридриха-Карла и должны были двинуться к средней Луаре.

Операции 14-го корпуса на юго-востоке. Октябрь

После падения Страсбурга на вновь сформированный 14-й корпус была возложена задача — прикрывать сообщения германских армий, стоявших под Мецем и Парижем.

Генералу Вердеру предстояли не столько крупные сражения, сколько многочисленные мелкие бои в различных направлениях. Желая сделать свои четыре бригады способными к ведению таких самостоятельных боев, Вердер снабдил каждую из них артиллерией и кавалерией.

В таком порядке корпус перешел Вогезы по обеим дорогам через Ширмек и Бар, причем толпы франктиреров были без особой задержки прогнаны из теснин. Но при выходе из гор корпус вскоре натолкнулся на серьезное сопротивление.

Уже с начала октября около 30 тыс. французов под начальством генерала Камбриль стояли у Эпиналя, и под прикрытием их в южной Франции собирались многочисленные батальоны национальной и подвижной гвардий.

6 октября генерал Дегенфельд с баденским авангардом двинулся по обоим берегам Мерты по направлению на Сен-Дие. Слабая колонна была теснима со всех сторон далеко превосходящими силами, но все-таки ей удалось посредством повторных атак взять занятые противником деревни.

Семичасовой бой окончился отступлением противника в расходящихся направлениях на Рамбервильер и Брюйер. Он обошелся немцам в 400, французам в 1 400 чел. потерь. Баденский отряд бивакировал на месте боя и затем нашел Сен-Дие оставленным французами.

Дело в том, что генерал Камбриль собрал все наличные силы на укрепленной позиции у Брюйера. Против этой позиции 11 октября перешли в наступление баденские бригады, прогнали мобилей и добровольческие отряды из лежавших впереди селений, поднялись на высоты по обеим сторонам города и вторглись туда без особых потерь. Французы отступили к югу на Ремирмон.

Судя по ничтожному сопротивлению, которое противник, несмотря на свое численное превосходство, до сих пор оказывал, генерал Вердер полагал, что французы едва ли будут еще удерживаться по эту сторону Безансона. Ввиду этого он отказался от предписанного уже

дальнейшего преследования (конечно, несколько рано) и сосредоточил свои силы вокруг Эпиналя, который был взят немцами после легкого боя. Отсюда были устроены этапная дорога и телеграфная линия на Люневиль и Нанси, заложены магазины и притянуты обозы, следовавшие за корпусом от Цаберна (Саверн) через Бламон и Бакара. Напротив, железная дорога вдоль Мозеля вследствие произведенных французами разрушений оставалась еще продолжительное время непригодной для эксплуатации.

Согласно приказу от 30 сентября генерал Вердер хотел идти через Невшато к верхней Сене, но телеграмма из главной квартиры указала ему сначала совершенно отбросить стоявшего непосредственно перед ним генерала Камбриль.

Во исполнение этого корпус немедленно выступил через Конфлан и Люксейль на Везуль; о противнике было получено сведение, что в действительности он остановился уже за р. Оньон, занял квартиры и получил подкрепления.

Генерал Вердер решил тотчас же атаковать. На 22 октября он приказал овладеть переправами через реку, а дальнейшие распоряжения отложил до получения донесений.

Уже около 9 часов двигавшаяся справа 1-я баденская бригада, не сталкиваясь с неприятелем, достигла Марнэ и Пен, заняла там мосты, но, согласно приказа, остановилась в выжидательном положении.

На левом крыле 3-я бригада выгнала толпы франктиреров из лесов, взяла штурмом Перуз и около 2³⁰ овладела мостом через р. Оньон в Ворэ.

В центре голова авангарда 2-й бригады после небольшого боя также вторглась в Этю, но около 11 часов была отброшена фланговой атакой противника из лесов на северном берегу. Затем после подхода главных сил и действия артиллерии селение было занято вторично; но тут завязался многочасовой стрелковый бой с французами, которые упорно держались у Кюсей впереди переправы через реку.

Правда, 1-й баденской бригаде уже было послано приказание наступать от Пен по южному берегу во фланг и тыл французам, ведшим последний бой. Но она смогла подойти лишь около 6 часов, когда бой уже окончился.

После того как две батареи взяли мост через Оньон под частый обстрел, неприятель, преследуемый баденцами, хотя и отступил по-

спешно даже из тыловых позиций, но все-таки при наступившей темноте удержался во многих пунктах впереди Безансона.

За день немцы потеряли 120, французы 150 человек и, кроме того, 200 пленных.

Несмотря на требования Гамбетты, приехавшего в Безансон, генерал Камбриль отказался от всякого нового наступления и согласился лишь на оборону своей сильной позиции под стенами крепости.

Отряды, посланные к западу, донесли о присутствии французских сил у Доля и Оксона, которые будто бы составляли авангард Вогезской армии под начальством Гарибальди, собиравшейся на р. Дуб. Оставив эти донесения без внимания, генерал Вердер повел свой корпус 26 октября в Дэмпьер и Грэ.

Оказалось, что по ту стороны Саоны все дороги прерваны, леса преграждены засеками и все население готово к сопротивлению. Но франкतिеры и мобили без труда были рассеяны, а одна колонна, шедшая без всяких мер охранения, была оттеснена к ручью Венжан, где положила оружие в числе 15 офицеров и 430 стрелков.

Из дальнейших донесений, из опроса пленных выяснилось, что Дижон сильно занят. В ожидании атаки с этой стороны 14-й корпус собрался за р. Винжан, откуда утром 30 октября был выслан на Дижон генерал Бейер с 1-й и 3-й бригадами.

Под впечатлением последних событий национальная гвардия в Дижоне уже сложила оружие, мобили и гарнизон из полевых войск отступили на юг, но жители настояли на том, чтобы были притянуты войска для их защиты. Для этого имелось около 8 тыс. человек, но начальника их все-таки обязали дать бой вне города.

Баденский авангард оттеснил выдвинутое к р. Тиль охранение, деревня Сент-Аполинэр и прилегающие высоты, несмотря на частый огонь, были взяты сильным натиском. Тем временем подошли главные силы, и в 3 часа пополудни вступили в дело шесть германских батарей. Виноградники и многие фермы в окрестностях Дижона, особенно забаррикадированный парк к югу от города, давали обороне большие преимущества. Тем не менее, баденская пехота продолжала наступать и, охватывая французов, вторглась в северное и южное предместья.

Тут при деятельном участии жителей начался ожесточенный бой. Приходилось брать штурмом дом за домом, но затем атака при-

остановилась перед протекающим в глубоком овраге ручьем Сюзон, который ограничивает с востока самый город.

Наступило 4 часа, и до темноты нельзя было надеяться окончить предстоявший бой. Ввиду этого генерал Бейер велел его прервать. Батальоны были отведены назад и расположились на квартирах в соседних селениях, только артиллерия продолжала стрельбу.

Немцы потеряли около 150, французы приблизительно 100 человек и, кроме того, 200 пленных.

Еще ночью явились посланные от горожан с просьбой о пощаде города. Они выразили готовность доставить продовольствие на 20 тыс. человек и ручались за поведение жителей.

31 октября баденские войска заняли Дижон.

Между тем, генерал Вердер получил новые инструкции. Задача сводилась к тому, чтобы обеспечить с левого фланга наступление 2-й армии к Луаре и одновременно прикрыть Эльзас и осаду Бельфора, к которому теперь прибыли две резервные дивизии. Продолжая занимать Дижон, 14-й корпус должен был перейти в Везуль и оттуда удерживать неприятельские массы у Безансона и Лангра. Требовалось даже наступательное движение на юго-запад к Шалону на Саоне и Доль.

Положение генерала Вердера было труднее, чем считали в Версале. У одного только Безансона стояло 45 тыс. человек, поступивших под команду нового начальника, генерала Крузá. Гарибальди собрал между Доль и Оксон 12 тыс. человек, далее вниз в долине Саоны образовался новый корпус в количестве 18 тыс. человек, и 12 тыс. национальной и подвижной гвардии угрожали от Лангра флангу находившегося в отделе 14-го германского корпуса.

Однако, вместо того чтобы с подавляющими силами напасть на слабые немецкие отряды, растянутые от Люра до Дижона и Грэ на протяжении 12 миль, с французской стороны опасались, что противник, усилившись за счет мецской блокадной армии, может замышлять наступление на Лион. Ввиду этого генерал Круза, оставив сильный гарнизон в Безансоне, двинулся на юго-запад к Шаньи, где 12 ноября, получив подкрепления с юга, усилился до 50 тыс. человек. Добровольческие отряды Гарибальди также двинулись в Отен для обеспечения Буржа (к югу от Орлеана).

Тем временем генерал Вердер устроился в Везуле и велел готовить к обороне южную часть города.

Среди событий за октябрь остается еще упомянуть о действиях против французских крепостей, лежавших в тылу германских армий.

В начале месяца вновь сформированная 4-я резервная дивизия, в составе 15 батальонов, 8 эскадронов, 36 орудий и 1 крепостной саперной роты, собралась в Бадене и перешла Рейн у Нейбурга.

Прежде всего, местность была очищена от банд франктиреров и занят Мюльгаузен, где, по желанию самих городских властей, было проведено разоружение возбужденного фабричного населения.

Генерал Шмелинг, получив задачу осадить Ней-Брейзах и Шлетштат, назначил для обложения каждого из них по одной бригаде. Блокада первого была установлена 7 октября восточно-прусским ландвером, и крепость тотчас же подверглась обстрелу полевых батарей, но безуспешно. Другая бригада после необходимого выделения войск прибыла к Шлетштату в очень слабом составе, но была усилена этапными войсками, так что крепость могла быть обложена восемью батальонами, двумя эскадронами и двумя батареями. Одновременно прибыли туда от Страсбурга двенадцать крепостных артиллерийских рот и четыре саперные роты с необходимой материальной частью для осады. Артиллерийский парк из 56 тяжелых орудий был устроен в Сен-Пиль, инженерный парк — у Кингцейма.

Взятие Шлетштата 24 октября

Вследствие наводнения и заболачивания Шлетштат с его 10 тыс. жителей представлялся неприступным с востока, юга и отчасти также с севера. Сама крепость была совершенно обеспечена от штурма высокой каменной стеной и водяными рвами; она была вооружена 120 орудиями, но гарнизон состоял всего из 2 тыс. человек, преимущественно мобилей. Для гарнизона не хватало безопасных от огня помещений; кроме того, перед западным фронтом виноградники и изгороди облегчали приближение атакующего, а железнодорожная насыпь представляла готовый прикрывающий вал для заложения первой параллели.

Для того чтобы отвлечь внимание обороняющегося от этого удобного фронта атаки, 20 октября была построена батарея у расположенной к юго-востоку мельницы Каппель; она направила свой огонь против казарм, и магазинов города, а также против шлюза, поддерживавшего наводнение.

Вечером 21 октября, после того как пехотные посты приблизились на 400 шагов к гласису, ночью было приступлено к постройке первой параллели непосредственно за железной дорогой и шести батарей всего в расстоянии 1 000 м от главной крепостной ограды.

Хотя обороняющийся в темноте и обстреливал весь район наступления, но без всякого успеха. Утром были вырыты траншеи в 0,6 м ширины и 1 м глубины; 20 тяжелых пушек и 8 мортир стояли в готовности к открытию огня.

Теперь начался сильный артиллерийский бой с энергично отвечавшей крепостью. Батарея у мельницы обстреливала западный фронт с тылу, причем несколько орудий и амбразур было сильно повреждено. Город горел в разных местах, и стрельба обороняющегося постепенно ослабевала.

В течение следующей бурной ночи батареи атакующего продолжали действовать, параллель была расширена, и приступлено к постройке двух новых орудийных окопов.

Однако, на рассвете 24 октября осажденные уже подняли белый флаг, и тотчас же была заключена капитуляция, на основании которой Шлетштат с гарнизоном и военным имуществом сдался. Комендант просил о скорейшем занятии города, так как в нем господствует величайшая распущенность. Толпы народа и пьяные солдаты грабили

общественные здания и даже подожгли один пороховой магазин. Три германских батальона быстро восстановили порядок, дотушили пожары и увели пленных.

Кроме крепостных орудий немцам достались 7 тыс. ружей и значительные запасы; при взятии этой крепости они потеряли всего 20 человек.

Шлетштат был занят этапными войсками, и освободившиеся батальоны двинулись в южный Эльзас; три из них усилили обложение Брейзаха, которое теперь сделалось более полным.

Взятие Брейзаха 10 ноября

Эта крепость, расположенная на равнине и выстроенная совершенно симметрично, имела рвы, хотя и сухие, но с каменными одеждами и потому не могла быть взята нечаянным нападением.

Гарнизон в числе более 5 тыс. находил по большей части убежище в безопасных от бомб казематах рavelинов. Форт Мортье, расположенный близ Рейна и приспособленный к самостоятельной обороне, обстреливал действительным огнем район предположенного наступления против северо-западного фронта крепости. Ввиду этого из Раштата были притянуты 12 тяжелых орудий к Альт-Брейзаху, где правый берег командует левым на близкой дистанции.

Только в конце октября к Ней-Брейзаху прибыла осадная артиллерия от Шлетштата; после продвижения пехоты и по окончании всех приготовлений 2 ноября 24 тяжелых орудия от Вольфганцена, Бисгейма и Альт-Брейзаха открыли огонь по крепости.

Уже 3 октября большая часть города была охвачена пламенем, а пехотные части перестреливались у подошвы гласиса с неприятельским охранением. Особенно пострадал форт Мортье. Правда, штурм его был отражен, но 6 ноября укрепление, почти совершенно развалившееся, сдалось. На нем уцелело лишь одно орудие.

Против главной крепости были построены 2 новые мортирные батареи; сопротивление противника, видимо, ослабевало, и 10 ноября Брейзах капитулировал на условиях Шлетштата, но гарнизону был разрешен выход с воинскими почестями.

Крепостные верки были почти не повреждены, город же по большей части выгорел или был сильно разрушен.

Потеря немцев составляла всего 70 человек, им достались 108 орудий, 6 тыс. ружей и значительные запасы.

В то время как крепости в Эльзас-Лотарингии были одна за другой взяты, Верден все еще запирали железнодорожную линию, представлявшую кратчайшее сообщение с Германией.

Взятие Вердена 9 ноября

Высокие каменные стены и глубокие водяные рвы доставляли также и этой крепости полную безопасность от штурма, но зато она была окружена командующими высотами, а деревни и виноградники у их подошвы способствовали приближению вплотную к внешним веркам.

Крепость была вооружена 140 орудиями и снабжена достаточным продовольствием; ее гарнизон возрос до 6 тыс. человек, особенно благодаря бежавшим пленным.

Обстрел крепости из одних полевых орудий еще раньше оказался совершенно безрезультатным. Продолжительное время Верден наблюдался только кавалерией, затем слабыми отрядами из нескольких родов войск. В конце сентября собрались перед восточной стороной крепости 65-й полк и 12 ландверных рот под командой генерала Гайль. Только 9 октября из Туля и Седана прибыли французские тяжелые орудия с двумя крепостными артиллерийскими ротами. Теперь пехота приблизилась на несколько сот шагов к западному и северному фронтам крепости и там утвердилась.

Под ее прикрытием вечером 12 октября началась постройка батарей.

Размокший от дождя грунт и выступавшая почти на поверхность скалистая подпочва чрезвычайно затрудняли работу, но все-таки на следующее утро 52 орудия могли открыть огонь.

Крепость отвечала столь энергично, что около полудня две батареи, стоявшие на расположенной к западу от ядра крепости Кот-де-Айво, должны были прекратить огонь. Во время трехдневного боя с германской стороны были выведены из строя 15 орудий, артиллерия потеряла 60, пехота 40 человек. Подбитые на валах орудия противник тотчас же заменял новыми.

Теперь гарнизон крепости, численно далеко превосходивший атакующего, сам перешел в наступление. В бурную ночь на 20 октября полевые караулы на Айво подверглись внезапному нападению, орудия на батарее были заклепаны. Более крупная вылазка произошла 28 октября.

Французы поднялись на расположенную севернее гору Сен-Мишель и разрушили бруствер и блиндажи батарей, из которых орудия были, впрочем, увезены назад.

Другой отряд еще раз вторгся на Айво и основательно испортил орудия, которые нельзя было вывезти вследствие размокшей почвы. Соседние деревни также остались в руках осажденных.

Пришлось прийти к заключению, что наличных средств совершенно недостаточно для атаки Вердена. Лишь после падения Меца можно было послать от 1-й армии подкрепления.

В конце октября прибыли пять батальонов, две саперные роты, несколько артиллерийских рот, а также прусская материальная часть.

Осадный парк насчитывал 102 орудия и был обильно снабжен боевыми припасами; вскоре были сделаны приготовления для правильной осады.

Однако обороняющийся не дождался ее. После разрешения перемирия, 8 ноября, состоялась капитуляция, согласно которой гарнизон, за исключением местной национальной гвардии, отправился в плен. Офицеры были отпущены на честное слово с оружием и имуществом; кроме того, найденная в крепости материальная часть подлежала возврату при окончательном заключении мира.

Наступление 1-й и 2-й армий до середины ноября

После того как на 1-ю армию была еще дополнительно возложена осада Мезьера, 1-я пехотная дивизия подошла к этой крепости; 3-я бригада, посланная вперед по железной дороге на Суассон, произвела обложение маленькой крепости Ла-Фер; остаток 1-го корпуса в тот же день достиг Ретеля; 8-й корпус — Реймса; 3-я кавалерийская дивизия находилась на пути Ретель — Реймс в Таньоне; 7-й корпус был еще занят окарауливанием пленных и блокадой Диденгофена и Монмеди.

2-я армия уже 10 ноября 9-м корпусом и 1-й кавалерийской дивизией достигла Труа, 3-м корпусом — Вандевра, 10-м корпусом — Невшато и Шомона. Важные железнодорожные узлы у этих городов и у Болоня были заняты, и разрушения на железной дороге в Блем исправлены, чтобы открыть, таким образом, новую линию сообщения. При небольших переходах по хорошим дорогам и при обильном довольствии санитарное состояние войск, видимо, улучшилось, но вскоре телеграмма из Версаля потребовала ускорения наступления.

Если парижское правительство было бессильно, то тем большую деятельность развивала делегация в Туре.

Там Гамбетта, одновременно бывший министром внутренних дел и военным, пользовался почти диктаторской властью, и вследствие пламенной энергии этого необычайного человека удалось в несколько недель выставить в поле 600 тыс. солдат с 1 400 орудиями.

В округах национальная гвардия была собрана в роты и батальоны, затем в каждом департаменте соединена в бригады и, наконец, вместе с наличными полевыми войсками и мобилиями собрана в более крупные войсковые организмы.

Таким способом еще в течение октября под прикрытием отступивших за Луару войск генерала Орель-де-Паладина были выставлены: 17-й корпус — у Блуа, 18-й корпус — у Жиена, другой корпус под начальством адмирала Жоре — у Ножан-ле-Ротру. Сильные отряды стояли в Пикардии под командой генерала Бурбаки, в Руане — под начальством Бриана и на левом берегу Сены — под командой Фьерека.

Отряды, выдвинутые от блокадной армии по направлению на юг, запад и север, уже столкнулись с большими неприятельскими силами; они оттеснили их в многочисленных мелких боях, но не смогли преследовать до исходных пунктов. Для этого требовалось прибытие

освободившейся под Мецем армии, чего можно было ожидать лишь в течение ноября, тогда как уже в октябре угрожало общее наступление французских сил на Париж.

Принимая во внимание незначительную силу отряда генерала Танна в Орлеане, военный совет в Туре решил снова овладеть этим важным городом. Наступление должно было последовать главным образом с запада. Соответственно этому 15-й французский корпус (две пехотные и одна кавалерийская дивизии) собрался на северном берегу Луары ниже Орлеана у Мер; 16-й корпус главными силами — за лесом Маршенуар. Остальные части обоих корпусов должны были поддерживать эту операцию через Жиен от верхней Луары. Правда, дальнейшее наступление первоначально не было намечено, — напротив, генерал Орель получил приказ устроить близ Орлеана укрепленный лагерь на 200 тыс. человек.

Разведывательные части генерала Танна на западе повсюду наталкивались на неприятельские отряды, которые хотя и отбрасывались без особых усилий к лесу Маршенуар, но все-таки указывали на близость значительных сил противника. Вообще наступление против блокадной армии под Парижем представлялось наиболее вероятным с юго-запада, так как в этом направлении оно угрожало главной квартире в Версале и осадному парку в Виллакублэ и больше всего уклонялось от воздействия подходивших с востока германских подкреплений.

К западу от Орлеана также показались французские силы на широком пространстве от Божанси до Шатодена. Все смелее выступали добровольцы, все враждебнее становилось местное население.

Для сбора более точных сведений генерал Штольберг произвел 7 ноября значительную рекогносцировку. Три полка 2-й дивизии с двумя батареями и несколькими ротами баварской пехоты двинулись вперед через Узуе и выгнали неприятеля из Мароля, но нашли опушку леса занятой большими силами.

Генерал Шанзи выдвинул все ближайшие части своего корпуса к Сен-Лоран-де-Буа. Произошел получасовой огневой бой, сопровождавшийся большими потерями для баварской пехоты, и так как численное превосходство французов уже достаточно обнаружилось, то он был прерван.

Действительно, оба французских корпуса находились уже в полном наступлении к Орлеану с юго-запада; продолжая занимать лес, они достигли правым крылом Месса и Мен, левым — Узуе. Затем 15-й корпус должен был наступать справа к ручью Мов, а 16-й корпус слева — к Кульмье. Их головные части показались у Бардона и Шарсонвиля. Обе французские кавалерийские дивизии направились севернее к Пренувелон, чтобы десятью полками, шестью батареями и многочисленными добровольческими отрядами охватить правое крыло баварцев, отрезав им путь отступления на Париж.

Напротив, баварская кирасирская бригада выступила на Сен-Перави, 2-я кавалерийская дивизия — на Бакон, а далее к югу 2-я баварская пехотная дивизия заняла Орлеан и местность около Юиссо и Сент-Аи.

С тылу от Жиена также угрожало наступление значительных неприятельских масс. Настал крайний срок для выхода из столь опасного положения, и генерал Танн еще вечером отдал нужные распоряжения. Как ни желательно было удержать Орлеан, но все-таки генерал Танн не мог принять сражения в окружающей лесной зоне, которая препятствовала действиям его сравнительно многочисленной артиллерии и кавалерии и где немцы могли быть совершенно окружены. Германский генерал решил встретить непосредственно угрожавшего ему противника на открытой местности у Кульмье, причем он одновременно приближался к 22-й дивизии в Шартре, призванной на помощь.

Еще до этого генерал Виттих сам просил разрешения двинуться к Орлеану, которое и было ему дано; но 9 ноября его пехота успела дойти только до Вов, а кавалерия до Оржера, следовательно, в этот день они не могли непосредственно вступить в бой.

2-я германская армия также находилась в полном наступлении от Меца, но около этого времени ее головные части, как сказано выше, достигли лишь Труа.

Бой у Кульмье 9 ноября

Район сражения у Кульмье

Предоставленный своим собственным силам, 1-й баварский корпус выступил еще ночью и утром 9 ноября стоял в тесно сосредоточенном порядке на опушке леса между Шато Монпипо и Розьером, имея Кульмье впереди.

Баварские кирасиры находились для прикрытия пути отступления на правом крыле у Сен-Сижисмона; 2-я кавалерийская дивизия была распределена по всему фронту по-бригадно, с далеко выдвинутыми вперед отрядами, для обеспечения отхода которых стояли наготове пехотные поддержки (репли).

В Орлеане после разрушения мостов через Луарэ оставался только слабый отряд для защиты многочисленных больных и раненых и для удержания города, по крайней мере, до окончательного решения.

Полученные утром первые донесения сообщали о наступлении больших колонн неприятеля от Кравана на Фонтан и Бардон.

Это была французская бригада Ребилара, которая, по-видимому, обходя левое крыло баварцев, наступала прямо на Орлеан. Генерал Танн, желая оказать сопротивление на р. Мов, послал в 9 часов утра 3-ю бригаду на полмили на юг к Префор; и так как одновременно развился горячий бой в сторожевом охранении у Бакона, то 1-я бригада была выдвинута к Ля-Ренардьер.

Остаток корпуса был расположен сосредоточенно в Кульмье и позади. Отсюда корпусной командир предполагал перейти в наступление против левого фланга противника, в случае если бы последний направил свой главный удар через р. Мов. С той же целью кавалерия правого крыла получила приказание подтянуться к Кульмье.

Однако численное превосходство французов дало им возможность распространиться гораздо дальше влево. Тогда как генерал Орель с 15-м корпусом сковал баварцев южнее дороги Узуге — Орлеан, генерал Шанзи с дивизией Бари двинулся против их центра, а с дивизией Жорегибери — севернее против их правого фланга; наконец, сосредоточенные под командой генерала Рейо кавалерийские массы взяли направление на Патэ, угрожая сообщениям с Парижем.

Это наступление 15-го французского корпуса вынудило генерала Танна уже в начале боя выдвинуть из резерва 2-ю бригаду в направлении севернее Шая, причем к ней примкнула 4-я кавалерийская бригада. Баварские кирасиры, отходившие по его приказанию от Сен-Перави на юг, натолкнулись уже в 11 часов на кавалерию Рейо, которая, впрочем, ограничилась артиллерийским огнем.

Между тем, передовые части баварцев после энергичного сопротивления должны были отходить. Стоявший в Бэконе 1-й егерский батальон, после того как конные батареи продолжительное время задерживали наступление неприятеля через Шандри, отступил на Ля-Ривьер за 2-й егерский батальон. Но для последнего обстановка вскоре сложилась весьма неблагоприятно. Преследовавшая непосредственно через Бакон дивизия Пейтавена окружила Ля-Ривьер пятью батареями и затем атаковала горящую деревню с трех сторон. Только после

сильных контратак егеря в порядке отошли к 1-й бригаде в Ля-Ренардьер, где генерал Диль подготовил оборону.

По очищении Бакона дивизия Бари продолжала наступление через Шандри, развернула свои батареи впереди Сэнтри против Кульмье и, рассыпав густые стрелковые цепи, подготавливала атаку последнего селения.

4-я баварская бригада занимала двумя батальонами выступивший к западу парк и каменоломни впереди его, два других батальона были высланы вправо к фермам Ормето и Боришар, чтобы до некоторой степени поддерживать связь со 2-й бригадой. Одна батарея к югу и четыре батареи к северу от Кульмье прикрывались 5-й кавалерийской бригадой.

Таким образом, около полудня баварский корпус в составе только трех бригад стоял на несоразмерно широком фронте более мили от Ля-Ренардьер до Жеминьи (впереди его). Но так как правое французское крыло держалось совершенно пассивно, то высланная в Префор бригада была теперь вытребована обратно к Ля-Ренардьер.

Утвердившись против тонкой баварской линии, французские корпуса около 1 часа пополудни начали серьезную атаку.

Хотя в Ля-Ренардьер егеря и отразили первый натиск противника, но с четырьмя батальонами было невозможно удерживать эту позицию против всей дивизии Петавена. В 1 час пополудни генерал Диль под прикрытием промежуточной позиции беспрепятственно отступил к лесу Монпипо и занял его опушку.

Тут к нему присоединилась 3-я бригада, которая, двигаясь от Префора, нашла Ля-Ренардьер уже оставленным. Французы преследовали оттуда лишь с оглядкой, попали затем под огонь шести батарей, стоявших между выступом леса у Ля-Планш и Кульмье, и дальнейших успехов на своем правом крыле уже не имели.

В центре также около 1 часа пополудни дивизия Бари вытеснила баварских егерей из каменоломен впереди Кульмье. Только в 3 часа пополудни она начала новую охватывающую атаку против 4-й баварской бригады, но эта атака была отражена артиллерийским огнем и неоднократным угрожающим выдвиганием 5-й кавалерийской бригады.

Между тем, бригада д'Ари 15-го французского корпуса, освободившись у Ля-Ренардьер, прибыла к югу от Кульмье и усилила свои-

ми батареями огонь против этого селения. Под натиском французских стрелков баварские орудия были вынуждены отойти назад, но все-таки снова открыли огонь, тогда как баварская пехота штыками выгнала неприятеля, вторгнувшегося в парк.

Однако после четырехчасового боя эта единственная баварская бригада с трудом держалась против трех французских бригад. В корпусном резерве у Боневилля оставались только два батальона; поддержки со стороны нельзя было ожидать, а на правом крыле неприятель угрожал сообщениям как с Шартром, так и с Парижем.

При таких условиях около 4 часов пополудни генерал Танн приказал прервать бой и начать отступление на Артеней побригадно с левого фланга.

Именно теперь свежие силы французов ворвались в парк Кульмье. Полковник Изенбург занял восточные выходы из деревни и, сменяя части на тыловых позициях, отвел свои войска в полном порядке через Жемины назад.

Теперь приобретало особую важность — сможет ли 2-я баварская бригада, прикрывая дальнейшее отступление, удержаться впереди этого селения.

Уже по прибытии туда, около полудня, генерал Орф нашел Шан и Шемины занятыми французской бригадой Дешланка. Сначала его артиллерия принудила неприятельскую артиллерию к молчанию, затем он развернул свои четыре батальона для боя, имея 4-ю кавалерийскую бригаду на правом крыле.

Вскоре после этого между обоими названными пунктами появилась еще французская кавалерия Рейо, окончившая свою двухчасовую канонаду против баварских кирасиров и выгнанная из Сен-Сижисмона спешенными гусарами. Но эта конная масса уклонилась от огня баварских орудий и быстро отошла в западном направлении, по-видимому приняв бродивший далее к северу добровольческий отряд Литовского за подходившее германское подкрепление. Затем, когда баварские конные батареи начали также обстреливать Шан с северо-востока, то в 2 часа пополудни французы в большом беспорядке очистили это селение.

Теперь генерал Орф приказал артиллерии подъехать на 500 шагов к Шемины и через интервалы ее повел вперед свою пехоту.

Однако, адмиралу Жорегибери удалось все-таки своим личным вмешательством остановить отходившие уже части, и атака баварцев не удалась. Потом французские батареи вынудили баварскую конную артиллерию к отъезду.

Около 3 часов пополудни, когда к Шану подошли еще бригада Бурдильона и резервная артиллерия 16-го корпуса, а также были получены известия о ходе боя у Кульмье, генерал Орф решил отказаться от дальнейших атак, но удерживаться впереди Жеминьи до последней крайности.

Непоколебленная огнем многочисленных батарей противника, слабая баварская бригада отражала его разрозненные атаки.

Таким образом, 4-я бригада от Кульмье через Жеминьи и Сен-Перави, 1-я бригада от Монпипо далее к востоку без боя могли достигнуть Куанс. Туда же последовала и 2-я бригада, тогда как 3-я бригада в качестве арьергарда стала биваком у Сен-Сижисмона. Повсюду кавалерия прикрывала отход.

Затем, после короткого отдыха, главные силы еще ночью продолжали отступление и по непроезжим дорогам к утру достигли Артеней.

Орлеан был очищен, и оставленный там гарнизон снова присоединился к корпусу. Военное имущество по железной дороге было отвезено в Тури, все-таки один артиллерийский парк, 150 пленных и больные, которые не могли выдержать перевозку, остались в руках неприятеля.

Бой 20 тыс. немцев против 70 тыс. французов обошелся первым в 800 чел. убитых и раненых, вторым — почти вдвое больше.

В Артеней 10 ноября 2-я бригада приняла на себя прикрытие дальнейшего марша до Тури, где можно было расположиться на тесных квартирах. Туда же передвинулась и 22-я дивизия из Шартра, ставшая рядом с баварцами у Жанвиля.

Генерал Танн искусно и счастливо вышел из затруднительного положения. Преследования вообще не было. Генерал Орель ограничился выжиданием на крепкой позиции перед Орлеаном подхода дальнейших подкреплений.

Французские силы на верхнем течении р. Луар⁹ и на р. Эр оказались более деятельными.

С германской стороны 5 ноября к Парижу прибыл 2-й корпус. Из его состава 3-я дивизия была включена в блокадную линию между Марной и Сеной, а 4-я дивизия передвинута на юг в Лонжюмо.

После того как гвардейский ландвер занял полуостров Аржантейль, на севере столицы можно было освободить одну бригаду 4-го корпуса; наконец, на юге 17-я дивизия в Рамбулье, 22-я дивизия в Шартре и притянутый к Абли баварский корпус с 4-й и 6-й кавалерийскими дивизиями составили особую армейскую группу 3-й армии под начальством герцога Мекленбургского, которому первоначально было указано наступать против Дре (к западу от Парижа).

⁹ Реку Луар (le Loir), приток Сарты, не следует смешивать с рекой Луарой (Loire), на которой стоит Орлеан, что на русском языке при склонении сделать очень легко. Кроме того, к югу от Орлеана существует еще упоминавшийся раньше ручей Луарэ (Loiret).

Операции герцога Мекленбургского

17 ноября 17-я дивизия перешла в наступление через Ментенон. Слева неприятельские отряды были отброшены за р. Блэз, и генерал Тресков, преодолев на большой дороге сопротивление нескольких морских рот, вступил вечером в Дре. Бой обошелся немцам в 50, французам в 150 человек и 50 пленными.

Фридрих-Карл, силы которого еще только собирались против неприятеля впереди Орлеана, высказал желание, чтобы армейская группа наступала через Ле-Ман на Тур. Вследствие этого герцог взял направление на город Ножан-ле-Ротру, который считал сборным пунктом неприятельских отрядов и где предполагали встретить сильное сопротивление.

Со многими мелкими стычками армейская группа подошла к этому городу, но 22 ноября, собираясь его атаковать, обнаружила, что он уже очищен противником. Одновременно был получен приказ главной квартиры — немедленно выступить в Божанси (на р. Луаре), чтобы примкнуть к правому крылу 2-й армии, усиление которой представлялось действительно необходимым ввиду большого численного превосходства, находившегося перед ней противника. Германские войска, еще только собирающиеся перед Орлеаном, отложат всякое наступление до прибытия армейской группы. Ничтожное сопротивление французов на реках Эр и Юин достаточно ясно показывает, что оттуда (с запада) серьезная опасность не угрожает; в этом направлении за противником следует наблюдать лишь кавалерией. Было даже отказано в дневке и потребовано крайнее ускорение марша.

Сначала 23 ноября дивизии подтянулись к головным частям, затем 24-го, хотя герцог и выступил на Шатоден и Вандом, но только баварский корпус дошел до Вибрэ, обе прусские дивизии еще вытягивались из трудно проходимой местности Перш, а кавалерия нашла всю линию р. Луар занятой неприятелем.

Дело в том что с французской стороны для специальной защиты турецкого правительства из войск, собранных за лесом Маршенуар, одна бригада была перевезена по железной дороге в Вандом, а генерал Сони с остальными частями 17-го корпуса выступил к Бру. Тут 25 ноября его головные части натолкнулись на артиллерийский парк и на понтонно-мостовой парк баварского корпуса. Сначала против неприятеля могла выступить только 10-я кавалерийская бригада, но затем,

когда две роты и восемь орудий заняли мост через р. Луар у Иевр, удалось перевезти все обозы через Бру, и французы вступили туда лишь после ухода германской кавалерии.

Тем временем баварский корпус двигался на Мондубло и Сен-Калэ, во всяком случае, не по кратчайшему направлению на Божанси, а все еще на Тур; обе прусские дивизии достигли только окрестностей Вибре и Отон.

Выступление французских сил у Бру было сочтено достаточно важной причиной, чтобы обратиться первоначально туда и отложить предписанный марш к Луаре. Но когда 26 ноября 22-я дивизия прибыла в Бру, оказалось, что неприятель еще накануне ночью отступил. Турское правительство распорядилось, чтобы для его защиты весь 17-й корпус собрался у Вандом. Однако после появления германской кавалерии у Клуа и Фретваля генерал Сони не счел возможным произвести этот марш вдоль р. Луар, а двинулся кружным путем через Маршенуар. Два ночных марша до такой степени расстроили только что сформированные войска, что целые толпы отсталых целый день бродили по окрестностям и лишь с трудом могли быть собраны у Божанси.

Между тем для установления единства в операциях прусская главная квартира подчинила герцога Мекленбургского Фридриху-Карлу; кроме того, начальником штаба армейской группы был назначен генерал Стош. Фридрих-Карл приказал армейской группе прибыть возможно скорее к Жанвиль, куда навстречу ей через Оржер будут посланы войска 9-го корпуса.

Соответственно этому 27 ноября герцог выступил с обеими дивизиями на Бонневаль, где они уже нашли один эскадрон 2-й кавалерийской дивизии. Баварский корпус, который после очищения Бру был еще направлен на Курталэн, двинулся к Шатоден.

После совершившегося таким образом соединения со 2-й армией весьма утомленные войска армейской группы получили 28 ноября дневку по квартирам на р. Луар.

Положение во 2-й армии во второй половине ноября

Фридрих-Карл, по возможности, ускорял наступление своих корпусов, но оно наталкивалось на многочисленные препятствия. Дороги были прерваны, национальная гвардия и франкतिрыеры готовились к обороне, жители также взяли за оружие; несмотря на это, уже 14 ноября 9-й корпус с 1-й кавалерийской дивизией достиг Фонтенебло и продолжал марш на Анжервиль. 3-й корпус следовал к Питивье. Из 10-го корпуса 40-я бригада осталась у Шомона для связи с 14-м корпусом, 36-я бригада 21 ноября дошла до Монтаржи и Бон-ля-Роланд. Но обе следующие бригады 10-го корпуса имели уже 24-го горячий бой при Ладоне и Мезьере, в котором у французов было взято 170 пленных. Последние принадлежали к корпусу генерала Круза, о котором генерал Вердер уже доносил, что он подвезен по железной дороге с юга из Шаньи в Жиен; боевое расписание было найдено у одного пленного офицера.

Многочисленные рекогносцировки, бесспорно, подтверждали, что во время подхода армейской группы 2-я армия, еще только собиравшаяся, имела непосредственно перед собой весьма значительные неприятельские силы.

Войска 9-го корпуса наступали 24 ноября по главной дороге из Парижа в Орлеан. Несколько гранатных выстрелов заставило противника очистить Артеней, и кавалерия преследовала его до Круа-Брике. В тот же день утром отряд из всех родов войск от 3-го корпуса достиг Невиль-о-Буа. Два отряда 38-й бригады подошли к Буа-Коммюн и Бельгарду, во вскоре вторжение немцев повсюду встретило противника в значительно превосходящих силах.

Оказалось, что расположение французов впереди Орлеана простирается на 8 миль от ручья Кони до р. Луэн и что скопление сил, особенно на правом крыле, делает в высокой степени возможным наступление через Фонтенебло против блокадной армии. Тем не менее обстановка еще не настолько выяснилась, чтобы Фридрих-Карл мог совершенно освободить главную дорогу из Орлеана в Париж. Однако на всякий случай, чтобы иметь возможность своевременно поддержать свое левое крыло, он притянул из 3-го корпуса 5-ю пехотную и 1-ю кавалерийскую дивизии к Буан, ближе к слабому 10-му корпусу. Вместо них передвинулась к Питивье 6-я дивизия, квартиры которой около Базош переданы 9-му корпусу. Наконец, герцогу было приказа-

но к 29 ноября прибыть к Тури хотя бы с головными частями. Эти меры были приняты как раз вовремя.

Тотчас после успеха у Кульмье луарская армия думала лишь о том, чтобы обеспечить себя от контрудара. Она отошла к Орлеану, устроила обширные укрепления, для которых была даже подвезена морская артиллерия из Шербурга, и ожидала прибытия дальнейших подкреплений. К 15-му, 16-му и 17-му корпусам присоединился вышеупомянутый 20-й корпус в числе 40 тыс. человек у Жиена, кроме того одна дивизия вновь формируемого на верхней Луаре у Невера 18-го корпуса и, наконец, добровольческие отряды Кателино и Липовского.

Итак, французская армия у Орлеана насчитывала 200 тыс. человек, а противостоявшая ей германская имела пехоты всего 45 тыс. человек.

Вскоре министр Гамбетта стал настаивать на новых наступательных предприятиях.

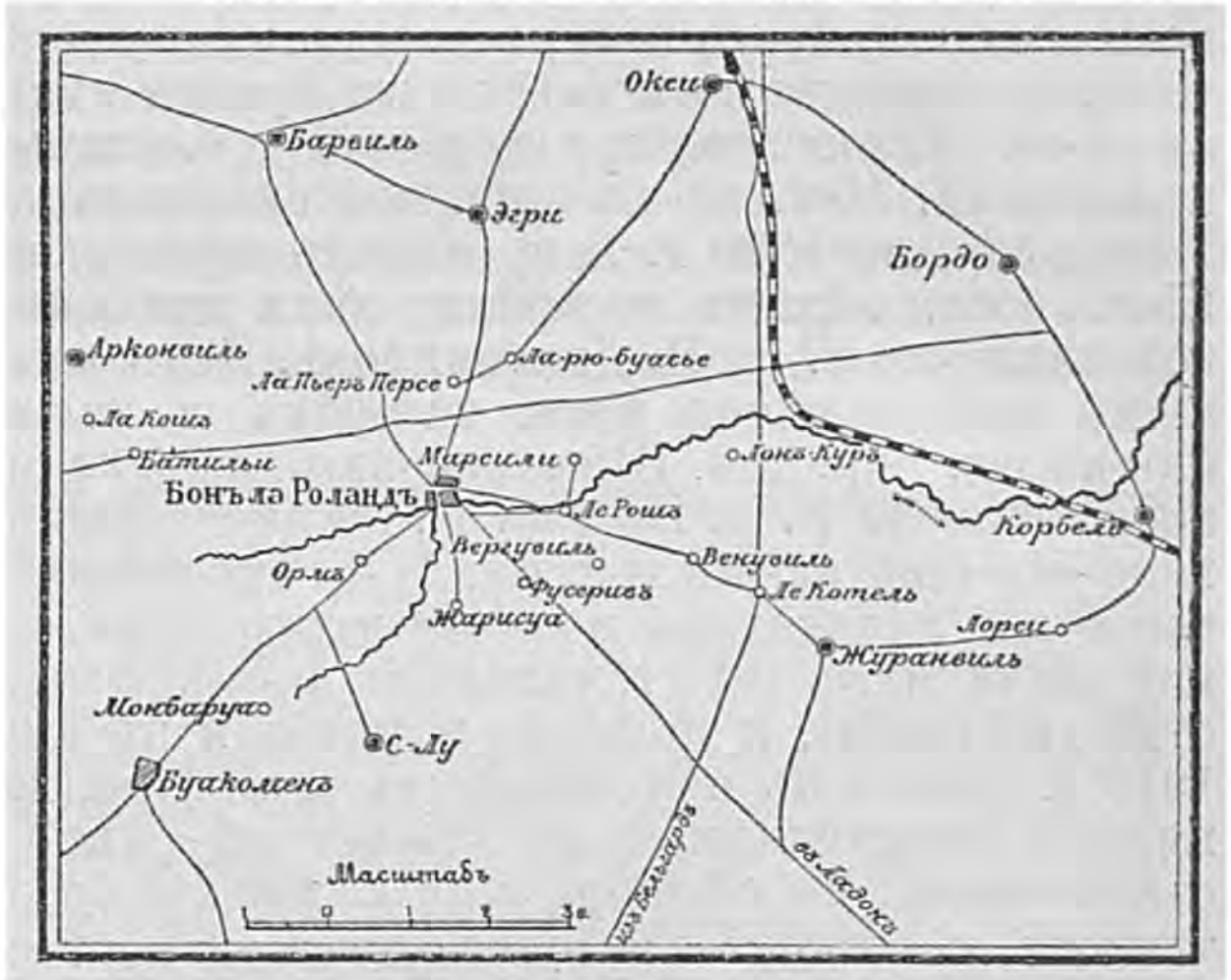
Так как генерал Орель возражал против наступления через Питивье и Мальзерб, то диктатор взял дело в свои руки. В ночь на 23 ноября был отдан из Тура приказ по телеграфу — немедленно сосредоточить 15-й корпус у Шиллер-о-Буа; 24 ноября он должен был достигнуть Питивье, а 20-й корпус — Бон-ля-Роланд; затем будет произведено наступление через Фонтенебло к Парижу. Генерал обратил внимание на то, что при этом, по его расчету, придется бороться в открытом поле с 80 тыс. немцев и что целесообразнее выждать их наступления на укрепленной позиции. Правда, это не могло оказать помощи стесненной столице, и пока дело свелось к усилению правого крыла, где подход 18-го и 20-го корпусов вызвал вышеупомянутые бои при Ладоне и Мезьере.

На основании директивы, полученной 26 ноября из Тура, генерал Круза приказал на 28 ноября обоим подчиненным ему корпусам наступать: 18-му — справа через Жюранвиль и 20-му — слева через Буа-Коммюн для охватывающей атаки на Бон-ля-Роланд. Кроме того, для поддержки 15-й корпус двигался к Шамбону, а добровольческий отряд Кателино — к Курсель.

Мы видели, что в этот же день армейская группа герцога подошла к крайнему правому крылу 2-й армии. На левом крыле из 10-го корпуса стояли: 38-я бригада у Бона, 39-я бригада у Ле-Котэль; 37-я

бригада с корпусной артиллерией была подтянута между обеими до Марсильи.

Сражение при Бон-ля-Роланд 28 ноября

Район сражения при Бон-ля-Роланд

Французское наступление 28 ноября распадается на два отдельных действия, которые мало влияли друг на друга. Справа головные части 18-го корпуса уже утром натолкнулись впереди Жюранвиля и Лорси на сторожевое охранение 39-й германской бригады. Оказав некоторое сопротивление, оно около 9 часов утра отошло к Ле-Котэль и за железнодорожную насыпь у Корбейля, заняв его парк.

Теперь французы могли развернуться на открытой местности впереди Жюранвиля и перешли в наступление густыми стрелковыми цепями, забирая вправо; они вторглись в Корбейль и вытеснили гарнизон на север и запад.

Между тем, на фронте немцев к Ле-Котэль подошло подкрепление из резерва у Марсильи, после чего полковник Валентини с 56-м полком в свою очередь перешел в наступление на Жюранвиль. При этом артиллерия не могла содействовать пехоте, французы оказали упорное сопротивление и отступили оттуда только около полудня, но ожесточенный бой за отдельные строения все-таки еще продолжался.

Потом, когда от Мезьера и Корбейля двинулись сильные французские колонны, немцам пришлось очистить завоеванную деревню, причем они все-таки взяли с собой 300 пленных.

Около 2 часов пополудни у Жюранвиля развернулась большая часть 18-го французского корпуса для атаки на позицию 39-й бригады, отошедшей к Лон-Кур. Однако, эта атака, не подготовленная артиллерией, потерпела крушение в огне пяти прусских батарей.

При Ле-Котэль первая атака тоже была отражена, но когда она повторилась час спустя, немцам пришлось очистить селение с потерей 50 человек пленными. Одно орудие, потерявшее 7 человек прислуги, так глубоко завязло в размякшей почве, что не могло быть вывезено.

Между тем, 18-й французский корпус не продвинулся дальше, ограничившись до рано наступившей темноты бесполезной канонадой, так что, в конце концов, 39-я бригада удержалась на одной линии с Бон-ля-Роланд.

На левом крыле французской боевой линии атака с самого начала была также произведена с охватом, причем из 20-го корпуса 2-я дивизия наступала против Бона, а 1-я дивизия — против Батильи. Тем не менее, только к полудню, притянув из резерва часть 3-й дивизии, французам удалось оттеснить германские передовые части от Буа-де-ля-Ле к перекрестку дорог северо-западнее Бона. Однако вскоре 38-я бригада была и тут охвачена французами с севера и обстреляна от Пьер-Персе артиллерией и пехотой. Пришлось отступить по дороге Цезаря¹⁰, причем одно орудие, потерявшее большую часть лошадей и прислуги, попало в руки неприятеля.

Около того же времени 2-я французская дивизия поднялась на высоты восточнее Бона, и полковник Крапах смог собрать 57-й прусский полк только далее в тылу у Ля-Рю-Бусье, причем подоспевшие от Марсильи батареи прикрывали отход и затем задерживали дальнейший натиск противника. Последний совершенно приостановил наступление, когда вдруг на его фланге появилась подошедшая от Буана 1-я прусская кавалерийская дивизия, конные батареи которой открыли огонь.

Между тем, в самом городе Бон-ля-Роланд 16-й прусский полк был совершенно отрезан и окружен неприятелем с трех сторон.

¹⁰ Старая римская дорога.

Город с остатками окружавшей его высокой каменной стены и кладбищем был, насколько возможно, приспособлен к обороне. Когда первые атаки густых стрелковых цепей были отражены, противник приступил к обстрелу города. Его гранаты пробили стену кладбища и зажгли некоторые здания, но и после этого попытки штурма были мужественно отбиты.

Тем временем генерал Война снабдил свои батареи снарядами и, заняв справа Ромэнвиль, а также позицию против кустов Ля-Пьер-Персэ, опять подвел около 3 часов пополудни семь рот к восточной окраине Бона.

Около этого же времени подошло подкрепление от 3-го корпуса. Тогда как 6-я дивизия еще двигалась к Питивье, 5-я дивизия уже утром была собрана впереди этого селения. Однако первые известия из Бона вызывали так мало беспокойства, что корпусная артиллерия опять стала по квартирам. Но когда усилившаяся канонада и позднейшие донесения заставили предполагать серьезный бой, то генерал Альвенслебен приказал корпусу перейти в наступление, которое, впрочем, генерал Штюльпнагель с 5-й дивизией уже начал по собственной инициативе. За ним последовала 6-я дивизия, выслав один батальон для наблюдения против Курсея, откуда, однако, добровольческий отряд Кателино ничего не предпринимал.

Часть 52-го полка, шедшая в голове колонны, повернула вправо и, поддержанная артиллерией, в 4³⁰ начала огневой бой против Арконвиля и Батильи. Другая часть проникла в Буа-де-ла-Ле и в кусты у Ля-Пьер-Персэ, где опять было взято потерянное раньше орудие. Четыре батареи, расположившиеся у дороги из Питивье, позади Фос-де-Пре, направили свой огонь против неприятеля, стоявшего на западной окраине Бона; этот неприятель затем был совершенно изгнан 12-м полком, преследовавшим его до Мон-Баруа.

Когда стемнело, 10-й корпус стал биваком у Лон-Кура, Бона и Батильи; 5-я дивизия расположилась позади его; 6-я дивизия оставалась у Буана, где была размещена и 1-я кавалерийская дивизия.

В сражении при Бон-ля-Роланд генерал Фохтс-Рец должен был с 11 тыс. человек держаться против 60 тыс., с тремя бригадами против шести дивизий, пока к вечеру не подошло подкрепление. Немцы потеряли убитыми и ранеными 900 человек, французы — 1 300 и, кроме того, 1 800 нерааненых пленных.

Битва при Бон-ля-Роланд

Вечером 20-й французский корпус отошел до Буа-Коммюн и Бельгард, — напротив, 18-й корпус утвердился у Вернуйля и Жюранвиля перед самым фронтом 10-го корпуса, на отвоеванной у него местности. Это заставляло ожидать возобновления боя на следующий день.

Ввиду этого Фридрих-Карл указал 10-му и 3-му корпусам занять 29 ноября выжидательное расположение. 9-й корпус получил приказ придвинуть две бригады к Буяну и Базошу, с остальными же войсками выступить вслед, как только армейская группа герцога подойдет к дороге Орлеан — Париж.

В течение дня головная часть этой группы, 4-я кавалерийская дивизия, достигла Тури, пехота — Аллэн и Оржер. Шедшая на правом фланге 6-я кавалерийская дивизия встретила сопротивление только у Турнаузи.

Между тем, генерал Круза́, в ответ на донесение, отправленное вечером 28-го, получил из Тура директиву — пока отказаться от вторичного наступления, вследствие чего правое французское крыло отошло дальше назад. Оба корпуса произвели 30 ноября передвижение влево, чтобы снова сблизиться с 15-м корпусом. Для маскировки этого бокового движения несколько отрядов выдвинулось в северном направлении, что привело к боям с разведывательными частями 10-го

и 3-го германских корпусов у Мезьера, Сен-Лу и Мон-Баруа, но вскоре обнаружилось наступление французов, на этот раз уже их левым крылом.

Дело в том, что генерал Дюкро сообщил турецкому правительству свое намерение 29 ноября с 100 тыс. человек при 400 орудиях сделать попытку прорыва германской блокадной линии с целью войти в связь с луарской армией в южном направлении. Воздушный шар, на котором находилось это письменное сообщение, опустился в Норвегии, откуда оно и было доставлено по назначению. Вследствие этого представлялось возможным, что генерал Дюкро уже находится в разгаре боя, а потому с помощью нельзя было медлить. По поручению Гамбетты Фрейсине предложил на обсуждение военного совета, собранного у генерала Орель, план наступления всей армии на Питивье. На случай отказа он имел при себе декрет о смещении главнокомандующего.

Было решено сначала произвести левым крылом захождение направо, имея осью Шиллер-о-Буа. После выстраивания, таким образом, фронта против Питивье корпуса правого крыла, оказавшись теперь на одной линии с левым крылом, должны были ожидать приказа о наступлении туда же. Для обеспечения левого фланга следовало притянуть к Вандому 21-й корпус.

Наступление луарской армии для выручки Парижа

Во исполнение этого 1 декабря 16-й французский корпус двинулся вперед по направлению на Оржер, 17-й корпус следовал за ним до Патей и Сен-Перави.

Против них на правом крыле 2-й германской армии из состава армейской группы герцога подошли 17-я дивизия к Базошу, 22-я дивизия к Тури и баварский корпус в окрестности Оржера.

Удар французов обрушился, прежде всего, на последний. Атакованная с фронта сильно превосходными силами и угрожаемая с фланга кавалерийской дивизией Мишеля, 1-я баварская бригада должна была в 3 часа пополудни отойти к Вильпион. Подходившая от Оржера 2-я бригада остановилась западнее Нонвиля, а 4-я бригада развернулась между Вильпион и Фавроль. В этом положении баварцы удерживались некоторое время, несмотря на большие потери. На правом фланге их Леопольд Баварский с четырьмя еще боеспособными орудиями своей батареи остановил наступление противника на Нонвиль, но под личным начальством адмирала Жорегибери французы вторглись в Вильпион. С наступлением сумерек, испытывая недостаток патронов, 1-я баварская бригада отошла к Луаньи, 2-я бригада только в 5 часов — к Оржер, куда вечером прибыла также 3-я бригада, тогда как 4-я бригада присоединилась в Луаньи.

Стороны потеряли в бою по тысяче человек, и только передовые части баварцев были оттеснены на короткое расстояние.

Этот успех и известия из Парижа возбудили в Туре новую пылкую уверенность в победе. Как будет сказано ниже, при вылазке из Парижа 30 ноября французам действительно удалось занять на короткое время деревню Элине на северном участке блокадной линии. Но в Туре без дальних рассуждений решили, что это одноименная деревня к югу от Лонжюмо (около 20 км к югу от Парижа) и что, следовательно, соединение орлеанской армии с парижской теперь едва ли встретит какие-либо препятствия. Добровольческий отряд Кателино получил указание срочно занять лес у Фонтенебло, стране же объявлено о предстоящем уничтожении немцев.

Все-таки головные части орлеанской армии сделали только полперехода в направлении на Париж, и нужно было продолжать захождение левого крыла направо. Ввиду этого на 2 декабря указывалось: 16-му корпусу достигнуть, по возможности, линии Аллэн-Тури, 17-му

корпусу следовать за ним, а 15-му корпусу от Шиле через Артелей примкнуть справа. Получив донесение что противник наступает в значительном числе, герцог решил встретить его всеми силами армейской группы. Необходимые приказы были в 8 часов утра отправлены дивизиям, стоявшим в готовности на своих сборных пунктах. Баварскому корпусу указывалось занять позицию против Луаньи, левым крылом у Шато-Гури; 17-я дивизия должна была немедленно выдвинуться от Сантিলли к Люмо; 22-я дивизия — от Тивернон к Бейьо. На кавалерию возлагалось обеспечение обоих крыльев.

Сражение при Луаньи-Пупри 2 декабря

Баварский корпус еще подходил от Маладри, когда французы поднялись на высоты западнее Луаньи. Вследствие этого 1-я баварская дивизия развернулась у Вильпрево, а 2-я дивизия заняла линию Бовилье — Гури.

В 8 часов утра генерал Шанзи со 2-й и 3-й дивизиями перешел в наступление от Терминье на Луаньи и Люмо. В резерве следовала 1-я дивизия, а кавалерийская дивизия Мишеля прикрывала левый, фланг. Несмотря на сильный огонь обороняющегося, 2-я дивизия около 9 часов подошла к самому Бовилье, но затем должна была отойти под натиском баварцев, которые в свою очередь перешли в наступление на Луаньи. Когда же в 10³⁰ двинулся вперед весь французский корпус на широком фронте от Нонвиля до Нейвилье, баварцам пришлось отступить с большими потерями. Однако они нашли укрытие на тыловой позиции у Бовилье, где огонь корпусной артиллерии остановил неприятеля.

Бой шел с переменным успехом до 11³⁰, когда вступила в дело 2-я баварская бригада. 4-я кавалерийская дивизия выдвинулась на рысях против левого фланга французов, и дивизия Мишеля отошла к 17-му корпусу. Многочисленные пленные попали при этом в руки германских всадников. Между тем, баварская пехота произвела новую атаку фермы Мораль и там попала под такой уничтожающий огонь, что должна была повернуть назад. Но так как теперь конные батареи обстреливали неприятельское крыло с фланга и подожгли ферму, то генерал Орф утвердился в ней надолго.

Тем временем у Бовилье 2-я баварская дивизия лишь с трудом сопротивлялась сильному натиску французов, стрелковые цепи которых подошли уже так близко, что батареи были вынуждены занять более отдаленные позиции. Но успех правого крыла отразился также на левом. Выйдя из Бовилье и из Шато-Гури, баварцы оттеснили дивизии Жорегибери на Луаньи.

После полудня огонь французов опять чрезвычайно усилился, особенно против Шато-Гури. Батальоны левого баварского крыла были оттеснены обратно к парку.

Во время этих событий обе прусские дивизии продолжали свой наступательный марш. Артиллерия 17-й дивизии поспешила вперед, чтобы завязать бой с неприятельской артиллерией; головные части

пехоты подошли к Люмо еще своевременно, чтобы помешать занятию этого пункта противником. Хотя густые стрелковые цепи последнего проникли до самого селения, но были отражены метким ружейным и гранатным огнем, после чего 17-я дивизия двинулась против правого фланга наступавших французов.

22-я дивизия также подошла через Беньо и Анне и приняла участие в преследовании отходившего неприятеля. У него были взяты многочисленные пленные и одна батарея. Не успев удержаться у Нейвилье, французы, в конце концов, в полном беспорядке поспешно отступили к Терминье.

После такого исхода боя у Люмо генерал Тресков мог оказать помощь сильно теснимому левому крылу баварцев.

Поддержанная огнем восьми батарей, 33-я бригада двинулась во фланг только что бросившимся на Шато-Гури французским массам. Пораженные неожиданностью, они отошли на Луаньи. Но и сюда вторглись мекленбургские батальоны вместе с баварцами, и только кладбище, расположенное на высоте у западного конца селения, было еще упорно обороняемо в течение некоторого времени. Французы, отходившие на Вильпион, подверглись затем губительному обстрелу из 80 орудий, сосредоточенных у Луаньи.

В 2³⁰ пополудни генерал Танн велел своей 1-й дивизии, пополнившей патроны, еще раз произвести наступление, но оно было остановлено сильным огнем противника.

Наступлению германской кавалерии правого крыла препятствовала, кроме того, кавалерийская дивизия Мишеля, которая, впрочем, повернула назад, попав под огонь конных батарей.

При обнажении своего правого крыла генерал Шанзи приказал нескольким батальонам занять у Терр-Нуар позицию под углом. Позади ее прибыла к Фавроль бригада 17-го корпуса, а правее Вильпиона двинулись против Вилур папские зуавы.

Теперь генерал Тресков ввел в дело свой последний резерв. Два батальона 75-го полка вторглись с первого натиска в селение и вместе со всеми другими сражавшимися по соседству отрядами оттеснили французскую колонну к Вильпиону.

Наступившие сумерки прекратили бой в этом месте. В то время как 16-й французский корпус в течение всего дня боролся один с большим упорством, 15-й корпус, согласно приказа, наступал через

Артеней по большой Парижской дороге. Там из германских войск находилась только 3-я кавалерийская бригада. Против нее около полудня вышла у Дамброн 3-я французская дивизия, составлявшая левую колонну; обе другие дивизии двигались значительно правее.

Получив об этом донесение от кавалерии, генерал Виттих со всей 22-й прусской дивизией выступил из Анне по направлению на Пупри. Головной части, поспешившей вперед беглым шагом, удалось вытеснить из селения и из участка леса севернее его проникшего уже туда неприятеля. Затем шесть батарей выехали на позицию к югу, примыкая к Мораль.

Французы развернулись между Дамброн и Отрош и в ожидании подхода других дивизий вели задерживающий огневой бой. Отразив удар из Пупри, они заняли своим правым крылом небольшие рощи, лежавшие перед северным лесным участком, расположили в промежутках артиллерию и около 3 часов предприняли оттуда атаку. Но последняя была отражена картечным огнем обороняющегося и угрозой атаки со стороны 3-й кавалерийской бригады, которую генерал Коломб выдвинул на открытой местности к западу от Дамброн. Не удалась также атака левого крыла от Отрош против Мораль.

Однако около 4 часов пополудни французы на всем своем фронте перешли в наступление густыми стрелковыми цепями. Они были отражены у Пупри и у Мораль, где также вступили в бой две роты сапер; напротив своим правым крылом они проникли в лесной участок, принудив тут защитников отойти. Но из Пупри двинулись стоявшие еще в резерве прусские батальоны и оттеснили противника обратно к рощам, где ему еще пришлось обороняться против кавалерийской атаки.

С наступлением сумерек бой и тут окончился.

До 11 часов вечера 22-я прусская дивизия простояла в боевой готовности на удержанной ею позиции и только затем отошла к Анне. 3-я кавалерийская дивизия была размещена в Беньо. Рядом у Люмо стояла 17-я прусская дивизия, занимая перед своим фронтом Луанди сообщая с баварцами, которые протягивались далее вправо до Оржер.

Французы потеряли 4 тыс. убитыми и ранеными, немцы — не менее этого, но зато взяли 2 500 не раненых пленных, восемь орудий, одну митральезу и одно знамя.

С французской стороны 15-й корпус отошел назад к Артеней и получил приказ, оставив там для прикрытия одну дивизию, занять прежнюю оборонительную позицию на опушке леса.

Итак, предположенное дальнейшее наступление левого крыла орлеанской армии не удалось. Напротив, 16-й корпус, не поддержанный 17-м, потерял пространство, но удержался в передовой линии в Вильпион, Фавроль и Терминье. Ввиду этого генералу Шанзи было предоставлено на усмотрение на следующий день сделать еще раз попытку наступления против правого крыла немцев.

Французы в числе пяти корпусов стояли непосредственно перед неприятелем. Хотя дальнейшие подкрепления пока не могли быть направлены во 2-ю армию, но германское верховное командование считало, что настал момент покончить с постоянной угрозой блокадной армии с юга.

В полдень 2 декабря был получен из главной квартиры приказ о наступлении всеми силами на Орлеан, и еще в течение этого дня Фридрих-Карл отдал все необходимые распоряжения.

Теперь рассмотрим события, происшедшие в ноябре на других участках.

Париж в ноябре

Известие о счастливом исходе боя 9 ноября у Кульмье, полученное в Париже 14 ноября, снова оживило там все надежды. Не сомневались в том, что немцы будут вынуждены послать в этом направлении значительные силы, чем особенно ослабят южный участок блокадной линии.

Для того чтобы собственными действиями помочь ожидаемой выручке, из парижского гарнизона были образованы три отдельные армии.

1-я, под начальством генерала Тома, состояла из 226 батальонов национальной гвардии силой около 130 тыс. человек. Она должна была занимать крепостную ограду и поддерживать порядок в городе. В состав 2-й армии под командой генерала Дюкро были включены самые надежные элементы, особенно войска прежних 13-го и 14-го корпусов. Разделенная на три корпуса и одну кавалерийскую дивизию, эта армия насчитывала более 100 тыс. человек и 300 с лишком орудий. Она предназначалась для действий в доле и для вылазок против обложения. 3-я армия, под начальством генерала Винуа, численностью 70 тыс. человек, состояла из шести дивизий мобилей и одной дивизии кавалерии, к которым еще была присоединена полевая дивизия Модюи. Она должна была поддерживать крупные вылазки демонстрациями на соседних фронтах. Кроме того, в фортах находилось 80 тыс. мобилей и в Сен-Дени под начальством адмирала Ронсьера еще 35 тыс. человек. Итак, наличные силы составляли более 400 тыс. человек.

Гарнизон развивал оживленную деятельность в небольших ночных предприятиях. Тяжелые снаряды крепости долетали до Шуазиле-Руа и даже до Борегара перед Версалем. На полуострове Женвилье энергично возводились укрепления и подготовлялась постройка мостов. Некоторые признаки указывали на намерение французов наступать на запад. Но так как, пока 2-я армия еще только собиралась, наибольшая опасность угрожала с юга, то германская главная квартира, о чем уже упомянуто, распорядилась поставить 2-й корпус за р. Ивет от Вильнёва до Саклэ (к югу от Парижа). К северу от Парижа гвардейский корпус распространился влево до Ольнэ, 12-й корпус перевел одну бригаду на левый берег Марны, и вюртембергская дивизия заняла оставленный 2-м корпусом участок между Марной и Сеной.

В Париже 18 ноября было получено требование из Тура как можно скорее оказать поддержку луарской армии; конечно, это было несколько преждевременно, так как тогда она стремилась только к оборонительным мерам.

Действительно, в Париже были сделаны все приготовления для большой вылазки, но так как прежние атаки против фронта 6-го корпуса показали, что он значительно усилен укреплениями у Тиэ и Шевельи, то было решено сначала достигнуть плато к востоку от Жуанвиля (на Марне) и только оттуда повернуть на юг. Внимание немцев предполагалось отвлечь атаками в противоположном направлении.

18 ноября, в тот день, когда луарская армия тщетно старалась продвинуться к Бон-ля-Роланд, генерал Дюкро собрал 2-ю парижскую армию в окрестностях Венсен, а от 3-й армии дивизия генерала Юга заняла на следующее утро Монт-Аврон. Однако, вследствие замедления в постройке мостов у Шампиньи и Бри сражение было отложено на 30 ноября, начальникам же вспомогательных предприятий предоставлено произвести их или одновременно, или еще раньше. Соответственно этому уже в ночь на 29 ноября дивизия Модюи собралась за укреплениями От-Брюйэр и еще до рассвета двинулась против Ле-Э.

Предупрежденный сильным огнем южных фортов генерал Тюмплинг велел 12-й дивизии заблаговременно занять свои боевые позиции, а 11-ю дивизию собрал у Френ.

Под покровом темноты французы через виноградники проникли в Ле-Э, но оттуда их удалось выгнать штыками и прикладами.

После продолжительного огневого боя в 8³⁰ утра они произвели новую неудачную атаку, на которую немцы, поддержанные из резерва, ответили энергичным контрударом. В 10 часов неприятель отступил на Вильжюиф.

Одновременно выше по Сене наступал адмирал Потюо с морскими войсками и национальной гвардией. Застава в Гар-о-Беф была застигнута врасплох и взята в плен; Шуази-ле-Руа обстреляно полевыми орудиями, крепостной артиллерией и появившимися на Сене канонерками. Но когда гренадеры 10-го полка в свою очередь намеревались произвести атаку, генерал Винуа приказал прервать бой.

Демонстрация обошлась французам в 1 тыс. человек и 300 раненых пленных; пруссаки, стоявшие укрыто, потеряли только 140 человек. Крепость продолжала огонь до полудня; затем немцы согласи-

лись на короткое перемирие, чтобы дать противнику возможность убрать многочисленных раненых.

Против фронта 5-го корпуса в 8 часов утра также наступали сильные отряды французской пехоты на Гарш и Мальмезон; они оттеснили некоторые германские заставы, но, встретив сопротивление сомкнутых батальонов, около полудня отошли назад к Валерьену.

Попытки прорыва парижской армии 30 ноября и 2 декабря

2-я парижская армия 30 ноября вступила в сражение, которое должно было решить судьбу столицы.

Для того чтобы помешать немцам притянуть подкрепления к фронту действительной атаки, их блокадная линия почти во всех пунктах была занята вылазками.

Для наступления на юг генерал Дюкро назначил дивизию Сюбьеля своего 2-го корпуса. Она собралась уже в 3 часа ночи у Росни, перешла Марну по военному мосту у Кретьель и оттуда, при сильной поддержке ближайших фортов, открыла огонь по передовым частям вюртембергской дивизии Бонейль и Месли.

Генералу Оберницу приходилось оборонять растянутую позицию. Его 1-я бригада стояла у Вилье на полуострове Жуанвиль, 2-я бригада — у Сюси-ан-Бри, 3-я бригада — у Бреван. Дивизия была подчинена командованию маасской армии, которому было указано из Версаля энергично поддержать ее 12-м корпусом и даже войсками гвардейского корпуса.

Но при большом скоплении неприятельских сил у Монт-Аврон 12-й (саксонский) корпус считал себя самого непосредственно угрожаемым на правом берегу Марны и потому воздержался от немедленной посылки войск на левый берег; все-таки кронпринц Саксонский распорядился, чтобы на следующий день там собралась вся 24-я дивизия.

Следовательно, пока вюртембержцам могло помочь лишь стоявшее у Вильнёв крыло 2-го корпуса, от которого 7-я пехотная бригада передвинулась к Валантон рядом с Бреван.

Только огонь выехавших там на позицию трех батарей этой бригады остановил наступление французской дивизии. Хотя сначала попытки вюртембержцев взять Мон-Месли были неудачны, но затем, после сильной артиллерийской подготовки, им удалось около 12 часов занять высоту, а прусским батальонам вторгнуться в Месли. Вюртембергские кавалеристы с большим успехом атаковали отступавших неприятельских стрелков. В 1³⁰ пополудни вновь открытый с фортов огонь возвестил об окончании вылазки. Последняя стоила немцам 350, французам 1 200 человек.

Тем временем на фронте 6-го корпуса было спокойно. Генерал Винуа, не предупрежденный о наступлении дивизии Сюбьеля, приказал все-таки, когда обнаружился ее отход, открыть сильный огонь с форта Иври и соседних укреплений, который еще был поддержан канонерками на Сене и бронированными батареями на железной дороге.

Затем генерал Потюо перешел в наступление против Шуази-ле-Руа и Тиэ. Оттеснив прусское охранение, его морские войска еще раз утвердились в Гар-о-Беф. Но дальнейшее наступление не удалось; кроме того, по окончании боя у Месли генерал Винуа потребовал свои войска обратно, и только канонада продолжалась до 5 часов.

Против фронта 5-го корпуса, после подготовительного артиллерийского огня с форта Валерьен, уже в 7 часов утра перешли в наступление мобили. Но они были отражены передовыми постами и их поддержками и в 11 часов отошли назад.

Горячий бой произошел также на северном фронте Парижа. Там форт Де-ля-Бриш, поддержанный полевыми орудиями и пловучей батареей, открыл в полдень сильный огонь по деревне Эпинэ на правом берегу Сены. В 2 часа двинулась вперед бригада Анриона; две морские роты проникли вдоль берега реки в селение, откуда прогнали гарнизон, состоявший всего из одной роты. Другая немецкая рота, находившаяся в укреплении к северу, также отступила к Ормесон. Около 3 часов пополудни все селение, за исключением нескольких упорно обороняемых отдельных дворов за мельничной канавой перешло в руки французов.

Но тем временем собрались войска 4-го германского корпуса, развернув семь батарей на впереди лежащих высотах. Пехота с криками «ура» пошла со всех сторон на штурм Эпинэ и после ожесточенного боя в домах опять взяла это утраченное селение, временное обладание которым возбудило столь большие надежды в Туре. Стороны потеряли в этом бою по 300 человек.

Все это были лишь демонстративные атаки для облегчения главного удара. В то время как они занимали и удерживали блокадные войска на всех пунктах, два корпуса 2-й французской армии, начиная с 6³⁰ утра, перешли Марну по мостам у Жуанвиля и Ножана, устроенным за ночь. Оттеснив германское охранение, они развернулись поперек всего полуострова между Шампиньи и Бри. На северном берегу

Марны 3-й корпус взял направление на Нейльи, чтобы там перейти реку, угрожая при этом одновременно и позиции саксонского корпуса, который вследствие этого задержал еще на правом берегу 47-ю бригаду, назначенную для поддержки вюртембергцев. Таким образом, на левом берегу Марны против обоих французских корпусов стояли только две германские бригады на протяжении более 3/4 мили, 48-я саксонская — у Нуази и 1-я вюртембергская — от Вилье до Шеневьера.

В 10 часов дивизия Мосьона перешла в наступление против парка Вилье. Вюртембергцы, поддержанные саксонскими частями из Нуази, отбили первую атаку, но при преследовании понесли большие потери. Французы развернули перед парком батареи двух дивизий и артиллерийского резерва. На их правом крыле дивизия Фарона с небольшими потерями овладела Шампиньи и укрепилась впереди этого пункта.

Первоначальным намерением генерала Дюкро было вести на полуострове задерживающий бой до вступления в дело 3-го корпуса у Нуази. Но, получив известие, что этот корпус еще в 11 часов находится на той стороне Марны, Дюкро приказал обоим корпусам немедленно произвести общую атаку.

Слева наступление в течение некоторого времени задерживалось германскими батареями, выехавшими между Нуази и Вилье, а когда полковник Абендрот с шестью ротами 48-й бригады решительно двинулся вперед из обеих деревень, французы отошли до виноградников на западном склоне плато, оставив даже два орудия, которые, однако, саксонцы за отсутствием запряжек не могли вывезти.

В середине боевой линии дивизия Берто пыталась продвинуться южнее мимо Вилье, но понесла такие потери от огня пяти батарей, стоявших там и у Кельи, что подалась назад от контратаки одного саксонского батальона.

Наконец, на правом крыле орудия, занявшие позицию впереди Шампиньи, были вынуждены германской артиллерией к отъезду и искали закрытия далее к северу у печей для обжигания извести. Одна пехотная часть продвинулась вдоль реки в Мэзон-Бланш; между тем, 2-я вюртембергская бригада, хотя сама атакованная у Сюси, выслала две роты и батарею для поддержки в Шеневьер. Наступая от Егерского двора, вюртембергцы взяли в Мэзон-Бланш в плен 200 французов.

Напротив, попытка с собранными у Кельи ротами подняться на высоту перед Шампиньи была отражена с большими потерями. Все-таки новая атака во фланг от Егерского двора вынудила уже сильно расстроенную дивизию Фарона отступить к Шампиньи.

Генерал Дюкро решил на этот день ограничиться утверждением на левом берегу Марны и приказал для обеспечения взятого участка шестнадцати батареям выехать на позицию перед фронтом. На следующий день предполагалось повторить атаку всеми тремя корпусами.

На германской стороне были довольны тем, что удалось удержаться против большого превосходства сил. Таким образом, после полудня бой постепенно затих, пока не вспыхнул снова на севере.

Дело в том, что 3-й французский корпус пошел вверх по правому берегу Марны, занял Нейльи и оттеснил охранение 47-й саксонской бригады. Под покровительством шести батарей в 10 часов началась постройка двух военных мостов ниже Нейльи, которые были окончены около полудня. Но, как мы видели, именно в это время французы на плато находились в отступлении, и потому переход по мостам совершился только в 2 часа пополудни. Дивизия Бельмара двинулась по долине к Бри, где она примкнула к левому крылу 2-го корпуса. Один полк зуавов, который оттуда хотел подняться на высоту, потерял половину солдат и всех офицеров. Тем не менее, генерал Дюкро хотел тотчас же использовать подошедшее подкрепление для новой атаки на Вилье.

Усиленная четырьмя батальонами, дивизия двинулась в этом направлении, но артиллерии не удалось разрушить каменную стену парка, повторные натиски стрелковых цепей были отражены, и, в конце концов, началось отступление в долину. Одновременное наступление дивизий Берто вдоль железной дороги и Фарона — против Егерского двора — также не имело успеха. Только с наступлением темноты огонь с обеих сторон прекратился.

При том направлении, которое 3-й французский корпус взял утром, кронпринц Саксонский собрал 23-ю дивизию у Шель; когда же обнаружилось истинное намерение французов, он послал часть 47-й бригады и дивизион корпусной артиллерии к угрожаемой позиции вюртембергцев. По окончании боя у Месли генерал Оберниц также подвел к Егерскому двору три батальона. Главная квартира еще но-

чью приказала 2-му и 6-му корпусам послать подкрепления к угрожаемому пункту блокадной линии; на следующий день, 1 декабря, 7-я и 21-я бригады прибыли к Сюси.

С французской стороны смотрели на попытку прорыва без помощи извне как на дело довольно безнадежное, и, конечно, лишь забота о народном неудовольствии вызывала пребывание 3-й армии на левом берегу Марны. Вместо производства атаки французы начали укрепляться, а для уборки раненых с поля сражения было заключено перемирие.

Пока грохот орудий с Монт-Аврон должен был еще поддерживать в парижанах хорошее настроение. Немцы также работали над укреплением своей позиции, но при наступившем морозе все-таки часть своих войск они разместили на квартирах в тылу.

Начальство над всеми германскими войсками между Марной и Сеной было вверено генералу Франзецкому. Командование маасской армией уже приказало, чтобы все наличные части 12-го корпуса утром внезапно атаковали Бри и Шампиньи.

Соответственно этому утром 2 декабря собрались: 24-я дивизия (саксонская) у Нуази, 1-я вюртембергская бригада у Вилье и 7-я прусская бригада у Егерского двора.

Передовые батальоны саксонской дивизии внезапным, натиском опрокинули неприятельское сторожевое охранение, захватили 100 пленных и после взятия штурмом одной баррикады ворвались в Бри. Тут начался ожесточенный бой в домах, во время которого 2-й батальон 107-го полка потерял почти всех офицеров. Все-таки, несмотря на сильный огонь с фортов, он утвердился в северной части деревни.

Вюртембержцы также вторглись в Шампиньи, но вскоре встретили сильное сопротивление противника, оборонявшегося в строениях. Даже взятый уже Буа-де-ля-Лянд пришлось опять очистить, и генерал Дюкро сам решил перейти в наступление. Сильная артиллерийская линия перед его фронтом в 9 часов открыла огонь, и две дивизии развернулись за ней.

Между тем, из Егерского двора фузилерный батальон Кольбергского полка снова двинулся против Буа-де-ля-Лянд и овладел им с первого натиска. Фузилеры прикладами и штыками опрокинули французов, стрелявших с железнодорожной насыпи. Горячий бой на-

чался одновременно у печей для обжигания извести, где около полудня 160 французов положили оружие.

После того как против Шампиньи постепенно вступили в дело шесть вюртембергских и девять прусских батарей, генералу Гартману также удалось продвинуться до дороги, ведущей в Бри. Так как теперь собственная пехота мешала германским батареям стрелять, а сами они несли потери от тяжелых снарядов с фортов, то их пришлось отвести в лощину у Егерского двора. В 2 часа пополудни 1-я вюртембергская и 7-я прусская бригады утвердились на линии от кладбища Шампиньи к Буа-де-ля-Лянд.

Тем временем французские дивизии Бельмара и Сюбьеля прибыли с правого берега Марны на поле сражения. Оба батальона в Бри, потерявшие уже 36 офицеров и 638 солдат, при наступлении столь превосходных сил были вынуждены очистить деревню и отойти на Нуази, уведя, однако, 300 пленных. Остальные саксонские отряды заняли Вилье, где расположились также на позиции, имевшиеся налицо батареи.

В 2 часа пополудни, когда против этого селения французы выдвинули большие артиллерийские массы; четыре батареи 2-го германского корпуса галопом выехали им во фланг из лощины у Егерского двора и открыли огонь с дистанции в 2 тыс. шагов. Уже через 10 минут французские батареи отъехали, а прусские вернулись в свое укрытое расположение. Несколько неприятельских батальонов, которые около 3 часов произвели новую атаку на Вилье, были легко отражены, и в 5 часов бой прекратился. Только французская полевая и крепостная артиллерия продолжала еще стрельбу до наступления темноты.

Получив днем известие, что луарская армия идет на Фонтенебло, генерал Дюкро решил попробовать и дальше удерживаться на своей позиции вне Парижа.

В ночь на 3 декабря было доставлено продовольствие, пополнены конский состав и боевые припасы в батареях; но подход выручки извне ни в какой мере не подтвердился. Войска были совершенно изнурены кровопролитными боями, и главнокомандующий имел основание опасаться быть отброшенным к Марне свежими неприятельскими силами. Ввиду этого было приказано отступить, причем вой-

скам объявлено, что наступление будет возобновлено, как только восстановится их боеспособность.

Вскоре после полуночи дивизии были собраны позади сторожевого охранения и сначала отправлены назад обозы; около полудня войска могли последовать за ними через мосты у Нейльи, Бри и Жуанвиля. Только одна бригада осталась для прикрытия переправ.

Отступление было искусно прикрыто небольшими нападениями на германские передовые посты. Французские батареи у Ле-План и Бри уже с рассветом открыли огонь, и при густом тумане отступление неприятельской армии осталось совершенно незамеченным.

Генерал Франзецкий собрал саксонскую и вюртембергскую дивизии на боевой позиции у Вилье и Кейли, а 7-ю бригаду с корпусной артиллерией 2-го корпуса и двумя полками 6-го корпуса — у Шеневьер. Затем он хотел выждать прибытия обещанных на 4 декабря подкреплений, подготовляемых 6-м корпусом. По приказанию кронпринца Саксонского 23-я дивизия должна была также перейти на левый берег Марны, гвардейскому же корпусу указывалось временно растянуть свое охранение до Шель.

При таких условиях 3 декабря произошли лишь незначительные стычки, и в 4 часа пополудни войска могли расположиться на своих квартирах. Только утром 4 декабря германские патрули, направленные к Бри и Шампиньи, нашли эти селения очищенными и полуостров Жуанвиль оставленным французами.

2-я французская армия, численно ослабленная и морально потрясенная, вернулась в Париж; по французским данным ее убыль составляла 12 тыс. человек. Немцы потеряли 6 200 человек, но снова заняли свои прежние позиции в блокадной линии.

Энергичное наступление генерала Дюкро является самой серьезной попыткой, которую Париж сделал для своего освобождения. Это наступление было направлено против слабейшего в данный момент пункта блокадной линии, но имело некоторый успех только вначале¹¹.

¹¹ Впоследствии создалась легенда, будто с германской стороны на военном совете только голос одного генерала против всех остальных помешал главной квартире короля покинуть Версаль. Не говоря уже о том, что в течение всего исхода никогда не собирався военный совет, но в военном окружении короля никому и в голову не могло прийти подать армии столь дурной пример.

Наступление 1-й армии в ноябре

На севере Франции вновь формируемые войска не оставались бездейственными. Сборными пунктами их были главным образом Руан и Лилль. Впереди последней крепости — р. Сомма, с ее укрепленными переправами у Ама (Ham), Перона, Амьена и Абевиля, представляла рубеж, одинаково выгодный как для наступательных операций, так и для обеспеченного отступления.

Хотя отряды маасской армии и отражали до сих пор напор противника, но они были слишком слабы, чтобы дальним преследованием надолго освободиться от такой помехи.

Мы уже видели, что после падения Меца, подобно выдвигению 2-й армии к Луаре, 1-я армия двинулась в северные департаменты Франции.

Однако сначала большая часть ее была задержана на Мозеле эвакуацией многочисленных пленных и наблюдением за крепостями, прерывавшими сообщение с родиной. Весь 7-й корпус, кроме Меца, также находился под Диденгофеном и Монмеди. Из 1-го корпуса 1-я дивизия выступила в Ретель, 4-я бригада перевезена по железной дороге через Суассон для блокады Ля-Фера, 3-я кавалерийская дивизия выслана вперед в Аргоннский лес. Остальные пять бригад с артиллерией тронулись 7 ноября.

Двигаясь широким фронтом, они уже 20 ноября достигли р. Уазы между Компьень и Шони. Перед правым крылом кавалерия, усиленная егерским батальоном, натолкнулась у Ама и Гискара на мобилей; перед фронтом пехотных колонн французские отряды отступали на Амьен. Стало известно, что там находятся 15 тыс. человек и туда непрерывно подходят подкрепления.

25 ноября 3-я бригада прибыла к Ле-Кенель. Из 8-го корпуса 15-я дивизия прошла за Мондидье, 16-я дивизия достигла Бретеиля, откуда она установила связь с саксонскими отрядами у Клермона. 26 ноября правое крыло подтянулось к Ле-Кенелю, левое — к Морель и Эссерто. Кавалерия производила поиски до Соммы, правый берег которой оказался занятым французами. Поведение последних показывало, что они ограничиваются обороной своей позиции. Вследствие этого генерал Мантейфель решил атаковать, не выжидая подхода 1-й дивизии, перевозка которой по железной дороге из Ретеля чрезвычайно затягивалась. Однако 27 ноября он хотел сначала сосредоточить наличные

силы, стоявшие на фронте в 4 мили. Но сражение, помимо его желания, разгорелось уже в этот день.

Сражение при Амьене 27 ноября

Генерал Фарр, со своими 17 500 человек, разделенными на три бригады, стоял близ Амьена на южном берегу Соммы, у Виллер-Бретоне и Лонгюо, на дороге в Перон, занимая селения и роци перед фронтом. Кроме того, 8 тыс. мобилей находились в полумиле впереди Амьена на укрепленной позиции.

Согласно директивам штаба армии генерал Гебен приказал на 27 ноября войскам расположиться на квартирах: 15-й дивизии в Фуанкан и Сен; 16-й дивизии в Руминьи, Пляши и деревнях позади; корпусной артиллерии в Гратпанше. Следовательно, 8-й корпус должен был собраться перед Амьеном, между ручьями Сель и Нуа, на интервале более полумили от 1-го корпуса, будучи отделен от него ручьем Нуа и р. Авр. С другой стороны генерал Бентгейм указал своему авангарду, 3-й бригаде, стать на квартирах севернее ручья Люс.

Последняя уже рано утром заняла переходы через ручей у Демюен, Ангар и Домар. В 10 часов она двинулась дальше, чтобы занять назначенные ей квартиры, и так как они оказались в руках противника, то начался бой, постепенно все более разгоравшийся.

Участки леса на высотах правого берега Люс были взяты немцами без особого противодействия и удержаны, несмотря на неоднократные контратаки французов. В промежутках между лесами выехала артиллерия. Слева 4-й германский полк овладел Жантель, справа 44-й полк подошел перебежками на 300 шагов к левому крылу французской позиции и смелым натиском взял окопы у железнодорожной выемки. Таким образом, вскоре после полудня 3-я бригада стояла на протяжении почти мили, имея перед собой большие массы противника у Бретоне и Каши.

На левом крыле немцев 16-я дивизия уже в 11 часов утра достигла указанных ей квартир, отбросив противника от Эбекур и от леса севернее этого пункта к Дюри. Для предписанного сосредоточения 8-го корпуса на левом берегу Нуа 15-я дивизия двинулась из Морейля на запад через Эльи к Домартен, а авангард ее, стоявший в Айль, — прямо на Фуанкан. Вследствие этого утром с германской стороны дороги из Руа и Мондидье между обоими корпусами (8-м и 1-м) были совершенно обнажены от войск, тогда как у перекрестка этих дорог, у Лонгюо, стояла французская бригада, правда, ничего не предпринимая.

Это пустое пространство было сначала замаскировано только многочисленной свитой и конвоем командующего армией, а затем до некоторой степени заполнено батальоном, назначенным для прикрытия штаба армии. Но когда после 1 часа пополудни французы в свою очередь перешли в наступление против 3-й бригады, генерал Мантейфель приказал 15-й дивизии, по возможности, вступить в бой на правом крыле.

Роты 4-го германского полка, несмотря на упорное сопротивление, были оттеснены из леса Ангар к скату высоты перед Демюен; позже защитники Жантель, израсходовав все патроны, должны были также отойти на Домар.

Генерал Струбберг, осведомленный о ходе боя впереди Люс, послал в этом направлении четыре батальона; они перешли р. Авр, но встреченные сильным огнем из леса Жантель были вынуждены выстроить фронт против леса. Однако за ними остальные части 30-й бригады вторглись на правом берегу реки в Сен-Николя, на левом берегу — в Бов, вытеснив сообщая с 29-й бригадой французов с находящейся там горы с развалинами.

Между тем, часть двигавшейся вслед 1-й дивизии подошла сзади к 3-й бригаде. Артиллерия последней на позициях была значительно усилена, и огонь направлен против окопов, южнее Бретоне. Для дальнейшей поддержки полк кронпринца двинулся вперед, и вскоре французы были опять изгнаны из леса Ангар. Преследовавшие их пруссаки засели перед окопами, и мало-помалу там собрались из ближайших участков леса многие части 4-го и 44-го полков, которые вытеснили противника из его позиции. Немецкие 13 батарей принудили французскую артиллерию к молчанию, и после того как их огонь в течение некоторого времени был направлен на Бретоне, это селение в 4 часа пополудни было занято пруссаками, наступавшими со всех сторон с барабанным боем. Только в отдельных местах внутри французы еще оказывали некоторое сопротивление; большинство же их под покровом темноты, потеряв 180 раненых пленных, спешило уйти за Сомму у Корби.

Позже, когда генерал Лекуант с французской резервной бригадой двинулся на Домар, он нашел этот пункт переправы уже снова занятым 1-й германской дивизией и повернул назад. Только в Каши французы удержались до позднего вечера.

На ночь войска 1-го корпуса были расположены в селениях к югу от р. Люс, а сторожевое охранение выставлено на северном берегу; Бретоне осталось также занятым.

На левом крыле поля сражения 16-я дивизия продвинулась еще к Дюри, выгнала французов из соседнего кладбища, но отказалась от атаки длинной и сильно занятой укрепленной линии противника. На ночь она стала биваками за Дюри.

Только ночью генерал Мантейфель получил донесения, свидетельствовавшие о полном поражении неприятеля. Рано утром 28 ноября дозоры 1-го корпуса нашли всю местность до Соммы совершенно очищенной и все мосты через реку разрушенными. В полдень генерал Гебен вступил в Амьен, цитадель которого два дня спустя капитулировала с 400 человек гарнизона и 30 орудиями.

Особенностью сражения 27 ноября является несоразмерная с числом участвовавших войск ширина поля сражения. Генерал Фарр с 25 тыс. человек стоял от Пон-де-Мец (к югу от Амьена) до пункта восточнее Вилер-Бретоне на фронте в 3 мили, имея, кроме того, непосредственно в тылу Сомму. Так как немцы наступали, примерно, на том же фронте, то последствием был разрыв их линии в центре. Происходившая от этого опасность утром осталась неиспользованной противником и затем была устранена занятием Сен-Николя.

Численное превосходство было на стороне немцев, которые располагали 30 тыс. человек, несмотря на то, что из двигавшейся позади 1-й дивизии в бою мог принять участие только один полк.

Главная тяжесть боя легла на 3-ю бригаду, которая из общей убыли в 1 300 человек потеряла 34 офицеров и 630 солдат. Французы также потеряли 1 300 человек и, кроме того, 1 тыс. без вести пропавших.

Часть национальной гвардии поломала свое оружие и разошлась по домам. Главные силы французского корпуса отступили к Аррасу.

Тотчас после сражения 1-я армия усилилась 4-й бригадой, освободившейся под крепостью Ля-Фер.

Взятие крепости Ля-Фер 27 ноября

Эта маленькая крепость приобрела значение, так как она запирала железную дорогу через Реймс как в Амьен, так и в Париж. Расположенная на широкой, изобилующей водой низине, прорезанной Уазой и ее притоками, Ля-Фер была трудно доступна. Впрочем, ее крепостная ограда состояла лишь из отдельно стоящей каменной стены с несколькими земляными укреплениями впереди. При этом внутренность крепости была совершенно видна с высоты, расположенной всего в 1 500 м к востоку.

С 15 ноября 4-я бригада предварительно блокировала Ля-Фер, а когда из Суасона прибыл осадный парк с 32 тяжелыми орудиями, то в ночь на 25 ноября были выстроены и вооружены на названной высоте семь батарей. Они открыли огонь на следующее утро, и 27 ноября крепость сдалась. Мобили в числе 2 300 были отведены в плен, а из наличных 113 орудий лучшие — употреблены для вооружения Амьенской цитадели.

Усиление 1-й армии 7-м корпусом пока еще не предвиделось, так как ему предстояло разрешить дальнейшие задачи на Мозеле. Так, 13 ноября большая часть 14-й дивизии прибыла к Диденгофену.

Взятие Диденгофена 24 ноября

Эта крепость, к которой на обоих берегах Мозеля подступали высоты, не имела безопасных от огня помещений; зато непосредственное приближение к ней было затруднено с юга наводнением, а с запада и севера — заболачиванием. Поэтому генерал Камеке решил, раньше чем приступить к постепенной атаке, испробовать сильную бомбардировку. На обоих берегах реки были устроены осадные батареи, и утром 22 ноября 85 орудий открыли огонь. Сначала крепость отвечала энергично. На следующую ночь пехота подошла на 600 шагов к западному фронту для заложения первой параллели, но при проливном дожде и по свойствам почвы эта работа имела малый успех. Однако в полдень 24 ноября комендант вступил в переговоры о сдаче крепости. Гарнизон в числе 4 тыс. человек, за исключением местной национальной гвардии, был отвезен в плен в Германию; 199 орудий, а также значительные запасы продовольствия, оружия, снарядов и патронов достались победителю.

Теперь 14-й дивизии предстояла еще осада более северных пограничных крепостей, что должно было занять ее на продолжительное время, а 13-я дивизия распоряжением главной квартиры была назначена для операций на юге Франции.

Обложение Бельфора в ноябре

На юго-восточном театре войны Бельфор представлял опорный пункт для постоянных небольших предприятий партизанских партий в тылу 14-го корпуса генерала Вердера, стоявшего у Везуля.

После того как находившиеся до тех пор под Страсбургом отряды были сменены вновь сформированными в Германии частями, и как только освободились войска под Ней-Брейзахом, все эти силы были направлены в верхний Эльзас. Из них 1-я резервная дивизия подошла 3 ноября к Бельфору и 8-го установила предварительную блокаду крепости; 4-я резервная дивизия двинулась по большей части на соединение с 14-м корпусом в Везуль; отряд под начальством генерала Дебшица занял Монбельяр, а 67-й полк — Мюльгаузен и Дель.

Если мы теперь бросим взор назад, на успехи, одержанные в ноябре, и на создавшуюся в конце этого месяца стратегическую обстановку, то увидим, что под Парижем большая вылазка была отражена, на севере победой генерала Мантейфеля при Амьене устранена угроза блокаде, на востоке взяты Диденгофен, Брейзах, Верден и Ля-Фер, обложены Монмеди и Бельфор и, наконец, на юге Фридрих-Карл приготовился атаковать французскую армию перед Орлеаном.

Сражение под Орлеаном 3 и 4 декабря

Вскоре после полудня 2 декабря во 2-й армии был получен по телеграфу приказ о наступлении на Орлеан. В тот же день Фридрих-Карл собрал 10-й корпус у Бон-ля-Роланд и Буян, 3-й — у Питивье, 9-й — у Базош-ле-Галеранд. Еще вечером были отданы распоряжения о наступательном марше всех сил.

Наступление было рассчитано на 2 дня. Сначала 3-й корпус должен был продвигаться через Шиллер-о-Буа к Лури, 10-й корпус — следовать за ним до Шиллер, 9-й же корпус — в 9³⁰ атаковать Артеней. Усиленная пехотой 1-я кавалерийская дивизия должна была на левом крыле наблюдать по направлению к р. Ион, 6-я кавалерийская дивизия — идти за правым крылом. Герцог Мекленбургский, которому было предоставлено самому организовать свое наступление западнее Парижской дороги, приказал 11-й дивизии поддержать атаку на Артеней, баварскому корпусу придвинуться к Люмо, 17-й дивизии сначала остаться в Анне. На 4-ю кавалерийскую дивизию была возложена разведка на правом фланге.

Уже в 9 часов утра 3 декабря 3-й корпус натолкнулся на восемь батальонов и шесть батарей противника у Санто. Вследствие этого 12-я бригада и артиллерия, выдвинутая за головными батальонами походной колонны 6-й дивизии, развернулись у Ля-Брос. В начавшемся бою пришлось после нескольких выстрелов отвести назад одну батарею левого крыла, зато на правом крыле мало-помалу подошла корпусная артиллерия, и около полудня 78 прусских орудий стояли в огне.

Уступая такому превосходству, французы отошли на Шиллер; но после того как германские батареи подъехали к этому селению на 2 тыс. шагов и правому флангу французов стала угрожать атака егерского батальона, они продолжали отступление к лесу. В 3 часа пополудни часть 5-й германской дивизии последовала за ними по просеке, ведущей на юг, а 6-я дивизия — по большой дороге. Так как последняя во многих местах была испорчена, то немцы лишь в 6 часов вечера достигли поляны у Лури.

Справа послышался частый ружейный огонь со стороны Невилля; кроме того, было получено донесение, что слева французы заняли Нанкр.

Вследствие этого было притянуто подкрепление из оставленных в Шиллер резервов, один полк был поставлен фронтом на запад, другой — фронтом на восток. Остальные войска стали биваками и на квартирах вокруг Лури, под прикрытием выдвинутого на юг сторожевого охранения.

Собравшись сначала у Шато-Гайяр на большой Парижской дороге, 9-й германский корпус двинулся по шоссе в Вильро.

У Асса он натолкнулся на неприятеля, который, будучи вскоре прогнан артиллерией, отошел на Артеней. Тут развернулись батареи 2-й французской дивизии, и в 10 часов начался сильный артиллерийский бой, в который со стороны немцев вскоре вступили части корпусной артиллерии и затем батареи подошедшей к Пупри 22-й дивизии. Под подавляющим огнем 90 орудий генерал Мартино медленно отошел уступами, начиная с артиллерии, на Ля-Круа-Брикэ и ферму Арблей.

Немцы около 12 часов заняли Артеней и после получасового привала продолжали наступление. Произошел более длительный огневой бой пехоты и артиллерии, во время которого 22-я дивизия продолжала наступать против левого фланга французов. В 2 часа пополудни снялась с позиции их артиллерия, левая колонна 9-го корпуса взяла ферму Арблей, а центр в горячем бою отеснил противника по большой дороге через Ля-Круа-Брикэ до Андеглу, где, поддержанный морскими орудиями, он продолжал сопротивление до наступления темноты.

Генерал Путкаммер подвел пять батарей на дистанцию 800 шагов к Шевильи, и 22-я дивизия двинулась уже против горящего селения, когда ей приказано было остановиться, потому что герцог побоялся вступить в ночной бой в укрепленной деревне. Но вскоре, когда гусарский разъезд донес, что Шевильи уже оставлено французами, генерал Виттих приказал занять ее.

В сильную снежную метель войска стали биваком у Ля-Круа-Брикэ и позади него.

При первоначальном выступлении от Шато-Гайяр 9-й корпус выслал отряд из четырех гессенских батальонов влево против Сен-Лие. Этот отряд встретил противодействие у Ля-Тура, отеснил противника к Сен-Жермену, но не мог его оттуда выгнать.

В то время как 10-й корпус, идя кружным путем через Питивье, уже в 3 часа пополудни достиг окрестностей Шиллер, став за 3-м корпусом, часть 20-й дивизии еще двигалась в направлении на Невиль, откуда слышался шум боя. Наступившие уже сумерки помешали действию артиллерии, пехота же хотя и проникла в некоторых местах в деревню, но встретила на забаррикадированных улицах решительное сопротивление, так что дальнейшую атаку пришлось отложить на следующий день.

Удар трех прусских корпусов обрушился на один 15-й французский корпус. Стоявшие справа и слева от него большие массы орлеанской армии в течение дня сделали лишь ничтожные усилия для его поддержки. Только генерал Шанзи, хотя уже начавший утром отступление на Сен-Перави и Булей, услышав сильную канонаду у Артеней, выдвинул от 16-го корпуса 2-ю дивизию. Последняя встретила как подошедшую от Анне 17-ю дивизию, которая готовилась вступить в бой при Андеглу, так и наступавший от Люмо баварский корпус. Развернутая ими у Шамель и Сужи сильная артиллерия скоро принудила французскую дивизию к отступлению. Немцы взяли Дузи и потом Хгоатр, а 17-я дивизия заняла замок Шевильи. Здесь темнота также прекратила бой. Войска правого крыла расположились на ночлег у Прованшер, Шамель и позади них.

Таким образом, германская армия без особенно серьезных боев приблизилась к Орлеану на 2 мили. Правда, французы удерживались до вечера в районе Невиль, но стоявшие там отряды еще ночью были вытребованы обратно. Они должны были через Ребрешьен выйти на дорогу из Питивье и потом кружным путем через Орлеан двинуться вперед к Шевильи. Но попав при этом под огонь бивакировавшего у Лури 3-го прусского корпуса, они бежали в полном расстройстве обратно в лес и старались потом небольшими частями достигнуть цели марша.

Можно было предполагать, что французы на следующий день будут упорно оборонять свои укрепления у Жиди и Серкот, хотя бы для того, чтобы облегчить отступление через Орлеан. Ввиду этого Фридрих-Карл приказал армейской группе и 9-му корпусу произвести 4 декабря охватывающую атаку обоих пунктов. 3-й корпус должен был наступать от Лури на Орлеан, 10-й корпус, опять образуя резерв, — следовать на Шевильи.

Генерал Орель вечером отправился назад в Саран. Тут он увидел 2-ю дивизию 15-го корпуса, проходившую в полном беспорядке, и узнал, что 1-я дивизия не смогла удержаться в Шиллер. Корпуса правого крыла потеряли внутреннюю спайку после сражения при Бон-ля-Роланд, а корпуса левого крыла — в боях при Луаньи. Французскому главнокомандующему приходилось опасаться, что его беспорядочные массы будут оттеснены к Луаре и к единственной переправе у Орлеана.

При таких условиях он решился на отступление в эксцентрических направлениях. Только 15-й корпус должен был отходить через Орлеан, а генерал Круза должен был перейти Луару у Жиена, генерал Шанзи — у Божанси. Затем следовало стремиться к соединению за р. Сольдр. Необходимые распоряжения были отданы, о чем донесено правительству. Хотя утром из Тура и был получен приказ держаться на позиции Орлеана, которая фактически была уже прорвана, но генерал Орель остался при своем решении.

В 9 часов утра 4 декабря 3-й германский корпус выступил из Лурри двумя колоннами — по большой дороге и по пути через Веннеси. Встречая только отсталых, обе колонны в полдень достигли Буаньи.

Вправо был послан отряд в Невиль, который захватил семь оставленных орудий и много ружей; другой отряд занял слева Шеси на Луаре.

Сделав короткий привал, главные колонны снова двинулись вперед, и в 2 часа пополудни 6-я дивизия нашла Воменбер занятым частями 15-го французского корпуса. Хотя на закрытой местности пришлось отказаться от содействия артиллерии, однако, несмотря на упорное сопротивление неприятельской морской пехоты, пруссаки взяли селение, после чего огонь батарей с высоты севернее Сен-Лу был направлен против предместья Орлеана.

Между тем, в тылу 6-й германской дивизии вступила в бой 5-я дивизия.

20-й французский корпус, который еще стоял у Шамбон в восточной части Орлеанского леса против Бон-ля-Роланд, получил в 4 часа утра приказ — непосредственно из Тура идти на Орлеан.

Правда, по представлению генерала Ореля был отдан контрприказ, но он не дошел по назначению. Генерал Круза предусмотрительно отправил свои обозы через Жаржо на другой берег Луары и затем

двинулся в указанном ему направлении. В 2³⁰ у Понт-о-Муан он натолкнулся на германский отряд, высланный в Шеси, и решил сначала силой проложить себе дорогу, но потом когда генерал Штюльпнагель поддержал свои два батальона остальными частями дивизии, отказался от этого намерения и отступил также у Жаржо через реку.

С германской стороны атака на Сен-Лу не имела успеха, и так как о ходе боя в других корпусах не было сведений и к тому же наступили сумерки, то генерал Альвенслебен отложил дальнейшее наступление против самого города Орлеана до следующего дня.

К северу от Орлеана 9-й германский корпус двинулся из Ля-Круа-Брике против укрепленной позиции у Серкот. В 1 час пополудни передовые пехотные части ворвались в селение. Под артиллерийским огнем 2-я дивизия 15-го французского корпуса отошла в виноградники перед городом. Тут пришлось вести бой одной пехоте. Французы защищали каждый удобный пункт и упорно сопротивлялись, особенно на вокзале перед самым Орлеаном. Прикрытием для вокзала служила глубокая выемка, в которой проходила железная дорога: кроме того, он был усилен баррикадами и стрелковыми окопами и занят морскими орудиями. Только в сумерках, около 5³⁰, эта позиция была очищена, зато оказано новое сопротивление дальше. Во избежание ночного боя на улицах генерал Манштейн в 7 часов вечера и тут приостановил наступление на этот день.

Из армейской группы герцога авангард 17-й дивизии нашел Жиди укрепленной и сильно занятой. Однако, наступление 9-го корпуса побудило французов в 11 часов очистить эту позицию с оставлением восьми орудий. Для того чтобы избежать леса, 17-я дивизия взяла направление к западу на Булей, куда последовали за ней в качестве резерва 22-я пехотная и 2-я кавалерийская дивизии.

Тут они застали уже в бою баварский корпус и 4-ю кавалерийскую дивизию, которые раньше вытеснили противника из Бриси и Жанври. В 12 часов после артиллерийской подготовки генерал Танн приступил к атаке Булей, но французы не выждали ее, а поспешно отступили, оставив часть своих орудий в укреплениях.

Теперь 2-я кавалерийская дивизия начала преследование. Из 5-й бригады 4-й гусарский полк, пройдя рысью через Монтэгю, бросился на снимающуюся с передков французскую батарею и захватил все орудия. Другая французская батарея у Орма была вынуждена гер-

манской конной батареей к отъезду. Оттуда вдруг появилась неприятельская конная масса против левого фланга 4-й бригады, переходившей дорогу в Шатоден. Блюхеровские гусары тотчас же сделали заезд и отогнали противника через Орм до Ингрэ.

На правом фланге армейской группы наблюдала 4-я кавалерийская дивизия. Тут гусары 2-го полка опрокинули прикрытие отходившей по дороге в Шатоден обозной колонны и взяли 250 человек в плен.

В то время как с востока и с севера немцы продвигались, таким образом, к Орлеану, на западе стояли еще в поле у Патей и Сен-Перави 17-й французский корпус и 1-я дивизия 16-го корпуса. Последнюю генерал Шанзи собрал у Куанс, и против угрожавшего оттуда флангового удара генерал Танн выставил у Бриси заслон из 3-й пехотной бригады, кирасир и резервной артиллерии. Германская 4-я кавалерийская дивизия наступала на Куанс, где генерал Бернгарди с четырьмя эскадронами улан, перескочив широкий ров, отогнал к Сен-Перави неприятельские кавалерийские части, ограничившиеся лишь залпом из карабинов. Другие эскадроны 9-й бригады смяли французских стрелков и преследовали кавалерию, пока она не скрылась за крупными пехотными частями. Германская 8-я бригада наблюдала в направлении Патей. Когда же этот пункт был взят под обстрел одной батареи и очищен французами, то генерал Шанзи отказался от дальнейших атак и отступил за лес Монпипо.

Теперь 2-я германская кавалерийская дивизия повернула к Луаре, непосредственно ниже Орлеана. Ее артиллерия разрушила мост у Ля-Шапель, по которому отступал обоз, и заставила войсковые части, двигавшиеся по дороге на Клери, бежать обратно в Орлеан. Два железнодорожных поезда из Орлеана не дали себя задержать огнем, — напротив, поезд из Тура, на котором находился министр Гамбетта, поспешно повернул назад.

Тем временем баварский корпус наступал по шоссе; 22-я прусская дивизия в связи с 9-м корпусом — по старой дороге из Шатодена; 17-я прусская дивизия между обоими — на Ля-Борд.

Последней пришлось сначала около 3³⁰ взять сильно обороняемую деревню Эрдри; затем, когда баварцы от Орма повернули вправо на Ингрэ, 17-я дивизия двинулась по шоссе на Сен-Жан-де-ля-Рюель.

Преодолев там сопротивление, головные части дивизии в 6 часов утра подошли к воротам Орлеана.

Генерал Тресков вел переговоры с местными военными властями относительно упорядоченного занятия города. В 10 часов вечера состоялось соглашение, и вскоре после полуночи герцог Мекленбургский с 17-й прусской дивизией, за которой следовала 2-я баварская бригада, вступил в Орлеан.

Прежде всего, был обеспечен мост через Луару, который французы не успели взорвать. Остальные войска расположились на ночь по квартирам к северу и к западу от города.

При столь настойчивом требовании правительства удерживать Орлеан генерал Орель все-таки поколебался в своем первоначальном решении. Когда утром туда прибыла большая часть 15-го корпуса, он пожелал еще раз оказать сопротивление. Но необходимые приказы не удалось доставить корпусам правого крыла, а корпуса левого крыла не могли их более выполнить, и около 5 часов пополудни командующий армией убедился в невозможности дальнейшего противодействия. Сначала была отведена к Ля-Ферте — Сент-Обен артиллерия 15-го корпуса, затем последовала пехота. Как мы видели, 20-й корпус перешел Луару у Жаржо; 18-й корпус — у Сюлли; 16-й и 17-й корпуса уклонились к западу по направлению на Божанси, но остались на правом берегу реки.

Двухдневное сражение стоило немцам 1 700 человек, французы потеряли 20 тыс. человек, из них 1 800 пленными. Их многочисленная, собранная впереди Орлеана армия была расколота на три части.

Преследование в южном, восточном и западном направлениях

При большой усталости войск непосредственное преследование не состоялось ни в одном из указанных трех направлений.

Было приказано, чтобы за противником, отходившим на юг, двинулась 6-я кавалерийская дивизия, усиленная пехотным отрядом 18-й дивизии. Она получила задачу установить местонахождение французов и прервать железные дороги из Буржа, Орлеана и Тура, сходящиеся у Вьерзона. Так как 6-я кавалерийская дивизия стояла на квартирах к северу от Орлеана, то 15-й французский корпус значительно опередил ее и своими главными силами успел уже достигнуть Сальбри, когда 6 декабря, через 2 дня после сражения, к Ля-Ферте — Сент-Обен прибыл форсированным маршем генерал Шмидт. Он застал тут отряд 18-й дивизии, который уже отгеснил французский арьергард до Ля-Мот-Беврон, но теперь был отозван обратно к ручью Луарэ. Только две роты 36-го полка и одна саперная рота приняли участие в дальнейшем походе, следуя за кавалерией, отчасти на повозках и батарейных передках.

По приказу, полученному непосредственно из Тура, 15-й французский корпус 7 декабря оставил большую дорогу, идущую на юг, и совершил фланговый марш в 4 мили в восточном направлении до Обиньи-Виль. Германская кавалерийская дивизия, как нельзя лучше поддержанная артиллерией и слабым пехотным отрядом, имела горячие бои с неприятельским арьергардом у Нуан-ле-Фюзелье, потом вечером у Сальбри, где противник, в конце концов, удержался. В малонаселенной местности дивизия должна была на ночь отойти в Нуан, чтобы найти квартиры в морозную зимнюю ночь.

Еще задолго до рассвета 8 декабря французский арьергард очистил Сальбри, избегая столкновения с противником, численность которого сильно преувеличивалась.

После небольших перестрелок кавалерийская дивизия вечером вступила в Вьерзон. Телеграф и железные дороги были прерваны во многих местах, захвачены 70 товарных вагонов, определено направление неприятельского отступления, и наступательные предприятия отсюда на первое время признаны маловероятными.

Задача дивизии была разрешена; она получила приказ оставить на месте одну бригаду для наблюдения, а с остальными силами вы-

ступить по направлению на Блуа. Генерал Гребен держался еще до 14 декабря у Вьерзона и Сальбри.

Зимний поход 6-й кавалерийской дивизии был особенно трудным. Представлялось почти невозможным двигаться вне больших дорог, на последних же по причине гололедицы зачастую приходилось вести лошадей в поводу. Жители департамента Солонь были настроены крайне враждебно; во всех селениях они стреляли по въезжавшим передовым всадникам. Напротив, французские войска оказывали лишь слабое сопротивление. Многочисленные пленные и масса брошенного военного имущества свидетельствовали о поспешном отступлении, которое иногда превращалось в дикое бегство. При беспорядочном движении туда и сюда только 13 декабря удалось собрать корпуса правого крыла орлеанской армии у Буржа.

Состояние их в то время видно из телеграфной переписки между правительством и генералом Бурбаки, принявшим командование над тремя корпусами после смещения генерала Ореля.

Делегат Фрейсине, вероятно осведомленный жителями, уверял Бурбаки, что перед ним лишь малочисленная кавалерия, и настойчиво требовал наступления к Блуа.

Генерал ответил, что если он теперь предпримет такой поход, то из своих трех корпусов не увидит больше ни одного орудия, ни одного солдата. Он предполагает безотлагательно отступить от Буржа на Сент-Аман и, если нужно, еще дальше; однако, можно опасаться, что его атакуют уже раньше и вовлекут в катастрофу.

Военный министр Гамбетта сам пожаловал в Бурж, но, увидев разложение войск, также отказался от всякого серьезного наступления: «Это самое печальное, что я видел». Лишь с трудом ему удалось настоять, чтобы корпуса не отступали дальше, а под прикрытием выдвинутого к Вьерзону отряда выждали развития событий.

В день, когда генерал Шмидт вступил в Вьерзон, 15-й французский корпус стоял в окрестностях Анришмона, примерно в таком же расстоянии от Буржа. 18-й и 20-й корпуса находились в Обиньи-Виль и Сернэ, еще в 2-3 переходах.

Едва ли можно сомневаться, что в случае движения 18-й германской дивизии вслед за 6-й кавалерийской дивизией Бурж с его крупными военными учреждениями был бы взят.

К востоку от Орлеана 3-й германский корпус двинулся вверх по Луаре через Шатонеф. Он встречал только отсталых, пока 7 декабря две дивизии 18-го французского корпуса не сделали попытку снова перейти у Жиена на правый берег Луары.

У Неваа произошел авангардный бой, вследствие которого эти две дивизии еще ночью перешли обратно по мосту и продолжали марш к Буржу.

Бои герцога Мекленбургского 7, 8, 9 и 10 декабря

На западе армейская группа герцога стояла ближе всего к отходившему левому крылу французов. Тут, в противоположность разложению правого крыла, генерал Шанзи, бесспорно самый способный из всех начальников, с которыми немцам пришлось бороться в поле, сумел в короткий срок в такой мере восстановить внутренний порядок в войсках, что они стали способны не только к обороне, но и к наступлению. Правда, он получил значительные подкрепления в виде вновь сформированного 21-го корпуса и дивизии Камо. Последняя образовала авангард у Мён; за ней стояли: 16-й корпус у Божанси, 17-й корпус у Кравана и 21-й корпус у Сен-Лорана, близ леса Маршенуар.

На следующий день после сражения войскам герцога была дана дневка; только кавалерия следовала за неприятелем. 4-й кавалерийская дивизия достигла Узуе, 2-я кавалерийская дивизия встретила позади Мёна значительные массы пехоты.

7 декабря армейская группа наступала очень широким фронтом. На левом крыле двигалась 17-я дивизия на Мён, где ее артиллерия вступила в бой с неприятельской. Французы занимали сплошной ряд деревень, который далее к западу запирает, большую дорогу на Божанси. Около 4 часов пополудни один мекленбургский батальон взял Ланглошер, но попал под угрозу, неприятельских колонн, наступавших на него с обеих сторон.

Все-таки слева был вскоре занят Фуанар, причем захвачено одно орудие; справа 1-я баварская бригада наступала на Ля-Бури. Туда подошла почти одновременно и 2-я кавалерийская дивизия, по кружному пути через Ренардьер, после того как ее батареи прогнали противника из Ле-Бардон. Против наступавших от Гран-Шатр масс французов должны были теперь развернуться баварцы. Поддержанные конными батареями, они вели до сумерек горячий бой, окончившийся отступлением французов на Бомон.

Во время этих боев левого крыла армейской группы 1-я баварская дивизия, двигавшаяся значительно правее на Бакон, и 22-я дивизия, шедшая на Узуе, встретили упорное сопротивление, вследствие чего герцог решил теснее сосредоточить свои силы влево.

22-я дивизия наступала 8 декабря от Узуе на юг через Вилермен. Отразив показавшиеся из густого тумана против ее левого фланга стрелковые цепи, генерал Виттих взял направление на Краван, чтобы

примкнуть к правому крылу баварцев, уже находившихся в горячем бою. Последние отразили атаку французов, выступивших из Вильшомона, и 2-я баварская дивизия придвинулась к дороге Краван — Божанси; но когда три французские дивизии снова перешли в наступление, дивизия отошла на Бомон. Там она была поддержана 1-й баварской дивизией, и семнадцать батарей постепенно выехали в боевую линию. Их огонь и сильный контрудар трех баварских бригад заставили, наконец, противника отойти, и позиция на шоссе была опять занята.

Теперь французы в свою очередь выдвинули многочисленную артиллерию и собирались наступать 17-м корпусом на Краван. Но около 1 часа пополудни сюда как раз прибыла, после взятия Бовера и Лэ, 22-я прусская дивизия, справа от нее — 4-я кавалерийская дивизия, слева — 2-я кавалерийская дивизия. Затем, когда в 3 часа большие французские колонны двинулись на Краван, они были отражены сильным контрударом 44-й бригады, к которой присоединились баварцы; французы были вскоре изгнаны также из Лэ, куда они мимоходом вторглись. Между тем, пять батарей, стоявших ближе всего к Кравану, настолько пострадали, что их пришлось отвести назад. В 4 часа, когда баварские батальоны пошли, наконец, в атаку на высоты перед их фронтом, они натолкнулись на свежие силы противника и, потеряв большую часть офицеров, вынуждены были отступить к артиллерийской позиции у Бомона. Однако, в конце концов, французы все-таки очистили Вильшомон.

На левом крыле армейской группы 17-я прусская дивизия последовала за отступившим противником через Виде и Вильнёв и затем в 12³⁰ атаковала Месса. Она встретила упорное сопротивление, и только в сумерках удалось совершенно овладеть селением. Артиллерия направила свой огонь по густым массам, стоявшим у Вернона; пехота взяла штурмом высоту у Божанси и ворвалась, наконец, в самый город, где была захвачена одна французская батарея. Тогда дивизия Камо отошла до Тавера, и еще в полночь генерал Тресков велел произвести внезапное нападение на Вернон, откуда застигнутые врасплох французы ушли к Бонвале.

Командование 2-й германской армии предполагало двинуть 3-й, 10-й и 9-й корпуса от Жиена, Орлеана, потом также от Блуа на Бурж. Но армейская группа при своем наступлении на правом берегу Луа-

ры, по направлению на Блуа, натолкнулась на неожиданное двухдневное сопротивление. В главной квартире в Версале считали настоятельно необходимым, прежде всего и непосредственно поддержать герцога, по меньшей мере, одной дивизией. Телеграфный приказ об этом был получен в 10 часов 9 декабря.

9-й корпус, который уже двигался на левом берегу, не имея перед собой неприятеля, не мог оказать такую поддержку, так как нашел все мосты через Луару взорванными. Ввиду этого было приказано 3-му корпусу, оставив у Жиена только отряд для наблюдения, вернуться в Орлеан. 10-й корпус должен был, притянув свои отряды, стоявшие к востоку от города, выдвинуться к Мену. Итак, 9 декабря армейская группа оставалась еще без поддержки, имея фактически четыре пехотные дивизии против одиннадцати французских. Шанзи уже утром перешел в наступление.

Обе прусские дивизии, стоя у Бовера и Месса, ожидали атаки французов. Две баварские дивизии вследствие больших потерь были отведены в резерв в Краван, но уже в 7 часов 9 декабря, когда сильные неприятельские колонны выступили по направлению на Ле-Мэ, баварцев пришлось снова выдвинуть в боевую линию.

У Ле-Мэ и перед Верноном густые стрелковые цепи французов были отражены, потерпев неудачу под огнем самоотверженной германской артиллерии, которая заставила замолчать неприятельские батареи и затем направила свой огонь против Вилорсо. Эта деревня, несмотря на сильное сопротивление, в 10³⁰ была взята и удержана баварской пехотой. Наступление далеко превосходных сил на Вильшомон было также отбито с помощью трех батальонов и двух батарей 22-й дивизии. Затем тюрингенцы взяли штурмом Серней, где 200 французов положили оружие и одна из их батарей потеряла лошадей и рядки.

На правом крыле армейской группы были очищены по недоразумению Лэ и Бовер и вновь заняты французами. При поддержке 2-й баварской бригады 44-я прусская бригада снова выгнала противника из обоих селений. Далее к северу наблюдала 4-я кавалерийская дивизия против неприятельских отрядов, приближавшихся к Вилермену.

В полдень французы сделали новые усилия, наступая сильными колоннами на Краван. Генерал Тресков двинулся во фланг им от Месса. Он оставил только слабый отряд в Божанси и занял селения

слева для обеспечения себя со стороны Тавера. Главные силы 17-й дивизии двинулись к Бонвале, поддержали в Вилорсо находившихся в затруднительном положении баварцев и заняли впереди Вильмарсо.

Тут около 3 часов пополудни дивизии пришлось выдержать тяжелый бой с сильными колоннами 16-го и 17-го корпусов. Однако, германской пехоте, бросившейся в атаку с криками «ура», удалось опрокинуть французов и утвердиться против них. Одновременно три баварских батальона, сопровождаемые кавалерией и артиллерией, перешли в наступление от Кравана и изгнали неприятеля из Вильжуана. Еще далее вправо батальон 32-го полка овладел Урсель. Линия от последнего пункта к Таверу обозначает с большим трудом отвоеванный у противника рубеж.

Бой окончился отступлением французов к Дюньи.

В этот, день 3-й германский корпус находился еще на марше в Орлеан. 9-й корпус мог принять участие в бою лишь артиллерийским огнем с левого берега против Мёна и Божанси. Только перед самым Блуа он натолкнулся на французские части. 50 человек одного гессенского батальона взяли штурмом находившийся на фланге укрепленный замок Шамбор, захватив там 200 пленных и 12 зарядных ящиков с запряжкой.

10-й корпус также только головными частями своей пехоты достиг Мёна; все-таки он выслал вперед один гусарский полк с восемью батареями, которые уже в 3 часа пополудни прибыли в Гран-Шатр.

По приказу командования 2-й германской армии, следовало отправить баварский корпус в Орлеан для пополнения его крупных потерь. Но и после подхода 10-го корпуса герцог Мекленбургский все еще имел перед собой двойные неприятельские силы, и ему приходилось думать не столько о преследовании, сколько об обороне.

Уже на рассвете 10 декабря генерал Шанзи возобновил свое наступление, которому должны были вскоре противодействовать и баварцы.

В 7 часов утра 17-й французский корпус атаковал Ориньи, взял там 150 пленных и вторгся в Вильжуан. С фронта против него выступили 43-я прусская бригада у Серней и 4-я баварская бригада с шестью батареями близ Вильшомона; на правом же фланге генерал Тресков двинулся в Вилорсо и Вильмарсо. В последней деревне два ба-

тальяна его, поддержанные четырьмя батареями, сопротивлялись всем неприятельским атакам из Ориньи и Тупеней.

Затем в полдень главные силы 17-й дивизии приступили к возвращению Вильжуана. Французы оказали тут упорное сопротивление. Ожесточенный и кровопролитный бой в домах продолжался до 4 часов пополудни, а затем двинулись новые массы французов, чтобы отвоевать деревню, в которой в их руках оставался только один двор. Между тем, к югу от Вильмарсо развернулась вся артиллерия прусской дивизии, к ней присоединились две конные батареи 10-го корпуса, и от Серней открыли также огонь батареи 22-й дивизии. В концентрическом огне этой артиллерии потерпели крушение дальнейшие атаки 17-го французского корпуса.

Теперь Божанси было занято частями 10-го корпуса. Левое крыло германской боевой позиции уже накануне примыкало к Луаре, но на правом крыле такое обеспечение совершенно отсутствовало. Тем не менее, французы пока не пытались использовать тут свое численное превосходство посредством более широкого развертывания. Только в этот день, т. е. 10 декабря, они перешли в наступление против открытого германского фланга. Здесь между Пуасли и Мезьером развернулась большая часть 21-го французского корпуса, и в 10³⁰ сильные колонны двинулись на Виллермен. Баварцы были вынуждены занять 2-й бригадой позицию под углом на линии Жуи — Кудрей. Семь батарей выдвинулись на эту линию, а на их правом крыле стояла в готовности 4-я кавалерийская дивизия. До 2 часа пополудни подошли еще 2 конные батареи и от Кравана четыре батареи 10-го корпуса, три бригады которого собрались там в качестве резерва. Огонь более ста германских орудий заставил французов около 3 часов отвести назад свою артиллерию, а отдельные слабые атаки их пехоты легко отражались немцами, которые тут держались строго оборонительного образа действий.

Потери французов во время описанного четырехдневного боя неизвестны. Армейской группе он обошелся в 3 400 человек, причем более половины этой убыли приходится на долю обеих баварских дивизий.

Если герцогу удалось до прибытия первых подкреплений продержаться против трех неприятельских корпусов, то он обязан этим храбрости своих войск и в такой же мере действиям артиллерии. По-

следняя потеряла 255 человек и 356 лошадей. Ее материальная часть была до такой степени использована, что, в конце концов, стальные орудия почти всех легких батарей 22-й дивизии и большинства баварских стали негодными вследствие выгорания клиновых отверстий.

В этот день 3-й корпус дошел только до Сен-Дени, 9-й корпус — до Вьена, против Блуа, но тут он также нашел мост через Луару взорванным.

С французской стороны генерал Шанзи из телеграфных сношений правительственного делегата с генералом Бурбаки узнал, что последний не принимает никаких мер для отвлечения на себя части 2-й германской армии. При более продолжительном пребывании можно было ежедневно опасаться, что она перейдет в наступление всеми своими силами; вследствие этого генералу Шанзи пришлось решиться на отступление, что повлекло за собой переезд правительства из Тура в Бордо.

В штабе герцога ждали новых атак 11 декабря. Деревни впереди фронта были попрежнему сильно заняты французами, и только в полдень обнаружилось их отступление. За ними двинулись слева 10-й корпус, справа, к югу от леса Маршенуар, — армейская группа; к северу от него производила поиски 4-я кавалерийская дивизия.

После сильных морозов наступила оттепель, затруднившая обеим сторонам передвижения. Немцы находили дороги покрытыми оставленными повозками и брошенным оружием, на полях лежали незарытые трупы людей и лошадей, в деревнях — сотни раненых без ухода. Было забрано несколько тысяч отсталых.

Полученные из Версаля директивы начальника генерального штаба требовали, прежде всего, преследования, чтобы надолго лишить противника способности к действию, но это преследование не должно было простираться далее Тура. Затем, предполагалось собрать 2-ю армию у Орлеана и армейскую группу у Шартра, дав войскам необходимый отдых. Из первого пункта следует неусыпно наблюдать за армией генерала Бурбаки, войдя с этой целью в связь с генералом Цастровым, который 13 декабря прибудет с 7-м корпусом в Шатильон (на Сене); однако, и тут не нужно распространять операции за Бурж и Невер.

Соответственно этому 2-я армия сначала продолжала наступать по направлению к р. Луар и 13 декабря достигла линии Ук — Конан — Блуа, причем последний город найден очищенным.

14 декабря 17-я дивизия подошла к р. Луар у Морэ и Фретевалья. У обоих селений произошли бои. Если французы пока отступали, то казалось, что на р. Луар, занимая большими силами Клуа и Вандом, они окажут серьезное сопротивление.

Для успеха атаки Фридрих-Карл хотел сначала сосредоточить все силы. Для этого 3-й корпус, двигавшийся форсированными маршами вслед за армией, должен был сначала вдвинуться в интервал между армейской группой и 10-м корпусом; последний же надлежало из Блуа и Эрбо притянуть к Вандому.

15 декабря, когда 10-й корпус двинулся по указанному направлению, его главные силы встретили близ Вандома такое энергичное сопротивление, что не могли его преодолеть до наступления темноты. Войска расположились на квартирах за Сент-Ан. Левый боковой отряд нашел Сент-Аман занятым большими силами и остановился у Гомбержан. В этот день 3-й корпус продвинулся до Куломье близ Вандома, в боях у Бель-Эсер отбросил французов за р. Луар и восстановил сообщение. Согласно приказа герцог держался пока оборонительно. Наконец, по исправлении моста у Блуа 9-й корпус, оставив там одну бригаду, двинулся вслед за армией.

Теперь были собраны перед неприятельской позицией во много раз превосходящие силы и решено перейти в общее наступление, но, чтобы дать отдых очень утомленным войскам, оно было назначено только на 17 декабря. Между тем, 16-го генерал Шанзи уже отступил.

Правда, он намеревался и дальше удерживать рубеж р. Луар, но его генералы заявили, что состояние войск не позволяет продолжать борьбу. Вследствие этого Шанзи приказал армии выступить еще до рассвета и направиться по путям через Монтуар, Сен-Кале и Вибрэ к Ле-Ману.

Таким образом, на рассвете 10-й корпус нашел неприятельскую позицию перед Вандомом очищенной и вступил в город, не встречая противодействия. Только на левом крыле французов, где приказ об отступлении не был получен своевременно, генерал Жоре произвел еще наступление на Фретваль, но вечером последовал за движением остальных корпусов.

Перерыв крупных наступательных операций в декабре

В Версале 17 декабря были отданы общие директиве для обеих армий к северу и к югу от Парижа.

После того как генерал Мантейфель перешел Сомму, а Фридрих-Карл продвинулся до р. Луар, немцы уже занимали почти треть французской территории. Неприятель был повсюду отброшен, и чтобы не раздроблять сил, было признано целесообразным с этого времени сосредоточить их теснее в три главные группы. Соответственно этому 1-я армия должна была собраться у Бовэ, армейская группа — у Шартра, 2-я армия — вокруг Орлеана; там предполагалось дать войскам необходимый отдых и восстановить в полной мере их боевую готовность подвозом укомплектований и материальной части. Если бы противник предпринял новые наступления, то следовало подпустить его на кратчайшее расстояние и только тогда отбить сильным контр-ударом.

Для 2-й армии представлялось мало вероятно теперь еще нагнать французов по ту сторону р. Луар; к тому же известия с верхней Луары вынуждали обратить особое внимание на последнее направление. Из Жиена были получены донесения, что оставленный там наблюдательный отряд оттеснен к Узуе на Луаре. Представлялось возможным, что генерал Бурбаки воспользуется случаем для наступления через Монтаржи на Париж, или, по крайней мере, на Орлеан, который в это время был занят только частью 1-го баварского корпуса.

Отделавшись от своего противника, повидимому, на продолжительное время, Фридрих-Карл решил, согласно директивам из Версаля, собрать свои силы в выжидательном положении у Орлеана. Только 10-й корпус должен был остаться для наблюдения на р. Луар. На всякий случай, чтобы обеспечить 1-му баварскому корпусу достаточную помощь, Фридрих-Карл приказал 9-му корпусу, прибывшему 16 декабря из Блуа в Ля-Шапель-Вандомуаз, в тот же день перейти в Божанси, а на следующий день в Орлеан. При самых неблагоприятных условиях погоды этот корпус прошел в 1 сутки 11 германских миль. За ним следовал 3-й корпус.

Однако вскоре выяснилось, что появившийся у Жиена неприятельский отряд не принадлежит к какому-либо крупному войсковому соединению и для собственной безопасности укрепляется у Бриара. Вследствие этого были заняты удобные квартиры: 1-й баварский

корпус в Орлеане, 3-й корпус там же и до Божанси, 9-й корпус в местности Луары вверх до Шатонефа, с сильным сторожевым отрядом в Монтаржи.

Вскоре 1-й баварский корпус был отправлен в Этамп, чтобы там беспрепятственно отдохнуть, укомплектоваться, исправить свое вооружение и одежду.

Армейская группа герцога Мекленбургского также оказалась не в состоянии преследовать генерала Шанзи за р. Луар. За 6 недель она была крайне утомлена ежедневными переходами и боями. При непогоде и плохих дорогах одежда и обувь пришли в самое плохое состояние. Разведка за р. Луар показала, что неприятеля можно нагнать лишь форсированными маршами.

Ввиду этого, начиная с 18 декабря, герцог дал войскам отдых на несколько дней в селениях на левом берегу реки.

Из состава 3-й армии генерал Рейнбабен с тремя бригадами 5-й кавалерийской дивизии, усиленной пятью гвардейскими ландверными батальонами и четырьмя батареями, стоял в Куртален, Бру и Шартр. Записка начальника генерального штаба из Версаля указывала, что этой кавалерии могут представиться благоприятные возможности для нападений на фланги и тыл отступавших неприятельских колонн. От кронпринца также был получен приказ — уже 15 декабря со всеми силами нанести удар через Бру. Вопреки этому дивизия 16 декабря заняла позицию на ручье Иэр, следуя переданному ей указанию герцога, который, не был ее начальником.

В этот день разъезды нашли дороги в Монмираль и Мондубло свободными, только перед Клуа была обнаружена французская пехота, отступившая после короткого боя. Слева была восстановлена связь с 4-й кавалерийской дивизией. 17 декабря 12-я кавалерийская бригада вступила в очищенное уже неприятелем Клуа, 13-я бригада подошла к Ару, и только генерал Барби с отрядом из всех родов оружия произвел наступление на Друэ, где он застал французов врасплох за варкой пищи и взял богатую добычу.

Правда, 18 декабря 12-я бригада захватила еще некоторое число отсталых, но обе другие бригады сделали лишь небольшой переход в западном направлении к Ля-Базош-Гуэ и Арвиль, где они уже не нашли неприятеля. К югу от последнего пункта гвардейский ландверный батальон вытеснил французскую пехоту из Сент-Ажиля.

Этим закончилось преследование 19 декабря. По желанию герцога 5-я кавалерийская дивизия перешла в Ножан-Ле-Ротру и впоследствии приняла на себя наблюдение у Вернон и Дре за левым берегом Сены.

Сама армейская группа выступила 21 декабря из своего квартирного района на р. Луар. До 24-го она заняла 22-й дивизией Ножан-Ле-Ротру и 17-й дивизией — Шартр. 4-я баварская бригада вернулась к своему корпусу в Орлеан.

В течение декабря произошли лишь бои в 10-м корпусе, которому было поручено из Блуа и Вандома наблюдать местность за р. Луар.

20 декабря были двинуты две бригады по направлению на Тур. За Моннэ они натолкнулись на вновь сформированное войсковое соединение генерала Фери-Пизани силой от 10 до 15 тыс. человек, выдвинутое от Анжера через Тур.

Размокшая почва чрезвычайно затрудняла развертывание артиллерии и кавалерии. Последняя могла преследовать отступавшего противника только по большой дороге, двигаясь в глубокой колонне, причем несла значительные потери от неприятельского огня с самых коротких дистанций.

На следующий день генерал Война с шестью батальонами, не встретив сопротивления, подошел к мосту у Тура. Одна легкая батарея, заняв позицию на берегу, рассеяла толпу, стрелявшую с противоположного берега, но штурм города, потерявшего значение после переезда правительства, все-таки стоил бы тяжелых жертв. Ввиду этого отряд был отозван обратно в Моннэ, и корпус стал на квартирах, имея 19-ю дивизию у Блуа и 20-ю дивизию у Эрбо и Вандома.

Оттуда 27 декабря вышел отряд из двух батальонов, одного эскадрона и двух орудий через Монтуар до Суже на ручье Брэ, где он натолкнулся на значительно превосходящие силы. Дело в том, что генерал Шанзи, желая отвлечь пруссаков от Тура, выслал одну дивизию 8-го корпуса по направлению на Вандом. За Сен-Кантенем слабый прусский отряд оказался защемленным между рекой и стеной гор, окруженным и обстрелянным со всех сторон. Подполковнику Больтенштерну все-таки удалось пробиться. Оба ганноверских батальона бросились без выстрела на густые стрелковые цепи, преграждавшие им отступление, и в рукопашной схватке проложили себе путь. В образовавшийся таким образом интервал проскочили после выстрела карте-

чью орудия, благополучно вернувшись в Монтуар, несмотря на потери в запряжке. Эскадрон также прорвал две стрелковые цепи и снова присоединился к пехоте.

Вследствие этого происшествия генерал Крац решил, притянув к себе остальные части 20-й дивизии из Эрбо, произвести 31 декабря новую разведку для выяснения обстановки. Четыре батальона должны были наступать от Вандома, 1-я кавалерийская бригада — произвести поиск от Фретеваля по направлению на Эпюизэ. Но в этот же самый день генерал Жуфруа с двумя дивизиями со своей стороны перешел в наступление на самый Вандом.

В 10 часов утра, когда вышедший оттуда разведывательный отряд достиг ручья Азей, он был энергично обстрелян с противоположного ската долины. Вскоре шесть неприятельских батальонов двинулись с юга во фланг, а повторные донесения подтверждали, что значительные массы противника наступают севернее Азей, через Эсперез, прямо на Вандом. Генерал Крац, поняв, что ему предстоит выдержать планомерную атаку сильно превосходящих сил, решил ограничиться обороной Вандома. Под прикрытием только одного стойко державшегося батальона, в полном порядке произошло отступление отряда, который затем занял железнодорожную насыпь к западу от города.

Далее к северу неприятельская колонна, наступавшая через Эсперез, уже достигла Бель-Эр. Хотя подоспевший из Вандома батальон опять взял замок, но, охваченный справа превосходящими силами, должен был отойти и также занял позицию за железной дорогой. В 2 часа пополудни французы атаковали эту позицию густыми стрелковыми цепями, но при этом попали под частый огонь шести батарей, поставленных на высотах за Вандомом, который принудил правое французское крыло к отступлению. Правда, от Варена по левому берегу р. Луар также двинулась неприятельская колонна против этой артиллерийской позиции, но, попав в сферу ее огня, поспешно отошла назад.

Серьезнее были атаки, направленные от Бель-Эр и Тюльери против железной дороги, но расположенные там восемь рот все-таки отбили их. В 4 часа пополудни французы еще раз атаковали всеми силами; долго шел бой, пока, наконец, с наступлением темноты они отступили.

В этот день 1-я кавалерийская бригада с двумя ротами и одной конной батареей наступала до Данзе. Капитан Шпиц с кучкой своих вестфальских фузилеров бросился на две выехавшие на позицию французские батареи и захватил два орудия и три передка. После преследования неприятеля до Эпюизэ генерал Людериц около 1 часа пополудни вернулся в Фретеваль с взятыми трофеями и 50 пленными.

Предприятие французов против Вандома окончилось полной неудачей, и они теперь отступили на еще большее расстояние.

Однако генерал Крац получил приказ пока оставаться на р. Луар в выжидательном положении до нового, более крупного предприятия.

14-й корпус в декабре

На юго-восточном театре войны французы, наконец, решились проявить некоторую деятельность.

Корпус Гарибальди, собранный у Отен, двинулся 24 декабря по направлению на Дижон. Части его с чередующимися боями и ночными нападениями пробились через Сомбернон и Сен-Сен на самое близкое расстояние. С юга дивизия Кремера дошла до Жеврэ. Но после прибытия в Дижон подкреплений из Грэ и Ис-сюр-Тиль противник был отражен, и генерал Вердер в свою очередь приказал 1-й бригаде наступать по направлению на Отен. Гоня перед собою неприятельские отряды, генерал Келлер 1 декабря подошел к городу. Приготовления для атаки на следующий день были уже сделаны, когда был получен приказ о спешном возвращении. Понадобилась высылка новых отрядов на Шатильон, где часть, выставленная для охраны железной дороги, подверглась внезапному нападению, и в Грэ против предприятий безансонского гарнизона и, наконец, для наблюдения за Лангромом.

Туда двинулась прусская пехотная бригада с двумя кавалерийскими полками и тремя батареями; 16 декабря в окрестностях Лонжо она встретила неприятеля в числе около 2 тыс. человек. Последний был отброшен с потерей 200 раненых, 50 пленных, двух орудий и двух зарядных ящиков. Затем в ближайшие дни генерал Гольц обошел Лангр, отбросил размещенных в окрестностях мобилей внутрь крепости и занял позицию перед ее северным фронтом для прикрытия железной дороги.

В местности к югу от Дижона снова были замечены скопления войск. Для того чтобы их рассеять, генерал Вердер двинулся 18 декабря с двумя баденскими бригадами по направлению на Ньюи. Восточнее этого города, в Бонкур, авангард встретил энергичное сопротивление, но в полдень овладел селением. При поддержке своих батарей, занявших позицию на высотах к западу от Ньюи, французы упорно оборонялись в глубокой выемке железной дороги и за ручьем Мезин. Около 2 часов по прибытии главных сил бригады генерал Глюмер приказал произвести общую атаку. С весьма большими потерями, особенно в старших офицерах, пехота наступала перебежками по открытой равнине против неприятеля, расположенного за закрытиями. Последний продолжал отстреливаться до самых ближних дистанций

и только около 4 часов пополудни в рукопашной схватке был оттеснен в Ньюи. К 5 часам он очистил также и этот город перед атакующими батальонами.

Немцы имели дело с дивизией Кремера в 10 тыс. человек, которая потеряла 1 700 человек, в том числе 650 нераненых пленных. Но и баденская дивизия понесла убыль в 900 человек.

На ночь она расположилась на рыночной площади города и в ближайших селениях к востоку от него. На следующее утро обнаружилось дальнейшее отступление французов, но для преследования у немцев нехватало сил. Для блокады Бельфора 14-й корпус должен был отдать еще семь батальонов. Вследствие этого генерал Вердер вернулся в Дижон, стянув туда все оставшиеся еще в его распоряжении отряды, в том числе и отряд Гольца от Лангра. В таком положении он выжидал нового наступления противника, но декабрь прошел без дальнейшего беспокойства.

1-я армия в декабре

Во время боев 2-й армии, на Луаре генерал Мантейфель, одержав победу под Амьеном, выступил к Руану.

Правда, генерал Фар, стоявший у Арраса, находился в тылу этого движения, но расстройство, в котором его войска отступили после сражения, давало право ожидать, что, по крайней мере, в первое время они не смогут действовать. Кроме того, в Амьене оставались 3-я бригада, два кавалерийских полка и три батареи в качестве гарнизона и для обеспечения важной железной дороги на Лаон.

В этот момент более серьезную угрозу для блокады Парижа представляли французские силы, находившиеся на западе, а не на севере. Генерал Бриан, имея более 20 тыс. человек, стоял у Руана, выдвинув свои передовые части до р. Эпт, где они перед Бовэ и Жизор вошли в соприкосновение с высланными от маасской армии гвардейским драгунским полком и саксонской кавалерийской дивизией. Пехотный отряд, приданный последней, подвергся внезапному ночному нападению, причем потерял 150 человек и одно орудие.

Когда 3 декабря корпуса 1-й германской армии прибыли к р. Эпт, названная кавалерия приняла участие в дальнейшем походе, и французские отряды отошли за р. Андель. С незначительными боями 8-й корпус подошел к Руану, найдя укрепленную позицию у Исновиля очищенной; 5 декабря генерал Гебен вступил в столицу Нормандии. 29-я бригада продвинулась до Понт-Одмер; 1-й корпус перешел Сену уже выше, у Лез-Андли и у Пон-де-Ларш. Вернон и Эвре были заняты, откуда многочисленные мобили отошли по железной дороге в Лизье. На северном берегу гвардейские драгуны производили поиски до Больбэка, и уланская бригада не нашла в Диепе никакого неприятеля.

Французы отступили в Гавр; значительная часть их на заранее приготовленных судах переправилась в Онфлер на другой берег Сены. Германская 16-я дивизия продолжала свой марш к Гавру, достигнув 11 декабря Больбэк и Лильбон.

Вышеупомянутые директивы из Версаля были сообщены начальником генерального штаба в виде предварительных соображений, и соответственно им генерал Мантейфель решил оставить на нижней Сене только 1-й корпус, а с 8-м корпусом опять приблизиться к Сомме, где из Арраса французы стали проявлять деятельность.

Кроме мелких стычек это обнаружилось 9 декабря, когда рота, назначенная для охраны железнодорожных работ, подверглась в Ам нечаянному ночному нападению, причем большей частью была взята в плен, и 11 декабря, когда несколько неприятельских батальонов подошли к Ля-Фер.

Для обороны от дальнейшего наступления маасская армия пока выслала отряды к Суассону и Компьеню. Генерал Гребен с частью амьенского гарнизона занял позицию у Руа и 16 декабря присоединился у Мондидье к 15-й дивизии, которая тотчас же выступила к Сомме. В Амьене германские войска остались лишь в цитадели; генерал Мантейфель, не согласившись с очищением города, приказал его занять вновь. Впрочем, население сохраняло спокойствие, и 16 декабря прибыла через Диеп 16-я дивизия, отказавшаяся от нападения на Гавр.

Усиленная рекогносцировка у Керье выяснила, что неприятель в больших силах стоит на р. Алю, и генерал Мантейфель сосредоточил весь 8-й корпус к Амьену. Вскоре ожидалось подкрепления, так как подходила 3-я резервная дивизия, уже достигшая Сен-Кантена. Было также указано 1-му корпусу послать еще одну бригаду по железной дороге из Руана в Амьен, но Мантейфель решил немедленно атаковать неприятеля с наличными 22 600 человек.

Генерал Федерб сосредоточил два корпуса — 22-й и 23-й. Его наступление против Ам и Ля-Фер имело целью отвлечь пруссаков от нападения на Гавр, что и было достигнуто. Затем он обратился против Амьена, приблизившись к крепости на 2 мили; теперь он стоял с 43 тыс. человек при 82 орудиях, фронтом на запад за Алю. Две дивизии занимали позицию на левом берегу ручья, от его устья у Бюсси-ле-Даур до Контэ, на протяжении 1,5 миль; две другие дивизии стояли позади у Корби и Франвилера. Левый фланг прикрывался Соммой.

Генерал Мантейфель с 8-м корпусом двинулся 23 декабря по дороге на Альбер. 3-я бригада 1-го корпуса составляла резерв. По замыслу 15-я дивизия должна была сковать фронт и левое крыло противника, а 16-я дивизия — охватить его правый фланг. При неожиданной длине позиции это не удалось, и по всей линии произошел фронтальный бой. Сильно командующий восточный берег давал французам отличные места для расположения батарей, и повсюду немцам приходилось сначала атаковать деревни, расположенные у подошвы.

Туда французы оттянули свое охранение, когда в 11 часов головные части 15-й германской дивизии достигли роши у Керье, выдвинув на позицию одну батарею. В полдень два батальона 29-й бригады взяли селение с первого натиска, перешли ручей и на противоположном берегу вытеснили французов из Нуайель, но со всех сторон были осыпаны снарядами и пулями. Хотя около 4 часов пополудни немцы и произвели атаку вверх по скату, взяв два стрелявших орудия, но все-таки под напором неприятельских масс им пришлось опять отойти к деревне.

Вскоре после полудня были также взяты слева Фрешанкур, справа Бюсси и неприятель после слабого сопротивления отброшен за ручей. Напротив, германская артиллерия не могла тут одолеть многочисленную и хорошо расположенную французскую артиллерию. Несмотря на это, было взято также селение Вакмон, но защитники его упорно оборонялись, и горячий бой в домах продолжался до вечера.

Вопреки намерению генерала Мантейфеля 15-я дивизия ввязалась в бой раньше, чем двигавшаяся далее влево 16-я дивизия могла подать ей помощь. Только в 4 часа пополудни подошла к Беанкур 31-я бригада и, перейдя ручей по мосткам, отбросила неприятеля в деревню, где он оказал упорное сопротивление, но, в конце концов, должен был отступить. На крайнем левом фланге 32-я бригада через Алю вторглась в Бавлинкур. Таким образом, все деревни по ручью перешли уже в руки немцев, но короткий декабрьский день кончался, и дальнейшее наступление пришлось отложить на следующее утро. Еще в темноте французы сделали несколько попыток вернуть потерянные передовые позиции, особенно со стороны Контэ, где они охватывали расположение немцев. Однако, как там, так и у Нуайель их атаки были отражены. В Вакмон французы хотя и ворвались, но опять были вытеснены, отдав преследовавшим через ручей пруссакам еще деревню Даур, так что немцы, в конце концов, овладели всеми переправами.

Бой окончился в 6 часов. Германские войска расположились на тесных квартирах во взятых деревнях, их сторожевое охранение стояло перед самыми выходами.

Атака обошлась немцам в 900 убитых и раненых. Французы потеряли при обороне около 1 тыс. человек, кроме того, около 1 тыс. нераненых пленных, отведенных в Амьен.

Уже с рассветом 24 декабря неприятель возобновил свой огонь против рубежа Алю.

Немцы, обнаружив двойное превосходство французов, держались в этот день оборонительно, выжидали прибытия подкреплений и укреплялись на взятой позиции. Резерв армии был выдвинут по направлению на Корби, чтобы угрожать левому флангу французов.

Однако, уже в 2 часа пополудни генерал Федерб начал отступление. Его плохо снаряженные войска чрезвычайно пострадали от сильного мороза ночью и были потрясены неудачным ходом боя накануне. Ввиду этого он отвел их опять под защиту крепостей. Когда 25 декабря обе прусские дивизии и кавалерия, следуя через Альбер, подошли к самому Аррасу и Камбре, они нигде не встретили сомкнутых частей, забрав только несколько сот отсталых.

Избавившись таким способом от своего противника, генерал Мантейфель направил генерала Мируса для обложения Перонна, а сам вернулся в Руан.

Выслав, как сказано выше, шесть батальонов на поддержку в Амьен, 1-й корпус остался лишь в составе двух бригад. Со стороны французов стояли 10 тыс. человек на правом и 12 тыс. человек на левом берегу нижней Сены. Эти силы подвинулись ближе к Руану, особенно на юге, на расстояние всего 2 миль.

Но так как командующий армией вернул 2-ю бригаду из Амьена, то после ее прибытия к Руану неприятельские отряды были снова оттеснены.

Взятие Мезьера 1 января

Еще до исхода года на северном театре войны осада Мезьера приблизилась к концу.

После сражения при Седане комендант Мезьера помогал из крепостных запасов продовольствию многочисленных французских пленников и потому сначала был избавлен от германских атак. С тех пор крепость препятствовала эксплуатации железной дороги, но пока только наблюдалась немцами до подхода к ней 19 декабря 14-й дивизии, освободившейся после падения Монмеди.

Гарнизон Мезьера состоял из 2 тыс. человек, но энергично поддерживался извне добровольческими отрядами, которые на впереди лежащей, пересеченной и лесистой местности проявляли необычайную деятельность.

Только 25 декабря удалось установить блокаду.

Мезьер расположен на горном выступе, омываемом с трех сторон Маасом, и окружен командующими высотами.

Устройство укреплений, усиленных Вобаном, со многими выдвинутыми верками не было рассчитано на дальность стрельбы современной артиллерии. С дистанции в 2–3 тыс. м от крепости были видны открыто стоящие каменные стены, и хотя долгий срок был использован для устранения этого недостатка посредством присыпки земли, все-таки бомбардировка должна была сделаться губительной для обороняющегося.

После сдачи Вердена можно было подвезти тяжелые орудия из Клермона по железной дороге вплотную к южному фронту крепости.

Постройка батарей встретила затруднения только в промерзшей на полметра земле, и в 8¹⁵ утра 31 декабря 68 осадных и 8 полевых орудий открыли огонь.

Сначала крепость отвечала энергично, но после полудня уже совершенно замолкла и на следующий день подняла белый флаг.

Гарнизон был отправлен в плен; значительные запасы и 132 орудия достались осаждающим. Но главной выгодой было открытие новой железнодорожной линии, ведущей до Парижа.

Париж в декабре

В Париже генерал Дюкро усердно старался пополнить потери, понесенные в сражении при Вилье. Правда, часть сильно пострадавшего 1-го корпуса пришлось отвести в резерв, а 2-ю армию организовать заново.

Проектированный прорыв через полуостров Жанвильер и высоты у Франконвиля не заслужил одобрения правительства. Утешали себя надеждами на скорое прибытие к Парижу орлеанской армии; предполагалось уже 6 декабря войти с ней в связь, когда письмо генерала Мольтке сообщило о поражении генерала Ореля и о взятии Орлеана. Итак, наступление на юг не имело уже смысла, и после долгих совещаний было решено посредством массовой вылазки в северном направлении прорвать блокадную линию.

Хотя там ручей Морэ и доставлял немцам некоторое прикрытие, но лишь до тех пор, пока по льду нельзя было переходить. Кроме того, на участке в 45 км находились всего три германских корпуса силою в 81 200 человек.

В качестве подготовки 13 декабря было выстроено несколько земляных укреплений между Бонди и Ля-Курнев, артиллерийское вооружение северных фортов было усилено и Монт-Аврон занят батареями. Войска получили по 90 патронов на человека и запас продовольствия на 6 дней, для лошадей фураж на 4 дня. Брать ранцы было запрещено, лагерные одеяла рекомендовалось надеть в виде нагрудника. Вылазка была назначена на 19-е, потом на 21 декабря.

Таким образом, более половины декабря неприятель почти не тревожил блокадную армию. При регулярном продовольствии, теплой зимней одежде и обильных посылках, доставляемых деятельным почтовым управлением, санитарное состояние войск стало вполне удовлетворительным.

Приготовления парижского гарнизона к новым предприятиям не ускользнули от внимания осаждающих.

Перебежчики также принесли известие о близкой вылазке. Наблюдательные посты донесли 20 декабря, что крупные войсковые части собираются у Мерлана и Нуази-ле-Сек. Утром 21 декабря по приказу командования маасской армии 2-я гвардейская пехотная дивизия стояла уже наготове у переходов через ручей Морэ. Часть 1-й дивизии находилась в резерве у Гонес, остаток ее мог быть сменен 7-й дивизией

и также поступить в распоряжение командования. На правом крыле гвардейская ландверная дивизия заняла участок Шату-Карьер — Сен-Дени; на левом крыле одна бригада саксонского корпуса стала в Севран. Для поддержки в случае надобности вюртембержцев, против которых французы еще прочно держались в Жуанвиле, от 2-го корпуса была выдвинута к Мальну 4-я пехотная дивизия.

С целью отвлечь внимание немцев от настоящего пункта атаки предписывалось: форту Валерьен с раннего утра открыть частый огонь; крупным отрядам наступать против правого крыла гвардейского корпуса; генералу Винуа вести 3-ю армию против саксонцев; адмиралу Ронсьеру с его армейским корпусом атаковать Ле-Бурже. Последнюю столь выдвинутую позицию требовалось взять прежде всего; только после этого генерал Дюкро со 2-й парижской армией предполагал перейти ручей Морэ у Блан-Мениль и Ольнэ.

Ле-Бурже было занято только четырьмя ротами полка королевы Елизаветы и одной ротой гвардейского стрелкового батальона. В 7⁴⁵ 21 декабря, когда утренний туман рассеялся, гарнизон был осыпан снарядами с фортов и многочисленных батарей, а также из бронированных железнодорожных вагонов. Полчаса спустя сомкнутые неприятельские колонны подошли с востока и запада. По первому направлению удалось продолжительное время оборонять окраину деревни от семи французских батальонов; с противоположной стороны пять батальонов противника были остановлены сильным огнем с кладбища; но часть морских фузилеров беспрепятственно проникла в деревню через северный вход. Теснимые со всех сторон превосходными силами, защитники должны были отойти в южную часть деревни. Туда пытался пробиться и гарнизон кладбища, но при этом частью был взят в плен. Между тем, французы лишь с трудом подвигались вперед, ведя кровопролитный бой за отдельные дома; им также не удалось овладеть постройками стекольного завода. Новые пять батальонов французского резерва перешли в наступление от Сен-Дени на газовый завод, разрушили орудийным огнем каменную стену сада, но все-таки не смогли и там сломить сопротивление немцев.

На подкрепление последним подошли в 9 часов одна рота, в 10 часов семь рот, которые в жестоком рукопашном бою пробились до кладбища и стекольного завода. В 11³⁰ были изгнаны последние отряды противника, и в ожидании новых атак Ле-Бурже осталось занятым

пятнадцатью германскими ротами. Две батареи полевой артиллерии, действовавшие на ручье Морэ, продвинулись к деревне.

Тем временем генерал Дюкро тщетно ожидал сигнала о взятии Ле-Бурже. Продвинувшись с головными частями своей армии через Бонди и Дранси, он получил указание, ввиду неблагоприятного хода боя на его левом крыле, прекратить наступление к линии ручья Морэ.

Проектированное крупное предприятие превратилось теперь в простую канонаду, на которую германская полевая артиллерия, по возможности, отвечала. После полудня французы очистили поле сражения.

Их потери, по собственному показанию, составляли более 600 человек. Гвардейские войска потеряли 400 человек, но взяли 360 пленных. Вечером сторожевое охранение заняло прежние места.

Различные демонстрации парижского гарнизона также остались без влияния и не вызвали никакой перемены в распоряжениях, сделанных с германской стороны. Наступление французов от Сен-Дени по направлению на Стен было отбито, и две канонерки на Сене должны были повернуть назад под огнем четырех полевых батарей с высоты Оржемон. Небольшая вылазка против Шату осталась почти незамеченной. Хотя на правом берегу Марны генерал Винуа и перешел в наступление с большими силами, но только около полудня, когда бой за Ле-Бурже уже прекратился. Саксонские передовые посты отошли на боевую позицию у Ле-Шенэ. Один из собранных там батальонов вечером прогнал противника из Мэзон-Бланш, другой атаковал Виль-Эврар, где бой продолжался до полуночи; последний батальон потерял 70 человек, но вернулся с 600 пленными. Под сильным артиллерийским огнем с противоположного высокого берега реки неприятель на следующее утро очистил также и Виль-Эврар.

Блокада Парижа продолжалась уже 3 месяца. Одно лишь бомбардирование, средство всегда непопулярное, не могло дать решительных результатов против такой обширной крепости; с германской стороны хорошо понимали, что только правильная осада может привести к цели. Но инженерную атаку приходилось отложить, пока артиллерия будет в состоянии ее поддержать.

Было уже сказано, как осадная артиллерия сначала была использована против крепостей в тылу армии, прерывавших сообщения. Хотя в Виллакублэ и стояли наготове 235 тяжелых орудий, но пока не

удалось подвезти нужное для атаки количество снарядов, а между тем атака, раз начатая, ни в каком случае не могла быть прервана.

Правда, в конце ноября железнодорожное сообщение было уже восстановлено до Шель, но большая часть боевых припасов тем временем выгружена у Ланьи и оттуда должна была подвозиться по проселочной дороге. Общепринятые в этой местности двуколки оказались совершенно непригодными для перевозки снарядов, а реквизиция в широком районе доставила только 2 тыс. четырехколесных повозок. Вследствие этого в Меце было снаряжено еще 960 повозок, запряженных лошадьми, присланными из Германии, и даже использованы запряжки 3-й армии, хотя они одновременно были почти необходимы для пополнения состава армии, сражавшейся на Луаре. В конце концов, для транспортной службы были привлечены все упряжные лошади понтонных, мостовых и инженерных парков.

Создалось новое затруднение, когда ледоход вынудил развести понтонные мосты через Сену.

Для проезда по дурным проселочным дорогам от Нантейля до Виллакублэ и обратно требовалось для повозок 9 дней. Многие повозки сломались от своего груза, и зачастую извозчики убегали. Кроме того, по мысли начальника генерального штаба, на артиллерию была возложена еще новая задача.

Если гарнизону Парижа до сих пор не удалось проложить себе дорогу в поле оружием, то теперь он прибег к лопате, чтобы посредством контрапрош мало-помалу оттеснить и, в конце концов, прорвать блокадное кольцо. На юге укрепления простирались уже через Вильжюиф и Витри до Сены; на севере, между Дранси и Восточным фортом, возникла обширная система траншей и батарей, подходившая на 1 тыс. м к Ле-Бурже, которому как бы принадлежала честь правильной инженерной осады. Правда, сильный мороз вскоре помешал продолжению этих работ, но укрепления были вооружены артиллерией, и 2-я армия продолжала их занимать. Отличным опорным пунктом для наступления французов, как в восточном, так и в северном направлениях являлся сильно командующий Монт-Аврон, вооруженный 70 тяжелыми орудиями, который вдвигался в долине Марны наподобие клина между северным и южным участками блокадной линии.

Для изгнания неприятеля с этой позиции были выставлены 50 тяжелых орудий, привезенных из Германии, и 26 орудий, освободив-

шихся под Ля-Фер, под командой полковника Бартша. С использованием целых рабочих батальонов в морозную погоду были выстроены две группы батарей: одна — на западном склоне высот за Рэнси и Ганьи, другая — у левого края долины Марни близ Нуази-ле-Гран, следовательно, в расстоянии только 2–3 тыс. м от Монт-Аврон, охватывая его с двух сторон.

В 8³⁰ утра 27 декабря 76 орудий открыли огонь. Сильная вьюга препятствовала точной пристрелке и наблюдению за действием снарядов. Монт-Аврон, а также форты Ножан и Росни отвечали быстро и энергично.

Германские батареи потеряли 2 офицеров и 25 солдат, несколько лафетов испортилось от собственной стрельбы, и, по общему мнению, в этот день не удалось достигнуть особого успеха.

Однако, батареи стреляли лучше, чем сами предполагали. Ясная погода 28-го облегчила точную пристрелку, прусские снаряды, видимо, попадали в цель и производили также среди многочисленного, совершенно беззащитного пехотного гарнизона сильное опустошение. Монт-Аврон умолк, и только форты продолжали слабый огонь. Генерал Трошю, явившийся лично, приказал очистить Монт-Аврон. Последнее было выполнено ночью энергичным начальником полковником Стоффелем с таким искусством, что было оставлено лишь одно испорченное орудие.

Огонь французов прекратился 29 декабря, гора была оставлена, но немцы не предполагали занимать ее надолго. Батареи направляли свой огонь только против фортов, которые сильно страдали, и против земляных укреплений в окрестностях Бонди.

К концу года удалось собрать в Виллакублэ самые нужные боевые припасы. Инженерная атака была поручена генералу Камеке, артиллерийская — генералу Гогенлоэ. Постройка батарей уже давно была окончена, и с наступлением нового года 100 орудий самого крупного калибра стояли в полной готовности к действию против южного фронта Парижа.

Восточная армия генерала Бурбаки

В то время как французские вооруженные силы на севере (на Сене и Сомме) и на юге (на Луаре и Саоне) участвовали в постоянных боях, армия генерала Бурбаки нигде себя не обнаруживала. С тех пор как 6-я кавалерийская дивизия 8 декабря установила присутствие этой армии у Вьерзон, далее след ее был потерян. Для германского верховного командования было чрезвычайно важно знать, где находится это крупное войсковое соединение. Такое сведение могла доставить только 2-я армия, и потому 22 декабря ей было приказано выяснить вопрос посредством разведок.

С этой целью на правом берегу Луары генерал Ранцау двинулся от Монтаржи к Бриару, нашел тамошнюю позицию оставленной французами 25 декабря, но в ближайшие дни ввязался в неудачные бои.

Гессенский отряд усилился на три батальона, четыре эскадрона и шесть орудий, но все-таки 1 января был оттеснен к Жиену. Неприятель обнаружил несколько тысяч мобилей, двенадцать орудий, а также морскую пехоту. Было важно, что часть взятых пленными принадлежала к 18-му корпусу, входившему в состав 1-й луарской армии.

Полк 6-й кавалерийской дивизии, посланный также для рекогносцировки в Солонь, возвратился с известием, что большие неприятельские колонны наступают на Обиньи-Биль. Напротив, взятые в плен обозные показали, что из Буржа войска уже вывезены по железной дороге; подобные сведения находились и в газетных статьях. Но при наличии вышеприведенных донесений слухам нельзя было придавать серьезного значения; в Версале должны были прийти к заключению, что 1-я луарская армия еще находится близ Буржа и что по восстановлении ее боеспособности генерал Бурбаки будет действовать в согласии с генералом Шанзи.

Обе армии могли атаковать немцев у Орлеана с двух сторон или же одна армия могла их там занять и задержать, тогда как другая армия двинулась бы для выручки столицы.

Действительно, таково и было намерение генерала Шанзи. Последний с 21 декабря стоял на отдыхе по квартирам в Ле-Мане и окрестностях, куда железные дороги облегчали подвоз подкреплений по четырем направлениям. Правда, войскам приходилось бороться с серьезными затруднениями. При недостатке помещений для таких

масс часть их должна была бивакировать в палатках на снегу, сильно страдая от холода. Госпитали были переполнены ранеными и больными оспой. С другой стороны, такое сосредоточенное расположение благоприятствовало поддержанию порядка в частях и восстановлению их боеспособности. При этом известия из Парижа побуждали к возобновлению действий. Генерал Трошю сообщил, что Париж не в состоянии освободиться собственными силами. Даже в случае удачи прорыва нельзя будет вывезти с собой средства, необходимые для продовольствия армии; только одновременное появление армии извне могло бы помочь в этом отношении. Со своей стороны генерал Шанзи был вполне готов идти на Париж, но для этого ему требовалось точно знать, что предпримут генералы Бурбаки и Федерб.

Разумеется, для объединенного действия трех армий было необходимо руководство свыше. Ввиду этого Шанзи отправил 23 декабря офицера своего штаба в Лион с поручением передать Гамбетте, что только совместное и скорое наступление может предотвратить падение столицы. Однако министр полагал, что он знает лучшее средство. До генерала Шанзи 29 декабря дошло первое известие о совсем другом использовании армии Бурбаки, которое уже приводилось в исполнение. Впрочем, ответ не заключал в себе ни точных приказов, ни достаточных сведений. «Вы уничтожили мекленбуржцев, баварцы более не существуют, остальная армия охвачена беспокойством и усталостью. Будем тверды — и мы прогоним эти орды с нашей земли с пустыми руками». Правительственная делегация осуществляет такой план, который «наиболее деморализует германскую армию».

При столь неясных выражениях верховного командования генерал Шанзи, доверяя собственным силам, решил предпринять поход на Париж без посторонней помощи, но вскоре он сам подвергся серьезнейшему нападению.

Немцы не должны были терять времени, в случае если желали воспользоваться выгодами своего положения между двумя неприятельскими армиями, пока еще не сблизившимися. Одновременные атаки 31 декабря у Вандома на р. Луар и у Бриара на р. Луаре, повидимому, указывали, что обе армии уже действуют сообща.

Ввиду этого Фридрих-Карл 1 января получил приказ по телеграфу немедленно двинуться через р. Луар против генерала Шанзи как ближайшего и самого опасного противника.

Для этой цели 2-я германская армия была усилена 13-м корпусом герцога Мекленбургского (17-я и 22-я дивизии), а также 2-й и 4-й кавалерийскими дивизиями. Кроме того, 5-я кавалерийская дивизия должна была при наступлении обеспечивать правый фланг.

Против генерала Бурбаки должна была остаться в Орлеане только 25-я (гессенская) дивизия, наблюдая и дальше у Жиен. Однако, для того чтобы отразить в случае нужды наступление 2-й луарской армии, генерал Цастров с 7-м корпусом был вызван в Армансон и, кроме того, из блокадной линии 2-й корпус направлен в Монтаржи.

Фридрих-Карл намеревался три своих корпуса сосредоточить до 6 января на линии Вандом — Морэ, а 13-й корпус выслать от Шартра по направлению на Бру.

Поход 2-й армии к Ле-Ману

Немцы могли надеяться застать неприятеля на зимних квартирах, но генерал Шанзи обеспечил себя от внезапностей сильными передовыми отрядами. Слева дивизия генерала Руссо и многочисленные добровольческие части занимали Ножан-ле-Ротру; далее стояли отряды на линии через Вибрэй и Сен-Кале до ручья Брэй, где остановился генерал Жуфруа после своей неудачной атаки на Вандом 31 декабря; справа находились генерал Барри у Ля-Шартр и дивизия Куртена у Шато-Рено.

Оба крыла наступавшей германской армии натолкнулись на эти передовые отряды уже 5 января.

Слева генерал Баумгарт собрал у Сент-Аман три батальона, два кавалерийских полка и две батареи. По направлению на Шато-Рено 57-й полк захватил Вильпорш, затем очистил его перед четырьмя наступавшими французскими батальонами и, наконец, взял его опять и утвердился в нем. При этом выяснилось, что значительные неприятельские силы стоят на левом фланге наступающей на запад германской армии. Следуя в ее составе, генерал Баумгарт должен был принять на себя обеспечение слева, для чего был усилен 6-й кавалерийской дивизией и 1-й кавалерийской бригадой.

На правом крыле наступавшая на Ножан-Ле-Ротру 44-я бригада также выдержала упорный бой. Она взяла штурмом позицию противника у Ля-Фурш, захватив, кроме многочисленных пленных, три орудия. Главные силы корпуса достигли Бомон и Бру, но кавалерия не могла проникнуть в лес к северу от Ножана.

Утром 6 января авангард отряда генерала Баумгарта выступил к Пришей, но главные силы его не могли последовать за авангардом, так как в 9³⁰ были энергично атакованы. Для наблюдения за противником пехота стояла на широком протяжении от Амблуа до Вильпорш небольшими частями, имея лишь один слабый резерв у Ля-Ну.

Вскоре бой принял значительные размеры, и только с трудом немцы удерживались на линии Ле-Э-Пиа, серьезно угрожаемые охватом их левого крыла; правда, туда подошла 6-я кавалерийская дивизия, но она вступила в бой лишь своей конной батареей. Напротив, резерв продвинулся по большой дороге к Шато-Рено и отбросил вторгшихся уже в Ле-Э французов. Но затем, когда последние снова

перешли в наступление, развернув против деревни четыре батареи, немцам пришлось отойти за р. Брен.

Тем временем 16-й полк, двигавшийся к Вандому и прибывший уже в Амблуа, вернулся для поддержки к Сент-Аман. Собравшаяся теперь 38-я пехотная бригада развернулась между Нев-Сент-Аман и Сент-Аман, имея многочисленную кавалерию на крыльях. Но так как город был по недоразумению очищен, то начальник 6-й кавалерийской дивизии приказал отступить дальше. Однако, пехота остановилась уже у Хюиосо, расположившись на квартирах. Авангард вернулся к Амблуа, кавалерия отошла туда же и к Вильромен.

Во время боев у Сент-Аман 10-й корпус наступал двумя колоннами на левом берегу р. Луар по направлению на Монтуар, оставив справа один батальон впереди Вандома для обеспечения прохода 3-го корпуса через этот город.

В 1 час пополудни, когда 20-я дивизия подошла к Сен-Римэ, она нашла высоты на другом берегу Луар занятыми войсками генерала Бари. Все батареи ее выехали на эту сторону долины и вскоре прогнали противника с широкой низины, но с фронта теснина у Ле-Рош была совершенно неприступна. Поэтому саперы восстановили ниже по реке разрушенный мост у Лавардина. Тем временем туда прибыла также 19-я дивизия, несколько батальонов двинулись с юга на Ле-Рош и без труда вытеснили противника. Так как сумерки мешали дальнейшему наступлению, то корпус стал на квартирах в Монтуар и окрестностях.

Командир 3-го корпуса предполагал в этот день остановиться впереди Вандома, выдвинув только авангарды к ручью Азей, но они вскоре натолкнулись на такое сопротивление, что на поддержку им должны были двинуться главные силы. Для выручки генерала Куртена генерал Жюфруа предпринял новое наступление на Вандом. Вследствие этого авангард 5-й германской дивизии в 1³⁰ у Вилье застал 10-й егерский батальон, сопровождавший марш своего корпуса, на правом берегу Луар, в горячем бою, продолжавшемся уже 4 часа. Авангард выдвинул свои две батареи на плато севернее деревни, и 48-й полк продвинулся до нижнего течения ручья Азэ, широкая луговая низина которого находилась под огнем дальнобойных французских ружей и, кроме того, продольно обстреливалась артиллерией. Тут противник сам перешел в наступление густыми стрелковыми цепями.

Сначала был притянут на поддержку 8-й полк, овладевший на левом крыле, после короткого боя, деревней Ле-Гэ-дю-Луар, затем подошло подкрепление от 10-й пехотной бригады, и постепенно число прусских, орудий возросло до 36. Французская артиллерия не могла выдержать их огонь, и через полчаса его можно было перенести на пехоту. В 4³⁰ пополудни германские батальоны перешли долину, овладели виноградниками и фермами на противоположной высоте и, наконец, взяли штурмом Мазанж. Под покровом темноты французы отошли к Люней.

Далее вправо авангард 6-й германской дивизии при выходе из Вандома в 11 часов нашел батальон, оставленный 10-м корпусом у Куртира, в ожесточенном бою с сильно превосходящими неприятельскими силами. С немалыми потерями 11-я бригада наступала дальше к рубежу Азей, а когда в 3³⁰ подошла еще 12-я бригада, а также артиллерия оказала свое действие, немцам удалось взять штурмом Азей и утвердиться на противоположных высотах. Повторные контратаки французов были с успехом отражены, и около 5 часов вечера бой окончился отступлением французов.

Германский 3-й корпус расположился на квартирах между ручьем Азей и р. Луар. Вверх по реке отдельный отряд занимал Данзе. Корпус потерял 39 офицеров и 400 солдат, но взял у противника 400 пленных.

Не встречая сопротивления, 9-й корпус в этот день перешел верхний Луар у Фретваля и Сент-Илер и продвинулся по большой дороге на Сен-Кале. 13-й корпус оставался на месте у Унвер, Бомон и Ля-Фурш.

Наступление французов на Сент-Аман и упорное сопротивление их у Азей не отклонили Фридриха-Карла от его замысла. Он приказал на 7 января: 13-му корпусу дойти до Монмираля, 9-му корпусу до Эпьюзей, 3-му корпусу продолжать наступление против рубежа Брэй. Однако, после неудачного исхода боя у Сент-Аман все-таки нельзя было оставлять без внимания присутствие сильного неприятельского отряда на левом фланге. В штабе армии в Вандоме герцог Вильгельм получил словесный приказ — с 6-й кавалерийской дивизией безотлагательно вернуться в Сент-Аман. Кроме того, генералу Фохтс-Рецу было приказано поддержать генерала Баумгарта в случае надобности даже всем корпусом.

Страна между рр. Луар и Сарт, которую немцам предстояло пересечь, представляет для вторжения неприятеля крупнейшие затруднения, а обороне дает решительные преимущества.

Многочисленные реки с широкими и глубокими луговыми долинами пересекают перпендикулярно все дороги, ведущие в Ле-Ман. Рощи, деревни, замки с парками и каменными стенами покрывают тщательно обработанную холмистую местность; виноградники и фруктовые сады окружены изгородями, рвами и валами.

При таких условиях вся тяжесть предстоящих боев должна была лечь на одну пехоту; нигде не было места для развертывания кавалерии, действие же артиллерии, которая в чрезвычайно пересеченной местности могла выступать лишь отдельными орудиями, было стеснено до крайнего предела. К неприятельской центральной позиции можно было приблизиться только по четырем главным путям, а связь между колоннами, которым вначале приходилось двигаться на фронте в 6 миль, могла поддерживаться лишь по немногим поперечным дорогам, почти непроходимым в суровое время года, и при враждебном отношении жителей. Взаимная поддержка колонн сначала совершенно исключалась.

В подобной обстановке операциями можно было руководить только посредством директив, предоставляя частным начальникам свободу действий по собственной инициативе. Специальные приказы на каждый день, которые, конечно, отдавались, во многих случаях не могли исполняться. В штабе армии нельзя было предусмотреть, как сложатся обстоятельства в отдельных корпусах под влиянием происшедших за день боев. Донесения о них получались по большей части поздно ночью, а составленные еще раньше распоряжения зачастую приходили уже тогда, когда при краткости зимних дней войска уже начали свои движения.

Согласно указанию штаба армии генерал Фохтс-Рец послал 7 января прибывшие уже в Вандом части 19-й дивизии обратно в Сент-Аман на поддержку.

Уже утром туда прибыла опять 38-я бригада, и генерал Гартман, принявший начальство, перешел с ней в наступление по большой дороге на Шато-Рено.

Только в полдень у Вильпорше колонна натолкнулась на неприятеля. Густой туман препятствовал действию артиллерии, и лишь со

значительными потерями удалось взять названное селение, а также Пиа и различные другие фермы. Но Вильпорше и соседние деревни оказались заняты французами, которые около 2 часов в числе некоторых батальонов сами перешли в наступление по шоссе. Между тем, погода прояснилась, и вскоре обнаружилось, что это наступление служило лишь прикрытием начавшегося отступления противника в западном направлении.

Войска заняли квартиры там, где стояли, а посланные к ним подкрепления остановились в Сент-Аман.

Ожидая возвращения последних, сам 10-й корпус оставался на своих квартирах близ Ля-Шартр, только 14-я кавалерийская бригада продвинулась к Ля-Ришардьер для установления связи с 3-м корпусом, но ей не удалось взять это селение спешенной частью.

Генерал Альвенслебен надеялся настигнуть неприятеля, еще не доходя рубежа Брэй, и, охватив его левое крыло, оттеснить на 10-й корпус, обещавший содействие. Оставив одну бригаду у Мазанж, 3-й корпус двинулся по направлению на Эпьюзей; когда же на марше было получено известие об очищении французами Люней и Фортан, эта бригада также пошла вслед за корпусом через названное селение.

Эпьюзей оказался крепко занятым французами; тем временем туда подошел также авангард наступавшего от Бюслу 9-го корпуса. Но только около 1³⁰ пополудни французы были вытеснены из забаррикадированного городка; по эту сторону Брэй они снова оказали упорное сопротивление в многочисленных деревнях и фермах. Против них в густом тумане начался продолжительный огневой бой, но, в конце концов, около 4 часов 12-я бригада продвинулась до края долины. Савиньи было занято 9-й бригадой без особого противодействия и Сарже взято штурмом в темноте.

Корпус потерял 45 человек и взял 200 пленных. Он расположился на квартирах за Брэй, выставив сторожевое охранение по ту сторону этого ручья.

9-й корпус разместился в Эпьюзей и окрестностях так что два корпуса попали на одну из немногих имевшихся дорог. Справа 2-я кавалерийская дивизия для связи с 13-м корпусом выдвинулась по направлению к Мондубло. Французы отступили к Сен-Кале.

Приказ командования армии о марше 13-го корпуса на Монмираль был отдан в предположении, что последний уже 6 декабря занял

Ножан-Ле-Ротру, тогда как в действительности, как сказано выше, он остался стоять у Ля-Фурш, Бомон и Унвер. Герцог, предполагая встретить сильное сопротивление, только 7 декабря начал наступление на Ножан. Когда 22-я дивизия прибыла туда, она нашла все селения в долине верхней Юин очищенными и в 2 часа пополудни без боя вступила в город. Там она заняла квартиры, 4-я кавалерийская дивизия стала у Тирон-Гардэ, и только один авангард последовал за французами. Он нашел лес у Ле-Жибэ сильно занятым, и лишь с наступлением сумерек удалось его взять. Французы отступили к Ля-Ферте-Бернар.

Сначала 17-я дивизия следовала за 22-й дивизией в качестве резерва. Но вследствие полученных донесений герцог уже в 1 час пополудни приказал ей свернуть на юг к Огону; кроме того, желая, по возможности, выполнить указания командующего армией, он выдвинул отряд из двух батальонов, двух кавалерийских полков и одной батареи, под командой генерала Рауха, к Монмиралю.

Утром 8 января, когда неприятель не повторил своего наступления на Сент-Аман, генерал Гартман уже в 9 часов отправил обратно присланные ему на поддержку войска. В 10 часов он получил приказ также присоединиться к 10-му корпусу, но французы все еще занимали Вильпорше и расположенный позади лес, находясь на дороге в Шато-Рено совсем близко, на выгодной позиции за рубежом Брена. Генерал сознавал необходимость и дальше тут удерживаться, для чего избрал наилучшее средство, а именно сам перешел в наступление. Шесть рот 60-го полка, поддержанные огнем батареи и сопровождаемые с обеих сторон кавалерией, перешли в наступление на Вильпорше, отбросили бежавших французов в лес Шато-Рено и взяли у них 100 пленных. Слева 9-й уланский полк гнал перед собой африканских конных егерей. Только в сумерках генерал Гартман двинулся по направлению на Монтуар.

Оттуда генерал Фохтс-Рец выступил уже рано утром. От ночного мороза дороги покрылись гололедицей, что крайне затруднило все движения войск. Дорога на правом берегу р. Луар во многих местах была испорчена. Она проходит через ряд теснин, и при выходе из них авангард встретил 1 тыс. мобилей, занявших позицию перед Ля-Шартр-сюр-ле-Дуа. Их митральезы были вынуждены к поспешному отступлению огнем двух германских орудий, но только после про-

должительного боя, около 4 часов пополудни удалось с трудом двигавшейся пехоте проникнуть в город, где она заняла квартиры. Два батальона, выдвинутые дальше, сначала должны были овладеть своими квартирами и в течение всей ночи перестреливались с близким противником, у которого, впрочем, было взято 230 пленных. Выступившая из Амблуа до полудня 39-я бригада могла последовать за корпусом только до Суже.

Для установления связи с 3-м корпусом генерал Шмидт с 14-й кавалерийской бригадой был послан вправо. Перед Вансе она была встречена частым огнем. Шедший в голове колонны эскадрон очистил место конной батарее, и картечь первого орудия прогнала засевших за изгородью спешенных французских кирасир. После того как удалось выдвинуть на позицию еще два орудия, их гранатный огонь рассеял по всем направлениям длинную кавалерийскую колонну противника.

Полковник Альвенслебен с 15-м уланским полком преследовал неприятельскую конницу, пока она не укрылась за ручьем Этансор, занятым пехотой. Бригада осталась в Вансе, выведя у французов из строя около 100 человек.

Из 3-го корпуса 6-я дивизия наступала через Сен-Кале. Противник пытался защищать рубежи на испорченной во многих местах дороге, но нигде не выжидал серьезной атаки, а отступал преимущественно на заранее подготовленных повозках. Наступавшая на одной линии слева 5-я дивизия не встретила никакого сопротивления, но состояние дорог повсюду чрезвычайно затрудняло марш. Корпус остановился, не доходя до Будуара. Позади него 9-й корпус вступил в Сен-Кале.

В 13-м корпусе герцог направил обе дивизии к Ля-Ферте-Бернар. Они встретили на пути лишь отсталых, но нашли дороги настолько поврежденными, что только около 4 часов пополудни достигли этого селения, где и расположились на квартирах. Французы отошли на Коннере. При дальнейшем наступлении 4-я кавалерийская дивизия должна была прикрывать правый фланг, но она не смогла продвигнуться до Белем. Напротив, отряд генерала Рауха, высланный влево по направлению на Монмираль, внезапно напал на неприятеля у Вибрэй и овладел мостом через Брэй.

Вечером этого дня (8 января) фланговые корпуса стояли на одинаковом расстоянии от Ле-Мана на единственной большой дороге,

пересекающей страну поперек от Ля-Ферте-Бернар, через Сен-Кале и Ля-Шартр. Далее впереди, на расстоянии одного большого перехода от них, находился 3-й корпус. Более тесное сосредоточение сил могло быть достигнуто лишь дальнейшим наступлением по сходящимся дорогам. Ввиду этого в 10 часов вечера Фридрих-Карл приказал на следующий день: 10-му корпусу наступать к Паринье-л'Эвек, 3-му корпусу — к Арденей, 13-му корпусу — на линию Монфор, авангардам — выдвинуться еще дальше. За центром должен был следовать 9-й корпус, а генералу Гартману с 38-й бригадой и 1-й кавалерийской дивизией предписывалось попережнему прикрывать Вандом.

Уже судя по расстояниям, крылья армии из Ля-Шартра и Ля-Ферте не могли достичь указанных целей марша. Кроме того, 9 января метель, гололедица и густой туман чрезвычайно затрудняли движение.

Генерал Гартман повел 39-ю пехотную бригаду на Шато-Рено и в 1 час пополудни вступил в этот город. Дивизия Куртена уже с утра отступала на Сен-Лоран.

Неполный 10-й корпус выступил в этот день двумя колоннами. Отряд генерала Война должен был от Пон-де-Брэй через Вансе идти к Гран-Люсе. Остальные силы корпуса были направлены туда же от Ля-Шартра через Брив.

На этом пути, когда 20-я дивизия вышла из Ломм, она была уже встречена гранатным и митральезным огнем. Тут в виде исключения имелось место для развертывания трех батарей; но при сильном снегопаде нельзя было различать целей. Тем временем пехота постепенно оттесняла французов из различных деревень и ферм за ручей Брив. Для преследования их на другом берегу нужно было сначала с затратой времени выстроить мостки из подручного материала, а затем взять Шаэнь.

Между тем, в узкой долине, которую предстояло перейти, можно было рассчитывать на серьезное сопротивление. Свойства дороги были таковы, что артиллерия и кавалерия должны были спешиться и вести лошадей в поводу. Командир корпуса ехал на передке, штаб шел пешком. Падавшие впереди лошади задерживали всю колонну. При таких условиях пришлось корпусную артиллерию отправить назад; на следующий день она должна была попытаться пройти через Вансе.

Для облегчения марша 20-й дивизии было приказано генералу Война свернуть со своего пути и наступать против левого фланга французов. Когда он приблизился к долине, бой там уже прекратился, и его отряд, вернулся к Вансе, но в 3³⁰ у Брив главная колонна корпуса снова встретила сопротивление. Она была встречена частым огнем с высоты, находившейся к северо-востоку от селения. Даже пехотинцы не могли двигаться вне дороги, и потому оставалось лишь фронтальное наступление по ней. Однако, решительная атака 39-й бригады заставила неприятеля отойти.

В 6³⁰ утра, еще в полной темноте, полковник Валентини с четырьмя батальонами продолжал марш до Сен-Пьер, где захватил у французов 100 пленных и обоз из 100 нагруженных повозок.

В 10-м корпусе только головные части ночевали в Брив и Вансе, позади же квартиры простирались почти до долины Луара. Также и 14-я бригада не могла продвинуться дальше.

Из 3-го корпуса 6-я дивизия с корпусной артиллерией двигалась по большой дороге через Булуар, 5-я дивизия — левее по боковым дорогам.

Авангард первой в горячем огневом бою вытеснил неприятеля из его позиции впереди Арденей, но в 2 часа пополудни натолкнулся у деревни на сильное сопротивление.

После отступления генерала Жуфруа из Сен-Кале на юг генерал Шанзи выдвинул для обеспечения большой дороги, ведущей оттуда в Ле-Ман, дивизию Пари. Последняя расположилась на позиции у Арденей, заняв справа замок и поставив слева у Ля-Бют четыре пушки и две митральезы. Против них на дороге нашлось место только для двух германских пушек, которые все-таки в течение получаса заставили митральезы замолчать и стойко продолжали неравный бой. В 4 часа пополудни пять рот 12-й бригады взяли штурмом замок Арденей, тогда как правее другие роты перешли луговую долину и продвинулись через роци к Ля-Бют. С наступлением темноты французы пытались произвести общую атаку вдоль шоссе, но она не удалась, и теперь бранденбуржцы под сильнейшим огнем с криками «ура» без выстрела бросились на Ля-Бют и Арденей. Противник с потерей многочисленных пленных был отброшен в долину Нарре.

Справа отряд из одного батальона, двух эскадронов и двух орудий сопровождал марш 6-й дивизии. Он гнал перед собой франкци-

реров, но встретил упорное сопротивление перед Ля-Бель-Инютиль. Позиция была все-таки взята 24-м полком, захватившим тут 100 неравленных пленных и большой обоз с боевыми и продовольственными припасами. Генерал Линар организовал оборону деревни.

5-я дивизия не встретила никакого сопротивления, но свойства дорог в высшей степени затруднили ее марш. Только после полудня она достигла своей головной частью ручья Наре и Гюэ-де-л'Аню и заняла квартиры оттуда назад до Сен-Мар-де-Локенэ. Что касается авангарда дивизии, то он продолжал движение до Ля-Бюзардьер, образовав как бы передовой отряд всей армии. На его левом фланге Паринье-л'Эвек оказалось занятым французами.

9-й корпус последовал за 3-м корпусом к Будуару.

Приказы из штаба армии еще не были получены в Ля-Ферте, когда в 9 часов утра герцог уже двинул 13-й корпус по шоссе на Конере. Вскоре после полудня 17-я дивизия у Осо столкнулась с неприятелем и в медленно развивавшемся бою вытеснила его из деревень, расположенных на дороге и близ нее. Французы, отступившие форсированным ночным маршем в Конере, все-таки потеряли в этих небольших боях более 500 пленных. Но короткий день был уже на исходе, и в сумерках авангард остановился в Дюно. Отряд, наступавший дальше, обнаружил, что Конере занято неприятелем, а в долине р. Дю были видны многочисленные бивачные костры. Главная масса пехоты расположилась на квартирах в Осо и вокруг него.

Вытребованный обратно к корпусу отряд Рауха занял Ле-Крозе, овладел впереди мостом через Дю и вытеснил неприятеля также из Тюринь.

Французы удерживали Конере только до вечера, а затем, оставив там несколько рот, продолжали отступление. С левого берега Юин французам пришлось отступать через квартирный район войск 3-го корпуса, вследствие чего последние, даже штаб дивизии в Ньюиле, в течение всей ночи не имели покоя от блуждавших неприятельских отрядов.

На крайнем правом фланге 4-я кавалерийская дивизия дошла до Белем, после того как приданный ей батальон вытеснил противника из этого селения.

Итак, в этот день центр 2-й армии пробился к Ле-Ману на расстояние до 2 миль, тогда как оба крыла значительно отстали.

Так как французы, повидимому, желали принять сражение за Юин на подготовленной позиции, то немцам представлялось выгодным выждать раньше подхода 10-го и 13-го корпусов, но, с другой стороны, французы за это время также усилились бы. Напротив, при немедленном наступлении немцев две французские дивизии, стоявшие у Шато-Рено и Ля-Шартр, едва ли могли поспеть к Ле-Ману, а остальные французские отряды, концентрически оттесняемые туда, повсюду были запутаны в неудачные бои.

Ввиду этого Фридрих-Карл приказал: 3-му корпусу наступать дальше, через Арденей; 10-му корпусу выдвинуться к Паринье; 13-му корпусу — к Сен-Марс-ля-Брюйэр. Однако, от тех пунктов, где последние два корпуса фактически находились вечером, они вряд ли могли в 1 переход достигнуть указанных целей марша.

Мы видели, что собранная у Ле-Мана армия еще 6 января действовала наступательно, причем генерал Жофруа наступал на Вандом, а генерал Куртен — на Сент-Аман. Но уже 7 января на всем фронте протяжением в 10 миль французы были вынуждены перейти к обороне. На левом крыле генерал Руссо очистил Ножан-ле-Ротру и затем ночью, никем не теснимый, продолжал отступление до Конере. В центре генерал Жофруа потерял рубеж Брэй. От Сен-Кале он отступил не на Ле-Ман, а на юг — ближе к генералу Бари. Справа генерал Куртен отошел на Шато-Рено и, не будучи преследуем, направился через Шато-дю-Луар.

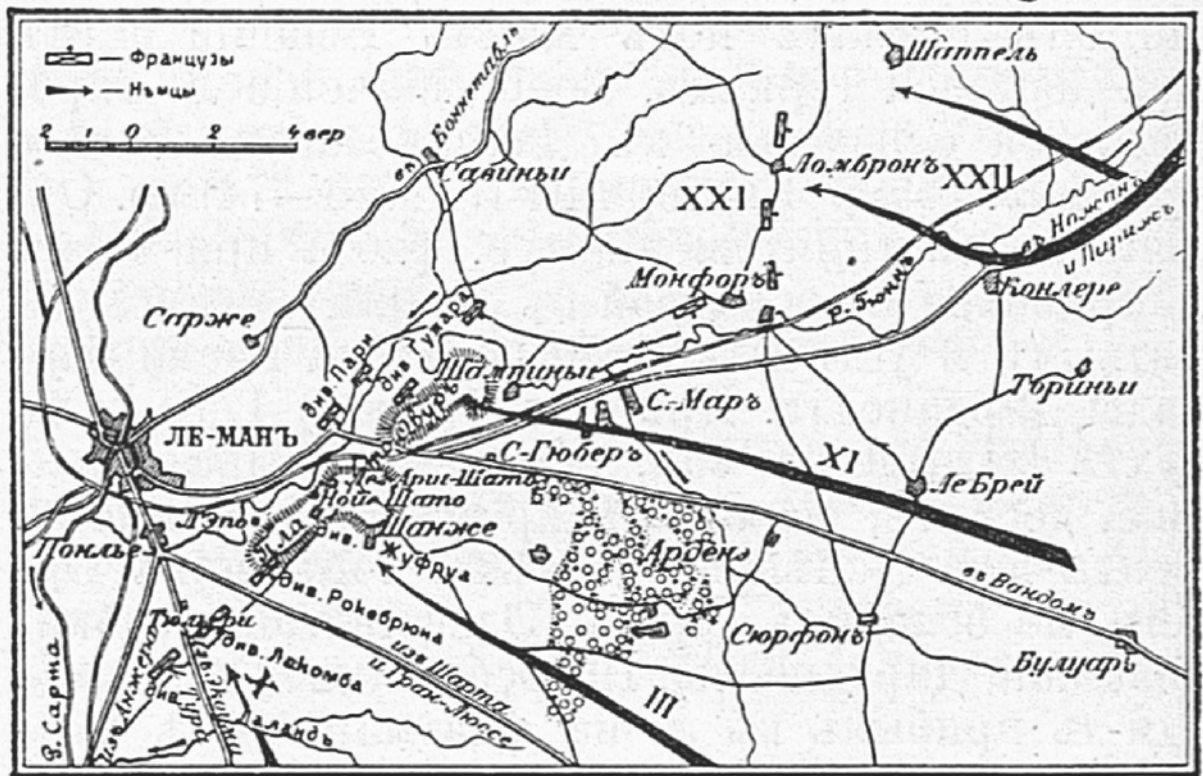
Для согласования движений трех дивизий своего правого крыла генерал Шанзи поручил главное начальство над ним адмиралу Жорегибери. Затем он выдвинул дивизию Пари к Арденей на главную дорогу, обнаженную генералом Жуфруа. Наконец, на левом крыле Шанзи усилил генерала Руссо, выставив еще три дивизии по обеим сторонам его пути отступления. Генерал Жуфруа должен был отходить на Паринье-л'Эвек, и навстречу ему была послана одна дивизия туда и к Шанже.

Генералу Куртен удалось 9 января у Шаэнь задержать на некоторое время наступление левого германского крыла, но дивизия Пари была отброшена за Арденей, а генерал Руссо, охваченный в Конере, очистил это селение еще вечером. Обе дивизии правого крыла стояли до Жюпиля и Нейле-Пон-Пьер.

При таких обстоятельствах генерал Шанзи приказал на 10 января: дивизии Жуфруа подтянуться к Паринье-л'Эвек, а дивизии Пари снова наступать по направлению на Арденей. Навстречу генералу Руссо он послал остальные три дивизии 21-го корпуса с задачей взять снова Конере и Торинье.

Из предложенных с обеих сторон наступательных движений развились упорные бои, в которых от германской армии участвовал один 3-й корпус, без поддержки остальных.

Сражение под Ле-Маном 10, 11 и 12 января

Битва под Ле-Маном

Так как по особым свойствам местности глубокие колонны могли развернуться лишь с большой потерей времени, то генерал Альвенслебен 10 января наступал широким фронтом небольшими расчлененными частями. В центре шли 9-я и 11-я пехотные бригады от Гюэ-де-л'Аню и Арденей на Шанжэ (полмили восточнее Ле-Ман). Справа двигалась 12-я бригада по большой дороге на Ле-Ман. Слева должна была идти 10-я бригада из Вольней также на Шанже, причем после ухода неприятеля из Паринье ей было указано пройти мимо этого пункта, оставляя его влево.

Между тем, Паринье, действительно оставленное французами, еще до рассвета снова было занято бригадой дивизии Депланка, и еще раньше, чем германские войска выступили, их полевые заставы, выдвинутые к лесу Лудон, были энергично атакованы. Постепенно пришлось развернуть между выступом леса и с. Блиньэр большую часть 9-й бригады, но только семь орудий могли действовать против многочисленной французской артиллерии. Генерал Штюльпнагель решил сберечь свои силы для боя у Шанже, а перед Блиньэр вести лишь затяжной бой, который должен был закончиться сам по себе, как только слева появится 10-я бригада.

Задержанная состоянием дорог, она лишь в полдень подошла через Шалль и усилила двумя батареями германскую артиллерию, которая теперь стала деятельно готовить пехотную атаку на Паринье, расположенную на высоте. Через полчаса батальоны с криком «Ура, Бранденбург!» бросились на деревню, причем взяли одно оставленное орудие и две стрелявшие митральезы. Контратака французов была отбита и у них взято еще одно орудие, два знамени и несколько повозок. Потеряв 2150 пленных, они спешили укрыться позади в лесах Рюоден.

Для наблюдения за этим пунктом генерал Штюльпнагель оставил два батальона в Паринье и немедленно продолжал движение двумя колоннами на Шанже. Впереди этого селения около 3 часов пополудни 11-я германская бригада натолкнулась у ручья Гюе-Перей на сильное сопротивление другой бригады дивизии Дешланка. В горячем бою у Ле-Гар 2-й батальон 35-го полка потерял 9 офицеров и более 100 солдат. Присутствовавший командир корпуса выделил части для действий против обоих флангов сильной неприятельской позиции, и слева двум ротам удалось перейти ручей у Ля-Гудриер.

Тут в 4 часа пополудни они встретили уже авангард 9-й бригады, приведенный полковником Гребен из Паринье и овладевший замком Жирардри. Когда одновременно роты 11-й бригады, посланные вправо, достигли Аминье, оттуда раздался сигнал «Все вперед!» Аминье было взято штурмом, мост севернее Гюе-Ля-Арт перейден, и это селение также занято после ожесточенного боя. У поспешно отступавшего теперь неприятеля было взято еще более 1 тыс. пленных.

Стало уже темно, а цель боя, деревня Шанже, не была еще достигнута. Между тем, после взятия баррикады перед селением оказалось, что оно уже занято 10-й германской бригадой. Последняя, наступая по шоссе от Паринье, встретила сопротивление в замках Шеф-Резон и Пелльри. Имея всего два орудия, нельзя было принудить неприятельскую артиллерию к молчанию, но генерал Штюльпнагель, оставив тут только один батальон для наблюдения, поспешил с частью бригады на поддержку боя у Гюе-ля-Арт, а с остальными силами — к самому Шанже. Там французские войска были уже отчасти разведены по квартирам, но быстро собрались и оказали энергичное сопротивление. Произошел ожесточенный уличный бой, который через

час окончился тем, что столпившийся на рыночной площади гарнизон в числе 800 человек положил оружие.

Наконец, 12-я бригада только в 11 часов выступила из Арденей и по большой дороге беспрепятственно дошла до Сен-Гюбера, где захватила оставленный продовольственный обоз. Она остановилась там на привал на одной линии с остальными частями корпуса. Затем, когда после 1 часа пополудни бригада подверглась артиллерийскому обстрелу и французы несколько раз выдвигались по шоссе, генерал Буденброк в свою очередь перешел в наступление и отбросил противника из Шампанье, частью через Юин, частью на высоты за деревней. После того как два орудия подавили огонь неприятельской артиллерии у Люн-д'Овур, германская пехота и тут вытеснила французов.

Далее вправо один батальон после небольшого боя взял Сен-Марс-ля-Брюйэр, где потом к нему присоединился отряд генерала Линара. Таким образом, искусно и успешно веденный бой хотя и причинил 3-му корпусу потерю в 450 человек, но зато дал более 5 тыс. пленных и ценные трофеи.

В этот день 10-й корпус, двигаясь от Вансе и Брив, без помехи со стороны противника, но по трудным дорогам, только в 2 часа пополудни дошел до Люсе, где расположился на квартирах.

9-й корпус остался у Ньюиле.

Из 13-го корпуса 17-я дивизия продолжала наступление на левом берегу Юин и нашла Конере уже очищенным французами. Наоборот, на другой стороне реки высоты Коэрниер, железнодорожная станция и лес к северу от нее оказались занятыми 2-й дивизией 21-го французского корпуса. Против нее наступал с юга генерал Раух с двумя батальонами, а с востока 22-я дивизия, перешедшая Юин у Осо и взявшая на правом берегу направление на Бейле. Французы оказали энергичное сопротивление, и бой с переменным успехом продолжался до наступления темноты. Хотя замок Кулеон и различные селения у подножия лесистой высоты были взяты, но на самой высоте, а также у Коэрньер французы удержали свою позицию.

Тем временем 17-я дивизия продолжала свой марш и по обледелому шоссе дошла до Ля-Бель-Инютиль; 22-я дивизия ночевала в Бейле.

От последней еще утром был выслан боковой отряд к Бонетабль, куда теперь двинулась 4-я кавалерийская дивизия. 12-я кавалерийская бригада следовала до Белем. Затем полковник Бекедорф продолжал движение до Шантелу, откуда он прогнал неприятеля, несмотря на энергичное сопротивление.

Генерал Шанзи решил принять сражение впереди Ле-Мана. Правда, ему нехватало еще дивизии Куртена, и прибыла только часть дивизии Барри, зато из лагеря Конли к армии подошли 10 тыс. человек.

Французская позиция примыкала правым крылом к р. Сарт у Арнэ, шла на протяжении 1 мили по Шмен-о-Бёф и затем небольшим загибом влево упиралась в Юин. Ослабленная уже неудачными боями дивизия Барри и плохо обученная и вооруженная национальная гвардия генерала Лаланда стояли на наименее угрожаемом правом крыле; в центре и слева находились дивизии Депланка и Рокбрюна, бригада Демезона и дивизия Жофруа, — последняя прежде всего против генерала Альвенслебена. Позади этой линии дивизия Буедека и отряд полковника Марти составляли резерв.

Всего под командой адмирала Жорегибери от 50 до 60 тыс. человек заполняли означенный, в важнейших местах укрепленный фронт между обеими реками. Другие пять дивизий, под начальством генерала Коломба, находились на правом берегу Юин, распределенные на пространстве до 2 миль: дивизия Пари — у Ивре; дивизия Гужара, которая еще удерживала высоты по ту сторону Оура, — к северу от Шампанье; затем дивизия Руссо у Монфора и Пон-де-Жен; наконец, дивизия Коллина — на загибе позиции у Ломброна. Кроме того, дивизия Вильнева стояла совершенно на фланге фронтом к Шантелу.

С германской стороны 3-й корпус стоял 11 января непосредственно против главных неприятельских сил. В первое время он не мог рассчитывать на поддержку фланговых корпусов и должен был ожидать серьезного боя.

Слева 10-й корпус находился утром еще в Гран-Люсе, а справа 13-й корпус был задержан накануне упорным сопротивлением французов. Последние удержались между Коэрньер и Ля-Шапель и занимали перед своим фронтом Ле-Шен.

Только после приведения в порядок частей 22-й дивизии, перемешавшихся в лесном бою, и после разведки, произведенной командирами обеих дивизий, было в 11 часов возобновлено наступление.

От 17-й дивизии два батальона с батареей были оставлены на южном берегу Юин для наблюдения перед Пон-де-Жен; на северном берегу мекленбургские батальоны после полудня взяли штурмом Корньер и к 4 часам вместе с гессенцами продвинулись до ручья Гюз и к Ломброну.

Тем временем правее 22-й дивизии две роты 90-го полка решительной атакой захватили упорно обороняемую Ле-Шен, а 83-й полк после горячего огневого боя взял штурмом фермы Флуре и Гран-Метери. Полковник Бекедорф тотчас же после смены его в Шантелу 4-й кавалерийской дивизией вытеснил французов из Сен-Селерин и подвинулся в Ля-Шапель-Сен-Реми — к правому крылу дивизии, которая расположилась позади захваченных селений на широких квартирах.

Мекленбургские гренадеры довольно долго удерживались у Ле-Те и Ля-Брос против превосходных сил, наступавших от Пон-де-Жен, но главные силы 17-й дивизии вечером были опять отведены к Конере.

Чем более генерал Альвенслебен был предоставлен только собственным силам, тем настоятельнее требовалось их тесное сосредоточение.

Между тем, на правом фланге и почти в тылу, на высоте Овур, в значительном числе стоял неприятель, удерживаемый только 12-й бригадой корпуса, которая поэтому сначала не могла быть притянута. Именно там и начался бой. Французы опять заняли Шампанье на Юин и развернули позади на высотах свою артиллерию. После того как огонь ее был подавлен четырьмя орудиями бригады, два батальона перешли в наступление против деревни. Только около 11 часов после упорного боя на улицах удалось отбросить противника на высоты и занять мост через Юин.

Оставив оба батальона для наблюдения и третий батальон у Люн-д'Овур, генерал Буденброк в полдень двинулся с остальными частями бригады на присоединение к своему корпусу. Тем временем перед фронтом последнего бой разгорелся с такой силой, что Фридрих-Карл в 11 часов из Сен-Гюбера послал генералу Фохтс-Рецу при-

каз — идти с 10-м корпусом кратчайшим путем к месту боя. Одновременно генералу Манштейну было приказано с 9-м корпусом взять высоту Овур.

В 1 час пополудни авангард этого корпуса поднялся по глубоко занесенной снегом ложбине; за ним шли оба батальона 12-й бригады и с величайшим трудом две батареи. Мимо леса, сильно занятого неприятелем, германская пехота наступала прямо на Вилье, стрелки фузилерного батальона 11-го полка взяли три стрелявшие митральезы и, по очищении французами деревни, обратились против леса.

Далее влево около 3 часов пополудни из главных сил 18-й дивизии два батальона 85-го полка обратились против западной части высоты, поддержанные егерями и двумя батареями, выехавшими на позицию у Ле-Этр. Для прикрытия последних двинулись к Люн-д'Овур две роты и задержали сначала наступление противника по большой дороге. Против этих двигавшихся частей французы открыли частый огонь своих батарей, высоко расположенных за Ивре. Все-таки голштинцы атаковали слева одну неприятельскую батарею, захватив на ней три орудия. Справа они овладели ближайшими фермами. После 5 часов французы очистили все плато до западного края.

Однако еще вечером они произвели с этой стороны сильный контрудар, причем часть дивизии Гужара двинулась от Ивре вверх по склону. Дальнейшее наступление не удалось, но нельзя было помешать тому, чтобы вечером и в течение ночи французы там утвердились. Во всяком случае, бой 18-й дивизии прикрывал тыл и фланг 3-го корпуса. Еще вечером она получила приказ обеспечить на следующий день переход через Юин. Три батальона с батареей тотчас же перешли на северный берег, оттеснив стоявшие там неприятельские части от моста. Дивизия потеряла 275 человек.

Желая выждать подхода 12-й бригады, генерал Альвенслебен отложил наступление 3-го корпуса до 11 часов.

Французы еще ночью усовершенствовали укрепления на опушке леса, где они заняли позицию; кроме того, противоположный высокий берег реки был занят многочисленными батареями. Фронтальная атака должна была потребовать больших жертв, а охват длинной линии был невозможен. Вследствие этого генерал Альвенслебен решил сначала наступать только против левого неприятельского фланга, для чего назначил свою 11-ю бригаду. Что касается 10-й и 9-й бригад, то

они остались пока в резерве у Шанже и Ге-ля-Арт. Освободившаяся у Монт-Овур 12-я бригада хотя и шла на присоединение, но по кружным путям, так как вся дорога находилась все время под огнем батарей, стоявших на высоте.

Насчитывавшая едва 3 тыс. человек 11-я бригада наступала вдоль ручья Гюэ-Перей, вокруг северного выступа леса. Для обеспечения от колонн, угрожавших с высоты, 35-й полк должен был образовать заслон у ручья; он занял также замок Лез-Арш. 20-й полк старался продвинуться вдоль Шмен-о-Бёф; удерживая Ле-Нуайе-Шато и мост через Юин, он в горячем бою отбросил противника на Ле-Гранж. Однако вскоре последний подвел столь значительные подкрепления, что мало-помалу пришлось ввести в боевую линию всю бригаду. Ле-Гранж несколько раз переходила из рук в руки, и бранденбуржцы боролись тут упорно, с тяжелыми потерями, особенно в офицерах.

Тем временем слева от них появилась 10-я бригада, выступившая от Шанже около 1 часа пополудни. 52-й полк после часового кровопролитного боя овладел в 2 часа отдельным двором Ле-Павильон, впереди лежащей лесистой высотой и фермой Гранд-Анно. Наступавшие от Понлье сильные колонны были отражены, две батареи подъехали под огнем Шаспо на дистанцию в 800 м к Ле-Тертр, но все-таки 12-му полку удалось вторгнуться в хутор лишь тогда, когда на подкрепление подошли два батальона 9-й бригады от Шанже. Теперь около 5 часов вечера спорный хутор был взят штурмом с помощью гренадеров 8-го полка.

52-й полк, расстрелявший все патроны, пришлось отвести назад, но гренадерские батальоны наступали дальше к Шмен-о-Беф, причем в кровопролитной схватке были взяты два стрелявших французских орудия и все попытки их отбить отражены. Одна неприятельская батарея, выехавшая на позицию к западу от леса, частым огнем была вынуждена к отходу.

После того как для усиления 20-го полка пришлось отозвать от ручья Гюэ-Перей 35-й полк, французы снова заняли Лез-Арш. Около 2 часа туда подошла из Овур 12-я бригада в составе всего трех батальонов. После короткого боя 64-й полк опять овладел замком. Хотя подавляющий орудийный и ружейный огонь с высот по ту сторону реки помешал выезду артиллерии на позицию и сильно поредевшей при-

слуге лишь с трудом удалось доставить орудия обратно, но все атаки французов от Ивре на замок были мужественно отбиты.

Настала полная темнота, только артиллерийская стрельба еще продолжалась. 3-й корпус взял 600 пленных, но потерял убитыми и ранеными 500 человек. Он вторгся в главную французскую позицию, и его сторожевые посты стояли в самом тесном соприкосновении с противником. Но теперь, хотя и поздно, подошло сильное подкрепление.

Утром 10-й корпус выступил от Гран-Люсе на запад, чтобы выйти на большую дорогу из Тура в Ле-Ман. Гололедица попрежнему замедляла движение, так что только после полудня немцы подошли к Телош.

Доносившийся с севера гул канонады не оставлял никакого сомнения в том, что генерал Альвенслебен находится в сильном бою. Правда, имел еще силу отправленный в 12 часов из Сен-Гюбер приказ командующего армией, но генерал Фохтс-Рец правильно рассудил, что своим появлением на фланге противника он окажет 3-му корпусу более действительную помощь, чем выходом на поле боя. Вследствие этого, несмотря на сильное утомление войск, которые в пути не могли приготовить пищи, он безостановочно продолжал марш.

Для обеспечения от ожидаемой со стороны Шато-дю-Луар дивизии Куртена один батальон был послан в Экоммуа. Он был встречен выстрелами из домов, окружен в темноте и вынужден уйти из деревни, но все-таки прикрыл дорогу в тылу корпуса.

Головная часть 20-й дивизии нашла Мюльзанн лишь слабо занятым французами и оттеснила их за рубеж Ля-Моннери.

Местность, которую немцам приходилось пройти дальше, давала противнику большие преимущества. Канавы и насыпи служили хорошим закрытием для стрелков, фермы и рощи образовали сильные опорные пункты при обороне. Против французской артиллерии можно было сначала выставить только восемь орудий. Несмотря на это, четыре вестфальских и брауншвейгских батальона оттесняли французов все дальше и в сумерках достигли Ле-Пуан-дю-Жур. Только у Шмен-о-Бёф перед Ле-Морт-Ор наступление приостановилось.

Тут неприятель непрерывно обстреливал всю впереди лежащую местность из нескольких стрелковых окопов, расположенных ярусами.

В течение некоторого времени бой шел с переменным успехом, но вскоре левое крыло немцев одержало верх. Первый батальон 17-го полка бросился на неприятеля, который хотя и продолжал огонь до самой ближней дистанции, но затем отошел в лес. Когда же у Пуандю-Жур барабаны 1-го батальона 56-го полка ударили «к атаке», французы убрали свои митральезы и очистили Ле-Морт-Ор. Этому германскому батальону было приказано закончить бой штыковым ударом. Капитан Монбарт повел его в сомкнутом строю штурмовым шагом; к нему примкнули соседние части, и, несмотря на сильный огонь из леса, около 8³⁰ немцы дошли до Ля-Тюильри, где теперь развернулась 40-я германская бригада, тогда как для поддержки ее 37-я бригада стояла наготове впереди Мюльзанн. Французы исчезли в темноте. Продолжительный грохот повозок, шум отъезжавших железнодорожных поездов и беспорядочные крики указывали на отступление противника. Но непрерывно прибывавшие пленные единогласно показывали, что еще большие массы войск бивакируют в лесу. Ночью там виднелись многочисленные бивачные костры, и вместо отдыха германским войскам приходилось держаться в готовности для встречи новых атак. В 10³⁰ передовые посты действительно донесли о наступлении сильных неприятельских отрядов от Понлье. До сих пор немцы имели тут дело с мало надежной национальной гвардией генерала Лаланда, но теперь адмирал Жорегибери двинул на Ля-Тюильри дивизию Буедека, а генералу Рокбрюну приказал поддержать ее наступление.

Германские батальоны, стоявшие в первой линии, в продолжение целого часа обстреливались с фронта и фланга и осыпались градом снарядов, но до настоящей атаки дело не дошло. По французским отчетам офицеры тщетно старались двигать своих людей вперед — они неудержимо уходили в тыл. Следующая атака мобилей была столь же безуспешна.

Однако спокойствие еще не настало. В 2 часа утра справа раздался шум нового боя. Эта была французская дивизия Деспланка, которую потревожила 40-я германская бригада. Последняя, чтобы быть под рукой, наступала по дороге от Рюодэн к Понлье; не отвечая на огонь противника, она бросилась на гарнизон Эпинет и утвердилась там перед самым Шмен-о-Бёф.

Для предстоявшего на следующий день, 12 января, боя перед Леманом германское командование могло рассчитывать только на 3-й и 10-й корпуса. Оба остальных корпуса (13-й и 9-й) могли влиять только косвенно, задерживая часть неприятельских сил.

Из 13-го корпуса 17-я дивизия должна была наступать через Ломброн на Сен-Корнейль, не ввязываясь в бой с противником, стоявшим еще на р. Юин; 22-й дивизии предписывалось идти от Ля-Шапель на Савинье. Ручей Гэ был слабо занят, и часть артиллерии осталась с 17-й кавалерийской бригадой в Конере.

При наступательном движении оказалось, что Ломброн, Пон-де-Жен и Монфор уже оставлены французами. Брошенное оружие и предметы снаряжения указывали на поспешность отступления. Многочисленные отсталые были взяты в плен, и только в полдень на ручье Мердеро 17-я дивизия встретила сопротивление. Около 4 часов пополудни были взяты охватывающей атакой замок Ир и Сен-Корнейль, причем 500 французов попали в плен. Затем неприятель был еще отброшен за ручей Паранс, где при наступившей темноте германский авангард остановился.

Из 22-й германской дивизии отряд полковника Бекедорфа наступал от Силле через Шантелу и оттеснил противника на Ля-Круа, где стояли значительные неприятельские части. Но после продолжительной остановки, когда подошли главные силы дивизии, они немедленно перешли в наступление. Целые войсковые части французов положили оружие, и 3 тыс. человек со многими офицерами были отправлены в плен.

Попытка германской кавалерии проникнуть за р. Сарт для разрушения железной дороги не имела успеха.

На 9-й корпус было возложено занятие всей высоты Овур. 35-я бригада развернулась у Вилье, но высланные разъезды вскоре донесли, что французы отошли за Юин.

В полдень, когда донесся шум боя 17-й дивизии у Сен-Корнейль, бригада получила приказ двинуться на поддержку в северном направлении. Наступая через Ля-Комюн, 84-й полк существенно поддержал атаку на Шато-Ир. Вечером сторожевое охранение было оставлено на ручье Паранс, а главные силы 35-й бригады вернулись в Фатин; 36-я бригада заняла квартиры между Вилье и Сен-Марс-ля-Брюйэр.

В прошедших накануне боях позиция французов впереди Ле-Мана была прорвана, но они стояли еще за р. Юин, причем вследствие оттеснения их левого крыла на центр последний значительно усилился. Немцам оставалось еще перейти реку и подняться на террасы высокого края долины, где изгороди виноградников были заняты густыми стрелковыми цепями, а на самом гребне высот показались многочисленные батареи. Слева с особой тщательностью был укреплен переход у Ивре, а перед фронтом лес у Понлье частью прегражден засеками.

Против этой позиции действие артиллерии было крайне ограничено, а кавалерия совсем не могла действовать; что же касается пехоты, то ее наступательные движения затруднялись глубоким снегом.

Ввиду этого генерал Альвенслебен решил на своем правом крыле держаться пока оборонительно, а левым крылом поддержать наступление генерала Фохтс-Реца. Уже около 6 часов утра короткий отдых войск был потревожен. Две французские роты с мешками пороха двинулись к мосту у Ле-Нуайе-Шато, но были вынуждены отойти, оставив взрывчатый материал. Затем в 8 часов французы серьезно атаковали в лесу сторожевые посты 12-го полка и оттеснили их к Ле-Тертр. Горячий бой снова бушевал на этом хуторе, совершенно засыпаемом снарядами. Тут пришлось мало-помалу ввести в бой последние батальоны 10-й бригады и зато отвести назад части, расстрелявшие свои патроны. Только четыре орудия могли вступить в дело, но около 11 часов огонь французов постепенно ослабел, и вскоре обнаружилось их отступление на Понлье. Батальоны левого крыла последовали за ними, установив на дороге из Паринье непосредственную связь с 10-м корпусом.

Оставив два батальона у Мюльзан в виде заслона со стороны Экомуа, генерал Фохтс-Рец собрал около 7³⁰ все наличные (после неизбежных командировок) силы корпуса для дальнейшего наступления к Понлье. На дороге из Мюльзан главные силы 20-й дивизии подтянулись к Ля-Тюильри. Для усиления бокового отряда в Эпинет были собраны три батальона 19-й дивизии у Рюоден, а по дороге из Паринье наступали два батальона с 14-й кавалерийской бригадой и корпусной артиллерией, которую на местности далее влево нельзя было использовать.

Тем временем подошло также подкрепление из Рюоден, и генерал Война беспрепятственно прошел через лес до Ля-Сурс, где около 1 часа пополудни остановился на одной линии с 20-й дивизией.

Последняя уже прогнала огнем тяжелой батареи митральезы, стоявшие впереди Понлье. Справа выехали на позицию одна легкая батарея 19-й дивизии у Ля-Сурс и десять конных орудий до дороги из Паринье. Правда, погода была столь пасмурная, что огонь можно было направлять только по карте.

В 2 часа генерал Крац двинулся в сомкнутой колонне на Понлье, куда выступил также генерал Война.

Южная часть деревни была взята после небольшого боя, но по ту сторону Юин французы занимали дома, расположенные на берегу, и при приближении немцев мост был взорван. Однако разрушение не совсем удалось, и передовые батальоны, пройдя по развалившемуся мосту, преследовали неприятеля. Из них два батальона двинулись по

главной улице Понлье, а один батальон повернул влево к станции железной дороги, где раздавались сигналы отходивших поездов. Помешать взрыву железнодорожного моста оказалось невозможным, но были захвачены многочисленные пленные, 150 продовольственных повозок и 1 тыс. ц муки.

Теперь огонь артиллерии был направлен, прежде всего, против города Ле-Ман.

Между тем, перемешавшиеся в лесном бою части 3-го корпуса опять были приведены в порядок. После раздачи войскам мясной порции впервые за 3 дня 10-я бригада продолжала марш. Бранденбургский егерский батальон перешел реку у бумажной фабрики Лэ-по, и две батареи от Фюнэ-Шато усилили огонь против Ле-Мана.

Затем, когда пехота ворвалась в город, начался беспорядочный бой на улицах, совершенно запруженных французскими обозами. Доступ к отдельным домам пришлось открывать артиллерийским огнем, большое число французов попало в плен, и много обозных повозок было захвачено. Бой продолжался до вечера, после чего 10-й корпус и половина 3-го корпуса стали в городе на тесных квартирах. 6-я дивизия заняла очищенное неприятелем селение Ивре и выдвинула свое сторожевое охранение на противоположный берег Юин к Ле-Нуайе и Лэз-Арш.

Бои, данные французами в этот день, имели лишь одну цель — выиграть время для отступления армии.

Получив донесение адмирала Жорегибери о том, что все попытки двинуть войска вперед окончились неудачей и что последние резервы разгромлены, генерал Шанзи уже в 8 часов утра отдал приказ об общем отступлении. Последнее должно было направиться к Алансону, куда по обещанию военного министра ожидалось прибытие двух дивизий 19-го корпуса из Карантан.

Поход 2-й армии к Ле-Ману был семидневным рядом непрерывных боев. Он происходил в самый суровый период зимы. Гололедища и метели затрудняли все движения. Бивакировать было неудобно, и зачастую войскам приходилось искать ночлег в расстоянии мили позади, сбор их по утрам требовал часов, а короткие дни не давали возможности использовать боевые успехи. Для окарауливания пленных требовались целые батальоны. При плохом состоянии дорог обозы не смогли следовать за армией. Офицеры и солдаты шли плохо

одетые и при скудном продовольствии. Однако воля, выдержка и дисциплина преодолели все затруднения.

В непрерывных боях армия потеряла 3 200 человек, в том числе 200 офицеров; более половины этой потери приходится на долю одного 3-го корпуса. Многими ротами командовали фельдфебеля.

Французы определяют свою потерю в 6 200 человек, но 20 тыс. пленных, 17 орудий, два знамени и богатое военное имущество составили трофеи победы.

После крайнего напряжения войска нуждались в некотором отдыхе. Директивы главной квартиры указывали не распространять операции дальше известного предела; кроме того, в ближайшем будущем 2-я армия могла понадобиться на Сене или на Луаре.

Ввиду этого Фридрих-Карл решил преследовать отступавшего противника только слабыми отрядами.

С французской стороны, чтобы при отступлении на Алансон предоставить каждому корпусу отдельную дорогу, два корпуса должны были сначала распространиться к западу. Для этого еще вечером в последний день боя, под прикрытием своих арьергардов, 16-й корпус перешел в Шофур по дороге в Лаваль и 17-й корпус — в Конли по дороге в Майен. 21-й корпус был собран на левом берегу Сарт к Баллон. Затем от этих селений следовало взять направление на север. Генерал Шанзи все еще надеялся через Эвре прийти на помощь блокированной столице. Но при этом ему пришлось бы двигаться по широкой дуге, на хорде которой неприятель мог его легко предупредить; кроме того, при состоянии его войск им угрожало уничтожение на местности, доступной для действий всех родов оружия. Наконец, разбитая армия уже на Сарт была отеснена в западном направлении.

Только после раздачи продовольствия и фуража генерал Шмидт с четырьмя батальонами, одиннадцатью эскадронами и десятью орудиями выступил в полдень 13 января и после небольшого боя достиг Шуфур.

Германский 13-й корпус подошел к Сарт, причем 17-я дивизия выдвинула свои сторожевые посты через реку у Невиль, а 22-я дивизия вытеснила неприятеля из Балон, откуда он в полном беспорядке отошел к Бомон. Национальная гвардия Бретани в диком бегстве бросилась к Эврон и затем вернулась на свою родину. К ней присоединились войска, оставленные в лагере Конли, предварительно разграбив

его. 17-й корпус также отступил оттуда, не останавливаясь на р. Вегр, как было приказано, а отойдя до Сен-Сюзан. 16-й корпус отошел по направлению на Лаваль, оставив все-таки в качестве аррьергарда дивизию Барри у Шасиле. Многочисленные оставленные повозки и брошенное оружие указывали повсюду на состояние разбитой армии.

14 января французы были изгнаны из Шасиле. В 16-м корпусе разложение приняло теперь опасные формы, еще ночью он отошел до Сен-Жан-сюр-Эрв.

В лагере Конли было найдено 8 тыс. ружей, 5 млн. патронов и другая военная добыча.

На правом берегу Сарт немцы взяли направление на Алансон. В Бомоне французы оказали авангарду 22-й дивизии незначительное сопротивление и потеряли 1 400 пленных.

На следующий день генерал Шмидт наступал дальше по дороге в Лаваль, встретил неприятеля, развернувшегося у Сен-Жан с многочисленной артиллерией, стоявшей на высотах за р. Эрв. Хотя бранденбуржцам удалось проникнуть до церкви городка, а брауншвейгцам вытеснить противника из Сен-Сюзан (выше по реке), но потом преследование приостановилось. Несмотря на то, что дивизии Деспланка и Бари по французским сведениям насчитывали не более 6 тыс. бойцов, а дивизия Куртена еще не подошла, все же слабый немецкий отряд имел перед собой значительные превосходящие силы. На поддержку его был теперь двинут остаток 10-го корпуса, но он дошел только к Шасиле.

Один батальон, наступавший от Конли, ввязался у Силе в кровопролитный бой с собранным там 21-м французским корпусом. В 13-м германском корпусе 22-я дивизия, уже не доходя Алансона, встретила серьезное сопротивление национальной гвардии и добровольческих отрядов Липовского, вследствие чего отложила атаку города до следующего дня. Однако утром обнаружилось, что позиции французов у Алансона, Силе и Сен-Жан очищены. Все эти пункты были заняты немцами, и генерал Шмидт продвинулся еще дальше, до самого Лавалья. Многочисленные отсталые французы попали в плен.

За р. Майен, куда подошла также дивизия Куртена, собрались обломки 2-й луарской армии. Потеряв половину своего первоначального состава и морально глубоко потрясенная, она надолго потеряла

способность к действиям, и таким образом цель похода к Ле-Ману полностью была достигнута.

Между тем, к северу от Парижа угрожали новые наступления французов. Части 1-й армии, стоявшие на нижней Сене, потребовалось притянуть к Сомме, и из главной квартиры было приказано 2-й армии направить 13-й корпус в Руан.

На верхней Луаре французские отряды также перешли в наступление против гессенского сторожевого охранения у Бриара и оттеснили его на Узуе, а из района Солонь было получено известие о наступлении вновь сформированного 25-го французского корпуса.

Вследствие этого 9-й корпус, очистив лагерь Конли и срыв его, выступил на подкрепление в Орлеан. Остаток 2-й армии, 3-й и 10-й корпуса с тремя кавалерийскими дивизиями, всего 27 тыс. пехоты и 9 тыс. сабель при 186 орудиях, Фридрих-Карл собрал вокруг Ле-Мана. У кавалерии, наблюдавшей перед фронтом и на флангах, происходили еще многочисленные мелкие бои, но более серьезных предприятий больше уже не было.

На правом крыле 4-я кавалерийская дивизия заняла Алансон; слева генерал Гартман, не встретив сопротивления, вступил в Тур.

События к северу от Парижа в январе

К началу нового 1871 г. значительная часть 1-й германской армии была занята блокадой крепости Перонн, представлявшей обеспеченную переправу для выхода противника на левый берег Соммы. Эту небольшую крепость, которая до сих пор наблюдалась только кавалерией, но теперь приобрела особую важность, генерал Барнеков обложил 3-й резервной дивизией и 31-й пехотной бригадой. Остальные наличные силы 8-го корпуса стояли для прикрытия блокады к северу, по широкой дуге от Амьена до Бапома.

Расположенный близ Руана 1-й корпус сначала имел только три бригады, четвертая находилась на марше туда, после смены ее у Перонна.

Усиления 1-й армии не произошло. После взятия Мезьера и вскоре затем Рокруа 14-я дивизия получила из Версаля новую задачу на другом театре войны.

Генерал Федерб собрал свои войска с широких квартир южнее Арраса за р. Скарпой и 2 января перешел в наступление. Он двигался с 22-м корпусом через Бюкуа для освобождения Перонна. 23-й корпус следовал по большой дороге в Бапом. Из состава первого дивизия Дероя уже в 10³⁰ утра заставила 3-ю германскую кавалерийскую дивизию с приданными ей батальонами 32-й бригады отойти к Миромон, но последовала за ней лишь до Аше-ле-Пти.

Другая дивизия генерала Бесоля только после полудня выступила по направлению на Аше-ле-Гран. Там две роты 68-го полка, взвод гусар и два орудия оказывали сопротивление несколько часов и лишь вечером отступили к Авен. Французы за ними не пошли, а выставили охранение у Биюкур.

Дивизия Пайена 23-го корпуса развернулась на большой дороге у Беаньи, открыв из своих батарей огонь по Сапиньи, где генерал Струбберг собрал пять батальонов. Последние, отбив атаку, в 2 часа пополудни быстрым натиском ворвались в Беаньи, взяли 240 пленных и приспособили деревню к обороне. Неприятель отошел к Эрвилер, развернулся там снова, но более не предпринимал атаки.

Другая дивизия 23-го корпуса, состоявшая из мобилизованной национальной гвардии под командой генерала Робина, свернула влево на Мори. Ей могли быть противопоставлены только один батальон и один гусарский эскадрон, которым удалось, широко развернувшись

на высотах у Бенъятр, скрыть от противника свою слабость. Последний передвигал свои войска взад и вперед, выдвинул также артиллерию, но не предпринял атаки и остался у Мори.

На ночь немцы сосредоточили 30-ю бригаду и 3-ю кавалерийскую дивизию в Бапومه и окрестностях. 29-я бригада заняла ближайšie селения по сторонам дороги из Арраса.

Генерал Федерб подвел 3 января свои войска к самой позиции, прикрывавшей осаду Перонна. В его четырех дивизиях было 57 батальонов, против которых стояло всего 17 германских. Он решил 3 января наступать четырьмя колоннами: на Гревилер, на Бьевилер, по большой дороге и восточнее мимо Фаврейль. Однако генерал Гебен не намеревался оставлять свою позицию у Бапома. Удерживая Фаврейль, генерал Куммер утром собрал 30-ю бригаду впереди города и 29-ю бригаду позади его, от которой все-таки 3 батальона остались в селениях справа и слева. Далее позади, у Транслуа был образован резерв, куда направлен 8-й егерский батальон с двумя батареями. Генерал Барнеков получил приказ, не снимая блокады Перонна, держать наготове у Сайли три батальона и 2-й тяжелый артиллерийский дивизион. Наконец, отряд принца Альбрехта (сына) — три батальона, восемь эскадронов и три батареи — был притянут к полю сражения в Бертинкур. В таком расположении при сильном холоде и пасмурной погоде нужно было выждать атаку французов.

Генерал Гребен еще утром выслал 7-ю кавалерийскую бригаду против правого фланга противника, но она не могла проникнуть через селения, занятые его пехотой.

На правом крыле немцев у Бенъятр два батальона 65-го полка с двумя притянутыми из Транслуа конными батареями встретили дивизию Робина таким сильным огнем, что она вернулась в Мори.

Гарнизон Фаврейль также был усилен двумя батальонами и двумя батареями, которые развернулись к востоку против наступавшей по большой дороге дивизии Пайена. Первое, вышедшее из Сапиньи французское орудие тотчас же было сбито, но вскоре несколько батарей развернулось по обеим сторонам, и французы ворвались в Фаврейль и Сент-Обен.

В полдень против этих пунктов перешел в наступление от Бертинкур 40-й полк, овладел ими после горячего боя, но затем должен был опять их очистить, заняв вместе со 2-м гвардейским уланским

полком и одной конной батареей позицию сбоку Фремикур, обеспечивавшую правое крыло дивизии.

На левом крыле дивизия Бесоля вытеснила небольшую часть, занимавшую Бьевилер. Произведший контратаку 1-й батальон 33-го полка ввязался в столь горячий бой, что потерял всех офицеров, кроме трех, и должен был отойти к Авен. Дивизия Дероя также приняла участие в этом бою. Французы выдвинули сильную артиллерию и протянули свои стрелковые цепи почти до дороги в Альбер.

Вследствие этого в полдень генерал Куммер решил ограничиться обороной одного лишь Бапома. Артиллерия самоотверженно прикрывала отход туда пехоты. Снявшаяся с позиции последней 1-я тяжелая батарея потеряла 2 офицеров, 17 солдат и 36 лошадей; ее орудия можно было вывезти лишь с помощью пехоты.

В Бапومه 29-я бригада приготовилась к упорной обороне старой городской ограды; 30-я бригада собралась за городом; французы, не напирая, вступили в предместье. Затем в ходе боя настала продолжительная пауза.

Генерал Федерб надеялся взять город дальнейшим обходом, не подвергая его ужасам бомбардировки, подготовляющей штурм. Одна бригада дивизии Дероя пыталась наступать через Тилуа, но встретила там упорное сопротивление егерского батальона и двух прибывших от Перонна батарей. Одновременно 24 орудия отведенных за Бапом батарей открыли огонь по наступающим колоннам, которые около 3³⁰ опять отошли через дорогу, ведущую в Альбер. Но вскоре они возобновили наступление и действительно проникли в Тилуа. Против этой деревни был направлен огонь всех стоявших вблизи батарей. Генерал Мирус, оставленный при наступлении 3-й кавалерийской дивизии в Миромон. не видя перед собой неприятеля, но слыша бой у Бапома, двинулся с запада, а генерал Струбберг — от города, для новой атаки. Французы отошли, не выждав ее, и были также вытеснены из предместья и из Авен.

Французские дивизии ночевали в Гревилер, Биюкур, Фаврейль и Беньятр, охватывая Бапом с трех сторон.

День стоил немцам 52 офицеров и 698 солдат, французам — 53 офицеров и 2 066 солдат.

Однако лишь посредством ввода в дело всех наличных сил 8-му корпусу удалось выдержать атаку численно превосходящего против-

ника. Боевые припасы еще нельзя было пополнить, и генерал Гебен решил, прежде всего, перенести поле боя за Сомму. Во время выполнения этого приказа дозоры донесли, что противник также очищает ближайшие селения.

Не имевшие еще военного опыта французские войска крайне пострадали от боев предшествовавшего дня и от сильного мороза ночью. Генерал Федерб мог ожидать, что блокирующие Перонн германские части будут притянуты к Бапому и что, усилившись ими, немцы перейдут в наступление. Ближайшая цель — снятие осады — была в таком случае достигнута, и генерал считал нецелесообразным рисковать этим успехом в новом столкновении. Он отвел свои корпуса по направлению к Аррасу. Из числа следовавших за ним германских кавалерийских частей 8-му кирасирскому полку удалось ворваться во французское каре. 15-я дивизия отошла за Сомму непосредственно ниже Перонна, а саксонская кавалерия у Сен-Кантена примкнула к правому крылу.

Одновременно на нижней Сене другой корпус 1-й армии также находился в бою.

На правом берегу французы ничего больше не предпринимали, но на левом они удерживали близлежащие лесистые высоты Буа-де-ля-Лонд, запирающие выход из полуострова Гран-Курон, образуемого рекой. Генерал Бентгейм, желая и в этом направлении выиграть пространство, сосредоточил половину 1-го корпуса и 4 января двинулся на Мулино.

Подполковник Гюллесем еще до рассвета внезапно напал на сторожевые посты неприятеля, взял штурмом конусообразную гору замка Роберта-Дьявола и захватил в плен французов, скрывшихся среди развалин замка. Под сильным огнем неприятеля немцы поднялись также на высоты Мэзон-Брюле, причем овладели двумя орудиями. Французы, оказав снова сопротивление у Сент-Уэн, после полудня отступили за Бургашар, преследуемые еще с 6 часов вечера полуэскадром драгун, двумя орудиями и посаженной на повозки ротой; последняя взяла у них два нарезных 12-фунтовых орудия, поставленных у входа в Ружмонтье, и один зарядный ящик.

В небольшом бою неприятель был вытеснен также из Бургтерулд и отброшен по направлению на Брион. Но французское правое крыло у Эльбёф еще в течение ночи, благодаря спешному отступ-

лению, вышло из опасного положения, создавшегося вследствие ухода остальных отрядов.

Успех стоил немцам 5 офицеров и 167 солдат. Потеря французов была, примерно, такая же, но они отдали 300 пленных и 4 орудия.

Генерал Руа собрал свои войска за р. Риль на линии Понт — Одмер-Брион, а немцы теперь сильно занимали Бургашар, Бургтерульд и Эльбёф, имея для поддержки три батальона у Гран-Курон. Остальные войска вернулись в Руан.

Сделанная французами в тот же день попытка наступать на северном берегу Сены была остановлена уже перед Фовиль, откуда они опять отошли к Арфлер.

Между тем, в 8-м корпусе было замечено, что на этот раз французы не отошли под защиту северных крепостей, а остановились к югу от Арраса, что указывало на их намерение вскоре возобновить наступление против войск, блокирующих Перонн.

Вследствие этого генерал Гебен решил для прикрытия блокады снова перейти на северный берег Соммы, но занять там фланговую позицию, перед фронтом которой неприятелю пришлось бы двигаться в случае его наступления.

После дневки и пополнения боевых припасов 6 января 30-я бригада передвинулась в Брэ, 29-я бригада — в Альбер. Ближе всего к неприятелю стояла 3-я кавалерийская дивизия у Бапома и позади ее гвардейская кавалерийская бригада. Для обеспечения левого фланга подполковник Пестель занял Аше; от блокадного корпуса 3-я резервная дивизия перешла к западу от крепости в Фельер. Корпусная артиллерия первоначально осталась на левом берегу Соммы, так как возникло предположение, что неприятель может наступать на Амьен.

Однако в ближайшие дни французы ничего серьезного не предприняли, а 9 января крепость Перонн пала.

Маленькая крепость блокировалась в продолжение 14 дней одиннадцатью батальонами, шестнадцатью эскадронами и десятью батареями. Затопленные луга с одной стороны, каменные стены со средневековыми башнями — с другой обеспечивали ее от внезапного нападения; впрочем, вблизи ее со всех сторон находились командующие высоты.

Несмотря на это, огонь из 58 полевых орудий не дал серьезного результата; кроме того, его пришлось очень скоро прекратить по не-

достатку боевых припасов. Обстрел из взятых французских орудий также не имел успеха. Крепость все время продолжала свой огонь, и гарнизон, состоявший всего из 3 500 человек, даже пытался делать вылазки.

В день сражения при Бапоме, как уже сказано, часть блокирующих войск должна была двинуться на поддержку 8-го корпуса, и при неизвестности относительно исхода этого боя пришлось предусмотреть меры для опасения осадного парка. Оставшиеся войска стояли в сборе, готовые к походу, и часть тяжелых орудий была отведена назад. Но гарнизон крепости держался выжидательно.

Два дня спустя прибыл сформированный в Ля-Фер осадный парк из 55 тяжелых орудий. Второй парк в составе 28 французских орудий находился в пути из Мезьера. Приготовления к правильной осаде были сделаны, и 8 января, когда, наконец, прибыл большой транспорт боевых припасов, коменданту Перонна было предложено прекратить сопротивление, с этого времени ставшее безнадежным.

10 января генерал Барнеков вступил в крепость, широко снабженную оружием, боевыми и съестными припасами.

7 января король призвал генерала Мантейфеля на другой театр, вверив командование 1-й армией генералу Гебену.

Освобожденный от заботы о Перонне, он мог теперь исключительно заняться задачей обеспечения блокады Парижа. Для этого Сомма, где все переправы находились в руках немцев, представляла естественный барьер, за которым можно было выждать наступление даже превосходящего в числе неприятеля. Кроме того, 8-й корпус получил теперь некоторые подкрепления. Спокойствие, наступившее на нижней Сене, позволило направить оттуда в Амьен еще два пехотных полка с двумя батареями. Затем главная квартира предоставила маасской армии одну пехотную бригаду для перебросок в случае надобности по железной дороге.

Оставалось неизвестным, куда будет направлен удар противника. Вследствие этого генерал Гебен развернул свои силы за Соммой на значительном протяжении в 10 миль, но все же прочно занял удобные пункты впереди, для перехода в наступление, смотря по обстоятельствам. В середине месяца подчиненные генералу Гебену части 1-го армейского корпуса заняли Амьен, Корби и линию р. Алю во фланкирующем положении. Удерживая Брэ, 15-я дивизия расположилась на

квартирах к югу от этого селения. Ближе всего к ней стояли: слева от Перонна 3-я резервная дивизия; справа 16-я дивизия и 3-я резервная кавалерийская бригада, которые занимали впереди Руазель и Верман. У Сен-Кантена находилась 12-я кавалерийская дивизия.

Французская армия вскоре начала движение по большой дороге из Камере, оттеснив своим 22-м корпусом 3-ю кавалерийскую дивизию сначала из Бапорма, а потом из Аль-бера за р. Алю. По той же дороге следовал 23-й французский корпус, и казалось, что целью противника был действительно Амьен. Однако, разведка обнаружила трудность наступления в этом направлении, кроме того телеграмма военного министра сообщила, что в ближайшие дни парижская армия сделает последнее крайнее усилие для прорыва блокадной линии и что Северная армия должна отвлечь от столицы возможно больше неприятельских сил.

Ввиду этого генерал Федерб решил безотлагательно наступать на Сен-Кантен, куда уже была двинута бригада Инара из Камбре. Наступление против правого крыла немцев, занятого тогда только кавалерией, угрожало одновременно их сообщениям, а близость северных крепостей обеспечивала тыл французской армии, давая ей большую свободу операций.

Но генерал Гебен предусмотрел это движение противника влево и для парирования его сосредоточил все свои силы.

Выздоровливающие, годные для службы были возвращены. В Амьене остались лишь небольшие части, и благодаря подходу 13-го корпуса от р. Сарт к нижней Сене стало возможно притянуть оттуда к Сомме 3-й гренадерский полк с одной тяжелой батареей.

Вскоре кавалерия выяснила отход французов из Альбера и движение их корпусов на Комбль и Сайли. Вновь сформированная бригада Поли заняла Бапом, и бригада Инара вступила в Сен-Кантен, откуда генерал Цур-Липпе, согласно приказа, отошел на Ам. Теперь и генерал Гебен выступил в восточном направлении, притом по дорогам на обоих берегах Соммы, чтобы своевременно настигнуть неприятеля.

17 января 12-я кавалерийская дивизия пошла далее вправо по направлению на Ля-Фер, 16-я дивизия — в Ам. 3-я резервная дивизия и гвардейская кавалерийская бригада достигли Нель, 15-я дивизия и корпусная артиллерия — Вилер-Карбонель. Из войск, прибывших на-

последок из Руана, был образован резерв армии, который следовал до Арбоньера. На северном берегу отряд Гребена дошел до окрестностей Перонна.

Четыре французские дивизии наступали по направлению к Верман таким образом, чтобы на следующий день иметь возможность соединиться у Сен-Кантена.

18 января на германской стороне 16-я и 3-я резервные дивизии двигались по южному берегу Соммы в Жюси и Флави, армейские резервы — вслед за ними до Ам. В Вандейль 12-я кавалерийская дивизия нашла местность к востоку от Уазы еще свободной от неприятеля. Для того чтобы установить соприкосновение с подходившими французами, 15-я дивизия должна была перейти Сомму у Бри и наступать на Верман и Этрейлер вместе с войсками генерала Гребена. Генералу Куммеру указывалось: если он найдет французов на позиции, то ограничиться наблюдением; в случае их отхода на север — последовать за ними, а при возможном движении противника в южном направлении немедленно атаковать его всеми силами.

Уже по ту сторону Тертри в 10³⁰ утра 29-я бригада встретила арьергард 22-го корпуса и его обозы. Гусары рассеяли один батальон прикрытия и отогнали обоз в величайшем беспорядке на Коленкур, но должны были оставить добычу и пленных вследствие огня подходившей пехоты. Французская бригада сделала поворот и перешла в наступление на Трефкон. 65-й германский полк и три батареи сопротивлялись до 2 часов, когда прибывший на место боя генерал Бессоль приказал французам продолжать марш на Сен-Кантен. Французский 29-й корпус также прервал свое движение и выслал бригаду против левого фланга 15-й дивизии. Эта бригада у фермы Ковиньи натолкнулась на два немецких батальона, которые после длительного огневого боя пошли вслед за отступавшим противником, ворвались около 3 часов пополудни в Коленкур, взяв там 100 пленных и 14 продовольственных повозок.

Между тем, генерал Гребен поспешил на шум боя и увидел, что самой действительной помощью будет, если он двинется напрямик к Верман. Против занятой неприятелем деревни Пейли выехали четыре батареи, и когда 4-й гренадерский полк пошел в атаку, французы отступили, оставив пленных; много мобилей было разогнано уланами. Но так как у Верман стоял весь 23-й корпус, производивший развер-

тывание, то Гребен собрал свои войска за долиной Пейли, причем отходившие тотчас же отбивали каждый натиск. 15-я дивизия расположилась на квартирах у Бовуа и Коленкура.

Повидимому, единственной целью французских генералов в этот день было достижение Сен-Кантена. Они не воспользовались случаем обрушиться обоими корпусами на одну 15-ю дивизию. 23-й корпус ночевал в Сен-Кантене и западнее его, 22-й корпус, перешедший Сомму у Серокур, — к югу от города. Теперь, когда немцы приблизились вплотную, дальнейшее продвижение Северной французской армии как к Парижу, так и против германских коммуникационных линий зависело от исхода сражения под Парижем, и потому генерал Федерб решил выждать результата у Сен-Кантена.

Было важно дождаться там успеха вылазки парижской армии. Местность представляла некоторые выводы: высоты перед городом давали хороший обстрел и позволяли укрыто расположить резервы. Правда, Сомма разделяла армию пополам, но мост у Сен-Кантена облегчал взаимную поддержку. Противник также находился по обеим сторонам реки, и, наконец, 40 тыс. французов, считая присоединившиеся бригады Инара и Поли, имели перед собой меньшие неприятельские силы. Фактически немцы насчитывали всего 32580 бойцов, из которых почти 6 тыс. кавалеристов.

Сражение при Сен-Кантене 19 января

Генерал Гебен назначил на 19 января общее наступление.

По южному берегу Соммы наступал генерал Барнеков с 16-й и 3-й резервными дивизиями от Жюси через Эсиньи, заняв слева Серокур; по дороге от Ля-Фер шла 12-я кавалерийская дивизия.

Французские колонны еще двигались в походном порядке, чтобы расположиться на своей позиции тылом к Сен-Кантену, но Грюжи было уже ими занято. В то время как 32-я германская бригада разворачивалась к северу от Эсиньи, а резервная дивизия остановилась позади этой деревни, 31-я бригада в 9⁴⁵ утра перешла в наступление против Грюжи.

Это наступление фланкировалось слева французской бригадой Жислена, занявшей тем временем Конткур и Кастр. С фронта против немцев выступили бригады Ферстера и Питье. На огонь выехавших сначала германских батарей энергично отвечала французская артиллерия от Мулен-де-Ту-Ван. В 11 часов 2-й батальон 69-го полка в ротной колонне двинулся в атаку по совершенно открытой местности на высоту по эту сторону Грюжи, но попытка, повторенная четыре раза, окончилась неудачей под губительным перекрестным огнем противника. Батальон израсходовал почти все патроны, и только с прибытием шести свежих рот 29-го полка удалось в ожесточенной рукопашной свалке оттеснить французов, которые все-таки удержались впереди Грюжи на сахарном заводе.

На правом крыле наступала 12-я кавалерийская дивизия вдоль дороги из Ля-Фер; навстречу ей бегом выдвинулась французская бригада Айнеса, до тех пор стоявшая в резерве. Так как генерал Цур-Липпе имел в своем распоряжении из пехоты только один батальон, то движение 12-й кавалерийской дивизии пока приостановилось у Корне-Дор. Но около полудня, когда подошло подкрепление из Тернье, саксонские егеря взяли штурмом парк у шоссе, а шлезвиг-голштинские фузилеры — Ля-Невиль. Потеряв много пленных, французы поспешно отступили, энергично преследуемые, в предместье Сен-Кантена.

Тем временем 31-я германская бригада вела горячий огневой бой впереди Грюжи, по обеим сторонам железной дороги; за ее правым крылом в долине у шоссе стояла 32-я бригада, где она все же несла значительные потери от неприятельских гранат; слева германскому

отряду, подошедшему из Серокур, не удалось проникнуть в Конткур. Теперь превосходные силы французов произвели из Грюжи такую сильную контратаку, что 16-ю дивизию пришлось отвести назад до Эсиньи.

После полудня, когда генерал Федерб отправился к 23-му корпусу, он имел полное право рассчитывать, что 22-й корпус удержит свою позицию. Правда, решение должно было последовать в северной части поля сражения.

Там дивизия Робена заняла позицию между Файе и Франсильи. Слева от нее вдвинулась в боевую линию бригада Инара, а из дивизии Пайена бригада Лагранжа распространилась до Соммы. В резерве оставалась бригада Мишле и для обеспечения тыловых сообщений бригада Поли у Грикур.

На левом крыле немцев уже в 8 часов утра генерал Гребен с семью батальонами при 28 орудиях выступил из Пейльи и двинулся вдоль римской дороги. Кавалерийская бригада сопровождала его марш слева. Вскоре пруссаки вытеснили французов из Ольнон и Селанси, двинулись против Файе и поднялись на высоту Мулен-Кут. При этом у неприятеля было взято одно стрелявшее орудие с зарядным ящиком и много пленных.

Мало-помалу все 28 орудий выехали на высоту у мельницы и вступили в бой с артиллерией дивизии Робина, но через полчаса обнаружился недостаток снарядов, потому что зарядные ящики, отправленные накануне к транспортам 8-го корпуса за пополнением, еще не вернулись. Батареи, терпевшие, кроме того, от ружейного огня, должны были отойти в Ольнон, и так как неприятель продолжал занимать Франсильи непосредственно на фланге и в тылу, дальнейшее наступление пока приостановилось.

Справа генерал Куммер с 15-й дивизией выступил из Бовуа и около 10 часов достиг Этрейлер. Королевские гусары производили поиски до Лэпин-де-Даллон, отбрасывая неприятельских всадников, а 29-я бригада заняла Сави. К северу от этого пункта три германские батареи начали бой с артиллерией дивизии Пайена, и 65-й полк пошел в атаку на находившиеся впереди рощи. Меньшая южная роща была взята, но и тут, как во Франсильи, бригада Инара удержалась в большой северной роще.

Потом, около полудня, против меньшей рощи перешла в наступление бригада Лагранжа, вторглась в нее на короткое время, но была опять вытеснена 65-м полком.

На угрожаемом правом фланге 29-й германской бригады был выдвинут 33-й полк, и рядом со стрелявшими уже батареями выехали на позицию две тяжелые батареи только что прибывшей к Сави корпусной артиллерии. Затем правее 29-й бригады подошла также 30-я бригада через Руни.

Между тем, на левом крыле, продвинувшись гораздо далее вперед, полковник Массов в 1 час пополудни снова начал наступление. Шесть рот 44-го полка вытеснили французов из Файе. Две батареи последовали за ними и еще раз вступили в бой с большой артиллерийской позицией неприятеля у Мулен-де-Сепи.

Генерал Польз-д'Ивуа, видя столь близкую угрозу сообщениям своего 23-го корпуса с Камбре, уже притянул к себе из резерва бригаду Мишле и со свежими силами двинулся на Файе. Находившиеся там прусские части пришлось отвести назад к Мулен-Кут, но дальнейшее наступление неприятеля против этой высоты было остановлено фланговым ударом от Селанси; одновременно взята штурмом ферма Буа-де-Роз. Французы опять отошли к Файе.

Там, во Франсильи и в северной роще, они удерживались еще в 1 час 30 мин пополудни, тогда как в это время со стороны немцев все три бригады находились в боевой линии. Хотя армейский резерв двинулся из Ам на Руни, но генерал Гебен, который оттуда наблюдал незначительные успехи 16-й дивизии, послал его уже в 11 часов на поддержку последней через Серокур.

Оттуда полковник Бекинг со своими тремя батальонами, тремя эскадронами и двумя батареями пошел по направлению на Конткур.

Поспешив вперед с кавалерией, он сначала ввел в дело свою артиллерию. Затем 41-й полк тотчас же после прибытия перешел в наступление и совместно со стоявшим уже там батальоном 19-го полка в 1 час пополудни оттеснил неприятеля из названного селения и из Кастр с захватом большого числа пленных к высоте у Грюжи. Против последней направился теперь огонь артиллерии, постепенно возросшей до 30 орудий.

Чтобы тут удержаться, генерал Лепуант, командир 22-го корпуса, притянул на усиление бригады Жислена несколько батальонов

бригады Питье и даже бригады Энеса. Несмотря на это, восточно-прусскому полку удалось в 2³⁰ охватывающей атакой сбросить противника в долину перед Грюжи.

Энергичные действия полковника Бекинга оказали влияние на весь боевой фронт.

Желая возобновить общее продвижение вперед, генерал Барнеков вытребовал от Эсиньи свои последние части, но в 3 часа французская бригада Питье неожиданно перешла в наступление вдоль железной дороги. Справа от Кастр она была обстреляна германской артиллерией, а слева из долины от Урвилер против нее внезапно вышли пять эскадронов резервной кавалерии. Одновременно двинулся вперед полковник Герцберг с 32-й бригадой и оттеснил Питье обратно к Мулен-де-Ту-Ван.

К югу от Грюжи французская бригада Ферстера еще стойко держалась, несмотря на серьезную угрозу справа от Жифекур и неменьшую угрозу с левого фланга со стороны 12-й кавалерийской дивизии. Но теперь, когда отступление бригады Питье совершенно обнажило ее левое крыло и ее последние силы были истощены в длительном бою, она должна была решиться на очищение долго обороняемой позиции. Германская 31-я бригада продвинулась вдоль железной дороги до сахарного завода, и полковник Бекинг вытеснил последние французские части из Грюжи. Потом он подготовил атаку Мулен-де-Ту-Ван своей артиллерией. Эту высоту концентрически атаковали: 41-й полк, вызванные еще из Эсиньи батальоны и 32-я бригада. Французы сопротивлялись недолго, они уже отходили. Вся боевая линия немцев с 12-й кавалерийской дивизией на правом крыле двинулась по направлению к городу, до которого теперь уже достигали артиллерийские снаряды от Гоши. Кавалерия неоднократно врывается в отходившие французские части; вокзал и предместье, в котором был найден лишь арьергард 22-го французского корпуса, были заняты после короткого боя.

В то время как на южной половине поля сражения бой принял описанный оборот, на северной половине атаки тоже продолжались.

Уже в 2 часа 28-й полк, наступая от Рупи, взял штурмом ферму Лэпин-де-Далон (на дороге в Ам), и почти одновременно пехота Гребена снова перешла в наступление.

Тогда как справа несколько рот 4-го и 44-го полков отбивали вышедшие из большой рощи французские части, майор Эльпонс с шестью гренадерскими ротами перешел в наступление из Олькон и Селанси на Фронсильи, ворвавшись, несмотря на сильный огонь защитников, в эту упорно обороняемую деревню, где было взято много пленных. Но когда пруссаки двинулись дальше к югу от римской дороги, они в свою очередь подверглись серьезной атаке.

Для прикрытия своего угрожаемого пути отступления против них опять выдвинулась бригада Мишле из Файе, и, кроме того, бригада Поли из Грикур к Мулен-Кут. Последняя позиция, усиленная тем временем артиллерией, стойко оборонялась 44-м полком, и при захождении гренадерских рот налево против римской дороги атака французов и тут была отбита.

В это время 29-я бригада, за которой следовала 30-я, выступила уже по направлению на Сен-Кантен, справа 33-й полк, слева 65-й. Последний вполне овладел большой рощей, и 48 орудий выехали на позицию по обеим сторонам дороги из Сави. Вследствие сильного гранатного огня французов, пехота наступала дальше в ротных колоннах и даже развернутым строем. Но бригады Лагранжа и Инара не выждали удар и в 4 часа отступили к Сен-Кантену, оставив одно орудие.

Хотя их артиллерия и заняла еще раз позицию у Рокур, но должна была уже в 5 часов ее оставить; французы ограничились обороной забаррикадированных входов в предместье Сен-Мартен.

Против последнего развернулись шесть прусских батарей, и 29-я бригада в течение некоторого времени обстреливала с места сильно занятые строения и сады, но потом несколько рот от Рокур ворвалось в предместье. Бой на улицах еще продолжался, когда подполковник Гюллесем через мост на канале проник в самый город.

Генерал Федерб уже в 4 часа пополудни пришел к убеждению, что 23-й корпус, вероятно, не сможет удержаться. В этом случае оставалось на выбор: или отступить ночью, или подвергнуться блокаде в Сен-Кантене. Федерб еще не решил этого вопроса, когда встреченный в городе генерал Лекуант сообщил, что он отказался от обороны на южном берегу Соммы. Благодаря сопротивлению, которое 23-й корпус еще оказывал на северном берегу, 22-й корпус мог беспрепятственно начать отступление на Ле-Като.

Командующий армией приказал командиру 23-го корпуса отходить туда же, но последний получил приказ только в 6 часов вечера, когда бригады правого крыла (Поли и Мишле) уже сами выступили в Камбре. Чем упорнее обе оставшиеся бригады обороняли предместье Сен-Мартен, тем более роковым должен был сделаться этот бой для них самих. Атакованная с тылу батальонами полковника Бекинга, большая часть этих бригад попала в плен. Лишь один 41-й полк взял 54 офицера, 2 260 солдат и 4 орудия. Сам Федерб избег плена только при помощи жителей.

Бой окончился в 6³⁰ вечера; войска ночевали в городе и взятых деревнях.

С трудом одержанная победа стоила немцам 96 офицеров и 2 304 солдат. На поле сражения были найдены 3 тыс. раненых французов, а число нераненых пленных превзошло 9 тыс.

По теории победа должна непосредственно завершаться преследованием. С этим требованием соглашаются все, особенно профаны, и все-таки на практике оно редко выполняется. Военная история дает мало примеров, подобных знаменитому Ватерлоо. Нужна очень сильная, беспощадная воля, для того чтобы на войска, двигавшиеся, сражавшиеся и голодавшие в течение 10–12 часов, возложить новые усилия и опасности вместо желанного отдыха и насыщения. Но даже при наличии такой воли преследование зависит еще от тех условий, при которых одержана победа. Оно будет трудно выполнимо, если все войсковые части на поле сражения настолько перемешаны (как при Кенигтрее), что нужны часы для восстановления тактических соединений, или же если в бой введены решительно все войска (как при Сен-Кантене), так что в распоряжении не имеется ни одной нетронутой, цельной пехотной части. Одна кавалерия без поддержки пехоты редко разрешит задачу, особенно ночью, когда ее задержат все местные препятствия и самые незначительные охраняющие части противника.

Генерал Гебен начал преследование разбитого неприятеля только на следующий день. Высланная вперед кавалерия производила поиски до предместья Камбре и до гласиса Ландреси, не встречая сопротивления, но она захватила лишь несколько сот отсталых. Пехотные дивизии подошли к Камбре на 1 милю. За отсутствием осадного парка нельзя было ничего предпринять против этой крепости, но, кроме то-

го, в военном отношении представлялось нежелательным распространяться далее на север. Из полученных донесений следовало, что значительная часть французской Северной армии отошла на Лиль, Дуэ и Валансьен. Так как новых предприятий со стороны противника не предвиделось, то генерал Гебен опять отвел свои войска к Сомме, где они в конце января расположились на широких квартирах между Амьеном и Сен-Кантенем.

На нижнюю Сену 25 января прибыл в Руан герцог Мекленбургский с 13-м корпусом, встретивший во время своего марша преимущественно франкतिреров. Хотя генерал Луазель с прибывшими из Шербурга подкреплениями довел свои силы почти до 30 тыс. человек, он все-таки оставался в выжидательном положении.

Ввиду этого генерал Гебен намеревался притянуть стоявшие еще у Руана части 1-го корпуса к армии на Сомме, но это было воспрещено телеграммой главной квартиры, которая из политических соображений распорядилась оставить их там.

События на юго-восточном театре войны до 17 января

На юго-восточном театре войны под прикрытием 14-го корпуса лишь постепенно собрались войска, назначенные против Бельфора.

Город заключен в крепостную ограду бастионного начертания. На высокой скале, командуя на далеком расстоянии, поднимается цитадель, для усиления огня окруженная укреплениями, расположенными на террасах. Предместье и вокзал на левом берегу р. Савурез были защищены вновь выстроенными укрепленными линиями. На гребне высот, близко подходившем с северо-востока, форты Де-ля-Миот и Де-ля-Жюстис со своими линиями, примыкавшими к главной крепостной ограде, образовали обширный укрепленный лагерь. Крепости могла бы угрожать высота обеих Перш, которая с юга отстоит от цитадели всего на 1 тыс. м, причем оттуда можно обстреливать даже верки на левом берегу реки. Но на этой высоте еще до прихода немцев были закончены два форта с каменными одеждами, и, кроме того, соседние роши и селения, особенно Перуз и Данжутэн, были укреплены.

В крепости было достаточно безопасных от бомбардировки помещений. Вооружение состояло из 341 тяжелого орудия; продовольствием она была снабжена на 5 месяцев.

В самом начале войны, когда Эльзас был очищен 7-м французским корпусом, в Бельфоре остались только 5 тыс. мобилей, но призывом национальной гвардии гарнизон был увеличен до 17 тыс. человек.

Осмотрительный комендант полковник Данфер обратил главное внимание на энергичную оборону впереди лежащей местности. Передовым охраняющим частям было приказано ежедневно производить поиски, которые крепостная артиллерия поддерживала с самых больших дистанций.

С другой стороны, генерал Тресков в первое время располагал только двадцатью слабыми ландверными батальонами, пятью эскадронами и шестью полевыми батареями, всего 15 тыс. человек. Сначала он должен был ограничиться простой блокадой. Войска укрепились в окружающих деревнях, и им пришлось отражать много вылазок.

Главная квартира отдала приказ приступить к правильной осаде крепости. На генерала Мартенса была возложена инженерная атака, на подполковника Шелиа — артиллерийская.

Трудность предприятия была очевидна. Скалистый грунт затруднял все земляные работы, и надвигалось суровое время года. Атаку можно было вести успешно только с юга против главного укрепления сильной цитадели. В это время в распоряжении имелось лишь 50 тяжелых орудий и пехоты нехватало даже для действительного обложения крепости.

При таких условиях на рассмотрение генерала Трескова было предоставлено попытаться овладеть Бельфором посредством одного бомбардирования. Для этого всего удобнее была атака с запада, где, после вытеснения неприятельского гарнизона из Вальдуа, германская пехота взяла Эссер и Базильер, а также прилегающие лесистые высоты. На плато между обеими деревнями под прикрытием двух батальонов 3 тыс. человек 2 декабря выстроили семь батарей. Сильно промерзшая почва затрудняла работы, но, несмотря на светлую лунную ночь, они, по-видимому, не были замечены осажденными. На следующее утро, когда солнце разогнало туман и цели стали видны, был открыт огонь.

Крепость сначала отвечала слабо, но потом участила огонь со всех укреплений, даже на дистанцию в 4 тыс. м с фортов Де-ля-Миот и Де-ля-Жюстис, и немцы понесли в траншеях значительные потери.

Затем были вооружены еще четыре новые батареи впереди Бавильер, и германская пехота, взяв Ля-Тюиль-ри, продвинулась на дистанцию 150 м к внешним укреплениям противника. Удалось также произвести пожары в городе, но вскоре обнаружился недостаток в снарядах, тогда как высокий замок продолжал непрерывно свой действительный огонь и постоянно нужно было отражать вылазки гарнизона. Пришлось убедиться, что решительного успеха нельзя достигнуть избранным способом, а только постепенной атакой.

На юге 13 декабря полковник Островский отбил у французов Адельнан, поросшие лесом высоты Ле-Бомон и Ля-Брос. На восточном выступе последних были выстроены две батареи, а на северной опушке — еще четыре, с большими трудностями в почве, размокшей от оттепели, и 7 января был открыт огонь из 50 орудий. Вскоре артиллерия атаки приобрела перевес, форт Бельвю был сильно поврежден и совершенно подавлен огонь с Нижнего Перш.

Дальнейшему наступлению прежде всего мешала сильно занятая неприятелем укрепленная Данжутен. В ночь на 8 января семь рот ата-

ковали эту передовую позицию с севера, причем одновременно заняли железнодорожную насыпь. С незаряженными ружьями бросились ландверисты на энергично стрелявшего неприятеля и проникли по улице до церкви. Подоспевшие из крепости подкрепления были отражены у железнодорожной насыпи, но бой за строения в южной части деревни все-таки продолжался до полудня. Из защитников 20 офицеров и 700 солдат попали в плен.

В Бельфоре появились тиф и оспа, но и среди осаждающих войск, вследствие тяжелой работы и холодной погоды, число заболеваний возрастало в опасной степени. Большинство батальонов могло вывести в строй только по 500 человек; к тому же генерал Тресков должен был употребить половину своих сил для обеспечения блокады с юга. По достоверным сведениям французы имели у Безансона около 62 тыс. человек. Если до сих пор они держались совершенно пассивно, то теперь, казалось, желали серьезно наступать вдоль р. Дуб для освобождения блокированной крепости.

К югу от Бельфора замок Монбельяр был приспособлен к обороне, занят одним батальоном и вооружен тяжелыми орудиями. К западу от него между р. Дуб и швейцарской границей стоял генерал Дебшиц с восемью батальонами, двумя эскадронами и двумя батареями у Дель, и генерал Вердер собрал 14-й корпус к востоку от Везуля у Норуа, Айльван и Атезан, чтобы всеми силами противодействовать каждой попытке помешать блокаде.

С 5 января завязался ряд боев перед Везулем, во время которых французы с юга и севера придвинулись к городу на расстояние 1 мили. Не подлежало сомнению, что тут наступали очень значительные силы. К востоку от р. Оньон через Ружмон также продвигались неприятельские отряды, но меньшей численности. В этих боях было взято 500 пленных, и одновременно выяснилось, что они принадлежат не только 18-му корпусу, но также 24-му и 20-му корпусам, т. е. армии Бурбаки, и это обстоятельство вдруг бросило свет на совершенно изменившуюся обстановку.

В главной квартире в Версале рассуждали правильно, ожидая в начале января преднамеренного взаимодействия генералов Шанзи и Бурбаки. Как мы видели, наступление первого было встречено Фридрихом-Карлом еще на р. Луар, а второй фактически также начал свое движение через Монтаржи для выручки блокированного Парижа. Но

у него выполнение затянулось до 19 декабря, когда 2-я германская армия уже вернулась из своего похода на Ле-Ман. Генералу Бурбаки приходилось теперь опасаться, что, в случае его дальнейшего наступления, она нападет на него с фланга, и он тем охотнее согласился на другой план, составленный делегатами Фрейсине и одобренный диктатором Гамбеттой.

По этому плану 15-й корпус должен был оставаться у Буржа, прикрывая этот город на укрепленной позиции у Вьерзон и Невер; напротив, 18-й и 20-й корпуса безотлагательно перевозились по железной дороге в Бон, чтобы, соединившись с Гарибальди и Кремером, составить армию в 70 тыс. человек и овладеть Дижоном. Точно так же по железной дороге следовало подвезти вновь сформированный 24-й корпус из Лиона в Безансон, где он должен был усилиться стоявшими уже там отрядами до 50 тыс. человек. Предполагалось, что при совместной операции с «победителями Дижона» будет легко «даже без выстрела» снять осаду Бельфора. Одного присутствия этой массы гораздо более 100 тыс. человек окажется достаточным, чтобы прекратить все атаки немцев на северные крепости. Во всяком случае, все коммуникационные линии германских армий будут перерезаны, а впоследствии можно также рассчитывать на совместные действия с Федербом.

Железнодорожная перевозка от Луары к Саоне началась уже 23 декабря. Правда, при отсутствии подготовки происходили многочисленные задержки и перерывы движения, причем войска сильно страдали от больших морозов и недостаточного продовольствия. По достижении Шаньи и Шалона (на Саоне), когда стало известно, что немцы уже очистили Дижон, было решено снова погрузить корпуса в вагоны, чтобы подвезти их ближе к Безансону; вследствие этого произошла новая остановка, и только в начале нового года Восточная армия собралась между Дижоном и Безансоном в готовности для действия. Теперь был также вызван 15-й корпус, но для перевозки его требовалось 14 дней.

Далеко идущему плану Фрейсине с его сангвиническими надеждами значительно благоприятствовало то обстоятельство, что передвижение крупного войскового соединения на отдаленный театр войны могло быть скрыто в продолжение 14 дней как от 2-й армии, так и от 14-го корпуса, а, следовательно, и от главной квартиры.

Хотя слухи и газетные статьи уже несколько раньше намекали на это, но все-таки лишь телеграмма генерала Вердера от 5 января явилась первым действительно надежным донесением о существенно изменившейся стратегической обстановке. В Версале были тотчас же отданы соответствующие распоряжения и приступлено к образованию новой Южной армии.

Для последней имелись 2-й корпус в Монтаржи и половина 7-го корпуса генерала Цастрова в Оксер на р. Ионне, который в период неизвестности неоднократно был передвигаем между Саоной и Ионной по разным направлениям, в зависимости от того, откуда угрожала кажущаяся опасность. Начальство над обоими корпусами, к которым впоследствии присоединился 14-й корпус, было вверено генералу Мантейфелю. Непосредственной поддержки генералу Вердеру нельзя было дать, и пока 14-й корпус должен был ограничиться собственными силами.

Между тем, несмотря на численное превосходство, французы занялись не столько наступлением, сколько маневрированием.

Генерал Бурбаки хотел охватить левое крыло 14-го корпуса и таким способом совершенно оттеснить его от Бельфора.

Хотя 5 января 18-й корпус через Гранвель и 20-й корпус через Эшено наступали на Везуль, но, как мы видели, встретили там сопротивление; когда же посланный вправо на Эспрель 24-й корпус узнал, что Вилерсексель занят немцами, то командующий армией решил предпринять еще более дальний обход на восток. Оба корпуса левого крыла двинулись 8 января вправо; 18-й корпус — к Монбозон, 20-й корпус — к Ружмон. Что касается 24-го корпуса, то он возвратился в Кюз. Одновременно было приказано генералу Кремеру наступать от Дижона на Везуль. Затем 9 января 24-й и 20-й корпуса вышли у Вельшеврё и Вильаржан на дорогу Арсей — Вилерсексель, тогда как 18-й корпус достиг последнего пункта и Эспрель своими головными частями.

Генералу Вердеру оставалось лишь как можно скорее следовать за этим боковым движением. Он послал баденскую дивизию в Атезан, 4-ю резервную дивизию — в Эльван и бригаду генерала Гольца в Нуруа-ле-Бур. Обозы были направлены на Люр.

Бой при Вилерсекседе 9 января

Во исполнение этого резервная дивизия выступила в 7 часов 9 января от Норуа к Эйльван и для продолжения марша начала строить мост через Оньон. Посланный вправо боковой отряд 25-го полка был встречен у Вилерсексель огнем, и попытка продвинуться через каменный мост сначала не удалась.

Французы занимали город, высоко расположенный на противоположном берегу, двумя с половиной батальонами. Но к немцам вскоре подошло подкрепление. Две батареи взяли под обстрел город и подходившие к французам подкрепления. Части 25-го полка перешли реку по проволочным висячим мосткам и вторглись в окруженный каменной стеной парк, а также в замок. В 1 час пополудни французы были вытеснены из города с потерей многих пленных, и тут настало затишье.

Правда, прусский отряд уже во время боя был серьезно угрожаем с фланга подходившей от Эспреля 1-й дивизией 18-го французского корпуса вместе с резервной артиллерией.

Но против нее выступил генерал Гольц, заняв Муамэ. Кроме того, он послал девять рот 30-го полка в Вилерсексель, чтобы сменить там части 25-го полка, которые для дальнейшего марша должны были присоединиться к своей дивизии. Со своей сводной бригадой Гольц хотел образовать общий арьергард.

Генерал Вердер, наблюдавший движение значительных сил французов с юга по направлению к Вилерсекселю, пришел к заключению, что не так важно наступать через Оньон, как помешать неприятелю перейти эту реку, прикрывавшую дальнейший подход к Бельфору. Ввиду этого он приказал вернуть пехоту, выступившую уже из города на юг, а батареям велел отъехать на северный берег реки. Там главные силы 4-й резервной дивизии заняли оборонительную позицию, для поддержки которой в случае нужды баденская дивизия была задержана на марше у Арпенон и Люр.

Настал уже вечер, когда сильные неприятельские колонны приблизились к Вилерсекселю и стали обстреливать город артиллерийским огнем.

Под покровом темноты французы проникли в парк и замок, откуда германский гарнизон уже отступил, и так как общая обстановка безусловно не требовала удержания Вилерсекселя, то командовавшие

офицеры распорядились очистить город. Это распоряжение, хотя и под натиском противника, было уже почти выполнено, когда был получен приказ генерала Вердера — удерживать город.

Немедленно четыре батальона резервной дивизии снова перешли в наступление. Части 25-го полка, повернув у моста через Оньон, присоединились к ним. Ландверисты ворвались в нижний этаж обширного замка, но французы защищались в верхнем этаже и в погребах. На лестницах и в коридорах горевшего уже здания произошёл горячий бой с переменным успехом, на улицах бой также продолжался. Только после того, как командир корпуса предоставил на усмотрение начальников прекратить или продолжать его, были отданы приказы о постепенном отступлении, которое было закончено к 3 часам. Потом резервная дивизия перешла обратно через мост у Эйльвана и заняла справа Сен-Сюльпис.

Генерал Гольц до вечера удерживался у Муамэ.

В общем из состава 14-го германского корпуса в этот день сражались только 15 тыс. человек, которые потеряли 26 офицеров и 553 солдата. Потеря французов составляла 27 офицеров и 627 солдат, но, кроме того, они оставили в руках немцев 700 нераненых пленных. С французской стороны участвовали главным образом 18-й и 20-й корпуса; 24-й корпус вследствие боя в его тылу приостановил свой марш к Арсей у Севенан. Прибывавшие постепенно части 25-го корпуса продвигались с юга по направлению на Бельфор.

Утром 10 января генерал Вердер собрал свой корпус в окрестностях Эйльвана в готовности дать неприятелю сражение в случае, если бы он наступал через Вилерсексель. Но наступления не последовало, и тогда немцам представилась возможность еще в утренние часы продолжать дальнейший марш. Действительно, три французских корпуса стояли на таком же расстоянии от Бельфора, как три германские дивизии. Для прикрытия отступления резервная дивизия заняла позицию у Атезан, и на следующий день все германские отряды достигли линии р. Лизен. На правом крыле стояла баденская дивизия у Фрайе и Шалонвилар; в центре — резервная бригада между Шажей и Кутенан, слева — резервная дивизия у Эрикур и Гавей. С юга наблюдали: генерал Добшиц у Деля и полковник Бредов в Арсей; в западном направлении: у Агор полковник Виллизен с притянутым из Везуля отрядом силой в восемь рот, тринадцать эскадронов и две батареи.

Фактически немцам удалось вдвинуться между неприятелем и Бельфором.

Французский главнокомандующий под опьяняющим впечатлением победы впал в бездеятельность. Он донес правительству в Бордо: «Генерал Било занял Эспрель и там удержался». Мы знаем, что его там никто не атаковал и что ему не удалось вытеснить генерала Гольца из соседнего Муамэ. «Генерал Клиншан с замечательной лихостью взял Вилерсексель». Но с германской стороны бой вела лишь часть 14-го корпуса, с целью прикрыть с правого фланга марш главных сил. В то время как немцы продолжали свое движение самым энергичным образом, французская армия 2 дня простояла на месте в готовности к бою и в уверенности, что неприятель, названный разбитым, перейдет в наступление против превосходных сил. Только 13 января 24-й корпус двинулся в Арсей, 20-й к Сольно, а 18-й корпус последовал до Севенан. 15-й корпус должен был через Сен-Мари поддержать наступление на Арсей.

Опередив войска, генерал Вердер воспользовался этим промежутком времени для ознакомления с возможностью занятия позиции на Лизене и для переговоров с генералом Тресковым.

Осмотр местности показал, что у Фрайе р. Лизен протекает в виде незначительного ручья по открытой луговой долине, далее до Шажей — крутые, лесистые склоны гор. У Эрикура долина превращается в широкую равнину, над которой всецело командует скалистая высота Мон-Водуа. Далее вниз по течению лесистые высоты сопровождают реку до Монбельяра, который вместе с ручьем Ален образует сильный опорный пункт и завершение оборонительной линии.

Лесистый характер местности к западу от р. Лизен должен был затруднить наступающему развертывание больших масс и его многочисленной артиллерии. Хотя при господствовавшем сильном холоде река повсюду замерзла, но для подхода французская армия могла воспользоваться лишь двумя значительными дорогами, спускавшимися в долину к Монбельяру и Эрикуру. Остальные спуски представляли узкие, трудно проходимые при гололедице ущелья.

Генерал Тресков уже занял важнейшие пункты осадными орудиями, а именно замок Монбельяр шестью и соседнюю высоту Ля-Гранж-Дам пятью тяжелыми пушками. У Эрикура на Мон-Водуа

стояли семь таких же орудий, и, кроме того, 21 орудие обстреливало на юг долину р. Ален до Деля.

Из войск, блокировавших Бельфор, было также притянута все, что возможно, и все-таки оставалось сомнение — хватит ли наличных сил для достаточного занятия всей оборонительной линии р. Лизен. По местным условиям самую слабую часть ее составляло правое крыло, но тут меньше всего можно было ожидать главной атаки противника, потому что многочисленная, скудно снаряженная французская армия нуждалась для удовлетворения своих потребностей в близости железной дороги. Железнодорожный путь от Везуля через Люр во многих местах был разрушен, а железная дорога из Безансона подходила к сильному левому крылу. Следовательно, местность к северу от Шажей можно было занять слабее, образовав из большей части баденской дивизии резерв, распределенный за центром и левым крылом в Мандревильяр, Бревилье и Шармон.

Отсрочка, данная противником, была использована немцами с величайшим усердием, для того чтобы вырыть стрелковые окопы и закрытия для батарей, провести телеграфные линии и летучую почту, исправить дороги и запастись продовольственными и боевыми припасами.

Утром 13 января охраняющие части 4-й резервной дивизии в Арсей, Сен-Мари и Гонвильяр подверглись нападению. Им было указано отступать перед превосходящими силами, но удерживаясь настолько, чтобы вынудить неприятельские колонны к развертыванию.

Вследствие этого после трехчасового боя с французской артиллерией, выехавшей по широкой дуге, немцы, хотя и под сильным натиском, заняли новую позицию за ручьем Рупт и только в 4 часа пополудни начали отступление к Тавей. Авангард генерала Гольца, стоявший у Шевана, когда против него развернулась целая бригада, также отошел и занял позицию у Кутенан на общей линии.

Перед фронтом р. Ален французам не удалось отеснить охраняющие части генерала Дебшица из Даль и Круа.

14 января генерал Виллизен с 50 спешенными драгунами вытеснил французов, только что вступивших в Люр, но затем отступил со своим отрядом в Роншан.

И в этот день французская армия также не предприняла серьезного наступления. Из ее состава 15-й, 20-й и 24-й корпуса были тесно

сосредоточены в расстоянии едва 1 мили против левого крыла и центра немцев. Что касается их правого крыла, то генерал Бурбаки предполагал, что оно примыкает к Мон-Водуа. Его план состоял в том, чтобы перейти р. Лизен выше этого опорного пункта и охватом противника облегчить фронтальную атаку. Для охвата были назначены 18-й корпус и дивизия Кремера. Но этому целесообразному распоряжению мешало то обстоятельство, что как раз обе названные части, которым по замыслу главнокомандующего 14 января предстояло начать бой, должны были пройти для подхода к противнику больше остальных. В трудно проходимой гористой и лесистой местности в этот день 18-й корпус лишь своими головными частями достиг окрестностей Ломон, а бригада Кремера еще только выступила из Везуля. Этим была обусловлена отсрочка наступления до 15 января.

С германской стороны можно было ежечасно ожидать общей атаки превосходных неприятельских сил, и генерал Вердер счел долгом по телеграфу сообщить в Версаль о всей серьезности своего положения. Реки вследствие мороза стали везде проходимы, прикрытие Бельфора лишает 14-й корпус всякой свободы движения и угрожает самому существованию его; ввиду этого он (Вердер) настоятельно просит обсудить — следует ли продолжать блокаду Бельфора.

В главной квартире сочли, что всякое дальнейшее отступление блокирующего 15-го корпуса от крепости будет иметь непосредственным последствием отказ от ее осады и потерю назначенного для этого многочисленного осадного парка; кроме того, нельзя было предвидеть, где остановится такое отступление, которое могло лишь замедлить воздействие армии генерала Мантейфеля, приближавшейся форсированными маршами. Вследствие этого генералу Вердеру был дан точный приказ от 15 января в 3 часа пополудни — принять сражение впереди Бельфора. Разумеется, этим он был освобожден от нравственной ответственности за все последствия, могущие произойти от неудачного исхода сражения. Однако еще до получения этого приказа генерал уже исполнил его по собственному решению.

Сражение на р. Лизен 15, 16 и 17 января

Утром 15 января две дивизии 15-го французского корпуса, усиленные артиллерией, двинулись против Монбельяра, третья дивизия следовала в резерве. Восточнопрусские ландверные батальоны, выдвинутые к ферме Мон-Шеви и к Сен-Сюзан, долго удерживали свою позицию, перешли сами в наступление и оттеснили головы неприятельских колонн до ручья Рупт. Но после полудня, когда французы в больших силах развернулись на опушке леса, охраняющие германские части в 2 часа пополудни были отозваны обратно на левый берег р. Лизен. Город Монбельяр, к которому вплотную подходят сильно командующие высоты, был добровольно оставлен, и только в крепком замке остался гарнизон.

Генерал Блюммер с 1-й баденской бригадой занял позицию к востоку от города, поставив четыре полевые батареи рядом с осадными орудиями на плато Ля-Гранж-Дам.

После продолжительного, но безрезультатного обстрела из восьми батарей французы в сумерках заняли город, но дальше не пошли.

Французам также не удалось перейти р. Лизен у Бетонкур. 1 офицер и 60 солдат, которые искали укрытия от сильного огня обороняющегося на кладбище, обнесенном каменной стеной, были взяты в плен.

Севернее наступал 24-й французский корпус, но только около 2 часов пополудни его колонны успели развернуться из леса. Хотя четыре батальона и овладели Бюсюрель, расположенной на западном берегу р. Лизен, но дальнейшее наступление потерпело неудачу под огнем защитников, засевших за железнодорожной насыпью и притянутых из общего резерва баденских батальонов и батарей.

Особенно важным пунктом в германской оборонительной линии был Эрикур, лежащий на большой дороге из Безансона и всего в 1 миле от Бельфора. Там правое крыло 4-й резервной дивизии стояло против французов впереди р. Лизен.

Небольшой лесистый холм Муньо образует у дороги, спускающейся по узкому ущелью, своего рода предмостное укрепление; он был усилен саперами посредством засек, вырытых батарей и стрелковых окопов; позади самый город был приспособлен к обороне и по обеим сторонам его у подошвы высот поставлена артиллерия. Справа к четырем восточнопрусским ландверным батальонам примыкала ре-

зервная бригада, которая позади реки занимала склон Мон-Водуа до Люз.

К 10 часам французы развернули свою артиллерию на безлесных высотах близ пути подхода около Тремуан. Затем, когда их пехота пошла влево через Биан, германский отряд, стоявший до этого в Тавей, отошел на Эрикур в резерв. Первая атака неприятеля на Муньо окончилась неудачей вследствие сопротивления занимавших этот холм войск и огня 61 орудия с противоположного берега реки. Попытка в этот день уже не повторялась, и французы ограничились оживленной, но безрезультатной канонадой.

По распоряжениям генерала Бурбаки 20-й корпус должен был сначала выждать действия большого охватывающего маневра, возложенного на генерала Било с 18-м корпусом и дивизией Кремера. Но так как они пока не появлялись, то для обеспечения фланга генерала Клиншана пришлось передвинуть резерв армии влево к Куазево.

Дело в том, что приказы командующего армией были получены 18-м корпусом только в полночь. Последнему и без того приходилось совершить тяжелый марш по глубоко занесенным снегом лесным дорогам. При этом произошли еще скрещивания не только между фланговыми колоннами 1-й и 3-й дивизий, но в Лиофане даже с дивизией Кремера. Последняя лишь ночью с величайшим напряжением сил достигла Люра и до 9 часов утра не могла продвинуться дальше Беверна. Затем произошла новая задержка вследствие приказа пропустить вперед всю артиллерию, даже резервную, шедшую в хвосте колонны. В результате, 18-му корпусу только между 12 и 2 часами пополудни удалось развернуть две дивизии против Люз и Шажей.

1-я дивизия заняла Кутенан одним батальоном и выставила пять батарей на обратном склоне высоты к северу от этого пункта. Но они не могли справиться с огнем с противоположного берега, и вскоре в некоторых из них осталось только по два боеспособных орудия, несмотря на то, что немцы берегли снаряды ввиду трудности их пополнения. В 3 часа пополудни настал перерыв в артиллерийском бою, который возобновился лишь с прибытием подкреплений и когда в нем приняла участие артиллерия 24-го корпуса от Биана. Однако попытки значительной пехотной атаки произведено не было.

Не больше энергии проявила 3-я дивизия при наступлении против Шажей, занятого всего одним баденским батальоном, а между тем,

отсюда должен был последовать охват правого германского крыла в обход Мон-Водуа. Лес подходил к первым домам Шажей, и только крутой скат высоты затруднял спуск. Из ущелья южнее вышли два французских батальона и оттеснили баденское сторожевое охранение; дальнейшее наступление предполагалось поддержать с юга из Кутенан, но двигавшаяся оттуда пехота под огнем с другого берега повернула назад. Только при новой попытке зуавы ворвались в Шажей, где произошел горячий бой в домах. Между тем, подошли два баденских батальона, которые в 5 часов вытеснили неприятеля из деревни обратно в лес. На поддержку им поспешили новые подкрепления из резерва; короткий зимний день прошел, настудила ночь, во время которой французы также ничего не предприняли. 2-я дивизия французского корпуса дошла только до Беверна, кавалерия осталась у Лиофана.

Дивизия Кремера, несмотря на свое позднее прибытие в Люр, продолжала марш рано утром. Преодолев упомянутые уже скрещивания и остановки, 1-я бригада подошла в полдень к Этобону, где начался бой с отрядом генерала Дегенфельда. После прибытия также и 2-й бригады 1-я бригада двинулась через лес Ля-Тур, чтобы перейти р. Лизен выше Шажей. Саперам пришлось отчасти исправлять дороги, и потому произошло много задержек. Затем в темноте последовала также и 2-я бригада, оставив в Этобон наблюдательный отряд. При этом произошло столкновение с баденскими частями, что побудило генерала Кремера приказать потушить все бивачные костры. В морозную зимнюю ночь его войска оставались под ружьем.

С германской стороны весь личный состав, кроме людей, находившихся в сторожевом охранении, был расположен на квартирах в окрестных селениях, только саперы продолжали заниматься взламыванием льда.

Бои стоили обоим противникам по 600 человек, не дав никакого решительного результата, но для обороняющегося каждый день был выигрышем.

Генерал Вердер, находясь на высоте севернее Эрикур, непрерывно получал донесения о ходе боя от офицеров генерального штаба, командированных в различные места, чем регулировалась высылка резервов. Большие заботы вызывало пополнение боевых припасов, так как выписанный из Бадена транспорт еще не прибыл.

Генерал Бурбаки донес своему правительству, что он взял Монбельяр, хотя и без замка, занял деревни по западному берегу р. Лизен и 16 января произведет атаку. От генерала Било он узнал, что правое крыло немцев простирается еще значительно дальше за Мон-Водуа. Заклучив из этого, что к ним подошли крупные подкрепления, Бурбаки определял германские силы от 80 до 100 тыс. человек. Однако, он надеялся одержать успех посредством еще более дальнего охвата слева.

В 6³⁰ утра 16 января немцы опять стали в ружье на вчерашних позициях.

Французы начали атаку снова своим правым крылом. Из домов, снабженных бойницами, они обстреливали ландверную роту, стоявшую в замке Монбельяр, причиняя как ей, так и орудийной прислуге некоторые потери.

Предложение о сдаче было отвергнуто, и осадная артиллерия столь удачно обстреляла появившиеся на ближней высоте две французские батареи, что принудила их отъехать, оставив два орудия. С новой позиции у фермы Мон-Шеви усиленные еще тремя батареями они также не смогли подавить огонь с плато Ля-Гранж, хотя все-таки продолжали канонаду до наступления темноты. Попытка прорвать германскую линию из Монбельяра не была сделана.

Далее слева усиленная 1-я дивизия 15-го французского корпуса наступала на Бетонкур. Огонь ее артиллерии от Мон-Шеви и Биан заставил в 1 час пополудни одну баденскую батарею пополнить свою запряжку; он был направлен также и против деревни Бетонкур. Большие массы французов собрались в ближнем лесу и в 3 часа пополудни выступили из него.

Тем временем генерал Глюммер уже послал подкрепления к угрожаемому пункту. Два натиска, проведенные энергично до самого селения, не имели успеха вследствие уничтожающего артиллерийского и ружейного огня обороны. Третья атака, предпринятая около 4 часа пополудни целой бригадой, не успела даже вполне развернуться. Потери французов были значительны, снежное поле усеяно павшими. Нераненые также сдавались в плен.

Из 24-го французского корпуса одна дивизия стала укрыто в лесах позади Биан и так как она заняла Бюсюрель еще накануне, то для германской позиции за железнодорожной насыпью создавалась самая

близкая угроза. Командир корпуса послал поэтому генерала Келлера с двумя баденскими фузилерными батальонами и одной тяжелой батареей из Бревилье в указанном направлении. Батарея присоединилась к двум батареям, стоявшим на скате высот и уже с утра ведшим бой. Огонь пяти неприятельских батарей вскоре был парализован метко попадавшими гранатами германских орудий. Уже в полдень французская артиллерия отошла от Биан, оставив и тут два орудия, которые могли быть взяты лишь позже. Пехота в числе около дивизии только угрожала прорывом, не приступая к его выполнению.

Против линии Эрикур — Люз 20-й корпус вывел две дивизии. Густой туман покрывал дно долины, и на канонаду, начатую уже рано утром, немцы едва отвечали.

Для выяснения предприятий противника две германские роты выдвинулись на высоту западнее Сен-Вальбер и внезапно обстреляли наступавших от Биан французов таким частым огнем, что они повернули назад. Но вскоре после этого в 9³⁰ несколько французских батальонов перешли в наступление от Тавей на Муньо. Две атаки были отражены разумной обороной ландверных батальонов, третья попытка, направленная против южного выхода из Эрикур, также не имела успеха. Хотя к 4 часам пополудни против Муньо снова собрались пехотные массы, но под огнем с Мон-Саламу они отказались от дальнейших атак, ограничившись до вечера безрезультатной канонадой.

У Шажей против немцев стояли две дивизии 18-го корпуса. Они ничего не предприняли.

Малая энергия, с которой 16 января был веден бой на всем фронте от Монбельяра до Шажей, заставляет предполагать, что повсюду хотели сначала выждать действия намеченного охвата германского правого крыла.

Эта задача выпала на долю генерала Кремера, с которым в Этобон соединилась 2-я дивизия 18-го корпуса.

Таким образом, оттуда двинулись две дивизии на Шенебье, где стоял генерал Дегенфельд с двумя батальонами, двумя батареями и одним эскадроном. В успехе нельзя было сомневаться. В 11 часов дивизия Панхоа 18-го корпуса атаковала деревню с запада, охватывая ее с севера, а дивизия Кремера, с целью отрезать защитникам отступление на Бельфор, произвела атаку с юга, где лес Ля-Тур скрывал ее подход. На северную опушку последнего после полудня выехали ба-

тарей обеих дивизий и открыли огонь. После двухчасового обстрела пехотные массы двинулись с трех сторон. Под личным начальством генерала Кремера французы вытеснили баденских фузилеров из южной части селения в северную. Затем, когда и там обнаружился обход через лес Монтедин, генерал Дегенфельд после упорной обороны был вынужден в 3 часа начать отступление, и притом в северном направлении, через Фрайе. Оттуда он все-таки повернул на юго-восток, заняв позицию впереди Шалонвиляр у высоко расположенной мельницы Ружо, куда в 6 часов вечера полковник Байер подвел ему подкрепления.

Французы не последовали за немцами, — напротив, дивизия Кремера, потерявшая более 1 тыс. человек, отошла обратно к лесу Ля-Тур, тогда как дивизия Панхоа ограничилась занятием Шенебье.

Итак, в этот день оборонительная линия немцев нигде не была прорвана, но все-таки их крайнее правое крыло было оттеснено и оказалось на расстоянии в 3/4 мили от Бельфора.

Крепость отпраздновала победу французского оружия салютационной стрельбой, но не предприняла никакой серьезной вылазки против ослабленных блокирующих войск, которые со своей стороны спокойно продолжали строить батареи.

Желая, прежде всего, восстановить боевое положение на своем правом крыле, генерал Вердер все-таки смог собрать в общем резерве только четыре батальона, четыре эскадрона и две батареи. Он взял их с наименее угрожаемых пунктов, даже от Бельфора, и притянул к Бревилье и Мандревильяр. Еще в 8 часов вечера генерал Келлер получил приказ снова взять Шенебье. В 11 часов он выступил с двумя баденскими батальонами из Мандревильяр, в полночь достиг мельницы Ружо и нашел Фрайе уже опять занятым полковником Байером.

Утром 17 января там собрались восемь батальонов, два эскадрона и четыре батареи. Из них три батальона двинулись против северной части Шенебье и три — против южной, два батальона остались в резерве у мельницы, где также поставлены на позицию три 15-см пушки.

В 4³⁰ утра, двигаясь в глубокой тишине, первая колонна у Эшеван внезапно напала на неприятельскую сторожевую заставу, но не могла помешать ей ружейным огнем предупредить французов в Шенебье об угрожавшей им опасности. Уже в лесу к северу от деревни было встречено серьезное сопротивление.

Опасаясь, что в густом кустарнике и при темноте собственные войска вступят в бой друг с другом, немцы отвели их к наружной опушке леса.

Другая колонна, наступавшая в долине р. Лизен, услышав первые выстрелы, ускорила от мельницы Колин свое движение. 2-й батальон 4-го баденского полка с криком «ура» вторгся в южную часть Шенебье, где произошло большое смятение. На рассвете обнаружилось, что высоты к западу от селения сильно заняты и что от Этобон приближаются колонны всех родов оружия. В 8³⁰ утра полковнику Байеру снова пришлось очистить наполовину взятую деревню и, захватив с собой 400 пленных, занять позицию у леса Фери для прикрытия дороги через Шалонвиляр в Бельфор.

В это же время правая колонна, усиленная одним батальоном из резерва, возобновила атаку на лес и после двухчасового кровопролитного боя, наконец, овладела им. Но тщетны были попытки проникнуть в забаррикадированное, сильно занятое селение. Уничтожающий огонь был направлен против этой атаки, например одна митральезная очередь уложила 21 человек из штурмовавших баденцев. Вследствие этого генерал Келлер собрал в 3 часа пополудни свои войска у Фрайе, где они были поддержаны четырьмя батареями.

При существовавшем соотношении сил нельзя было надеяться после неудавшегося внезапного нападения отбросить значительно превосходящего в числе противника из Шенебье; оставалось лишь стремиться к тому, чтобы помешать его дальнейшему наступлению на Бельфор. Эта цель была вполне достигнута, французы не пошли дальше. Вместо того чтобы охватить правое крыло немцев, они выказали крайнее беспокойство относительно своего собственного левого крыла. Они упорно обороняли Шенебье, но отказались от всякого дальнейшего наступательного движения.

Замысел генерала Бурбаки, повидимому состоял в том, чтобы в ожидании успеха такого наступления пока только занимать и сковывать противника на фронте. Уже ночью немцы были подняты по тревоге у Бетонкур и перед Эрикур, тогда как они сами потревожили французов в Бюсюрель и в лесу Де-ля-Тур. Ружейный огонь продолжался часами, и многочисленные части должны были провести морозную зимнюю ночь под ружьем.

Затем утром две дивизии 18-го корпуса перешли в наступление против Шажей и Люз, но их батареи, поддержанные артиллерией армейского резерва, не смогли подавить германские батареи, и потому неоднократно повторенные атаки этих селений не имели успеха. С 1 часа пополудни тут продолжалась только канонада. Перед Эрикуром происходила лишь перестрелка гранатами, а занятый французами Бюсюрель был зажжен снарядами.

Для изгнания французов из Монбельяра был открыт огонь по городу с плато Ля-Гранж-Дам и из замка, но затем прекращен, когда жители просили о пощаде, уверяя, будто город очищен, что впоследствии не вполне подтвердилось. Десять батальонов 15-го французского корпуса вышли утром из лесов и пытались наступать через Монбельяр, но при этом чрезвычайно терпели от флангового огня тяжелых орудий с Ля-Гранж, и только немногие достигли долины р. Лизен. Западные выходы из Монбельяра и непосредственно лежащие перед ним высоты остались в руках французов, но наступательные движения в 2 часа пополудни были прекращены.

Далее к югу охраняющие части генерала Дебшица уже впереди р. Ален легко отразили наступление неприятельских отрядов.

На германской стороне создано впечатление, что французы не возобновят атаки.

Действительно, состояние французских войск, еще мало привыкших к войне, внушало серьезные опасения. В чрезвычайно холодные ночи им пришлось располагаться биваком, частью оставаться под ружьем и в большинстве случаев без пищи. Потери были немалые, и старшие начальники, собранные командующим армией в 3 часа пополудни в районе Шажей, указали на неудобство распространения охвата далее влево, так как это крайне затруднит снабжение продовольствием, и, кроме того, следует опасаться, что тогда немцы через Монбельяр нападут на сообщения армии. К этому присоединилось известие, что корпуса генерала Мантейфеля своими головными частями уже подошли к Фонтен-Франсез, т. е. находились близ Грэ.

При таких условиях генерал Бурбаки принял решение отступить. Он телеграфировал правительству, что по совету своих генералов и к величайшему своему сожалению ему пришлось решиться занять новую позицию в тылу и что он только желает, чтобы неприятель за ним последовал.

Но, кроме того, этот опытный генерал, разумеется, не сомневался в том, что раз наступление на р. Лизен не удалось, то его армия может выйти из крайне опасного положения только посредством продолжительного отступления.

Утром 18 января немцы стояли во всеоружии на позициях, удержанных ими накануне; французы, еще в полной силе, — перед всем фронтом. Но характерно, что они занялись земляными работами. Из Монбельяра они накануне вечером отступили в беспорядке, но все-таки сильно заняли местность к западу от города и окопались на ней.

В течение дня происходила лишь канонада и небольшие перестрелки.

К правому германскому крылу прибыл генерал Келлер с подкреплениями, и после полудня опять смог занять Шенебье, так как противник отступил на Этобон. Далее к северу полковник Виллизен снова перешел в наступление на Роншан. В центре был взят немцами Кутенан и неприятель изгнан из Биан артиллерийским огнем, зато немцам еще не удалось вторгнуться в лесную зону. На южном берегу Алена отряды генерала Дебшица отбросили французов за линию Эксинкур — Круа.

Потеря немцев в трехдневном сражении на р. Лизен составила 1 200 человек, французы потеряли 4–5 тыс. человек. Под Бельфором, несмотря на неоднократное выделение частей из блокадных войск и близкую угрозу, осадные работы непрерывно продолжались. Затем, когда блокадные войска опять были пополнены, генерал Вердер двинулся вслед за отступавшим противником на Этобон, Сольно и Арсей.

Артиллерийская атака Парижа в январе 1871 г.

Вместо назначенного в Южную армию 2-го корпуса под Париж прибыл 1-й баварский корпус, относительно которого Гамбетта предполагал «Les bavarois n'existent plus»¹². Этот корпус так хорошо использовал расположение на широких квартирах к югу от Лонжюмо, что в начале нового года уже опять имел 17 500 человек и 108 орудий. Он был вдвинут по обеим сторонам Сены между 6-м прусским корпусом и вюртембергской дивизией. Последняя стояла от Ормеса до Марны, а оттуда саксонцы растянулись вправо до ручья Сос, чтобы сократить фронт гвардейского корпуса, которому замерзший ручей Морэ не доставлял более прикрытия.

Вообще блокада первоклассной крепости предъявляла большие требования к выносливости войск.

Французы, все более распространяя свои земляные укрепления от Вильжюиф и Брюйэр, угрожали охватом 2-му баварскому корпусу. Для предотвращения тут фланговой атаки 6-й корпус оказался вынужденным постоянно держать у Ле-Э наготове большие части.

Вообще перед южным фронтом поддержки германского сторожевого охранения поневоле находились в сфере огня тяжелой крепостной артиллерии, а передовые посты — под обстрелом ружей Шаспо. Вследствие этого посты зачастую оставались на позиции по несколько дней, и смена их производилась преимущественно ночью. Чем меньше успеха имела боевая деятельность французов в открытом поле, тем с большей расточительностью расходовали они боевые припасы из укреплений. Форт Мон-Валерьен бросал свои гигантские снаряды на дистанцию от 7 до 8 км, но эта непрерывная канонада, к шуму которой скоро привыкли, причиняла лишь незначительный вред.

До взятия Монт-Аврон немцы могли противопоставить неприятельской крепостной артиллерии только полевые орудия. Но в начале января подготовка к артиллерийской атаке против южного фронта настолько подвинулась, что можно было вооружить тяжелыми орудиями 17 батарей, давно уже выстроенных перед этим фронтом Парижа. Одна батарея находилась на левом крыле, отдельно в парке Сен-Клу, к северу от Севра; четыре батареи были расположены рядом на крутом скате высоты, западнее замка Медон; пять батарей увенчивали плато Мулэн-де-ля-Тур, где была взорвана мельница, представ-

¹² Баварцы более не существуют.

лявшая для неприятеля хорошую прицельную точку; другие четыре батареи помещались на низменности между Фонтенэ и Баньо. Против неприятельского флангового огня со стороны Вильжюиф служили две батареи между Шевильи и Ля-Рю, а также полевая артиллерия 2-го баварского и 6-го корпусов. Были устроены перевязочные пункты и промежуточные склады, способствовавшие пополнению снарядами из главного склада близ Виллакублэ.

Под начальством генералов Камеке и Гогенлое полковники Риф и Рамм руководили артиллерийской атакой, а генерал Шульц — инженерными работами. Прислуга орудий несла службу на батарее в продолжение суток и затем отдыхала двое суток, офицеры имели на отдых лишь одни сутки.

Установка тяжелых орудий на укрыто расположенных батареях произошла 3 января днем, без помехи со стороны неприятеля, на других батареях — ночью, после приближения сторожевого охранения к крепости. Таким образом, утром 4 января 98 орудий стояли готовыми к открытию огня; из них 28 орудий были направлены против Исси, 28 — против Ванва, 18 — против Монружа и 10 — против укреплений между обоими первыми фортами. Но еще густой туман скрывал все цели, и только в 8³⁰ утра 5 января был сделан сигнальный выстрел для открытия огня.

Французы немедленно ответили. На фронте Валерьена находились 106 орудий, в Исси — 90, в Ванве — 84, в Монруже — 52, затем в соответствующих секторах главной крепостной ограды и у Вильжюиф — около 70 орудий, преимущественно 16-см пушек. Вначале атакующим приходилось трудно, но в полдень, когда все осадные батареи вступили в бой, постепенно вышло более благоприятное положение и выказалась большая меткость германской артиллерии. Форт Исси уже в 2 часа почти прекратил огонь, в Ванве было подбито 9 орудий, гарнизон потерял 30 человек, и только Монруж отвечал еще энергично. Правда, теперь начала действовать и артиллерия главной крепостной ограды, но форты уже никогда больше не могли приобрести перевеса над атакой. Канонерки, появившиеся у Пуан-дю-Жур, должны были очень скоро уйти. Полевая артиллерия 2-го баварского и 6-го корпусов помогала столь успешно, что с укреплений близ Вильжюиф не было сделано не только вылазки, но даже ни одного выстрела против батарей у Баньо. Некоторое число крепостных ружей и

отбитые у неприятеля дальнобойные ружья Шаспо оказали большую услугу, так что французы все более и более очищали впереди лежащее пространство. Германское сторожевое охранение заняло укрепление Кламар и за ночь перестроило его для действий против крепости.

В самый город было брошено только несколько 15-см гранат в качестве серьезного предупреждения; сначала нужно было совершенно подавить передовые форты, и поэтому в следующие дни огонь был направлен против них. При этом, прежде всего, приходилось иметь дело с фортом Монруж и мортирной батареей, чрезвычайно выгодно расположенной за высокой железнодорожной насыпью, к востоку от форта Исси, затем — с прямолинейным южным фронтом главной крепостной ограды длиной почти в 1 милю. Вследствие пасмурной погоды обстрел в некоторые дни нужно было уменьшать, а иногда даже совсем прекращать. Между тем, передовые посты приблизились на 750 и 450 м к неприятельским укреплениям. Новые батареи были выстроены впереди прежних и вооружены 36 орудиями, взятыми из очищенных в тылу.

Тем временем французский гарнизон опять развил большую подвижность. Ему удалось 10 января в темноте внезапно напасть на слабо занятую передовую позицию у Кламара. Теперь туда было переведено три германских батальона и вырыт стрелковый окоп длиной в 1 200 м до Шатильона.

2-я парижская армия еще стояла вне города перед восточным и северным фронтами от Ножана до Обервилье. После мелких тревог сильные отряды французов, поддержанные частым огнем с фортов, вечером 13 января перешли в наступление от Курнев и Дранси против Ле-Бурже. Бдительный гарнизон, вскоре поддержанный несколькими ротами, отбил до 2 часов ночи неоднократные атаки.

14 января французы произвели новую вылазку против Кламара в числе 500 морских солдат и нескольких батальонов национальной гвардии. Последние с большим шумом собрались у ближнего вокзала, и в полночь было получено донесение об их приближении. Бой продолжался около часу и окончился отступлением атакующих, похожим на бегство. Германские дозоры последовали за ними до самых рвов Исси.

При значительной дальности до сих пор не удавалось подавить огонь главной крепостной ограды. Особенно страдала от него 1-я батарея, расположенная отдельно в парке Сен-Клу и обстреливаемая с двух бастионов — от Пуан-дю-Жур и от Мон-Валерьен. Крутой скалистый скат позади батареи облегчал противнику пристрелку. Бруствер неоднократно совсем срывался артиллерийским огнем, и только с величайшим самоотвержением можно было продолжать бой. Неприятель сосредоточил также сильный огонь против выдвинутых вперед 19-й и 21-й батарей, особенно опасных для форта Ванв. Снаряды, выпускаемые с главной ограды на дальней дистанции, падали под большими углами непосредственно за бруствером, пробивали блиндажи и выводили из строя много людей. На двух батареях были взорваны пороховые погреба, оба батарейных командира и несколько старших офицеров были ранены.

На восточном фронте Парижа стояло 151 французское орудие против 58 германских орудий, оставшихся там после взятия Монт-Аврона. Все-таки последние одержали верх, форты открывали огонь только временами, французы отвели свое сторожевое охранение до самых верхов и совершенно очистили полуостров Сен-Мор. Тяжелые осадные орудия можно было мало-помалу перевезти отсюда к ручью Морэ.

Между тем, на южном фронте форты значительно пострадали. Разрушения на форте Исси были видны невооруженным глазом; там неоднократно начинался пожар, и в ночь на 17 января с большим риском пришлось очищать пороховой погреб. Форт Ванв потерял 70 человек; обыкновенно он открывал огонь по утрам, но вскоре умолкал. Напротив, Монруж в некоторые дни делал еще из своих 18 орудий более 500 выстрелов. Но и здесь также блиндажи не давали более укрытия, и один из бастионов был совершенно разрушен.

Несмотря на сильный огонь с главной крепостной ограды, сам Париж испытывал теперь беспокойство от некоторых 15-см орудий. При достигнутом посредством особого приспособления угле возвышения в 30°, снаряды достигали центральной части города. Ежедневно выпускалось 300–400 гранат.

Под давлением «общественного мнения» правительство после неоднократных совещаний решило предпринять новую массовую вылазку, на этот раз против германских батарей у Шатильона. Правда,

приглашенные старшие войсковые начальники высказали, что вылазки без содействия деблокирующей армии извне не обещают успеха, но 8 января министр Гамбетта сообщил о «победе» Северной армии при БапOME и, кроме того, обещал наступление обеих луарских армий.

После этого генерал Трошо посоветовал, по крайней мере, выждать момента, когда немцам придется ослабить блокадную армию новым выделением сил, но натолкнулся на возражения других членов правительства, особенно Жюль-Фавра. Последний сказал, что мэры выходят из себя от бомбардировки, что представителей города надо посвящать в военную обстановку и что вообще давно уже следовало действовать.

15 января было окончательно решено прорвать германские линии на западе у Монтрету, Гарш и Бюзанваль.

Сражение у Мон-Вадерьен 19 января

Предположенная вылазка была назначена на 19 января.

В этот день, как мы видели, генерал Федерб, двигаясь по направлению на Париж, дошел до Сен-Кантена, а вылазочная армия стояла перед восточным и северным фронтами Парижа. Тем не менее попытка прорыва была сделана в противоположном западном направлении, и действительно полуостров Женвилье являлся теперь единственным местом, где могли развернуться значительные войсковые массы, не подвергаясь еще во время сбора, в продолжение целых часов, огню германской артиллерии.

Еще за 2 дня до вылазки мобилизованная национальная гвардия сменила на их прежних позициях три дивизии вылазочной армии, которой, в числе 90 тыс. человек, предписывалось произвести наступление одновременно тремя колоннами. На левом крыле генерал Винуа, поддержанный огнем с главной крепостной ограды, должен был взять высоту Монтрету; в центре генерал Бельмар — наступать через Гарш; справа генерал Дюкро — через замок Бюзанваль.

Атаку предполагалось начать в 6 часов утра, но произошли задержки у мостов в Аниэр и Нейльи, переход по которым не был заблаговременно урегулирован. В 7 часов, когда с Мон-Вадерьен был подан сигнал для наступления, только головные части генерала Винуа стояли в готовности к бою, другие колонны еще не развернулись, а хвост находился у Курбвуа. Раньше чем они прибыли на свои сборные пункты, левое крыло перешло уже в наступление на Сен-Клу 15 батальонами.

Последние натолкнулись сначала только на отдельные сторожевые посты и дозоры, всего 89 человек, которые бросились в укрепление Монтрету; там немцы некоторое время защищались, а потом с большим мужеством пробились, но часть попала в плен. Французы тотчас же приспособили для обороны укрепление Монтрету и северную часть Сен-Клу.

Средняя колонна генерала Бельмара также легко заняла высоту Мэзон-дю-Кюрэ¹³.

Только теперь, вскоре после 9 часов, с германской стороны подошло первое подкрепление к сторожевому охранению. Почти до этого момента наблюдательные пункты доносили лишь о «густом тумане».

¹³ В переводе это означает «дом приходского священника».

не», но из донесений с правого и левого крыльев можно было заключить, что всему фронту, от замка Сен-Клу до Буживаля, угрожает серьезная атака. Теперь 5-й корпус был поднят по тревоге, и генерал Кирхбах приехал к 9-й дивизии. Справа в парке Сен-Клу стояла 17-я бригада, слева, за Порт-де-Лонбойо — 20-я бригада; остальные войска корпуса двигались из своих квартир в Версале и севернее его к Жарди и Борегар. Кронпринц потребовал шесть батальонов гвардейского ландвера и баварскую бригаду в Версаль и верхом поехал в Брезин, а король — в Марли.

Тем временем французы уже заняли передние дома в Гарш и через проломанную в нескольких местах стену на восток проникли в парк замка Бюзанваль. Однако, подоспевший 5-й егерский батальон, подкрепленный отдельными ротами 58-го и 59-го полков, вытеснил неприятеля из Гарш, занял лежавшее к северу кладбище и еще своевременно достиг передовой позиции Ля-Бержери. Остальные войска генерала Ботмера по приказанию корпусного командира вели сдерживающий бой для выигрыша времени на опушке парка Сен-Клу. В 9³⁰ они отразили атаку колонны Бельмара, остановили наступление неприятеля на Императорской улице в Сен-Клу и сами перешли в наступление из Гриль Д'Орлеан и Порт-Жон. Тщетно пять французских батальонов штурмовали Ля-Бержери. Отделение сапер с большим самоотвержением пыталось взорвать каменную стену, окружавшую ферму, но замерзший динамит не взорвался, и егеря стойко удерживали эту позицию весь день.

До сих пор французы предпринимали атаки без содействия своей артиллерии. Артиллерия генерала Винуа значительно опоздала вследствие скрещивания со средней колонной и теперь была задержана у Ля-Брикетри для отражения возможных контрударов. Батареи генерала Бельмара пробовали подняться по скату высоты Гарш, но изнурение лошадей вынудило их занять позицию у Фульез. Между тем, с германской стороны постепенно прибыли батареи 9-й дивизии, и в полдень 36 орудий открыли огонь. В Сен-Клу продолжался ожесточенный бой в домах.

Только на правом французском крыле генерал Дюкро подготовил бой своей многочисленной артиллерией, развернувшейся по обеим сторонам Рюэль. Наступавшие потом стрелки проникли через

парк Бюзанваль до ограничивавшей его с запада каменной стены, но были отброшены подоспевшими фузилерами 50-го полка.

В 10³⁰ тут последовала главная атака, поддержанная частью центра. Она нашла в Мальмезоне только один унтерофицерский пост, но у восточного выхода из Буживаля близ Ля-Жоншера и Порт-де-Лонбуайо натолкнулась на усиленное уже охранение 20-й пехотной бригады. Резерв 10-й дивизии был пока задержан генералом Шмидтом у Борегар. Убийственный огонь хорошо укрытой пехоты остановил натиск французов и превратил его в полдень в огневой бой на месте, в который и тут весьма деятельно вступила германская артиллерия.

Две батареи 10-й дивизии у Сен-Мишеля были усилены двумя гвардейскими батареями, притянутыми из Сен-Жермена в Лувесьен; третья батарея выехала на позицию у Шату и принудила бронированный поезд, стоявший на железнодорожной станции севернее Рюэль, к поспешному уходу в Нантер. Наконец, четыре батареи 4-го корпуса, не обращая внимания на огонь с Мон-Валерьен, бросали свои снаряды в густые пехотные массы противника, все еще стоявшие за Рюэль.

Около 2 часов пополудни французы решились повторить атаку.

После того как две французские батареи осыпали Порт-де-Лонбуайо гранатами, одна бригада двинулась против этого селения, другая бригада — против западной стены парка Бюзанваль, третья бригада следовала за ними в резерве. Столь же неустрасимо, но так же безуспешно, одно отделение сапер — 1 офицер и 10 солдат — пыталось взорвать каменную стену. Все они погибли. Атакующие колонны подошли на 200 шагов, но теперь со стороны немцев против них выступили 13 рот, которые своим огнем с самой действительной дистанции остановили натиск и скоро обратили его в беспорядочное отступление.

Французы нашли сильную опору в каменной стене парка, которую они в кратчайшее время с большим искусством приспособили к обороне. Наступление некоторых рот из Брезин и Ля-Бержери против этой стены потерпело неудачу со значительными потерями.

Но сила французской атаки была уже сломлена. Еще в 3 часа пополудни были замечены отступательные движения правого крыла, а в сумерках французы и в центре начали постепенно очищать высоту Мэзон-дю-Кюрэ. Правда, когда полковник Кетен с небольшими силами последовал за ними, несколько батальонов остановилось для противодействия и даже угрожало серьезным контрударом; но пруссаки, своевременно подкрепленные из Ля-Бержери, Гарша и Порт-Жон и поддержанные огнем батарей, продолжали преследование. Королевские гренадеры двигались за противником до Фульез.

Пока еще немцам не удалось снова овладеть укреплением Монтрету. Главное препятствие состояло в том, что в Сен-Клу они не могли продвинуться вперед. Но так как эта позиция была, безусловно, необходима для обеспечения правого крыла, то генерал Кирхбах приказал взять ее еще вечером или во всяком случае на следующее утро. Генерал Зандрарт решился на немедленную атаку, и уже в 8 часов вечера для этого двинулись пять батальонов. В укреплении было найдено лишь немного французов, которые были взяты в плен, но в городе встречено упорнейшее сопротивление. В конце концов пришлось ограничиться тем, что занятые противником дома пока были блокированы.

В течение ночи французы продолжали также занимать наружную стену парка Бюзанваль. Ввиду этого гвардейскому ландверу и баварской бригаде было приказано расположиться в Версале, чтобы на

следующее утро, если понадобится, иметь в распоряжении сильный резерв. Остальные войска вернулись на свои прежние квартиры.

В 5³⁰ генерал Трошо отдал приказ об отступлении. При отдаче этого распоряжения были забыты храбрые защитники Сен-Клу. Они сдались только на следующий день, когда против отдельных занятых ими домов была выдвинута артиллерия. Стена парка тоже была оставлена лишь на следующее утро.

Атака, произведенная французами 19 января, окончилась неудачей, раньше чем они достигли главной германской позиции. На стороне немцев стоявшие наготове резервы не были введены в дело, 5-й корпус один отразил вчетверо превосходящие силы противника. При этом он потерял 40 офицеров и 570 солдат; потеря французов убитыми и ранеными составляла 145 офицеров и 3 423 солдата, кроме того, пленными — 44 офицера и 458 солдат.

В 11 часов утра 20 января, когда густой туман рассеялся, были видны длинные колонны французов, отступавшие через полуостров Женвилье в Париж.

Продолжение артиллерийской атаки Парижа до перемирия

После отражения этой последней попытки гарнизона прорваться была начата артиллерийская атака также и против северного фронта крепости. С этой целью осадные орудия, освободившиеся под небольшими французскими крепостями и на Марне, были собраны в парк у Вилье-ле-Бель. Маасская армия заготовила много материала для постройки батарей и образовала обозный транспорт из 600 повозок. На линиях между Ле-Бурже и Энгийенским прудом уже возвышалось 12 батарей, вооружение которых производилось преимущественно по ночам. К 21 января 81 тяжелое орудие стояло уже в готовности к действию, и полковник Бартш приказал в 9 часов утра открыть огонь против фортов Ля-Бриш, Дубль-Курон и Восточного.

Эти три форта, которые должны были вести борьбу против 143 тяжелых орудий, отвечали энергично. На следующий день немцы вследствие пасмурной погоды могли возобновить огонь только после полудня. Но впереди лежащая местность была очищена французами, и сторожевые посты гвардейского и 4-го корпусов вошли в Вильтанез и Тан-Пердю.

По ночам огонь направляли против Сен-Дени, стараясь, по возможности, не повредить собора; в городе неоднократно возникали пожары.

После сильного обстрела к 23 января артиллерия обороны была по существу уже подавлена. Ля-Бриш замолчал совершенно, оба других форта только время от времени давали несколько залпов.

В ночь на 26 января четыре батареи были передвинуты вперед на дистанцию 1 200–1 800 м от главных неприятельских укреплений. Теперь можно уже было начать инженерную атаку. Возник ряд новых батарей, которым, впрочем, не пришлось вступить в дело.

Действие шестидневного обстрела было решающим. Форты чрезвычайно пострадали. Тут им нехватало, в противоположность южной стороне, сильной поддержки лежащей позади главной крепостной ограды; они не имели также безопасных от бомбардировки помещений. Временные казематы пробивались гранатами, пороховым магазинам угрожала величайшая опасность, и гарнизоны нигде не находили укрытия. Жители Сен-Дени толпами спасались в Париж, и

недостаточная обеспеченность от штурма сильно поврежденных укреплений допускала возможность даже взятия их открытой силой.

Артиллерийская атака с севера стоила немцам 1 офицера и 25 солдат, потеря французов показана в 180 человек.

На восточном фронте огонь фортов был нейтрализован, и вюртембергской полевой артиллерии было достаточно, чтобы помешать неприятелю вновь утвердиться на полуострове Сен-Мор.

Наконец, южный фронт, вследствие продолжающегося обстрела, все более и более страдал. Главная крепостная ограда и мортирная батарея, низко расположенная за крепостной оградой, еще действовали, но в фортах казармы были обращены в руины и отчасти выгорели; гарнизону приходилось искать убежища в очищенных пороховых погребах. Валганги не обеспечивали более свободы движения, брустверы не давали укрытия. В форте Ванв амбразуры были обложены земляными мешками, в форте Исси пять казематов в эскарповой стене были пробиты. Даже горжевые каменные стенки в Ванве и Монруже были обрушены, 40 орудий было демонтировано, 70 лафетов разбито.

Вся политическая и военная обстановка Франции и прежде всего положение в Париже должны были вызывать у правительства серьезную заботу.

С тех пор как Тьер вернулся из своей дипломатической круговой поездки, стало известно, что нельзя рассчитывать на вмешательство других держав с целью посредничества. Нужда в столице все возрастала. Давно уже недостаток и дороговизна продовольствия тяготели над жителями. Их запасы были истощены и даже запасы гарнизона сильно затронуты. При продолжающихся морозах нехватало топлива, и газовое освещение лишь в недостаточной мере могло быть заменено керосиновым. От бомбардировки, которую немцы долго откладывали, жители южной части Парижа прятались в погребах или спасались в отдаленных кварталах города, тогда как при обстреле с севера население Сен-Дени массами стремилось в Париж.

Большая вылазка 19 января потерпела полное крушение. Надеяться на выручку извне после того, как Гамбетта сообщил о неудаче у Ле-Мана, стало уже невозможно. Парижская армия, которую он обвинял в бездеятельности, уменьшилась на одну треть от морозов, болезней и дезертирства, а неудачные предприятия подорвали ее дух.

Ей пришлось отдать своих лошадей для снабжения населения мясом; впрочем, генерал Трошю объявил, что всякая дальнейшая наступательная операция безнадежна и даже для пассивной обороны средства уже исчерпаны.

До сих пор правительство своими оптимистическими сообщениями умело поддерживать бодрость в населении, но теперь стало уже невозможно скрывать неблагоприятное положение дела. Все правительственные мероприятия подвергались порицанию.

21 января состоялся большой военный совет. После того как все старшие генералы объявили дальнейшие наступательные предприятия невыполнимыми, совет счел нужным спросить мнения молодых военных, но все-таки никакого решения не принял. Однако необходимость найти виновника всего несчастья побудила уволить генерала Трошю, первоначально самого популярного из членов правительства, от должности губернатора Парижа и вверить начальство над всеми войсками генералу Винуа. Генерал Дюкро сложил с себя командование.

Положение от этого нисколько не улучшилось, и вот 23 января Жюль-Фавр явился в Версаль, чтобы завязать переговоры сначала о перемирии.

С германской стороны пошли навстречу этому желанию, но, разумеется, потребовали ручательства в том, что снабжение столицы продовольствием не вызовет продолжения ее обороны. Немцы требовали передачи им всех фортов, включая Мон-Валерьен, и города Сен-Дени, а также разоружения главной крепостной ограды, на что французы согласились.

Военные действия под Парижем решено приостановить вечером 26 января, открыв всякий подвоз. С 31 января должно было вступить в силу общее перемирие на 21 день, которое, впрочем, не распространилось на департаменты Дуб, Юра и Кот-д'Ор, а также на крепость Бельфор, где стороны рассчитывали на успех.

Это перемирие давало правительству национальной обороны нужное время для созыва в Бордо избранного народного собрания, которое должно было решить вопрос о продолжении войны или об условиях мира. На территории, занятой немцами, происходил также выбор депутатов.

Гарнизон Парижа, полевые войска, морские солдаты и мобили должны были немедленно сдать оружие; только 12 тыс. человек и национальная гвардия могли его сохранить для поддержания порядка внутри города.

В течение перемирия гарнизон оставался интернированным в Париже, а по окончании перемирия становился военнопленным. От немедленной отправки в Германию, где все сколько-нибудь удобные места были уже переполнены пленными, главная квартира, в ожидании близкого мира, пока отказывалась.

Занятие фортов произошло без всяких препятствий 29 января.

Всего было сдано: полевой армией — 602 орудия, 1 770 тыс. ружей и более 1 тыс. зарядных ящичков; крепостью — 1 362 тяжелых орудия, 1 680 лафетов, 860 передков, затем 3 500 тыс. патронов, 4 тыс. ц пороха, 200 тыс. гранат и 100 тыс. бомб.

Блокада Парижа, продолжавшаяся 132 дня, была окончена, большая часть задержанных под его стенами германских сил освободилась для борьбы в открытом поле.

Операции Южной армии генерала Мантейфеля

В подчиненных генералу Мантейфелю двух корпусах было 56 батальонов, 20 эскадронов и 168 орудий. Когда 12 января Мантейфель приехал в Шатильон-на-Сене, то 2-й корпус стоял вправо и 7-й корпус влево на фронте в 10 миль от Нуайэ до Монтиньи на р. Об. Одна бригада под командой генерала Данненберга, уже неоднократно вступавшая в соприкосновение с частями французской вогезской армии, была выдвинута в Вилен для прикрытия правого фланга.

Из этого квартирного района по направлению к Дижону вело несколько хороших дорог; напротив, к Везулю шли по южному склону сурового Лангрского плоскогорья только плохие пути, в это время года занесенные глубоким снегом. Тем не менее, командующий армией избрал последнее направление, чтобы возможно скорее подать генералу Вердери хотя бы косвенную помощь выходом в тыл угрожавшему ему противнику.

Марш нужно было совершить между Дижоном и Лангром, которые были сильно заняты французами, Покрытые лесом высоты и глубокие скалистые долины разъединяли отдельные колонны, исключая взаимную поддержку; каждая колонна должна была сама обеспечивать себя со всех сторон. Войскам предстояли большие усилия, а между тем, несмотря на необходимость отдыха, нельзя было назначить дневки; точно так же невозможно было устранить затруднения, происходившие от дурного состояния обуви и плохойковки. Уже 14 января при густом тумане и сильном холоде началось движение по совершенно оледенелым дорогам.

Особого внимания требовало снабжение продовольствием, и с самого начала пришлось оставить позади 8-ю бригаду с поручением прикрывать чрезвычайно важную железную дорогу Тоннер — Ньюи (Равьер) — Шатильон до тех пор, пока произойдет перемена сообщений на Эпиналь.

Еще в день выступления авангард 7-го корпуса имел бой перед Лангром. Часть 15-тысячного лангрского гарнизона была отброшена обратно к крепости с потерей одного знамени, но все же против Лангра пришлось оставить заслон. На следующий день 7-й корпус двинулся позади заслона мимо крепости, а 2-й корпус дошел до ручья Виньон.

В ночь на 16 января погода переменилась. Вместо мороза в 14° разразилась буря, и пошел дождь. На дорогах стояла вода, и лишь с величайшими усилиями 7-й корпус дошел до Протуа и 2-й корпус, подтянувшийся влево, — до Молуа.

Левое крыло 18 января наступало в юго-восточном направлении к Фрет и Шамплит; правое крыло собралось вокруг Ис-сюр-Тиль, а его авангард, после перехода в 50 км, подошел к мостам у Грэ. На фланге и в тылу корпуса произошли небольшие бои, но трудный переход через горы удался и была достигнута хорошо обработанная долина Саоны.

Генерал Мантейфель уже получил известие о благоприятном исходе первого дня боя на Лизен. Из последующих телеграмм генерала Вердера можно было заключить, что, вероятно, французская Восточная армия будет вынуждена к опасному отступлению и потому германский полководец уже теперь решил наступлением к р. Дуб ниже Безансона отрезать французов.

Правда, даже разбитая неприятельская армия по числу далеко превосходила германскую. От немецких войск и далее требовались большие усилия. Они снова вступали в редко населенную горную страну, где их продовольствие и расквартирование по ночам, необходимое в суровое время года, вызывали серьезные затруднения. Наконец, в тылу пришлось оставить большие силы французов в Лангре, Дижоне и Оксоне под наблюдением лишь слабых немецких отрядов. Однако, несмотря на все препятствия, Южная германская армия 19 января двинулась по новому направлению.

Первым препятствием могла стать глубокая шириной в 60 м р. Саона, на которой был сильный ледоход, но французы оставили Грэ, не разрушив два существовавшие там моста, и авангард 2-го германского корпуса занял город. Головные части 7-го корпуса также перешли Саону по неразрушенному железнодорожному мосту у Савоие и по понтонному мосту, построенному саперами выше.

На следующий день оба корпуса наступали в южном направлении; 7-й — к Жи и 2-й — к Пен. У последнего пункта немцы перешли р. Оньон после оттеснения французского отряда, пытавшегося помешать наводке моста артиллерийским огнем.

В 2³⁰ пополудни 21 января авангард 2-го корпуса, подойдя к Доль, обнаружил, что город занят французами. Генерал Коблинский

тотчас же приступил к атаке. Несмотря на горячий бой на улицах, в котором приняли участие и жители, гренадеры 2-го полка пробились через город и захватили на железнодорожной станции 230 вагонов с продовольствием и военным имуществом, предназначенным для Безансона.

Подобно тому как тут была перейдена р. Дуб, 7-й корпус перешел у Марнэ и Пен через р. Оньон.

Генералу Вердеру было указано — при отступлении противника следовать за ним по пятам. Последний еще занимал свою позицию перед фронтом 14-го корпуса, когда на правом крыле 2-я баденская бригада уже выдвинулась к Этобон, а полковник Виллизен с двенадцатью эскадронами проник за р. Люр.

Слева полковник Циммерман с восточнопрусским ландвером выбил французов из Сен-Мари. Повсюду эти отряды находили брошенное оружие и предметы снаряжения, и сотни французов охотно сдавались в плен.

Затем в ближайшие дни генерал Вердер произвел общее захождение налево, фронтом на юг. Правое крыло заняло Вилерсексель и только левое натолкнулось у ЛИль на р. Дуб, потом у Клерваль и Бомлэ-Дам — на значительные неприятельские силы.

Генерал Бурбаки начал отступление от Лизен 18 января. На левом берегу Дуба остался только 24-й корпус с поручением оборонять от противника с севера теснины крутого горного кряжа Ломон, находящегося к востоку от Клерваля. Остальные французские корпуса отступали между реками Дуб и Оньон, имея в арьергарде дивизию Кремера. Оньон мог бы составить естественное прикрытие для правого фланга армии, для чего было приказано разрушить на нем все мосты; но мы видели, как плохо было выполнено это распоряжение.

21 января 15-й и 20-й корпуса прибыли в окрестности Бомлэ-Дам, 18-й корпус подошел к Маршо. Тут, имея в близком тылу крепкий Безансон, генерал Бурбаки сначала хотел выждать дальнейшие шаги немцев. С целью еще больше сосредоточить свои силы он приказал коменданту крепости послать все излишние батальоны мобилей в Бламон для смены 24-го корпуса.

Действительно, еще раньше в Безансон прибыли девять батальонов мобилизованной национальной гвардии, которые могли бы служить пополнением, но они были вооружены винтовками Энфильда,

для которых в крепости не имелось патронов. При подобных условиях они лишь увеличивали число едоков, и генерал Ролан попросту отправил их обратно. Генерал-интендант заявил, что невозможно устроить требуемые магазины для длительного снабжения армии продовольствием. Но решающую роль сыграло полученное в этот день известие, что не только потеряна линия р. Оньон, но и самый Дуб уже перейден противником.

При такой обстановке французский главнокомандующий решил продолжать свое отступление на Безансон и там перейти на южный берег Дуба, чтобы не быть поставленным в необходимость сражаться, имея реку в тылу. Обозы выступили еще ночью, но прежде всего 15-му корпусу было приказано немедленно занять целой дивизией Кинжей и оборонять его до крайности для поддержания связи армии с отечеством. Все остальные корпуса были притянуты ближе к Безансону, даже 24-й корпус, который вследствие этого отказался от обороны проходов через горный кряж Ломон.

О своем положении генерал Бурбаки представил отчет в военное министерство. Последнее обещало ему содействие оставленной на Луаре части 15-го корпуса. Более близкую и действительную помощь можно было бы подать из Дижона. Правительство сосредоточило там, взамен притянутой к Восточной армии дивизии Кремера, весьма значительные силы, чтобы обеспечить древнюю столицу Бургундии и сделать из нее опорный пункт для операций генерала Бурбаки. Корпус в 20 тыс. человек предназначался для местной обороны. Весьма сомнительная, так называемая «Вогезская армия», в которой собралось более 40 тыс. человек, должна была действовать в открытом поле. Все-таки мало сделали для того, чтобы помешать трудному маршу немцев через горы. Генерал Кетлер, прикрывавший движение обоих германских корпусов с правого фланга, отразил французские наблюдательные отряды, которые отошли к Дижону. Тщетно стоявший в Грэ полковник Бомбонель настаивал на присылке подкреплений для обороны переправ через Саону, его ходатайства были отклонены под тем предлогом, что Дижон слишком угрожаем, и только тогда, когда немцы уже перешли через реку, выступил Гарибальди.

Он двинулся 19 января тремя колоннами на север по направлению на Ис-сюр-Тиль, где теперь оставалась лишь часть 4-й пехотной дивизии. Но его войска прошли всего 1 милю. Гарибальди ограничил-

ся тем, что с высоты у Месиньи наблюдал за двигавшимися ему навстречу разведывательными отрядами, после чего вернулся в Дижон при звуках «Марсельезы».

В главной квартире генерала Мантейфеля определяли силы противника много ниже действительных, вследствие чего генерал Кетлер получил приказ — взять Дижон.

Фортификационное усиление города было произведено с величайшей тщательностью. Многочисленные земляные укрепления и приспособленные к обороне здания защищали его с севера; прежде всего селения Талан и Фонтен-лэ-Дижон были обращены в два самостоятельных форта и вооружены тяжелой артиллерией, которая обстреливала все пути подхода с этой стороны.

Совокупность сооружений представляла позицию, которую можно было защищать против гораздо больших сил, чем те 5,5 батальонов 8-й бригады, с которыми наступал генерал Кетлер.

Дойдя до Тюрсей и Сен-Сен, Кетлер 21 января двумя колоннами двинулся на запад к Дижону, до которого оставалось еще 3 мили. С севера из Ис-сюр-Тиль майор Конта вел небольшое подкрепление. «Франкतिреры смерти», «роты отщепенцев» и другие добровольческие отряды, а также мобили, без всякого труда были вытеснены из впереди лежащих селений и отброшены за глубокий овраг ручья Сюзон. Справа была взята энергично обороняемая деревня Пломбьер, слева — Дэ, но перед крепостным фронтом французской позиции, в сфере огня его тяжелых батарей, смелое наступление должно было поневоле остановиться. Майор Конта также наступал с непрерывными боями, но ему не удалось засветло примкнуть к бригаде. Генерал Кетлер, видя во много раз численное превосходство противника, в конце концов, ограничился отражением его вылазок.

Французы потеряли одними пленными 7 офицеров и 430 солдат, убыль бригады убитыми и ранеными составила 19 офицеров и 322 солдата. Еще до этого германские войска двигались форсированными маршами в дурную погоду по трудным путям, теперь же они не смогли даже приготовить себе пищи ни до боя, ни после него. Патроны можно было пополнить только из ожидаемого на следующий день транспорта. Тем не менее генерал Кетлер остался на ночь на взятых с боя позициях в непосредственной близости от неприятеля, намереваясь только потом расположиться на квартирах в ближайших селениях.

Французы допустили это, не приняв никаких серьезных мер противодействия. Подобная бездеятельность дала генералу Кетлеру основание предполагать, что главные неприятельские силы, может быть, уже выступили через Оксон на поддержку Восточной армии, и потому он решил новой атакой вернуть их в Дижон.

Совершив фланговый марш перед фронтом противника, генерал Кетлер после разгрома его авангардом отряда мобилей вышел на дорогу из Дижона в Лангр у фермы Вальми; отсюда он со своими обеими батареями двинулся против окруженной каменными стенами и сильно занятой деревни Пуильи. Тут, как почти всегда при обороне строений, французы оказали упорное сопротивление. Части 61-го полка должны были брать штурмом каждый отдельный дом, и лишь после поджога замка многочисленный гарнизон его, укрывшийся на верхнем этаже, сдался.

По ту сторону селения неприятель занимал укрепленную позицию между деревней Талан, обращенной в форт, и находившимся близ Лангрской дороги большим фабричным зданием. Наступление приостановилось до прибытия от Вальми остальных частей полка, после чего обороняющийся в отдельных пунктах был оттеснен до предместья.

Выяснилось, что все неприятельские силы стоят еще в Дижоне, чем и была достигнута цель предприятия, но к нему присоединился печальный эпизод вследствие требования непременно взять большую фабрику, почти неприступную для пехоты.

После убыли всех старших офицеров один лейтенант, у которого лошадь была убита и сам он ранен, вступил в командование 2-м батальоном. Как только 5-я рота в числе всего 40 человек выступила из ближней каменоломни, она подверглась сильнейшему огню со всех сторон. Командир был тотчас же ранен, а унтер-офицер, несший знамя, сделав несколько шагов, пал мертвым; та же участь постигла второго лейтенанта и батальонного адъютанта, поднявших знамя. Последнее переходило из рук в руки, сначала среди офицеров, потом среди солдат: все бравшие его выбывали из строя. Храбрая померанская часть проникла до самого здания, но с этой стороны оно не имело входа, и, в конце концов, фельдфебель отвел оставшуюся небольшую кучку обратно к каменоломне. Тут только было замечено отсутствие знамени. Добровольцы еще в темноте отправились на розыски, но

лишь один из них вернулся нераненым. Впоследствии французы нашли это знамя, простреленное пулями, в луже крови, под трупами.

Это — единственное знамя, которое было потеряно в течение всего похода, но именно только потеряно. У неприятеля было взято в плен 8 офицеров и 150 солдат, из бригады вновь выбыло 16 офицеров и 362 солдата. Она собралась у Пуильи и до 8 часов вечера оставалась под ружьем на случай возможного преследования; потом расположились по квартирам в ближайших селениях.

Приказ о взятии Дижона был невыполним, но смелое наступление слабой бригады сковало неприятельскую армию, так что Южная армия генерала Мантейфеля беспрепятственно могла продолжать свой марш. Целью марша для обоих корпусов были указаны линии отступления французов к югу от Безансона.

Из этой крепости вели на юг Франции, через изрезанную ущельями и подымающуюся террасами страну западной Юры, только немногие годные дороги. Самое прямое сообщение представляли дорога и железнодорожная линия в Лон-ле-Сольнье, с важными опорными пунктами Кинжей и Биан. Восточнее, но делая большой крюк, шла дорога через Орнан, Сален и Шампаньоль в Сен-Лоран и Морэ. Зато в Понтарлье лучеобразно сходятся много дорог, проходящих через свойственные этим горам скалистые ворота, которые прорывают длинные края высот, связывая продольные долины. Но затем из Понтарлье ведет лишь одна дорога через Мут, и притом в опасной близости — вдоль швейцарской границы.

Авангард 13-й дивизии 22 января двинулся западнее Безансона от Одей к Сен-Вит, где прервал железную дорогу и захватил многочисленные груженные вагоны, после чего направился вниз по р. Дуб к Дампьер. На этом участке четыре моста оказались также неразрушенными и были заняты. Авангард 14-й дивизии выдвинулся из Эманьи для наблюдения за Безансоном. 9-й корпус подтянулся к Доль и выдвинул разведывательные части за реку.

Концентрическое движение всех частей германской армии 23 января продолжалось.

Наступая с севера от Рош, генерал Дебшиц нашел лишь оставленные бивачные места 24-го французского корпуса. 4-я резервная дивизия заняла без боя Иль и только у Клерваль и Бом встретила сопротивление.

На р. Оньон баденская дивизия вытеснила противника из Монбозона.

В центре армии 7-й корпус выдвинул авангард 14-й дивизии к Безансону до Данмари. Там произошел бой, который свелся только к канонаде, продолжавшейся до ночи. Напротив, 13-я дивизия, перешедшая Дуб у Дампьер, наступала на Кинжей.

Вследствие недостатка подвижного состава на железной дороге туда можно было перевезти только одну французскую бригаду, последние поезда которой были уже встречены на станции Биан прусскими гранатами. Эти войска находились в таком плохом состоянии, что им даже не удалось выставить сторожевое охранение. Они сдали Кинжей почти без сопротивления, и их отступление к Безансону и за р. Лу, похожее на бегство, помешало прибытию уже двигавшихся подкреплений. 800 пленных и поезд с 400 выздоравливающими достался прусскому авангарду, который тотчас же прервал железную дорогу у Абан-де-Су.

На правом крыле головные части 2-го корпуса наступали в долине Лу по южному берегу. На этом пути они нашли многочисленные рубежи подготовленными к обороне, но не занятыми. Только близ Вилер-Фарлэ против них выступила значительная неприятельская часть.

С французской стороны вечером в этот день стояли: 20-й корпус к северу и 18-й корпус к западу от Безансона в расстоянии всего 1 мили. Кавалерия, артиллерия и обозы проходили через город или бивакировали на гласисе крепости. 24-й корпус двигался к Безансону, а из 15-го корпуса 2-я и 3-я дивизии занимали южный берег Дуба близ Бом и Ларно, но 1-й дивизии не удалось удержать Кинжей.

Итак, самая прямая и важная линия сообщений армии была перерезана, и вследствие этой новой неудачи обстановка существенно ухудшилась. Невыполнимые проекты и советы, в которых из Бордо никогда не было недостатка, не помогли делу, и 24 января генерал Бурбаки созвал старших начальников на военный совет.

24 января генералы заявили, что в строю осталась едва ли половина солдат, которые более склонны к бегству, чем к бою. Только генерал Палю счел возможным поручиться за людей армейского резерва. Генерал-интендант доложил, что если не трогать запасов крепости, то продовольствия хватит самое большее на 4 дня. Генерал Било хотя

и голосовал за попытку пробиваться на Оксон, но отказался от предложенного ему для этой цели высшего командования. Утомление войск и очевидный упадок дисциплины не позволяли надеяться на успех наступательных предприятий. При таких условиях оставалось лишь принять предложение командующего армией об отступлении на Понтарлье.

Однако и последнее находилось уже под серьезной угрозой. Для того чтобы освободиться от давления с севера, генерал Бурбаки приказал 24-му корпусу еще раз выдвинуться вперед и удерживать проходы через хребет Ломон. На юге на 15-й корпус возлагалась оборона глубокой горной долины Лу; но главным образом генерал Кремер должен был прикрывать отступление армии с правого наиболее угрожаемого фланга.

Для разрешения этой трудной задачи ему были подчинены, кроме его собственной дивизии, еще одна дивизия 20-го корпуса и армейский резерв, как самые надежные войска. 18-й корпус и остаток 20-го корпуса должны были оставаться у Безансона в ожидании приказа об отступлении.

Разумеется, в штабе германской армии не могли быть известны намерения противника, и потому приходилось считаться с различными возможностями.

Если бы французы остались в Безансоне, то атаковать их там не следовало. Крепость была не приспособлена к приему большой армии, и продовольствие последней в течение продолжительного времени встретило бы непреодолимые затруднения.

Едва ли можно было предположить, что французы будут снова наступать на север. При этом они удалялись бы от всех своих вспомогательных средств и на р. Оньон натолкнулись бы на большую часть 14-го корпуса.

Более вероятной представлялась попытка противника пробиваться к Дижону. Этому могли противодействовать 13-я дивизия у Сен-Вит, отряд полковников Виллизена и Пема и, наконец, генерал Кетлер.

Но самым вероятным оставалось отступление французов на Понтарлье. Дальнейшему маршу их оттуда должен был, прежде всего, воспрепятствовать 2-й корпус, так как на 7-й корпус пока еще возлага-

лось наблюдение за собравшимся у Безансона неприятелем и отражение его вылазок на обоих берегах реки.

Командующий армией генерал Мантейфель ограничился общими директивами, особо уполномочив своих генералов в непредвиденных случаях действовать по собственной инициативе.

Генерал Вердер получил указание — с баденской дивизией и бригадой Гольца приблизиться через Марнэ к 14-й дивизии, чтобы вскоре сменить ее на правом берегу Дуба. 4-я резервная дивизия восстановила мосты у Иль и Бом и перешла на левый берег реки. Полковник Виллизен был притянут к 7-му корпусу, чтобы пополнить недостаток в кавалерии. 2-й корпус собирался за Вилер-Фарлэ.

На следующий день, 25 января, были назначены значительные разведки. Разведывательный отряд 7-го корпуса ввязался у Ворж в горячий бой. Головные части 2-го корпуса столкнулись впереди Сален и в Арбуа с неприятелем, но обнаружили, что он еще не дошел до Полиньи.

Авангард 2-го корпуса наступал 26 января на Сален. Расположенные на высотах близ города форты Сент-Андре и Белин хотя обращены фронтом к Швейцарии, но обстреливали также местность на юг и на запад в направлении подхода немцев. Сален представлял сильную преграду на дороге в Сен-Лоран и одновременно прикрывал путь отступления колонн, шедших из Безансона к Понтарле.

Обе полевые батареи авангарда, понятно, не могли справиться с тяжелыми орудиями фортов, но фузилеры 2-го полка продвинулись перебежками, небольшими частями по узкой скалистой долине, поднялись по крутым боковым скатам и при поддержке обоих гренадерских батальонов в 2³⁰ пополудни проникли на железнодорожную станцию и в предместье Сен-Пьер, — правда, с потерей 3 офицеров и 109 солдат.

Вскоре туда прибыл также через Сен-Тьебо генерал Коблинский с 42-м полком. По представлению мэра французский комендант согласился не обстреливать город, так что германский авангард мог там расположиться на квартирах, но главные силы 3-й дивизии отошли из сферы огня фортов назад в Мушар, и теснина осталась запертой для дальнейшего прохода немцев. Ее пришлось обойти с юга.

По этому направлению на Арбуа уже двинулась 4-я дивизия, дошедшая своими головными частями до Пон-д'Эри; справа она нашла Полиньи и Шампаньоль еще не занятыми.

7-й корпус произвел разведки по обоим берегам Дуба, найдя неприятеля у Бюзи и Ворж в полном порядке.

4-я резервная дивизия, двигаясь к Безансону по южному берегу, дошла до Сен-Жуан-д'Адам, остаток 14-го корпуса продвинулся в Этю и Марнэ.

Известия, полученные от генерала Кетлера о его боях 21 и 23 января, побудили генерала Мантейфеля к новым действиям против Дижона. Он поручил это предприятие генералу Ган-фон-Вейгерну, подчинив ему, кроме 8-й бригады, войска полковника Виллизена и баденскую бригаду Дегенфельда.

С французской стороны уже 24 января выступил генерал Бресоль, получивший приказание снова занять переправы через р. Дуб и проходы в горном кряже Ломон. Сначала он обратился с дивизией д'Ари против Бом; но ей не удалось вытеснить из Пон-ле-Мулен даже сторожевое охранение противника, и она отошла к Версель. Вследствие этого дивизия Карре, нашедшая входы в Ломон незанятыми, также отошла утром 26 января к Пьер-Фонтен. Дивизия Команьи уже отступила в Морто и беззаботно продолжала свое движение в Понтарлье.

Генерал Бурбаки был крайне встревожен этим уходом своего правого крыла, пожалуй, больше, чем следовало; действительно, на севере стояла лишь одна германская дивизия, которая самое большее могла оттеснить его арьергард к Понтарлье, тогда как с запада главные силы немцев представляли гораздо большую угрозу.

Тем не менее Бурбаки предписал на 26 января новое наступление 24-го корпуса, поддержанного, кроме того, 18-м корпусом. Но прохождение последнего через Безансон по улицам, покрытым льдом, заняло почти весь день, назначенный для наступления, так что из этого предприятия вообще ничего не вышло.

Армейский резерв достиг Орнана, где стал в готовности. Обе другие дивизии двигались по дороге в Сален, но на марше получили известие, что это селение только что взято немцами. Тогда они заняли Дезерзилер и Вильнев-д'Амон на дорогах, ведущих из Салена в Понтарлье.

Между тем, военное министерство решительно отказалось одобрить общее отступление армии, невзирая на то, что оно было вызвано крайней необходимостью.

Телеграмма от 25 января характеризует тот военный дилетантизм, который пытался руководить движениями армии из Бордо. В качестве своего «твердого убеждения» Фрейсине высказал мнение, что генерал Бурбаки, собрав свои корпуса и войдя, если нужно, в соглашение с Гарибальди, будет достаточно силен, чтобы пройти или через Доль, или через Мушар, или через Грэ, или через Понтелье (севернее Оксон). Выбор предоставлялся ему.

Еще оригинальнее дальнейшее предложение: если состояние армии действительно не допускает продолжительного марша, то она должна произвести посадку на железную дорогу в Шажей, что могло производиться, несомненно, на глазах следующего за ней неприятеля.

Подобные требования еще более могли поколебать уверенность храброго полководца. Сыпавшиеся со всех сторон дурные вести и состояние войск, которое Бурбаки только что наблюдал при прохождении 18-го корпуса, отняли у него последнюю надежду и привели его к попытке самоубийства¹⁴.

Вина за полный провал похода, проектированного Фрейсине, разумеется, должна была лечь на полководца, и декрет о его смещении уже находился в пути. Вместо Бурбаки командующим Восточной французской армией был назначен генерал Клиншан. Он принял эту должность при самых неблагоприятных условиях.

Несомненно, все французские начальники опасались, каким бы то ни было образом приводить свои утомленные, деморализованные войска в серьезное соприкосновение с противником. Все пути отступления находились под близкой угрозой, и только дорога в Понтарлье была еще свободна. Следовательно, новому командующему армией оставалось лишь выполнить то, что уже было начато его предшественником. Он немедленно распорядился продолжать марш и сам отправился в Понтарлье. На сильной позиции у этого города он надеялся дать войскам хотя бы короткий отдых.

Пока еще не произошло столкновений с большими силами немцев, артиллерийские парки прошли благополучно, и если бы удалось раньше неприятеля занять теснины Во, Ле-Планш и Сен-Лоран и

¹⁴ 27 января Бурбаки стрелялся из револьвера, но рана оказалась легкой.

удержать их, то для французской Восточной армии все-таки еще сохранялась возможность ускользнуть на юг.

Вечером 27 января ближе всех к неприятелю стояла дивизия Пуле у Левье, обе другие дивизии генерала Кремера, а также 15-й и 20-й корпуса были эшелонированы по дороге из Орнана до Сомбакура; только 18-й корпус находился на восточной дороге за Нод. 24-й корпус достиг, — правда, в самом печальном состоянии, — Монбенер и головными частями Понтарлье, две дивизии оставались еще у Безансона.

В тот же день генерал Франзецкий собрал главные силы 2-го германского корпуса близ Арбуа, одновременно усилив охраняющие части генерала Тросселя в Пон-д'Эри.

Из 7-го корпуса 14-я дивизия была смещена в Сен-Вит 14-м корпусом. Она придвинулась вправо от 13-й дивизии к оставленному уже неприятелем рубежу Лу.

На севере генерал Дебшиц занимал Бламон и Пон-де-Руад, тогда как генерал Шмелинг из Сен-Жуана наблюдал по направлению на Безансон, а генерал Гольц двигался на Арбуа для образования резерва.

Предполагая, что французы уже находятся на марше через Шампаньоль в Сен-Лоран и, желая преградить им отступление, генерал Франзецкий на 28 января двинулся со 2-м корпусом в южном направлении.

Генерал Троссель без боя прибыл в Шампаньоль и тотчас же выслал свою кавалерию по дороге на Понтарлье. Подполковник Турецкий с эскадроном 11-го драгунского полка достиг Нозеруа, нашел этот пункт занятым, захватил 56 провиантских повозок вместе с денежным ящиком и взял в плен прикрытые.

5-я и 6-я бригады продвинулись до Полиньи и Пон-дю-Навуа.

Из 7-го корпуса 13-я дивизия после смены ее в Кинжей баденскими войсками собралась у Ля-Шапель, 14-я дивизия выдвинулась в Дезервилер. Ее головные части не нашли неприятеля в Боландо, а лишь оставленные им тлеющие бивачные костры, так что главные силы французов и в этот день не были настигнуты.

Дело в том, что генерал Клиншан стянул свои корпуса ближе к Понтарлье. Однако вскоре выяснилось, что при продолжительном пребывании там для них нельзя будет достать продовольствия. Генерал Кремер еще ночью получил приказ — с тремя кавалерийскими

полками, стоявшими уже у дороги в Мутон, немедленно наступать на Ле-Планш и Сен-Лоран. При крайне форсированном марше по глубоко занесенным снегом горным дорогам ему удалось уже после полудня достигнуть указанных целей. На следующий день за ним последовали 24-й корпус и одна бригада дивизии Пуле, причем последняя также заняла двумя батальонами Бонво, при входе в теснину Во.

Вечером 28 января остальные части армии стояли: 18-й корпус — за ручьем Дрюжон близ Уто, перед самым Понтарлье; 1-я дивизия 15-го корпуса выдвинута через ручей к Сомбакур; 3-я дивизия — в городе. Слева 2-я и 3-я дивизии 20-го корпуса занимали селения от Шафуа до Фран, справа армейский резерв находился в Биан.

Генерал Мантейфель предписал на 29 января общее наступление на Понтарлье, где, наконец, должен был оказаться неприятель.

Из 2-го корпуса генерал Коблинский еще ночью выступил от Полиньи. Достигнув Шампаньоля и собрав все части 5-й бригады, он двинулся оттуда в 7 часов утра. Генерал Троссель с 7-й бригадой также не встретил до Санзо неприятеля.

Справа полковник Ведель с четырьмя батальонами 6-й бригады выступил из Пон-дю-Навуа к Ле-Планш. Он нашел только спешенных кавалеристов, вероятно, охранение, оставленное генералом Кремером, которое легко было отеснено егерями. После этого отряды пошли дальше по различным направлениям и повсюду наталкивались на оторвавшиеся небольшие части. Но у Фонсин-ле-Ба была встречена голова колонны 24-го корпуса, которому теперь полковник Ведель запер последний, оставшийся еще французам путь отступления.

С остальными частями 2-го корпуса генерал Гартман беспрепятственно двигался к Нозеруа.

В 7-м корпусе 14-я дивизия получила приказ о наступлении на Понтарлье с опозданием, вследствие чего она выступила из Дезервилера только в полдень и прибыла в Левье в 3 часа, куда одновременно подошли головные части 13-й дивизии из Вильнев-д'Амон, так как состояние дорог чрезвычайно затрудняло марш.

Авангард в составе трех батальонов, полэскадрона и одной батареи также и за этим пунктом наталкивался только на отсталых, и генерал Цастров приказал ему продвинуться до ручья Дрюжон. В лесу влево от дороги сомкнутые неприятельские части отходили на Сомбакур, и майор Бредерлов, с 1-м батальоном 77-го полка повернул про-

тив расположенной на фланге деревни. Наступавшая через Сет-Фонтэн 2-я рота капитана Фитингофа с криком «ура» вторглась в деревню и сначала была окружена неприятельскими массами, но вскоре поддержана другими ротами. Тут была совершенно рассеяна 1-я дивизия 15-го французского корпуса, причем стоявший совсем близко в Биан армейский резерв не подал ей помощи. 50 офицеров, в том числе 2 генерала, и 2 700 солдат попали в плен; 10 орудий, 7 митральез, 48 повозок, 319 лошадей и 3 500 ружей достались ганноверскому батальону, оставленному теперь для окарауливания в Сомбакур.

Тем временем остальная часть авангарда приблизилась к Шафуа, где дорога выходит из гор в широкую долину р. Дрюжон.

Как мы знаем, эта деревня была занята 2-й дивизией 20-го корпуса.

Полковник Козель тотчас же перешел в наступление. Три роты 53-го полка внезапно атаковали французскую заставу и овладели передними домами деревни, но масса всего 18-го французского корпуса остановила дальнейшее наступление. Постепенно пришлось ввести в дело все наличные войска и притянуть также подкрепления из главных сил 14-й дивизии. Полтора часа продолжался горячий бой, как вдруг французы прекратили огонь и сложили оружие. Они ссылались на заключенное уже перемирие.

Действительно, Жюль-Фавр в 11¹⁵ 28 января телеграфировал в Бордо о заключении перемирия на 21 день, не добавив, что с его собственного согласия три восточных департамента были из этого перемирия исключены. На основании такого неполного сообщения делегация в 12¹⁵ 29 января дала гражданским властям соответствующую инструкцию, но военных начальников, которых это, прежде всего, касалось, Фрейсине известил о том же только в 3³⁰ пополудни. При таких условиях генерал Клиншан, введенный в заблуждение, дал командовавшему в Шафуа дивизионному генералу Торнтону неверные в отношении Восточной армии сведения. Торнтон тотчас же послал в сражавшийся еще прусский авангард своего офицера генерального штаба, который, предъявив официальную корреспонденцию, потребовал прекращения огня.

Генерал Мантейфель в Арбуа в 5 часов получил по телеграфу из королевской главной квартиры полный текст договора о перемирии, согласно которому Южная армия должна была продолжать операции

до окончательного решения. Немедленно был отдан приказ по армии, объявлявший об этом всем войскам, но он дошел до 7-го корпуса только вечером.

Там ничего не знали о заключении перемирия, но так как подобное сообщение могло находиться в пути, то генерал Цастров разрешил предварительный перерыв враждебных действий, согласившись также на возврат пленных, хотя и без оружия.

Селение Шафуа, кроме нескольких дворов, оказалось в руках 14-й дивизии, которая в нем, насколько возможно, разместилась; 13-я дивизия расположилась на квартирах в деревнях от Сет-Фонтэн назад до Дезервилера.

Полагаясь на сообщение своего правительства, генерал Клиншан 30 января приостановил движение армии. Вновь назначенный командир 24-го корпуса генерал Команьи также отказался от предполагаемого прорыва у Фонсин с 10 тыс. человек против слабой бригады полковника Веделя. Остальные корпуса после неудачного хода боев накануне вечером скученно стояли у Понтарлье, но кавалерийские части были оставлены на дорогах в Безансон и Сен-Лоран, чтобы при установлении демаркационной линии сохранить связь, как с крепостью, так и с югом Франции.

Получив в 11 часов приказ по армии, генерал Цастров уведомил стоявшего против него неприятеля о возобновлении враждебных действий, но удовлетворился требованием полного очищения Шафуа, на что французы согласились. Впрочем, корпус остался на месте, подтянув свои части.

Во 2-м корпусе генерал Троссель еще рано утром выступил из Санзо, но появление французского парламента и опасение нарушить международное право и тут вызвали значительную остановку. Только вечером был очищен от неприятеля лес у Фран. Подполковник Турецкий с ничтожными силами проник в селение и взял у защитников его 12 офицеров, 1 500 солдат и два знамени. Во Фран прибыла еще 5-я бригада, остальные войска корпуса остались на своих прежних стоянках.

В Ле-Планш также появились парламентары, но полковник Ведель их попросту не принял. То же произошло и на передовых постах 14-го корпуса.

К северу от Понтарлье генерал Шмелинг продвинулся в Пьер-Фонтэн, а генерал Дебшиц — в Мэш.

Рано утром 31 января в штаб генерала Мантейфеля в Вильнев явился французский полковник Варейнь и предложил для устранения существующего разногласия объявить перемирие на 36 часов.

Эта претензия также была отклонена с указанием, что с германской стороны не существует никаких сомнений. Правда, согласились на посылку доклада в Версаль, но одновременно объявили, что движения Южной армии не будут прерваны в ожидании ответа.

В этот день 2-й корпус также продвинулся только на одну линию с 7-м корпусом до Домпьера, а его авангард — до р. Дрюжон, в Сен-Коломб и Ля-Ривьер. Оттуда еще вечером одна рота кольбергских гренадер проникла через крутые горные кряжи в Ля-Планш, где взяла 500 пленных. Правый боковой отряд из двух батальонов и одной батареи под командой подполковника Либе без боя прошел по длинной теснине от Бонво до Во, захватив в плен 2 офицеров и 688 солдат. Затем противник оставил также теснину Гранж-Сен-Мари, отступив в горы к Сент-Антуану.

Корпус нашел все дороги покрытыми предметами оружия и снаряжения и взял в общем 4 тыс. пленных.

В 7-м корпусе, после того как противник был еще раз предупрежден о возобновлении военных действий, 14-я дивизия распространилась влево на р. Дрюжон и до Ля-Врин, откуда в Сен-Горгон была установлена связь с 4-й резервной дивизией 14-го корпуса. 13-я дивизия подтянулась к Сет-Фонтэн.

Окружение Понтарлье было теперь закончено, и генерал Мантейфель назначил на 1 февраля общее наступление: 2-й корпус должен был наступать с юго-запада, 7-й корпус — с северо-запада, генерал Гольц — стать в резерве впереди Левье.

Между тем командующий французской армией сам усомнился в полной точности сообщения своего правительства. После потери всех горных теснин, ведущих на юг, нельзя было надеяться на уход в этом направлении. Генерал Клиншан уже отправил вещевой обоз и артиллерийские парки, больных и слабых назад, через Ля-Клюз, под защиту фортов Де-Жу и Нев. Затем, получив после полудня известие из Бордо о том, что Восточная армия действительно исключена из перемирия, командующий собрал своих генералов на военный совет.

Все заявили, что они не могут более ручаться за свои войска. В соответствии с этим генерал Клиншан вечером сам прибыл в Ле-Верьер, чтобы закончить начатые уже переговоры, согласно которым на следующий день, 1 февраля, французская Восточная армия должна была по трем дорогам перейти швейцарскую границу.

Для обеспечения этого отхода предписывалось: армейскому резерву удерживать Понтарлье до тех пор, пока все обозы пройдут через Ля-Клюз, а 18-му корпусу занять прикрывающую позицию между обоими фортами. Работы по усилению ее были немедленно начаты. Те части 15-го корпуса, которым не удалось пройти по дороге через Морэ вместе с кавалерией, должны были попытаться где-нибудь достигнуть швейцарской территории.

Авангард 2-го корпуса, наступавший 1 февраля от Сен-Коломб на Понтарлье, встретил лишь ничтожное сопротивление на вокзале. Кольбергские гренадеры заняли город без боя, захватив многочисленных пленных, но нашли дорогу за городом совершенно запруженной обозами армии. Лишь с трудом могли они продвигаться вперед по бокам дороги, идя по глубокому снегу. Непосредственно перед Ля-Клюз дорога поворачивает между скалистыми стенами в обширную котловину р. Дуб, находящуюся под сильнейшим обстрелом из крепкого замка Де-Жур, расположенного на отдельной конусообразной скале. При выходе в котловину передовые роты были встречены частым огнем. Выдвинутые с величайшим трудом четыре орудия не могли бороться с крепостными орудиями форта, и французы перешли тут сами в наступление.

Тем временем кольбергские фузилеры вскарабкались на высоты слева, за ними последовал 2-й батальон их полка и один батальон 49-го полка, которые вытеснили противника из отдельных дворов на изрезанном ущельями плоскогорье. Немцы поднялись также и по крутому скату гор справа несколько стрелковых взводов 49-го полка пролезли по откосу вниз до Ля-Клюз, а кольбергские гренадеры подошли к подошве форта Нев.

Разумеется, не могло быть и речи о штурме крепких замков, да и вообще при таком характере местности едва ли можно серьезно подступиться к отступающему противнику. У него было взято 23 офицера, 1 600 солдат и 400 груженых повозок; сами немцы потеряли 19

офицеров и 365 солдат, преимущественно из Кольбергского полка. В течение ночи войска оставались на захваченных в бою местах.

Так как у Ля-Клюз значительные войсковые части не могли найти применения, то генерал Франзецкий приказал главным силам корпуса идти далее и югу в Сен-Мари. Во избежание перехода через стену гор Юры генерал Гартман сначала повернул к Понтарлье, чтобы оттуда воспользоваться лучшей дорогой, но был задержан, так как у Ля-Клюз неожиданно разыгрался горячий бой. Подошедшие в полдень к р. Дуб 7-й корпус и 4-я резервная дивизия также не могли настичь неприятеля.

Целый день тянулись французские колонны через швейцарскую границу. Армейский резерв в Понтарлье с самого начала был увлечен потоком обозов и обозных и только у Ля-Клюз присоединился к 18-му корпусу. Затем ночью оба они последовали за общим отступлением. В граничащий с юга департамент Эн ускользнули только кавалерия и 1-я дивизия 24-го корпуса, последняя в числе всего нескольких сот человек. На швейцарскую территорию перешло 80 тыс. французов.

Генерал Мантейфель перенес свою главную квартиру в Понтарлье. Только там ночью он получил через Берлин сообщение о договоре, заключенном между генералом Клиншан и швейцарским полковником Герцогом.

В своем трехнедельном походе с непрерывными боями генерал Мантейфель достиг важного успеха, но после сражения на р. Лизен действия разыгрывались без боев, главным образом посредством маршей. Правда, при всевозможных трудностях и лишениях в это время года и в такой местности только отличные войска под смелым и искусным управлением могли совершать подобные марши.

Итак, теперь две французские армии находились в плену в Германии, третья армия была заперта в собственной столице и четвертая армия разоружена на иностранной территории.

Поход генерала Ган-Вейгерна к Дижону

Остается еще бросить взгляд назад — на поход к Дижону, что было возложено 26 января на генерала Ган-Вейгерна.

В тот же день в Дижоне Гарибальди получил предложение предпринять энергичное наступление на Доль и Мушар.

Для поддержки его правительство, неутомимое в новых формированиях, предполагало двинуть из Лиона в Лон-ле-Сольнье 15 тыс. мобилей под начальством генерала Круза́; кроме того, из Шательро сформировавшийся там 26-й корпус должен был выделить отряд в Бон. Так как стало несомненным, что генерал Мантейфель с большими силами бросился на сообщения Восточной армии, то уже 27 января командующий вогезской армией получил точный приказ — оставить в Дижоне только от 8 до 10 тыс. человек, а с главной массой своих войск немедленно наступать через Доль и дальше.

Однако, этот генерал, все еще беспокоившийся за Дижон, занял важнейшие пункты у склона Кот-д'Ор и послал небольшую часть к Сен-Жан-де-Лон за Бургундский канал. О 700 добровольцах, наступавших на Доль, там никогда ничего не слышали.

Большую деятельность развил Лангр, откуда много раз и зачастую удачно производились неожиданные нападения на небольшие охраняющие части и этапные войска.

Генералу Ган-Вейгерну пришлось оставить свое намерение атаковать Дижон с юга, потому что мост через Саону у Сен-Жан-де-Лон был разрушен. Вследствие этого 29 января он перешел реку у Апремона и 31 января собрал свои отряды близ Арк-сюр-Тиль. И здесь также начальник штаба вогезской армии генерал Бордон тщетно ссылался на заключенное перемирие. Авангард генерала Кетлера 31 января наступал на Варуа. Для перерыва сообщений противника с Оксоном левый боковой отряд занял мост на р. Уш у Фовернэ. После первых гранат французы отступили на свою укрепленную позицию Сент-Аполинэр-Миранд.

Когда попытка приостановить военные действия не удалась, генерал Бордон решил в следующую же ночь очистить Дижон и отступить на действительно нейтральную территорию. При таких условиях головные части германского авангарда нашли 1 февраля позицию перед городом оставленной, и генерал Кетлер беспрепятственно вступил в город как раз в тот момент, когда со станции отходил последний

поезд с французскими войсками. Затем 2 февраля были заняты Сомбернон и Нюи.

Занятие департаментов Дуб, Юра и Кот-д'Ор

Генералу Мантейфелю оставалось еще занять гарнизонами и прикрыть извне три завоеванных им департамента.

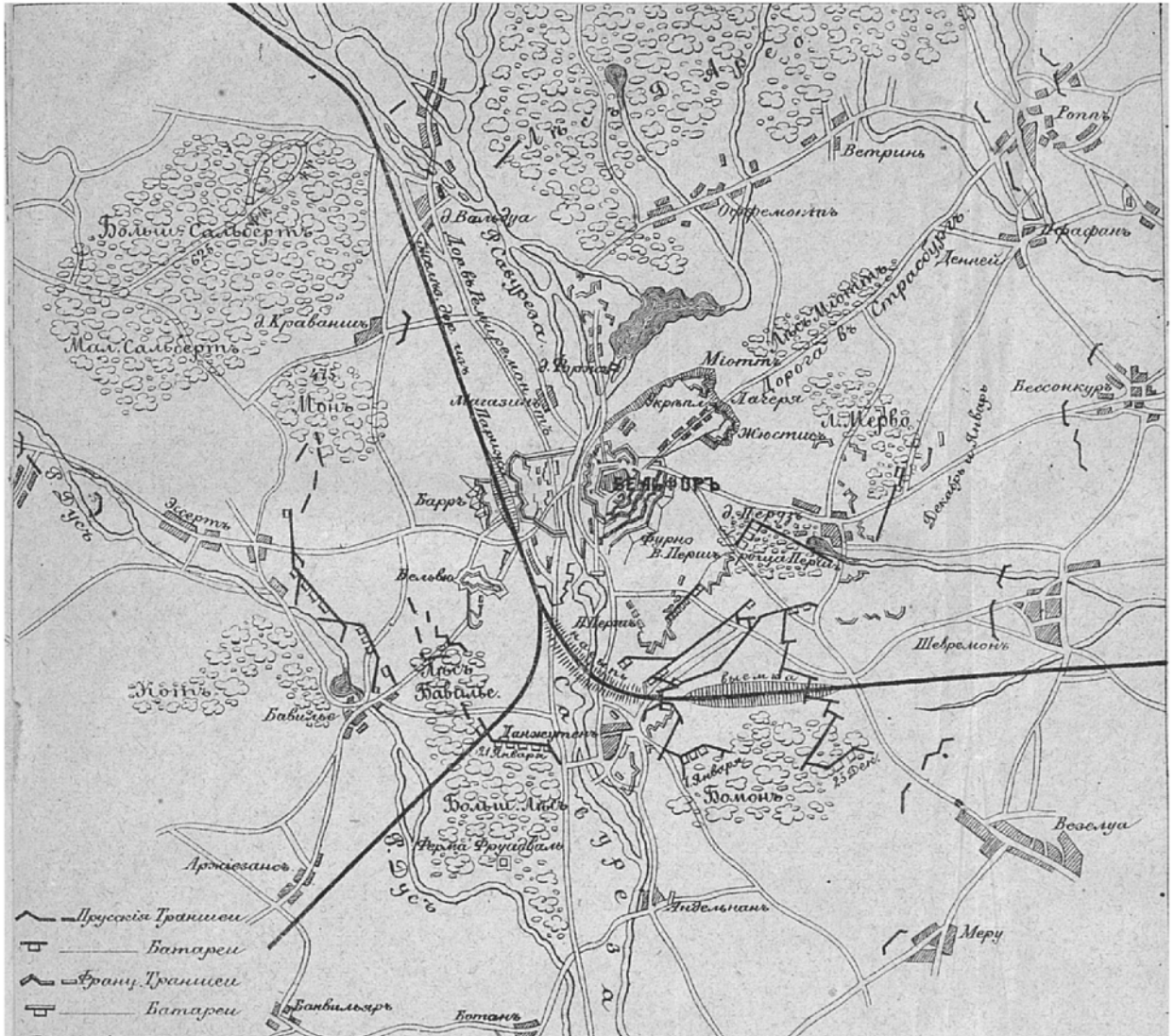
В этом районе в открытом поле стоял у Лон-ле-Сольнье генерал Пелисье с прибывшими из Лиона 15 тыс. мобилизованных, к которым присоединились батальоны, высланные генералом Ролан из Безансона, в общем, немалые силы, но по свойствам своим едва ли годные для боя. Командующему было предоставлено, во избежание дальнейшего кровопролития, отступить, что и произошло, как только отряды 2-го германского корпуса двинулись к Лон-ле-Сольнье и Сен-Лоран. Другие отряды заняли Мут и Ле-Алеман, где еще стояли 28 французских полевых орудий. На всякий случай восемь батальонов стерегли швейцарскую границу. Под наблюдением оставались замок Сален, небольшая крепость Оксон и Безансон с восточной стороны.

Хотя перемирие распространялось и на департамент верхней Марны, комендант Лангра отказался признать договор своего правительства. Ввиду этого немцам приходилось названную крепость блокировать и, пожалуй, даже осадить. Сначала против нее был снова выдвинут генерал Гольц; затем от Лонгви подходил генерал Кренский с семью батальонами, двумя эскадронами, двумя батареями и осадным парком, после того как шестидневным бомбардированием он заставил Лонгви 25 января капитулировать.

Однако под Лангром военных действий в дальнейшем не произошло. Генерал Мантейфель не искал больше тактических решений, он желал лишь избавить свои войска от новых потерь и дать им возможный отдых после необычайных трудов. Только теперь подошли обозы даже высших штабов, оставленные позади при вступлении в Юру. Для лучшего размещения войска были расположены на широких квартирах, но в полной военной готовности:

2-й корпус — в департаменте Юра, 7-й — в Кот-д'Ор, 14-й — в Дуб. Но осаду Бельфора следовало продолжать со всей энергией.

Продолжение осады Бельфора

Тотчас же после сражения на р. Лизен осадный корпус под Бельфором был доведен до 27 батальонов, 6 эскадронов, 6 полевых батарей, 24 рот крепостной артиллерии и 6 крепостных саперных рот. В нем числилось:

пехоты 17 602 человек
 артиллерии..... 4 699 человек
 сапер..... 1 166 человек
 Итого — 23 467 человек

Кроме того, 707 лошадей и 34 полевых орудия.

С севера и запада крепость была обложена лишь немногими батальонами, главные же силы осадного корпуса были сосредоточены на юге и на востоке.

Батареи, расположенные к востоку, открыли 20 января сильный огонь по д. Перуз. Ожидая атаки, полковник Данфер занял эту дерев-

ню, приспособленную для упорной обороны, четырьмя батальонами самых надежных войск.

Действительно, в полночь два батальона 67-го германского полка без выстрела двинулись от Шевремона на лес Ле-о-Тальи. Только внутри последнего произошел упорный бой, причем обороняющийся был отброшен к Перуз. Несмотря на сильный огонь с фортов, саперы немедленно укрепили опушку леса, обращенную к Перуз.

Спустя полчаса два ландверных батальона двинулись от Бесонкур к рощам севернее деревни. Они были встречены частым огнем, но прошли через засеки, рвы и проволочные заграждения, отбросив французов к каменоломням.

Начался огневой бой на месте, но вскоре 67-й полк снова перешел в наступление и, преодолев земляные укрепления, ворвался в Перуз. Восточная половина обширной деревни к 2³⁰ пополудни перешла в руки немцев, и угрожаемые оттуда защитники каменоломни отошли назад. В 5 часов вечера полковник Данфер оставил также и западную часть селения, которое теперь было полностью занято немцами.

Потеря с германской стороны составляла 8 офицеров и 178 солдат, французы потеряли одними пленными 5 офицеров и 93 солдата.

Уже на следующий день, 21 января, было приступлено к заложению первой параллели от Данжутена до Ле-о-Тальи на протяжении 1 800 м.

Пять батальонов и две саперные роты выполнили эту работу без противодействия со стороны неприятеля, но скалистый грунт помешал придать параллели уставную ширину.

Генерал Тресков полагал, что уже теперь можно произвести штурм обоих фортов Перш. Обороняющийся находил укрытие в этих двух фортах в виде полуредутов, которые имели рвы глубиной в 3 м, отвесно вырытые в скалистом грунте, и были снабжены казематированными траверсами и безопасными от бомб блокгаузами в горже. Вооружение каждого из этих фортов состояло из семи 12-см пушек: между собой они были связаны траншеями, за которыми стояли резервы. С правого фланга позиция обеспечивалась одним батальоном с вылазочной батареей, занимавшим Ле-Фурно; с левого фланга подступавший тут лес был срублен на протяжении 600 м, и проволочная сеть между пнями образовала почти непреодолимую преграду. Отло-

гий скат перед фронтом позиции находился под перекрестным огнем обоих фортов.

После того как построика параллели настолько подвинулась, что в ней можно было расположить значительные части, немцы 27 января произвели штурм. На рассвете две колонны, каждая из одного батальона, одной саперной роты и двух орудий, двинулись вперед. С фронта против Нижнего Перша наступали две роты Шнейдемюльского ландверного батальона, которые залегли в 60–100 м от укреплений. Один стрелковый взвод и несколько сапер достигли рва и немедленно туда прыгнули. Остальные две роты, обойдя форт слева, вышли против его тылового фаса, причем и тут некоторые бойцы спустились в горжевой ров. Но теперь французы, вытесненные из окопов, успели собраться, подошел и батальон из Ле-Фурно. Все форты крепости направили свои орудия против свободного открытого поля перед параллелью, вследствие чего к немцам не могли подойти подкрепления. Сильно превосходящие силы окружили 7-ю роту ландверного батальона и, несмотря на храброе сопротивление, взяли большую часть ее в плен. Из рвов большинство немцев успело еще уйти.

Наступление правой колонны против Верхнего Перша также окончилось неудачей. Ей приходилось перейти открытое поле в 1 тыс. м ширины. Была сделана попытка охватить форт, но проникнуть через засеки и другие препятствия под уничтожающим огнем обороняющегося не удалось.

Неудачный штурм стоил немцам 10 офицеров и 427 солдат; пришлось возвратиться к медленному способу инженерной атаки.

После 27 января во время дальнейшего приближения к фортам оказалось возможным каждую ночь продвигать летучую сапу на 300 м вперед, без противодействия неприятеля. Несмотря на все трудности, происходившие от свойств грунта, 1 февраля была заложена вторая параллель на половине расстояния до фортов Перш.

Так как форт Де-ля-Жюстис особенно мешал работам, то пришлось выстроить против него две новые батареи к востоку от Перуз. Четыре мортирные батареи на флангах параллели обстреливали с ближней дистанции форты Перш. Кроме того, были устроены три батареи в лесу Перш для обстрела замка и одна батарея на опушке леса у Бавилье для обстрела укрепленной ограды города. С этого времени ежедневно выпускалось по крепости и ее веркам 1 500 снарядов.

Однако дальнейшее продвижение атаки становилось все труднее. Вследствие ухода генерала Дебшица рабочие силы осадного корпуса значительно уменьшились. Тяжелую службу в траншеях несли, лишь девять батальонов. Особенно чувствительны были большие потери сапер; пришлось притянуть две свежие роты из Страсбурга. Яркий лунный свет, дававший возможность далеко обозревать снежные поля, препятствовал дальнейшему продвижению летучей сапой. Пришлось пользоваться перекидной сапой, защищая головы сап земляными мешками, а с боков прикрываясь турами, причем землю для наполнения их зачастую надо было брать далеко в тылу.

Кроме того, 3 февраля наступила оттепель, и стекавшая с высот вода наполнила траншеи, так что сообщение должно было происходить по открытому полю. Ливни повреждали оконченные уже работы; в первой параллели бруствер местами осел и банкет исчез. По размокшим дорогам доставка орудий на батареи была сопряжена с невероятными затруднениями, а для подвоза боевых припасов пришлось назначить запряжки разных парков и полевой артиллерии. Многие орудия стали негодными вследствие выгорания, тогда как неприятель умел мешать работам посредством внезапного ввода в дело орудий, которые затем быстро уходили. По ночам нужно было не только продолжать обстрел фортов Перш из осадных батарей, но и поддерживать против них частый ружейный огонь. Батареям, вновь устроенным в параллелях, только по временам удавалось подавлять огонь форта Верхний Перш. Для прикрытия со стороны форта Бельвю и укреплений вокзала потребовалась постройка траверсов, необходимо было снова действовать против форта Де-Бар. Понятно, что от таких усилий и вследствие неблагоприятной погоды весьма страдало санитарное состояние войск; зачастую батальоны могли выводить для службы только по 300 человек.

Между тем, артиллерия атакующего все-таки приобрела бесспорный перевес над артиллерией обороны, и, несмотря на все препятствия, сапы были подведены к краю рва обоих фортов Перш.

В 1 час пополудни 8 февраля капитан Резе велел сбросить туры в ров форта Верхний Перш, спрыгнул туда с 5 саперами и поднялся на бруствер по ступенькам, быстро вырубленным в эскарпе. За ним тотчас же последовал траншейный караул, но только в казематах траверсов было захвачено несколько французов.

Дело в том, что положение гарнизона фортов в последнее время сделалось крайне трудным. Доставка боевых припасов, а также воды из пруда Вернье могла производиться только под неприятельским огнем; воду нужно было кипятить внутри укреплений. Ввиду этого полковник Данфер еще раньше отдал приказ о спасении материальной части. Те орудия, лафеты которых еще допускали перевозку, были увезены и в каждом форте оставлено лишь по одной роте, которой приказано в случае атаки уходить отстреливаясь. В разрушенном укреплении действительно были найдены только разбитые лафеты и четыре поврежденных орудия. Немцы немедленно приступили к приспособлению форта для обороны против крепости, но в 3 часа последняя открыла такой сильный огонь, что рабочие вынуждены были искать укрытия во рвах.

Некоторое сопротивление оказал гарнизон форта Нижний Перш, но вскоре и он отступил к Ле-Фурно на свои резервы, оставив пять орудий и поврежденное бомбардировкой военное имущество. Работы по перестройке форта сначала также пришлось прервать вследствие огня крепости, но все-таки удалось провезти туда четыре 15-см мортиры и поставить на горном выступе к западу от форта две 9-см пушки, которые стали обстреливать Ле-Фурно и Бельвю. В ночь на 10 февраля оба форта Перш были соединены траншеей длиной в 624 м, и таким образом создана третья параллель.

Теперь можно было направить атаку непосредственно на замок, против которого открыли огонь батареи из леса Перш, а потом также батареи второй параллели. Одновременно обстреливались форты Жюстис, Миот и Бельвю.

Возвращение генерала Дебшица снова довело осадный корпус до полного состава, а наступивший мороз улучшил все условия. В третьей параллели 13 февраля стояли в готовности к действию 97 орудий.

Город сильно пострадал от продолжительной бомбардировки. Почти все здания были повреждены, 15 сгорели совершенно, в прилегающих селениях 164 дома разрушены огнем самого обороняющегося. Крепостные верки носили неменьшие следы разрушения, особенно замок. Одежда его лицевой стены, сделанная из тесаного камня, обрушилась в ров, половина бронированных амбразур была засыпана, расходные пороховые погреба взлетели на воздух, и часть казематиро-

ванных траверсов была пробита. До орудий верхних ярусов можно было добраться лишь по приставным лестницам. Гарнизон, состоявший первоначально из 372 офицеров и 17 322 солдат, потерял 32 офицеров и 4 713 солдат, убыль гражданского населения составила 336 человек. Крепость была уже неспособна к продолжительной обороне, а к тому же пришло известие, что армия, от которой только и можно было ожидать освобождения, положила оружие.

При таких условиях генерал Тресков предложил коменданту после столь мужественной обороны сдать крепость на условии свободного выхода гарнизона, что было одобрено королем. Само французское правительство уполномочило коменданта на принятие этого предложения. Однако полковник Данфер настаивал на том, чтобы ему было дано прямое приказание. За получением его был командирован офицер в Базель, пока же военные действия были приостановлены.

В Версале 15 февраля был подписан договор, распространявший перемирие 28 января на три до сих пор исключенных департамента, а также на крепость Бельфор, которую, согласно статье 1-й договора, французы обязаны были сдать.

После окончательных переговоров бельфорский гарнизон с оружием и обозом в течение 17 и 18 февраля вышел из района крепости, направившись через Иль-сюр-Дуб и Сент-Иполит на территорию, занятую французами.

Выступление произошло эшелонами в 1 тыс. человек; каждый на дистанции в 5 км; при последнем эшелоне находился полковник Данфер. Продовольствие из запасов крепости перевозилось вслед за войсками на 150 прусских провиантских повозках.

В 3 часа пополудни 18 февраля генерал Тресков во главе частей всех войск осадного корпуса вступил в крепость.

Там было найдено 341 орудие, в том числе 56 пришедших в негодность, 356 лафетов, из которых 119 подбитых, 22 тыс. ружей и револьверов, кроме того значительные запасы снарядов, патронов и продовольствия.

Осада обошлась немцам в 88 офицеров и 2 049 солдат, в том числе 245 человек освобожденных по капитуляции из плена.

Безотлагательно было приступлено к восстановлению и вооружению крепости, а также к срытию и засыпке осадных работ.

Перемирие

На основании договора 28 января была установлена демаркационная линия, от которой обе стороны должны были отодвинуть свои сторожевые посты на расстояние в 10 км. Эта линия проходила от устья Сены на юг до р. Сарты, пересекала у города Сомюр Луару, следовала по р. Крез, поворачивала к востоку на Вьерзон, Кламеси и Шаньи и, обходя Шалон-сюр-Саон с севера, примыкала к швейцарской границе южнее Лон-ле-Сольнье и Сен-Лоран. Два департамента, Падде-Кале и Северный, а также мыс перед Гавром, были выделены особо.

На территории, занятой немцами, тем крепостям, которые находились еще в руках французов, придавались соответственно их величине нейтральные районы. При выполнении договора он во многих местах подвергся некоторому расширению. Соглашение было заключено в Париже находившимися там членами правительства национальной обороны, тогда как делегация в Бордо, до тех пор управлявшая военными действиями, сначала осталась в стороне, не имея еще подробных сведений об условиях. Вследствие этого, хотя Гамбетта и велел прекратить операции, но не мог дать военным начальникам более точного указания.

Так генерал Федерб не получил инструкции относительно очищения Дьепа и Абевиля. Впрочем, генерал Гебен отказался от немедленного занятия этих пунктов. К западу от Сены понадобилось объявление герцога Мекленбургского о том, что нарушение демаркационной линии будет иметь последствием немедленное возобновление военных действий.

Комендант Лангра также причинял затруднения и только 7 февраля отвел войска гарнизона в крепостной район; еще позже сделал это генерал Ролан в Безансоне. Крепость Оксон сначала не хотела освободить железную дорогу.

Бич, который не стоило серьезно атаковать, отверг конвенцию; немцам пришлось даже усилить обложение этой крепости, и только в марте под угрозой действительной атаки гарнизон оставил свою конусообразную скалу.

Партизаны также не сразу подчинились, и в различных местах еще происходили столкновения с ними. Однако, в конце концов, после урегулирования отношений серьезного раздора между местными

жителями и германскими войсками в продолжение всего перемирия более не происходило.

Под Парижем все корпуса заняли форты, расположенные перед их фронтом, 5-й корпус — особенно Валерьен, а 4-й корпус — также Сен-Дени. Между фортами и главной крепостной оградой была оставлена нейтральная зона, через которую гражданские лица могли переходить лишь по указанным в договоре дорогам под контролем германских пропускных постов.

Опасаясь возбудить неудовольствие населения, французское правительство так долго колебалось с произнесением слова «капитуляция», что теперь даже при свободных сообщениях Париж оказался под угрозой настоящего голода. Поэтому в распоряжение тамошних властей были предоставлены из германских магазинов те запасы, без которых немцы могли обойтись. Штабы армий, генерал-губернаторства и этапные инспекции получили указание не препятствовать в своих районах восстановлению железных и обыкновенных дорог, и даже железнодорожные линии, служившие собственной армии, были предоставлены для совместной эксплуатации под германским руководством.

Несмотря на это, только 3 февраля в Париж прибыл первый продовольственный поезд, и только в середине этого месяца французам удалось устранить господствовавшую в их столице нужду.

Пленные немцы вскоре были возвращены. Выдача оружия и военного материала, а также уплата наложенной на город контрибуции в 200 млн. франков происходили медленнее.

Между тем, подлежало еще сомнению — присоединится ли бордосская партия «войны до крайности» к распоряжениям парижского правительства и, наконец, примет ли созываемое национальное собрание условия мира, поставленные победителем. Ввиду этого как с французской, так и с германской стороны были приняты необходимые меры для возобновления войны в случае надобности.

Распределение французских армий к концу перемирия мало этому благоприятствовало.

По совету генерала Федерба, Северная армия была совершенно расформирована как слишком слабая для борьбы с противостоящими неприятельскими силами. После перевозки 22-го корпуса морем в Шербург из него, а также из 27-го корпуса и частей 19-го корпуса была

образована Бретанская армия под начальством генерала де Коломба, которая, включая добровольческие отряды Липовского, Кателино и др., достигла численности 150 тыс. человек. В укреплениях перед Гавром остался генерал Луазель с 30 тыс. плохо вооруженных, недостаточно обученных мобилей.

Генерал Шанзи, отступив на Майен, начал уже передвигать вторую луарскую армию влево с целью нового предприятия из Кан, которое, впрочем, не осуществилось. Корпуса 17-й, 21-й, 16-й и 26-й численностью около 160 тыс. человек стояли между нижней Луарой и р. Шер, от Анжера до Шатору; 25-й корпус генерала Пурсе находился у Бурже и корпус генерала де Пуант — у Невера. Вогезская армия отошла к югу от Шалона-на-Саоне, а остатки Восточной армии под командой генерала Кремера собирались у Шамбери в качестве 24-го корпуса.

Всего в полевых войсках состояло 534 452 человек. Добровольческие отряды, кроме самых надежных, были распущены, а национальная гвардия пока признана «неспособной к выполнению какой-либо службы на войне». В войсковых депо, в учебных лагерях и в Алжире находилось 354 тыс. человек; в качестве же рекрут 1871 г. было назначено, но еще не призвано на службу 132 тыс.

При продолжении войны французы предполагали ограничиться обороной на юго-востоке Франции; но по отчету следственной комиссии, поданному в Национальное собрание 8 февраля, для этого имелось в распоряжении вряд ли более 252 тыс. боеспособных войск. При этом флот передал для сухопутной войны столь значительную часть своих матросов и орудий, что стал неспособным для крупных предприятий на море.

С германской стороны было, прежде всего, обращено внимание на пополнение войск до штатов военного времени и на восстановление материальной части.

Фасы парижских фортов, обращенные к городской ограде, тотчас же были вооружены. В фортах и между ними стояло 680 орудий, в том числе 145 взятых у французов, чего было более чем достаточно для удержания в руках беспокойного населения. Часть войск, до тех пор занятых блокадой, теперь освободилась, и уже ради лучшего расквартирования этих войск надо было отодвинуть их от Парижа. Кроме того, представлялось целесообразным усилить 2-ю армию, имев-

шую против себя главные неприятельские силы. Вследствие этого 4-й корпус двинулся к Ножан-ле-Ротру, 5-й корпус — к Орлеану, а смененный в последнем 9-й корпус — к Вандому, так что теперь квартиры 2-й армии простирались от Алансона до Тура и вверх по Луаре до Жиена и Оксера.

На севере стояла 1-я армия, имея 8-й корпус на Сомме и 1-й корпус на обоих берегах нижней Сены; на юге Южная армия — у демаркационной линии от Бома до Швейцарии и позади этой линии.

В полевой германской армии, стоявшей на территории Франции, в конце февраля числилось: пехоты — 464 221 человек и 1674 орудия, кавалерии — 55 562 коня; в войсках, составлявших гарнизоны, было: пехоты — 105 272 человек и 68 орудий, кавалерии — 5 681 конь, всего 630 736 человек и 1 742 орудия.

В запасных войсках в Германии находилось: 3 288 офицеров, 204 684 солдата, 26 603 коня.

Все распоряжения были отданы так, чтобы при возобновлении военных действий оказать повсюду самое сильное сопротивление. Перемирие приближалось к концу, и уже началось более тесное сосредоточение войск для перехода в наступление на юг, когда имперский канцлер сообщил о продлении перемирия до 24 февраля; затем оно было продолжено еще до полуночи 26 февраля.

Дело в том, что между парижским правительством и делегацией в Бордо возникли значительные разногласия по вопросу о выборах в Национальное собрание.

Гамбетта, вопреки условиям перемирия, отдал распоряжение, чтобы все лица, которые после 2 декабря 1851 г. находились в каком-либо отношении к императорскому правительству, были лишены пассивного избирательного права¹⁵. Только тогда, когда парижское правительство, послав в Бордо нескольких своих членов, приобрело там большинство голосов и диктатор 6 февраля вышел в отставку, выборы пошли быстро и беспрепятственно.

Уже 12 февраля депутаты собрались в Бордо. Тьер был избран главой исполнительной власти и 19 февраля вместе с Жюль-Фавром отправился в Париж, решившись всеми способами положить конец безнадежной войне.

¹⁵ То есть не могли быть избранными в Национальное собрание.

Мирные переговоры начались и после пятидневного оживленного обсуждения, когда немцы, в конце концов, согласились возвратить Бельфор, вечером 26 февраля были подписаны предварительные условия мира.

Франция отказалась в пользу Германской империи от части Лотарингии и от Эльзаса, за исключением Бельфора, и обязалась уплатить контрибуцию в 5 млрд. франков.

Эвакуация территории, занятой германскими армиями, должна была начаться непосредственно после ратификации договора и продолжаться по мере взноса платежей по контрибуции. Находясь на французской территории, немецкие войска получали все продовольствие за счет Франции, но зато прекращали всякие самостоятельные реквизиции.

С началом эвакуации французские войска должны были отойти за Луару, кроме 40 тыс. человек в Париже и необходимых гарнизонов в крепостях.

После ратификации этих предварительных условий предполагалось продолжать переговоры в Брюсселе и приступить к возврату пленных французов.

Затем перемирие было продлено до 12 марта с предоставлением обоим воюющим государствам права, начиная с 3 марта, отказаться от него, предупредив об этом за 3 дня.

Наконец, германской армии предоставлялось удовлетворение — вступить в Париж и оставаться там до ратификации договора в районе от Пуан-дю-Жур до улицы предместья Сент-Онорэ. 1 марта, вслед за парадом на Лоншанском поле, произведенным королем, указанный район города был занят 30 тыс. человек, а именно: 11 тыс. — от 6-го корпуса, 11 тыс. — от 2-го баварского корпуса и 8 тыс. — от 11-го корпуса. Следующие эшелоны такой же численности должны были сменяться 3 и 5 марта, но Тьеру удалось, проведя сначала декретом низложение Наполеоновской династии, побудить Национальное собрание в Бордо к принятию договора уже 1 марта. Обмен ратификаций произошел после полудня 2 марта, а 3 марта первый эшелон германских войск выступил на свои квартиры.

Возвращение германских армий

Согласно статье III перемирия, кроме Парижа, в кратчайший срок следовало очистить всю область между Сеной и Луарой, и притом от войск обеих сторон; напротив, правый берег Сены нужно было очистить только по заключении окончательного мирного договора. Однако, и тогда шесть восточных департаментов оставались в германской оккупации, но не более как 50 тыс. человек.

Точные директивы главной квартиры регулировали отход армий, учитывая при этом хорошее размещение войск и восстановление первоначального боевого расписания, а также в неменьшей степени и возможность быстрого сосредоточения в случае надобности.

Войска, назначенные для постоянного занятия завоеванных областей, выступили туда немедленно.

Резервные и ландверные войска были отпущены на родину, равным образом и баденская дивизия, которая пока оставалась там мобилизованной. Генерал-губернаторства в Лотарингии, Реймсе и Версале были упразднены и их обязанности переданы корпусным командирам. При этом для поддержания порядка в тылу 6-й и 12-й корпуса и вюртембергская полевая дивизия подчинялись непосредственно главной квартире.

31 марта армии полностью заняли указанное им вновь пространство, ограниченное на западе течением Сены от ее истока до устья.

1-я армия стояла в департаментах нижней Сены и Соммы; 2-я армия — против Парижа, в департаментах Уазы и Сены — Марны; 3-я армия — в департаментах Об и верхней Марны; Южная армия — в занятых под конец округах.

Левобережные форты Парижа были переданы французским властям, осадный парк и трофейный военный материал — увезены.

Удовлетворяя желание французского правительства — возможно скорее перевести Национальное собрание в Версаль, главная квартира короля выступила в Ферьер раньше условленного срока. Король вернулся 15 марта из Нанси в Берлин.

Все оставшиеся под Парижем войска были подчинены кронпринцу Саксонскому, а генерал Мантейфель назначен главнокомандующим оккупационной армии.

В это время появилась Парижская коммуна.

Оставленные в Париже 40 тыс. человек оказались не в силах сдерживать революционное движение, которое проявлялось различным образом еще во время осады, а теперь разгорелось в открытую гражданскую войну. Большие толпы народа, побратавшиеся с национальной гвардией и мобилиями, захватили орудия и оказали правительству вооруженное сопротивление.

Столица Франции была во власти Коммуны.

При таких условиях штабы германских армий принимали соответствующие меры против революционного движения, хотя бы в своем районе, противодействуя дальнейшему притоку в Париж людей извне. Начатые работы по разоружению были прерваны, войска 3-й армии ближе подтянуты к фортам и сторожевые посты опять выставлены вдоль демаркационной линии, к которой в течение 2 дней могло быть сосредоточено 200 тыс. человек.

Вместе с тем парижским властям было объявлено, что всякая попытка вооружить обращенные к немцам форты немедленно вызовет обстрел города.

Коммунары подготавливали вылазку на Версаль.

Находившиеся там правители государства, связанные постановлениями договора о перемирии, были почти беззащитны перед такой вылазкой, но с германской стороны охотно согласились на подкрепление их до 80 тыс. человек французскими войсками, притянутыми из Безансона, Оксера и Камбре; было также оказано всякое содействие для перевозки этих войск по занятой немцами территории.

Напротив, выдача пленных французов происходила лишь в ограниченном числе. Это были по большей части хорошо обученные солдаты, которые могли оказаться враждебными, и потому сначала были освобождены лишь 20 тыс. человек полевых войск.

Маршал Мак-Магон с правительственными войсками 4 апреля начал действия против Парижа и 21-го проник в город. Так как там произошел 8-дневный бой на баррикадах и большие толпы беглецов угрожали прорвать германские линии, то опять было отдано распоряжение о более тесном сосредоточении 3-й армии. Сторожевые посты придвинулись к самым воротам и заперли выход из них, пока в конце месяца Париж снова не перешел в руки правительства.

Тем временем начатые в Брюсселе и продолжавшиеся во Франкфурте-на-Майне переговоры быстро подвигались вперед, и уже

10 мая был подписан окончательный мир на основе предварительных условий. Обоюдная ратификация последовала в течение установленного 10-дневного срока.

Война, веденная обеими сторонами с огромным напряжением сил, при ее безостановочно быстром ходе, была окончена в короткий семимесячный срок.

Как раз в первые 4 недели произошло восемь сражений, от которых рухнула императорская власть во Франции. Однако появились новые массовые формирования и пришлось дать еще двенадцать новых сражений, чтобы обеспечить осаду неприятельской столицы.

Было взято двадцать крепостей, и нельзя назвать ни одного дня, когда не произошло бы больших или меньших боев.

Немцам война стоила больших жертв; они потеряли 6247 офицеров, 123 453 солдата, одно знамя, шесть орудий.

Общие потери французов не поддаются учету, но одних пленных находилось: в Германии — 11860 офицеров, 371981 солдат; в Париже — 7 456 офицеров, 241 686 солдат; обезоружено в Швейцарии — 2192 офицера, 88381 солдат; всего 21508 офицеров, 702 047 солдат.

Взято в бою: 107 знамен и орлов, 1 915 полевых орудий, 5 526 крепостных орудий.

